

П. ЛОПАТИН

МОСКВА

ДЕТИЗДАТ ЦК ВЛКСМ
1939

П. ЛОПАТИН

МОСКВА

Центральный Комитет
Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи
ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1939 *Ленинград*

Научная консультация

Профессор К. В. БАЗИЛЕВИЧ, Е. А. ЗВЯГИНЦЕВ, П. Н. МИЛЛЕР

Подбор и опись иллюстраций

П. Н. МИЛЛЕР

ДЛЯ СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

Ответств. редактор *К. Андреев.* Худож. ред. *И. Иванов.* Заставки и концовки *С. Ковалько.* Переплет, форзац и титул *Н. Шишловского.* Технич. редакторы *М. Кутузова* и *Н. Семеновская.* Корректоры *О. Ковалевская* и *Е. Вильтер.*

Сдано в производство 21/III [illegible] г. Подписано к печати 16/VII [illegible] г. Детиздат № [illegible]. Индекс Д-3. Формат бумаги [illegible]. [illegible] печатн. л. + 5 вклеек. [illegible] уч.-изд. л. [illegible] бум. л. [illegible] зн. в бум. л. Уполномоченный Главлита А-[illegible]. Тираж 25 000.
Заказ № [illegible].

Фабрика детской книги Изд-ва детской литературы ЦК ВЛКСМ.
Москва, Сущевская ул., 49.

МОСКВА СОБИРАЕТ РУССКУЮ ЗЕМЛЮ

На высоком берегу Москва-реки среди густого бора восемь столетий назад, весной 1147 года, весело пировали два русских князя со своими дружинами.

Один из них, князь Святослав Новгород-Северский, только что ходил войной в Смоленскую землю.

Второй, суздальский князь Юрий Владимирович Долгорукий, разорил город Торжок и земли по реке Мсте.

Захватив богатую добычу, Юрий послал сказать своему союзнику и другу Святославу:

«Приди ко мне, брате, в Москов».

Князья встретились у широкой, полноводной реки. Здесь, на лесистых холмах, стоял княжеский двор — сельская усадьба, где останавливался суздальский князь, отправляясь в Киевскую землю.

При встрече сын Святослава одарил хозяина шкурой барса. Юрий дал «обед силен» Святославовой дружине.

Шумно отпраздновав победы, князья обменялись подарками и разъехались по своим владениям...

Так древняя русская летопись впервые упоминает о Москве.

Сохранилось древнее предание, будто на берегах Москва-реки и Неглинной, среди болот, лесов и непролазной глухомани, в те далекие времена жил славный боярин Степан Иванович Кучка. Дом боярина, говорит это предание, стоял около нынешних Чистых прудов, на краю Кучкова поля, что лежало в районе теперешней улицы Дзержинского. И будто владел боярин Кучка окрестными селами — Воробьевым, Высоцким, Кудриным, Сущевым.

Прогневил ли чем-то боярин Степан Иванович суздальского князя, или позарился князь на боярские земли, хоромы, деревни — кто знает? — но летописец спокойно и невозмутимо записал: казнив боярина Кучка, «князь Юрий взыде на гору и обозре очима своими, семо и овамо, по обе стороны Москвы-реки и за Неглинною, возлюби села оные и повеле вскоре сделати град мал, древян».

Так в 1156 году была основана Москва: вокруг небольшой сельской княжеской усадьбы дружина построила деревянную крепостную стену.

Москва-усадьба превратилась в Москву-крепость...

Встарину существовало легендарное сказание, будто Москву основал Мосох, сын Иафета и внук Ноя. У Мосоха была жена Ква. От имен Мосох и Ква якобы и произошло слово Москва.

Некоторые ученые считали, что на месте Москвы была некогда древняя сарматская стоянка и от сармат осталось сарматское слово «Москы» — крученая, извилистая река.

Полагают также, будто город Москва получил свое название от Москва-реки, а слово «Москва» на языке местных жителей, населявших некогда берега реки, значило — «темная вода».

Это было беспокойное время на русской земле.

На Руси не было единого крепкого государства. Была раздробленность, междоусобица, взаимная вражда. Дружины княжеств Суздальского, Рязанского, Господина Великого Новгорода и других сражались по всей Руси — на севере и на юге, на западе и на востоке. Князья и бояре не желали признавать над собой чьей-либо власти и огнем и мечом добывали себе города и села.

Зарево пожаров стояло над Русью. И когда дружина князя Юрия возводила крепостную стену вокруг маленького поселка на берегу Москва-реки, не думал суздальский князь, что его незаметная пограничная крепость когда-нибудь соберет вокруг себя всю русскую землю, превратится в большой и славный город и под московскими знаменами русский народ разгромит своих жестоких, коварных врагов и создаст великое, могучее государство.

«Кто думал-гадал, что Москве царством быти, и кто же знал, что Москве государством слыти?» — так начинается одно из древних народных сказаний о Москве...

Первые девяносто лет скромно и незаметно живет Москва, теряясь в ряду других городов Владимиро-Суздальского княжества. Собственные князья появляются в Москве только на короткое время. К тому же, это мелкие князья — младшие сыновья своих отцов; по тогдашним порядкам, им доставался самый незначительный, самый никчемный удел.

Пока Москва — маленький пограничный город-крепость своего княжества: не больше тогдашнего Юрьева-Польского, не обширнее Переяславля...

Враг подкрался к Москве неожиданно и грозно.

С востока, из далеких монгольских степей, как страшная грозовая туча, двинулась на Русь татаро-монгольская рать хана Батыя. Она разгромила царство болгар на Волге, разорила мордовские деревни, испепелила Рязань и в феврале 1238 года появилась под стенами Москвы.

Московская деревянная крепость не смогла сдержать татарских полчищ. Ураганом пронесся Батый над Москвой. И летописец записал:

«Люди убиша от старца до сущего младенца, а град и церкви огневи предаша и, много имения вземше, отидоша».

На месте Москвы остались лишь груды пепла, на снегу чернели головни, и стаи ворон кружились над трупами изрубленных москвичей.

А Батый шел дальше. В 1240 году он взял Киев, двинулся было на Западную Европу, но повернул обратно и в низовьях Волги основал свое государство — могущественную Золотую Орду.

На крутом берегу Москва-реки, у впадения в нее реки Неглинки, в 1156 году вырос деревянный Кремль. Дремучие леса окружали новорожденную Москву. Кое-где среди лесов стояли деревушки. Рядом с ними маленькими островками раскинулись выкорчеванные и возделанные поля. Направо видна река Яуза. Между Неглинкой и Яузой — Кучково поле.

Хан Золотой Орды стал властелином Руси. Он обложил русскую землю данью. И никому не было пощады от татарских сборщиков этой дани:

> У кого денег нет, у того дитя возьмет;
> У кого дитяти нет, у того жену возьмет;
> У кого жены нет, того головой возьмет.

Над Русью нависло страшное, жестокое, безжалостное татаро-монгольское иго.

Казалось, не возродиться Московской земле после Батыева нашествия. Но на пепелище приходят переселенцы. Они запахивают заросшие травой поля, вырубают окрестные леса, выкорчевывают пни, строят новые дома. И вскоре опять возникает на пожарище деревянная Москва — вырастают крепостные стены, церкви, монастыри, окрестные деревушки.

В 1263 году умирает великий князь Александр Невский, разгромивший немецких псов-рыцарей на льду Чудского озера. Его младшему сыну, Даниилу, достается во владение Московский удел. Москва становится стольным (главным, столичным) городом особого, самостоятельного Московского княжества.

Молодое княжество мало и немощно. На севере Руси, пожалуй, это одно из самых незначительных княжеств: в нем всего лишь два города — Москва и Звенигород. Но нет на Руси другого княжества, которое было бы так выгодно расположено среди русских княжеств, как Московское.

Страшно жить на окраинах Руси: каждый час можно ждать набегов, пожара, смерти. На западе Руси крепнет ее противник — Литва. На юго-востоке, в привольных степях, широко раскинулась жестокая, своевольная Золотая Орда. И с востока, юга и запада по-

сле литовских и татарских набегов тянутся переселенцы в глубь страны.

Но далеко на северо-восток забираться опасно: неприютен суровый край, да и не подвластен он русским князьям. И переселенцы охотнее всего оседают в центре Руси, на берегах Москва-реки: леса, болота и соседние русские княжества, кольцом окружившие Москву, охраняют ее от вражьих нашествий.

Тянутся к Москве и торговые люди: через Москву проходят дорога Владимирская — дорога с киевского и черниговского юга на север, в Переяславль-Залесский и Ростов-Ярославский, — и дорога на запад, к берегам Днепра.

По многоводной, широкой Москва-реке на крепко скроенных судах плывут новгородские купцы. Их путь лежит по Волге, Мсте, Тверце, Ламе, Шоше, Истре. У волока на Ламе, близ теперешнего города Волоколамска, новгородцы построили просторные амбары для своих товаров. Отсюда купцы Великого Новгорода плывут на своих судах вниз по Москва-реке. За крутым поворотом реки входят в Яузу. У деревни Большие Мытищи — снова волок, на реку Клязьму. Дальше — Ока, Рязань, Волга, необъятная татарская империя, Каспий, Кавказ, Персия.

Новгородцы везут на восток кожи, топоры, сукна, меха, мечи, копья, шлемы, кольчуги. На обратном пути купцы берут в Рязанской земле хлеб, мед и воск. Из Пскова и Новгорода мед и воск пойдут потом в Западную Европу.

Не миновать купцам Московского княжества. Не миновать им и стольного города Москвы. Весной и летом здесь останавливаются торговые суда. У крепостной стены зарождается торг. С каждым годом растет казна московского князя, берущего пошлины с купцов. И все чаще слышится стук топора в московских лесах: это новые партии переселенцев пришли сюда с окраин Руси возделывать московскую землю.

Москва богатеет, крепнет, мужает и медленно начинает расширять свои владения, собирать русские земли под свою высокую руку.

Уже первый московский князь Даниил присоединяет к Москве Переяславль и Коломну. Его сын Юрий завоевывает Можайск. Теперь вся Москва-река, от истока до устья, — московская река. Но рядом с Москвой — могущественная Тверь: тверской князь Михаил в начале XIV века получил от татарского хана ярлык на великое княжение владимирское, и теперь даже владыка Золотой Орды, князь Узбек, боится усиления великого князя Владимирского.

Начинается борьба Москвы с Тверью. В этой борьбе хан Узбек — на стороне Москвы: он посылает на помощь московскому князю Юрию свои татарские войска.

Однако победа остается за Тверью. В плен к победителю попадает жена Юрия, сестра хана Узбека, и умирает в плену.

Воспользовавшись смертью жены, князь Юрий обвиняет тверского князя Михаила в отравлении ханской сестры и добивается казни Михаила.

Но все-таки ярлык на великое княжение владимирское попрежнему остается у могущественной Твери...

В 1325 году на московский княжеский стол садится брат Юрия, Иван Данилович.

Нового князя народ недаром зовет «Калитой», что значит «мешок с деньгами»: это крепкий, рачительный, умный и хитрый хозяин, знающий, где можно добыть денег и как с толком их истратить.

Московский Кремль при Иване Калите окружен деревянными стенами. Все кремлевские постройки — дворец, дома и службы — выстроены из дерева. Только две церкви белокаменные. Одна из них — Успенский собор — в лесах.

Калита понимает: Московское княжество со всех сторон окружено врагами — Золотая Орда, Литва, чужие, враждебные Москве уделы русских князей. В любой момент враги могут сжечь деревянные стены, сравнять с землей молодой город. А Московское княжество пока еще слишком слабо, чтобы с честью выйти из этой неравной борьбы.

Самый страшный враг — Золотая Орда. Значит, надо прежде всего уберечь Москву от татарских нашествий, а затем прибрать к рукам соседние непокорные княжества, расширить московские владения, собрать Русь под властью Москвы. А там — кто знает? — быть может, окрепнувшей и сильной Москве удастся бросить вызов Золотой Орде и освободить русские земли от ненавистного татаро-монгольского ига.

Значит, прежде всего — татары. И Калита девять раз ездит на поклон к хану. Угодничеством и деньгами князь задабривает татар. В Орде знают: приедет московский князь Иван Данилович, и будет много дорогих подарков у великого хана — царя, у его жен и всех именитых мурз Золотой Орды.

Калита — уже свой человек в Орде. И когда старый враг Москвы, тверской князь, не стерпев татарских насилий, поднимается на татар, Иван Данилович Калита получает приказание от хана жестоко наказать непокорную Тверь.

Наконец-то сбываются мечты князя Ивана: в 1328 году Москва получает от хана великокняжеский стол. Теперь московский князь — великий князь, старший князь на русской земле...

Русь и Москва отдыхают от татарских нашествий, и летописец удовлетворенно пишет:

«Бысть тишина великая по всей Русской земле на сорок лет, и перестали татарове воевати землю Русскую».

Калита, первый из русских князей, ведет суровую, планомерную борьбу с разбойниками, грабящими на дорогах купеческие караваны. И в Москву, спокойную, хозяйственную, безопасную, стекаются бояре и купцы из соседних княжеств: лучше быть под началом молодого московского князя, спокойнее торговать у московских крепостных стен, чем быть боярином и купцом хотя бы в древней Твери и ежеминутно ждать страшных гостей из Золотой Орды.

Вместе с боярами и купцами к Ивану Калите переходит и митрополит Петр — глава православной русской церкви. Митрополиту нужно сильное государство, чтобы охранять права церкви на захваченные ею земли и крестьян.

Теперь вся Русь тянется к Москве — к своей новой церковной столице. В Москву текут громадные богатства, принадлежащие русской церкви, и московский митрополит становится могущественным союзником московского князя.

В довершение всего Иван Калита получает от хана поручение собирать татарскую дань со всей земли русской. Немалая толика собранной дани оседает в московских княжеских подвалах. Теперь московский князь — уже самый богатый князь на Руси.

Калита энергично собирает русскую землю под свою верховную власть. Одни города он завоевывает мечом, другие покупает, третьи сами отдают себя под власть Москвы, страшась татарского разгрома.

Под началом московского князя уже девяносто семь сел и городов. И даже великий город Владимир, первый город Суздальской земли, становится владением Москвы.

Москва при Калите богатеет и ширится. Князь возводит новые крепостные стены из дубовых бревен. Псковские мастера строят каменные соборы — Успенский, Архангельский, Спаса-на-бору. При преемниках Калиты греческие живописцы расписывают Успенский собор фресками. За крепостной стеной на берегу реки шумит торг. Летописцы упоминают «Загородье» — слободы, окружающие крепость, «Заречье» — зародыш будущего Замоскворечья, и восхищенно повествуют:

«Бяше град Москва видети велик и чуден град, и много множество людей в нем кипяше богатством и славою...»

В 1365 году стояла великая засуха на Руси. Ручьи пересохли. Земля стала твердой, как камень. Нечем было дышать. А с юго-востока то и дело проносились над Москвой страшные ураганные ветры.

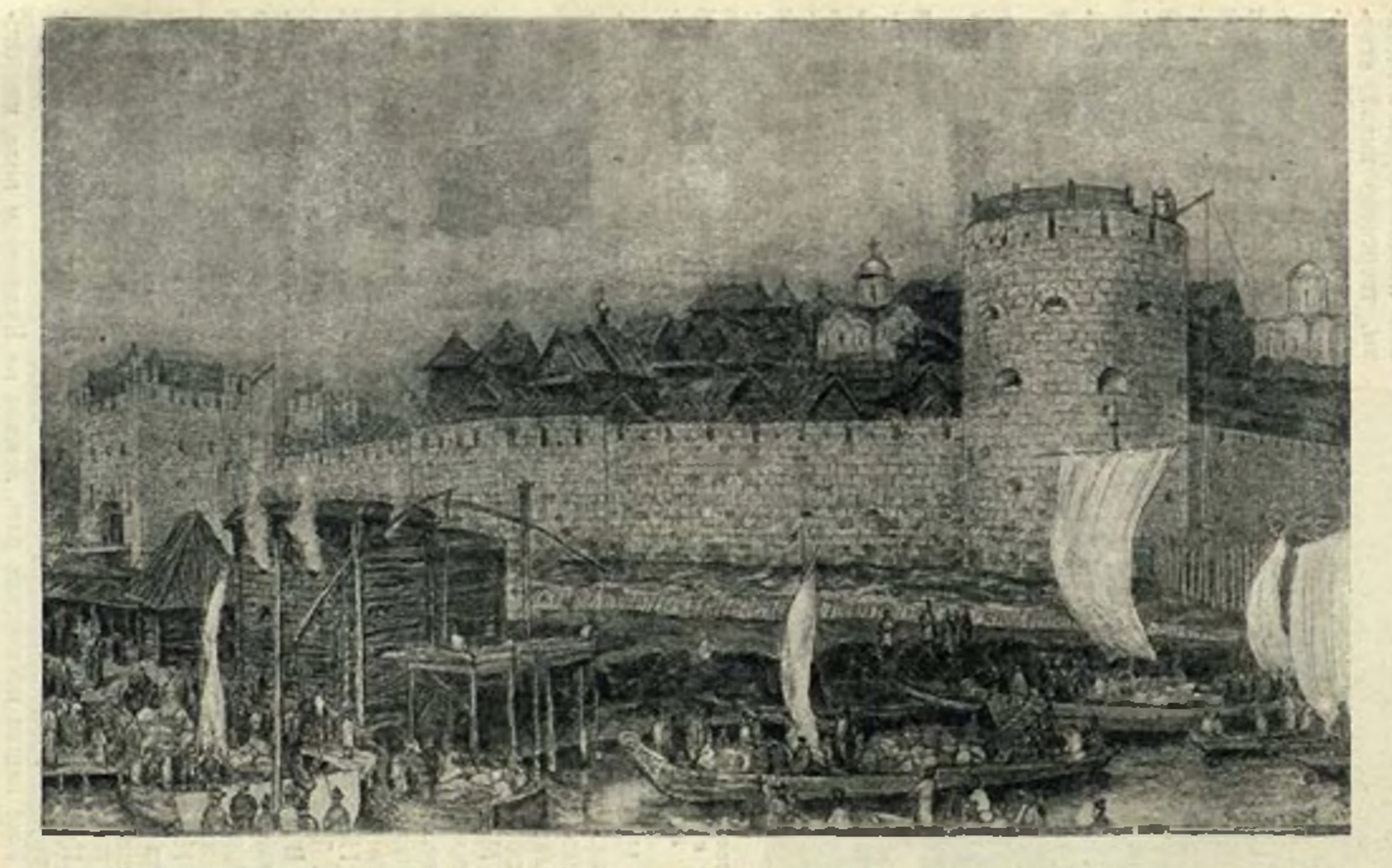
В один из душных, засушливых дней занялся пожар в московской церкви Всех святых. Ветер подхватил пламя и бросил его на деревянные строения. Сухое дерево вспыхнуло, как порох. Ураган ревел над несчастным городом, бросал горящие головни на крыши соседних домов и гнал пламя все дальше и дальше...

Через два часа не стало Москвы. «Пожар погубил все, и охватил всех огонь, и пламенем испепелил... и весь город погорел без остатка», записал летописец.

Но народ московский снова возводит на пожарище дома и строения.

Огонь разрушил новые дубовые стены Москвы, возведенные Калитой, и князь Дмитрий Иванович, внук Ивана Калиты, решает укрепить московскую крепость каменной стеной.

Всю зиму свозят в Москву белый камень из подмосковных каменоломен. Весной начинают возводить каменные стены Кремля — первые каменные крепостные укрепления в Суздальской Руси...

Постройка первых белокаменных стен московского Кремля при князе Дмитрии Донском. Среди деревянных строений Кремля стоят первые каменные церкви. К берегу подошли лодки с товарами. Слева, на берегу реки, стоит баня.

Куликовская битва (рисунок XVII века). Русские войска под начальством князя Дмитрия Ивановича идут в атаку на татар.

В 1368 году литовский князь Ольгерд по наущению исконного врага Москвы, тверского князя, вторгается в пределы Московской Руси.

Два раза на протяжении двух лет штурмуют литовцы новые кремлевские укрепления. Два раза выжигает Ольгерд посады и загородье Москвы, но Кремля взять не может.

Каменный Кремль блестяще выдерживает первое тяжелое испытание.

Князь Димитрий Иванович восстанавливает силу и богатство Москвы.

Перед могущественным московским князем склоняется Нижний Новгород, смоленский город Медынь, Стародуб на Клязьме и Галич с Дмитровом. Русские князья один за другим признают над собой верховную власть Москвы, а тех, кто упорствует, Дмитрий заставляет подчиниться силой.

Москва сильна и могуча. Грозные каменные башни и стены Кремля кажутся неприступными. В Москве уже научились владеть огнестрельным оружием и завели «зелейное» (пороховое) производство. А главное — Москва не одинока: теперь на призыв Москвы откликнутся Коломна, Переяславль, Кострома, Владимир...

Москва решается на великое дело: освободить родную землю от позорного татаро-монгольского ига и пойти в поход на татар. Тем более, что начало уже положено: в августе 1378 года в Рязанской земле, на берегах реки Вожи, московские войска разгромили татарского мурзу Бегича.

На зов Москвы в Коломне собираются сто пятьдесят тысяч бойцов. Такой огромной рати никогда прежде не видала Русь!

В августе 1380 года во главе русских полков князь Дмитрий выступает на Дон, где в привольных степях его верховий кочует войско татарского хана Мамая, поджидая литовского князя Ягайло, своего союзника и старого врага Руси.

На рассвете 8 сентября 1380 года густой туман стоял над Доном, когда русские полки перешли реку и с высоких холмов спустились на широкое Куликово поле.

В полдень появились татары. Началась сеча.

Кровь лилась рекой, ратники гибли под конскими копытами, и горы трупов громоздились на зеленом поле.

Уже пешая московская рать лежала на Куликовом поле, как скошенная трава, уже был прорван левый фланг русских, и татарская конница гнала его к донской переправе...

Неожиданно из соседнего леса страшным ураганом обрушивается на татар засадный полк московского князя. Татары смяты и в панике бегут на восток. Русская конница преследует их до берегов Красивой Мечи...

Литовский князь Ягайло в момент боя стоит на расстоянии одного перехода от Куликова поля: литовцы не успели соединиться со своим союзником. Узнав о поражении Мамая, Ягайло поворачивает назад и поспешно уходит в Литву, избегая встречи с победителями татар.

Весть о Мамаевом побоище быстро разносится по Руси и степям Золотой Орды.

После Куликовской битвы татары накрепко запоминают жестокий урок. Русские перестают верить в непобедимость страшного восточного врага. Теперь Русь бесспорно признает Москву центром народного объединения: под московскими знаменами русский народ еще не раз будет биться и побеждать своих внешних врагов. И слава о Москве, показавшей, что Русь окрепла для открытой борьбы за независимость, широко разносится по всей русской земле...

Великий князь Дмитрий, прозванный Донским после Куликовской победы, торжественно возвращается в стольный город. Но над Москвой уже нависла новая страшная напасть...

Татарский хан Тохтамыш, восстав против разгромленного Мамая и добив его на реке Калке, с огромной ратью двигается на Москву.

Но теперь Тохтамыш идет на Русь не так, как хаживали когда-то татары разорять покоренную ими русскую землю. Тохтамыш крадется, стараясь, чтобы раньше времени не прослышала Москва о новой беде: Мамаево побоище не прошло даром, и татары ждут успеха лишь от внезапности нападения.

Дмитрий Донской после победы над татаро-монгольскими полчищами хана Мамая на Куликовом поле.

Куликовская битва обезлюдила Московскую Русь, и князь Дмитрий, узнав о нашествии Тохтамыша, уезжает в Переяславль и Кострому — собирать русскую рать. Вслед за ним испуганные бояре намереваются бежать из города.

Казалось, Москва беззащитна. Но в Москве вспыхивает восстание. Восставший народ — кожевники, плотники, боярские холопы, мелкие торговцы — ставит стражу у кремлевских ворот, выпускает из Москвы лишь великую княгиню и митрополита Киприана и решает до последнего защищать свой родной город.

Еще до прихода татар москвичи сами выжигают свои дома, стоящие за крепостной стеной: враг найдет только груды пепла перед кремлевскими укреплениями. В Кремль перевозят книги и бережно складывают их в кремлевских церквах...

Три дня штурмует Тохтамыш московскую крепость. Три дня тучи татарских стрел поражают осажденных. Уже татары приставили лестницы и лезут на стены. Но москвичи льют на них кипяток, бросают камни, стреляют из самострелов, и впервые со стен московского Кремля гремят выстрелы русских пушек.

Все штурмы отбиты. Московский Кремль неприступен.

Тогда Тохтамыш пускается на хитрость.

К осажденным выходят парламентеры — два нижегородских князя, захваченных татарами.

— Хан гневается не на вас, а на князя Дмитрия, — говорят татарские посланцы. — Поднесите ему дары, покажите ему Кремль, и он обещает вам мир и любовь.

На кресте и евангелии клянутся князья в правдивости своих уверений. И москвичи доверчиво открывают крепостные ворота...

Князья солгали. Татары врываются в Кремль. И летописец записывает:

«И было и в граде и вне града злое истребление, покуда у татар руки и плечи измокли, силы изнемогли и острия сабель притупились. И был дотоле град Москва велик, чуден, многонароден и всякого узорочья исполнен, и в единый час изменился в прах, дым и пепел, и не было человека, ходящего по пожарищу».

Татары сожгли деревянный город дотла. Только каменные стены московского Кремля остались стоять грозной, нерушимой громадой...

Москва снова под пятой врага. Но лишь только в Москву приходит весть, что князь Дмитрий собрал в Костроме новую рать, Тохтамыш спешно уходит на восток, в свои широкие среднеазиатские степи, оставляя за собой груды пепла. Хан знает: он овладел городом предательством и хитростью, но в открытом бою ему не победить Москвы, собирающей вокруг себя русские земли в единое и могучее государство.

И снова отстраивается разоренная Москва. Попрежнему плывут по Москва-реке торговые суда. Попрежнему останавливаются купцы у московской крепостной стены. Шумят дремучие леса вокруг Москвы, защищая ее от нападения врагов. И в Москву стекаются холопы и крестьяне окрестных сел и городов. Они становятся ремесленниками и оседают отдельными слободами вокруг кремлевских стен.

В Москве уже начинают появляться свои литейщики, чеканщики, ювелиры. Далеко за пределами Москвы известны московские мастера, искусно украшающие иконы золотом, драгоценными каменьями, жемчугом. И московский литейный мастер специально выезжает в Псков, чтобы научить псковичей отливать свинцовые доски.

Теперь Москва уже так велика, что одно кольцо кремлевских укреплений не может защитить ее от вражеских нашествий: на восток от Кремлевской стены, где с давних пор идет шумная торговля иноземными и русскими товарами, широко раскинулся богатый торговый посад — избы купцов, амбары, лавки.

Князь Василий I, сын Дмитрия Донского, велит окружить посад вторым кольцом московских укреплений — рвом глубиною в рост человека. Ров начинают копать от Кучкова поля к Москва-реке. Однако работа не доводится до конца...

Как высыпанные из решета, стоят московские дома у кремлевских стен, вдоль речных берегов и иногородних дорог. Москва — деревянный город, и огонь то и дело буйно гуляет по кривым московским улочкам. Чуть ли не каждый год летописцы привычно отмечают опустошительные московские пожары, часто определяя их силу лишь числом сгоревших церквей.

Даже Красная площадь у кремлевских стен в те времена носит красноречивое и страшное имя — «Пожар»...

В 1462 году на московский великокняжеский стол садится Иван III.

Великое Московское княжество все еще незначительно, и вражеским полкам достаточно немногих переходов, чтобы дойти до Москвы.

Примерно в ста верстах к северу от московского Кремля начинается Тверское княжество — самое враждебное Москве из русских княжеств. В ста верстах к югу, по берегам Оки, уже идут сторожевые линии, охрана от самого беспокойного врага — татар. Наконец, в полутораста верстах, на западе, лежит Литва — самый опасный сейчас из врагов Москвы.

К тому же, Москва попрежнему все еще платит дань татарскому хану...

На долю Москвы при Иване III выпадает почетная задача: окончательно собрать русскую землю и свергнуть татаро-монгольское иго.

Ярославские князья бьют челом Ивану III о принятии их на московскую службу. Несмотря на коварные происки Литвы, Москва подчиняет себе Великий Новгород — город, ведущий широкую торговлю с Западной Европой, и центр обширной, подвластной ему территории. Без боя присягает Ивану осажденная им Тверь. Окончательно покорена Вятка. Приведена под высокую руку Москвы далекая Пермская земля. Смирилась Рязань.

Теперь Москва — столица громадного русского государства, от Пермской земли до Великого Новгорода.

Остаются татары. Но окрепшей Москве уже не страшна распавшаяся к тому времени Золотая Орда. И Иван III объявляет татарскому хану, что отныне Москва не признает над собой ханской власти и отказывается платить дань.

Умерла та курица, что несла татарам золотые яйца!

Хан идет войной на Ивана III. На реке Угре несколько месяцев стоят друг против друга татарское и русское войско.

Наступают первые заморозки. Татары страдают от холода и недостатка продовольствия. И хан отступает без боя.

Так в 1480 году Москва свергает наконец ненавистное татаро-монгольское иго, почти два с половиной столетия тяготевшее над Русью...

В 1472 году московский князь Иван III с невиданной доселе пышностью встречает в Москве свою невесту — царевну Софью Фоминичну Палеолог, племянницу последнего византийского императора, представительницу угасшей династии повелителей Византии.

Теперь Иван III считает себя единственным православным и независимым государем на земле, каким недавно был византийский император. Теперь московскому князю, верховному блюстителю Руси, зазорно называться в правительственных актах просто по-русски — Иван. Князь берет себе торжественный титул:

«Иоанн, божьей милостью государь всея Руси».

К титулу прибавляется длинный ряд географических названий, определяющих новые пределы Московского государства:

«Государь всея Руси и великий князь Владимирский, и Московский, и Новгородский, и Псковский, и Тверской, и Пермский, и Югорский, и Болгарский».

Как преемник византийских императоров Иван III требует именовать себя в сношениях с иностранцами «царем всея Руси» и присваивает Московскому государству древний герб Византии — двуглавого орла.

Не только ради одной торжественности именует себя Иван III «государем всея Руси» — этим титулом московский государь хочет подчеркнуть, что под властью Москвы должны объединиться все русские, украинские и белорусские земли, под чьим бы иностранным игом они ни находились. В первую очередь не может быть прочного мира с Литвой до тех пор, пока не вернет Литва захваченных ею русских земель. И московский государь ведет кровопролитные войны

Иван III разрывает ханскую басму. Разъяренные татарские послы пытаются броситься на царя, но их крепко держат русские воины.

с Литвой, Польшей и их союзниками — прибалтийскими немцами-рыцарями. Войны кончаются перемирием на шесть лет. За Москвой остаются отвоеванные ею у панов украинские и белорусские земли.

При Иване III резко меняется внешняя политика Московского государства: Москва устанавливает сложные дипломатические отношения с Литвой, Польшей, Швецией, Турцией, с орденами Тевтонским и Ливонским, с императором германским.

Московские купцы выходят на широкий мировой рынок.

Каждый год из столицы по Москва-реке, Оке и Волге отправляются московские суда в татарскую столицу Астрахань за рыбой и солью. Московские купцы ездят в Германию и Польшу и везут туда беличьи, бобровые и горностаевые меха, мед и воск, овчины и шубы. Ежегодно московские купцы бывают в Крыму, в Царьграде и привозят оттуда шелк, ожерелья, жемчуг, грецкие орехи, имбирь, шафран, миндаль, краски. И русский купец Афанасий Никитин проникает в Индию раньше, чем открывает ее Васко-да-Гама.

Новый государь всея Руси заводит при московском дворе чопорный и строгий церемониал по византийскому образцу. Ивану нехватает только пышного дворца, величественных сооружений, грозных и могучих крепостных стен, чтобы защитить Москву от неприятеля, показать свое богатство и могущество и без стыда принимать у себя в новом Кремле послов и купцов иностранных государей.

По совету жены, Иван III посылает бояр в Европу за иноземными «муролями» — архитекторами.

Посол московского государя Степан Толбузин находит в Венеции отличного зодчего, болонца Ридольфо Фиораванти. Итальянец умеет выпрямлять реки и башни, лить пушки и колокола, передвигать церкви, подымать тяжести с морского дна. За десять рублей в месяц Толбузин приговаривает Фиораванти приехать в Москву.

Иван III предлагает итальянскому мастеру построить новый Успенский собор в Кремле: старый собор, возведенный еще при Иване Калите, осел и дал трещины. Муроль просит разрешения предварительно ознакомиться с архитектурой русских городов.

Фиораванти осматривает Владимир, Новгород, Ростов, Ярославль. Итальянский зодчий восхищен величием Владимирского собора и берет его за образец для постройки кремлевского храма.

За Андроньевым монастырем итальянец строит первый в Москве кирпичный завод. В длинных деревянных сараях днем и ночью работают холопы...

В 1478 году постройка величественного сооружения в Кремле закончена. Архитектурные линии нового Успенского собора чрезвычайно просты: гладкие стены, спокойные вырезы окон, гладкие шейки куполов. Только пояс из колонок разнообразит белое поле стены да роспись вокруг порталов образует цветное панно.

Иван III велит Ридольфо Фиораванти составить план новой крепости, которая должна встать на месте старого Кремля. Но проект Ридольфо не нравится Ивану, и московский государь выписывает новых мастеров — Пьетро Антонио Солярио, Алевиза, пушечных дел мастера Займотане, серебреника Христофороса. Приезжает Жан Батисто де-ля-Вольпе — дипломат, строитель и шпион, прозванный в Москве Петром Фрязиным («фрязин» — итальянец).

Фиораванти отстранен от строительства Кремля. Итальянскому мастеру поручено поставить в Москве Пушечный двор.

На высоком, левом берегу Неглинной, между рекой и Кучковым полем, Фиораванти строит мастерские, склады, литейные печи. Ри-

дольфо учит русских мастеров лить колокола и пушки, приготовлять порох, выделывать огнестрельные фальконеты.

Строительство Кремля доверено Солярио, Петру Фрязину и Алевизу.

Со всей страны сгоняют в Москву тысячи мужиков. Митрополит встречает их с крестом и иконами, призывает работать над новой крепостью, «не жалея живота».

Зимой холопы живут в шалашах, умирают от голода, «огневицы», гнилой пищи. «Бысть в людех тоска превелика», грустно замечает летописец.

Мужики молчат. Только страшные пожары в Занеглименье, на Варварке, у Кремлевской стены говорят о ненависти бедного люда к боярской Москве.

В 1485 году Антон Фрязин закладывает выходящие на реку Тайницкие ворота. Через три года Марк Фрязин выводит угловую Беклемишевскую башню. Через год сооружена Свиблова башня. В 1491 году Пьетро Антонио Солярио закладывает еще две стрельницы, Фроловскую и Никольскую, — теперешние Спасские и Никольские ворота. На Спасской башне выбита латинская и русская надпись:

«Делал Петр Антоний из града Медиолана».

Сохранилась легенда, что в 1491 году переполнилась чаша терпения холопов, строивших крепость. Толпой пришли они ко дворцу государя всея Руси, упали на колени, со слезами просили «не убивати и работой не томити».

Государь приказал палками разогнать народ.

Вечером в Занеглименье и на Пушечном дворе вспыхнул пожар. В подстрекательстве к поджогу обвинили учеников Ридольфо Фиораванти — Ваську Варварина и Илейку Проходца.

Зачинщиков было велено утопить в Москва-реке, итальянца, отняв у него имущество, посадить в тюрьму.

Крепость наконец построена. Фундамент и цоколь новой крепостной стены сложены из белого камня, остальная часть — из кирпича. По верху стены идут двурогие зубцы с бойницами — так называемые «ласточкины хвосты».

Неутомимый Иван III велит класть в Кремле «малые каменные палаты» — жилой государев дворец, и «большую каменную (Грановитую) палату» — для торжественных приемов послов и важных государственных совещаний.

Величественной каменной громадой высится Кремль на крутом берегу Москва-реки. У Фроловских (Спасских) ворот вырастает жилой кирпичный дом купца Тарокана. Деревянные домики, церкви, часовни, кладбища жмутся к кремлевским башням и стенам.

Ивану III не нравится это тесное соседство — оно снижает боеспособность кремлевских укреплений. Огонь — частый гость Москвы — легко перешагивает за «ласточкины хвосты» кремлевских стен и страшным ураганом обрушивается на строения и башни Кремля. И государь приказывает снести все дома, стоящие около Кремля, и запрещает возводить какие бы то ни было постройки ближе ста девяти сажен от кремлевских стен.

Стон стоит над Москвой. Сотни людей остаются без крова. Даже архиепископ новгородский Геннадий возмущенно пишет:

«Ныне беда стала земская, монастыри с мест переставлены, и кости мертвых выношены за Дорогомилово».

С трех сторон — с юга, запада, севера — новую крепость омывают Москва-река и Неглинка. На востоке перед Кремлем, перед его

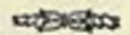
Московский Кремль при Иване III. В центре деревянного Кремля высится каменный Успенский собор. Вдоль кирпичной Кремлевской стены вырыт глубокий ров. Деревянный разводной мост переброшен через Москва-реку в Замоскворечье. Справа, на крутом подъеме к Красной площади, стоят маленькие лавчонки.

Фроловскими (Спасскими) и Никольскими воротами, лежит широкая Красная площадь.

Иван велит и с этой стороны защитить Кремль водой.

В 1508 году, уже при Василии III, сыне князя Ивана, итальянский мастер Алевиз ставит запруду на реке Неглинной, роет глубокий ров вдоль восточной Кремлевской стены и наполняет его водой запруженной речки. По обе стороны рва выведены низкие каменные зубчатые стены. Над уровнем площади они возвышаются двурогими зубцами, «ласточкиными хвостами», подобными бойницам кремлевских стен.

Постройка грозных укреплений закончена.

Москва богатеет и ширится.

В лавках, лабазах и погребах московского торгового посада, что раскинулся на месте теперешнего Китай-города, хранятся дорогие товары. Здесь центр торговли Московского государства. И Василий III, опасаясь неприятельских нашествий, велит окружить торговый посад глубоким рвом и земляным валом.

На работу поставлено все население торгового посада. От повинности освобождены только знатнейшие бояре и служилые люди. Даже попы — и те роют глубокий ров, возводят высокую насыпь и оплетают ее хворостом.

Земляной вал — плохая защита от неприятеля, и после смерти Василия правительница Елена Глинская, мать малолетнего Ивана IV, в 1535 году велит построить около земляного вала каменную стену.

Стену возводит генуэзец Петрок Малый. Новая стена значительно ниже Кремлевской, но, так же как и стена Кремля, приспособлена к пушечной и ружейной обороне, снабжена тайниками, слухами и коридорами между стрельницами. Глубокий ров наполнен водой реки Неглинной.

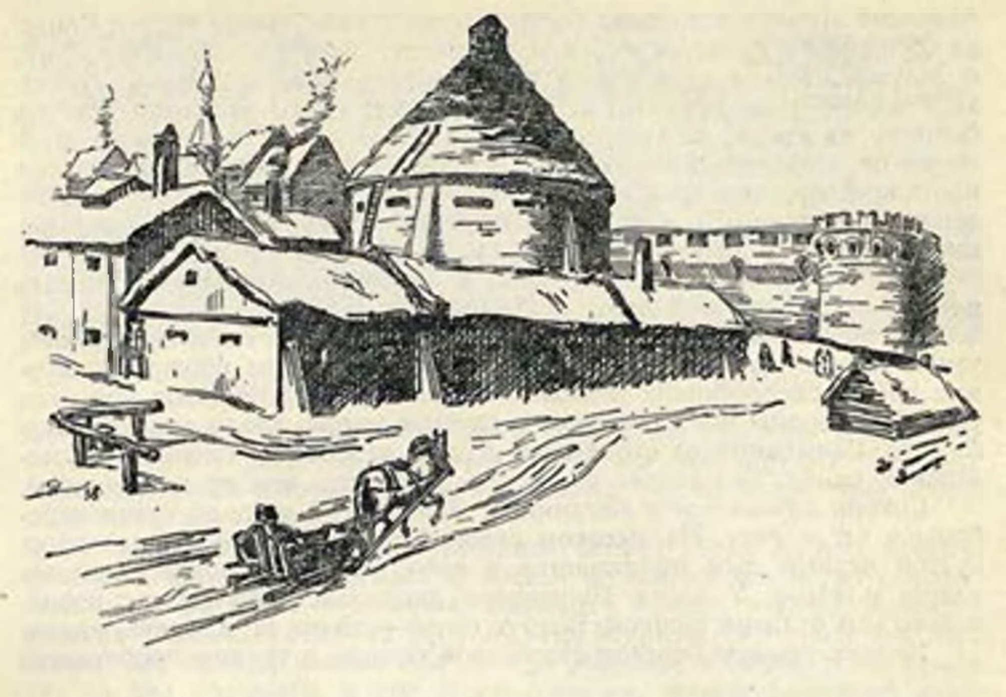
Торговый посад, окруженный крепостной стеной, получает название Китай-города.

Много спорят о происхождении этого слова.

Одни считают, будто Китай-город назван по имени Китай-городка в Подольском воеводстве, на родине Елены Глинской. Другие производят имя «Китай» от слова «кит» или «кита» — так называлась веревка, свитая из травы, соломы или хвороста: этим именем ограда торгового посада якобы обязана своему первоначальному устройству...

Так вырастает в Москве вторая линия укреплений. Непосредственно примыкая к Кремлю, стены Китай-города составляют с ним одну грозную крепость. А от ворот Кремля и Китай-города во все стороны веером расходятся лучи-дороги в Новгород, Тверь, Ярославль, Владимир, Рязань — в города и села русской земли, собранной Москвой в единое государство.

СТОЛИЦА ВЕЛИКОГО ГОСУДАРСТВА

Чуть свет просыпается московский родовитый боярин в низкой, душной опочивальне своего городского двора. Серый ноябрьский сумрак еле пробивается сквозь маленькие, подслеповатые оконца, затянутые рыбьим пузырем. За окнами слышен заливчатый собачий лай, петушиный крик, лошадиное ржанье...

Боярин идет в моленную. В неверном утреннем свете темнеют лики святых. Образа в серебряных и золотых ризах украшены драгоценными каменьями, щедро унизаны жемчугом.

Помолившись, по крутой скрипучей крытой лестнице боярин спускается на высокое крыльцо.

Большой сад с огородами окружает боярский дом. В саду — яблони, рябина, черемуха, малина, крыжовник-берсень. В огороде хозяин выращивает капусту, чеснок, лук, огурцы, редьку, свеклу и невиданной величины тыквы: о них с удивлением пишут иностранцы, побывавшие в Москве... Но теперь, в это морозное зимнее утро, сад покрыт пушистым снежным покровом, и белый иней серебрится на деревьях.

Боярин устроился в городе по-деревенски — широко, хозяйственно, запасливо. На боярской усадьбе своя церковь, свой колодец, поварня, конюшня, мыльня, погреба, ледники, амбары и службы, где живут холопы.

Шумно и людно на боярском дворе: на пяти розвальнях привезли крестьянский оброк из дальней боярской вотчины. Холопы сгружают в подклети и житницы бараньи туши, пшеницу, горох, овес, конопляное семя, яйца, соленые грибы. И, поклонившись в ноги хозяину, почтительно докладывает оборванный мужичонка, что, дескать, в

боярской вотчине все, слава богу, благополучно. Только кузнец Гришка Дубровкин грозится перейти к соседу, боярину Мстиславскому, пользуясь старым нерушимым крестьянским правом менять своего хозяина в Юрьев день. Но не уйти кузнецу: много задолжал Гришка боярину за землю, за курную избу, за обзаведение, и до конца дней своих не заплатить Гришке этих долгов. И еще: пойман на Клязьме плотник Егор, что прошлой осенью бежал из боярской вотчины, не заплатив оброка. По боярскому приказу, бит он был батогами нещадно и теперь пластом лежит в избе и плюется кровью...

Боярин грузно садится на коня и верхом отправляется в Кремль на сиденье в Боярской думе.

Осторожно минуя снежные сугробы, боярин едет по кривой, узкой улочке. На пути попадаются пустыри, недавние пожарища, курные избы ремесленников и мелких торговцев и просторные боярские усадьбы. Хоромы бояр прячутся в глубине двора, среди заиндевевшего сада. Сложенные из столетнего леса, с железными ставнями на маленьких окнах, они скорее похожи на крепости, чем на жилые дома.

Боярин спускается к Неглинной. Деревянный мост на сваях переброшен через реку. На высоком левом берегу стоит Пушечный двор. Густой черный дым поднимается в небо. Слышны глухие, тяжелые удары молотов. У ворот Пушечного двора застряли сани с новой, только что отлитой пушкой. Вокруг саней — толпа, шум, брань, крики.

Низким правым берегом Неглинной боярин с трудом пробирается

Пушечный двор в Москве. Деревянный мост на сваях переброшен через реку Неглинку. Справа, у перил моста, стоят два иностранца. Улица, круто поднимающаяся кверху вдоль Пушечного двора, проложена примерно на месте теперешнего Театрального проезда.

Колесные водяные мельницы на Неглинке в XVI веке.

между харчевен и пирожных. Здесь с утра до позднего вечера толпится народ и дымятся выносные очаги. На льду прудов Неглинки, перегороженной плотинами, шумит народ у лавчонок, торгующих съестными припасами.

В деревянных притворах соседней церкви горят жаркие огоньки свечей. К церкви подъезжает боярская колымага, покрытая красным сукном. В колымаге — боярыня. Колымагу трясет, высоко подкидывает на ухабах, кренит на сторону. Но боярыня сидит прочно. Толстыми, как бревна, ногами она тяжело уперлась в спину своей холопки: на дне колымаги, у ног своей госпожи, живой скамейкой неподвижно лежит девушка...

Второй раз переезжает боярин через Неглинку. На деревянном Воскресенском мосту толчея и шум. Спускается торговый обоз с высокого склона Царевой улицы (теперь улицы Горького). Гнусавят нищие. Запорошенные снегом, стоят водяные мельницы у запруды на Неглинной.

Боярин едет вдоль кремлевского рва. За двумя рядами низких зубчатых стен, окаймляющих ров, — прекрасные, стройные, грозные кремлевские укрепления. А на площади, что широко раскинулась против Никольских и Фроловских (Спасских) ворот Кремля, — великое московское торжище.

Десятки маленьких лавочек, шалашей, возов торгуют рыбой, битой птицей, сапогами, пищалями, копьями, ножами, лошадиной упряжью. В самой толчее и людской гуще — холст, нитки и торговля с рук домашним скарбом.

Гул стоит над площадью. Кричат торговцы, зазывая покупателей. Слепые, юродивые, нищие распевают духовные песни. Разгульные крики несутся из дверей царева кабака. И низко склоняются головы купцов и покупателей перед «чудотворной» иконой, что несут попы из Кремля на усадьбу заболевшего боярина.

На льду Москва-реки — новое торжище. У розвальней с дровами и сеном шум и гомон: москвичи торгуются, божатся, бранятся. А чуть поодаль стоят на реке сотни освежеванных коровьих, бычьих и свиных туш. И кажется издали, будто стадо неведомых, безобразных, кроваво-красных животных вышло на лед и безмолвно и неподвижно стоит среди шумной, крикливой толпы...

По мосту, переброшенному через ров, боярин въезжает во Фроловские ворота Кремля.

Величественной каменной громадой царит Кремль над столицей Руси, над ее заснеженными садами и рощами, над куполами церквей, над курными избами и резными теремами боярских хором.

Степенно входит боярин в Боярскую думу. С достоинством отвешивает поклоны своим товарищам. Важно садится на скамью, чтобы не спеша обсуждать государевы дела и выносить решения с неизменной припиской: «Государь указал и бояре приговорили».

Боярская дума — соправительница государя всея Руси. Но нет согласия между думными боярами. Нет дружбы и единения между соправителями государя.

Еще не так давно отцы и деды князей и княжат — потомков удельных князей — были самостоятельными владыками в своих уделах. Еще не так давно прадеды бояр по собственному усмотрению переезжали от одного государя к другому: сегодня служу московскому князю, завтра — тверскому, послезавтра — рязанскому. Бояре были свободными соратниками, советчиками, соправителями своего государя.

«Бояр своих любите, честь им достойную воздавайте по их службе, без воли их ничего не делайте», на смертном одре завещал своим сыновьям московский князь Дмитрий Донской.

Теперь некуда уйти из Москвы — Москва объединила вокруг себя всю удельную Русь. Бывшие удельные князья пошли на службу к московскому государю. Но княжата принесли в Москву старые удельные предания и попрежнему считают себя властными советниками и соправителями государя всея Руси: это-де их наследственное право, доставшееся им от предков, независимо от воли государя.

Особенно разгораются боярские страсти, когда в 1533 году, после смерти Василия III, на московский престол вступает его трехлетний сын Иван IV и управление страной переходит к матери малолетнего государя, Елене Глинской.

Князья и бояре пытаются вернуть себе свою старую независимость. Но энергичная и решительная правительница усмиряет крамолу удельных князей и полновластно правит страной.

В 1538 году неожиданно умирает Елена Глинская. По Москве ходит упорный слух, будто ее отравили бояре. Великий государь — всего лишь восьмилетний мальчик, и бояре начинают править Русью именем маленького царя Ивана. Но бояре не могут поделить между собой власть, и в московском Кремле ведутся бесконечные споры и усобицы между князьями и боярами за места, за должности. При московском дворе плетутся интриги: Бельские свалнвают Шуйских, Шуйские — Бельских. Враги не стесняются в выборе средств: подкупы, оговоры, подлоги, убийства. И маленький Иван на всю жизнь запоминает свое тяжелое детство, когда боярин Иван Шуйский, развалясь на лавке и положив ногу на постель отца, покойного князя Василия III, издевался над будущим государем всея Руси.

Крепко врезаются в память Ивана безобразные сцены боярских своеволий и насилий, когда ночью сторонники Шуйского напали на своего противника, митрополита Иоасафа, на рассвете с шумом вломились в спальню гос..даря, разбудили и напугали его.

Навсегда запоминает маленький Иван, как глумились над ним бояре в дальних кремлевских покоях, как избивали при нем его любимцев, швыряли ногами вещи его отравленной матери, нарочно одевали его самого в плохое, бедное платье, морили голодом. Он не забудет, как в Грановитой палате при посольских приемах раболепно пресмыкались перед ним бояре, воздавая ему, своему государю, великие почести, и как они правили страной его, государевым, именем.

И в раннем детстве зарождается у впечатлительного, нервного, одаренного мальчика горячая ненависть к князьям и боярам и сознание своей неограниченной власти.

Ему внушают эту мысль служилые люди — мелкие дворяне-помещики, которым невмоготу своеволие бояр-феодалов, которые хотят земли и денежного жалованья и знают, что они могут получать все это лишь из рук государя, когда в стране будет единая твердая власть. Ивану внушают эту мысль купцы, которые тоже хотят порядка и крепкой власти в стране и которым невыгодны бесконечные боярские смуты и феодальная разобщенность.

Потом, на царском престоле, Иван IV будет твердо и решительно проводить эту политику дворян и купцов и бороться за самодержавие, за единство страны, за ее военную мощь, за новые земли, за выход к морю.

А пока, тринадцатилетним мальчиком, он впервые восстает против боярских издевательств и нападает на Андрея Шуйского: маленький государь отдает его на растерзание псам.

Так иностранный путешественник изобразил способы передвижения в Москве первой половины XVI века. В глубине — обычная санная упряжка. В центре — лыжники. Впереди — более богатый выезд. Возница сидит верхом: он не смеет сидеть в санях рядом с родовитым хозяином.

Бояре застигнуты врасплох. Они не заметили, как мальчик превратился в грозного повелителя. Теперь они будут действовать исподтишка, интриговать искусно и хитро...

В 1547 году, семнадцатилетним юношей, Иван IV первый из московских князей принимает титул царя и венчается на царство торжественным церковным обрядом.

Теперь Москва — царская резиденция, столица великого русского царства...

В том же году в Москве вспыхивает пожар.

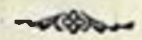
Москва пылает гигантским костром. Тучи густого дыма взмывают к небу. Взрываются пороховые склады. Погибают царские палаты, казна, оружие, древние хартии, книги. Деревья превращаются в уголь, трава — в золу. В огне гибнет тысяча семьсот человек, не считая детей.

К вечеру пожар затихает. Как тени, бродят по пожарищу люди с опаленными волосами и черными лицами, отыскивая детей, родителей, остатки имущества...

Друзья растерзанного псами Андрея Шуйского находят, что пожар — удобное средство отомстить своим врагам: родственникам царя, боярам Глинским. Но теперь сторонники Шуйского боятся выступить открыто и распространяют по Москве слух, будто Москва сгорела от волшебства Глинских, будто Глинские разрывали могилы, вынимали человеческие сердца, мочили их в воде, водой кропили московские улицы и от этого вспыхнул пожар.

Народ, потрясенный пожаром и ненавидящий бояр, поднимает восстание. Один из Глинских убит толпой в Успенском соборе, в Кремле. Сам царь бежит в подмосковное село Воробьево (на теперешних Ленинских горах). К его дворцу подходит возбужденная толпа, требуя выдачи остальных Глинских. Иван велит разогнать народ и казнить «крикунов»...

Так начинается царствование Ивана Васильевича Грозного.

Судьба поставила русский народ у восточных ворот Европы. Москва слишком долго оберегала Запад от татарских полчищ, щедро удобряя русскими костями привольные донские и волжские степи. Под гнетом татаро-монгольского ига, в период удельных междоусобий некогда было думать об устроении внутренних дел. Теперь обстановка изменилась.

В 1550 году в Москве составлен новый «Судебник», взамен старого «Судебника» Ивана III. Новый царский «Судебник» заботится об обеспечении правосудия в стране и требует, чтобы на суде бояр-наместников непременно присутствовали выборные старосты.

В следующем году в Москве созывается «Стоглавый собор» для устройства церковного управления. Появляется знаменитый «Домострой» — сборник правил тогдашней житейской мудрости.

Грозный выписывает в Москву из Европы инженеров, ремесленников, типографщиков. Но германский император не пропускает их через Ливонию, лежащую на берегах Балтийского моря. Император боится растущего могущества Москвы. Он хочет держать Московское государство вдали от европейских открытий, от европейской науки и техники. И германский император закрывает Москве доступ в Европу.

Раз так — значит, надо Москве силой пробиться к берегам открытого моря.

Это будет не легко. Придется жестоко биться на востоке, на юге, на западе. Но план ясен.

На востоке — разгром Казанского и Астраханского татарских ханств, беспокоящих восточные окраины государства и закрывающих Москве торговую дорогу по Волге в Каспий, на Кавказ, в Персию. На юге — оборонительная война с разбойничьей татарской ордой Крыма. На западе — упорная кровавая борьба за берега Балтийского моря.

Этой внешней политики настойчиво требуют дворяне и купцы: им нужны новые торговые пути, новые земли, новые поместья. Проводником этой политики становится Иван Грозный.

Но ни он, ни его ближайшие соратники не представляют ясно, какой гигантской будет эта борьба. Они не знают, что столица должна будет принять на себя страшные, опустошительные удары врага. Никто еще не предвидит того времени, когда в Москве грозной чередой пройдут казни неистового Ивана, когда вместе с изменниками родины сложат свои головы на плахе сотни неповинных. Но народ вынесет на своих плечах всю неслыханную тяготу внешних войн и внутренних неурядиц, и Москва станет организатором военной мобилизации страны для целого ряда войн за выход Руси к балтийским берегам.

Прежде всего Москва решает разгромить своего беспокойного и опасного восточного соседа — Казань и захватить привольные волжские земли.

Два первых казанских похода молодого царя в 1548 и 1550 годах кончаются неудачно: ранняя оттепель, дожди, бездорожье и неожиданный бурный волжский паводок спасают Казань.

Но Иван упорен. И в 1550 году, по царскому приказу, начинают валить строевой лес у древнего Углича. Бревна сплавляют вниз по Волге. У устья реки Свияги строят город-крепость Свияжск — далеко вперед выдвинутый форпост Москвы против Казани.

А пока рядом с Казанью готовится база для будущего генерального штурма волжской твердыни татарского хана, царь в Москве создает свой особый государев полк.

С большой осмотрительностью Иван отбирает тысячу преданных себе соратников. При этом царь не особенно считается с родовитостью своих избранников: Иван ищет не знатных, а смелых и преданных. И наряду с князьями и боярами в полк принято немало скромных провинциальных помещиков, проверенных на полях недавних сражений.

Своих новых соратников царь жалует поместьями под Москвой.

Но поместье царского избранника — не наследственная вотчина боярина, который может по собственному усмотрению распоряжаться своей землей. Поместье — жалованье, плата воину за его государеву службу. Оно дано ему пожизненно: пока живешь — владей. Но ни продавать, ни дробить его, ни даже завещать своим детям ты не смеешь.

Земля — вечная собственность государя. И ты будешь кормиться на этой земле только до тех пор, пока верой и правдой служишь своему повелителю.

Эта «поместная система» — удар Грозного по властному и заносчивому боярству: царь приближает к трону и выдвигает на ответственные посты мелких помещиков-дворян.

Грозный широко проводит эту систему. Первая тысяча новых дворян-помещиков, пожалованных поместьями под Москвой, — только начало. Иван велит счесть размеры всех вотчин и поместий на Руси и посылает из Москвы писцов описать и смерить все государство.

Царь подготовляет важную и смелую реформу: каждый, кто служит государю, должен быть обеспечен землею, и каждый, кто имеет землю, должен служить. Впереди — кровавые, изнурительные войны, и в стране не должно быть «нетчиков» — уклоняющихся от государевой службы.

В августе 1552 года полуторастотысячная русская армия выступает из Москвы к деревянным стенам Казани.

Первые дни осады несчастливы для русских: неожиданно налетевшая буря разметала шатры, разбила в щепы русские корабли, потопила продовольственные запасы.

Но на этот раз царь не уходит с войском в Москву. Он неутомим. Он требует двинуть к Казани новые запасы из Москвы и Свияжска, днем и ночью объезжает вокруг города, проверяет посты, лично руководит осадой.

У русских — прекрасная артиллерия. Полтораста пушек изо дня в день ведут обстрел осажденного города. Не раз в Казани вспыхивают пожары. Не раз русские полки идут на штурм казанских укреплений. В Казани — недостаток воды. Но тридцать тысяч храбрецов отважно защищают свой город...

Судьбу осажденной Казани решают военные инженеры царя Ивана. Под крепостные стены подведена мина. На рассвете 2 октября со страшным грохотом взлетают на воздух земля, бревна, люди. Рус-

ские полки бросаются в образовавшуюся брешь. На башнях Казани взвиваются русские знамена...

Казань пала. Вслед за ней в 1556 году русские войска берут Астрахань — столицу ногайских татар. Под высокую руку московского царя отдают себя черкасские князья северо-восточного Кавказа.

Теперь вся Волга — от истока до устья — русская река. Из Москвы открыт широкий торговый водный путь в Каспий, на Кавказ, в Персию. Приволжские земли розданы московским служилым людям и духовенству. Население обращено в крепостных.

Разгромом Казани и Астрахани Москва раз и навсегда обезопасила себя с востока. Из привольных восточных степей уже никогда не нагрянут на столицу неприятельские полчища.

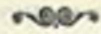
Теперь можно повернуться на запад, и Москва исподволь начинает готовиться к борьбе за Балтику — к упорной двадцатипятилетней Ливонской войне.

В память своей победы над Казанью, в память покорения Казанского царства и освобождения Волги из-под власти татар, Грозный решает построить в Москве величественный памятник — каменный Покровский собор, названный потом церковью Василия Блаженного.

Царь сам выбирает место для постройки храма. Грозный не желает, чтобы памятник его славной победы был воздвигнут в Кремле — цитадели родовитого боярства. Иван IV велит строить собор вне кремлевских стен — в торговом посаде против Фроловских (Спасских) ворот Кремля.

Постройка поручена русским каменщикам — Поснику и Барме. Строительство длится семь лет. И в 1560 году на крутом спуске к Москва-реке вырастает прекрасный, причудливый храм.

Москвичи окружают легендами историю возникновения храма, складывают сказки о его зодчих. Люди не хотят мириться с мыслью, что храм создали свои, русские каменщики. И в Москве говорят о каком-то чародее, впоследствии якобы ослепленном царем Иваном, чтобы нигде, никогда и никому не смог он воздвигнуть такого же прекрасного храма...

Это было время крупных географических открытий, замечательных путешествий, необыкновенных экспедиций.

Народы Западной Европы ищут морских путей к дальнему востоку. Португальцы огибают Африку и первыми достигают Индии. Испанцы встречают на своем пути американский материк и находят там сказочные запасы золота.

Запоздавшие англичане устремляются на север. Они надеются, обогнув Европу и Азию, кратчайшим путем достигнуть берегов Индии.

Первая же английская экспедиция 1553 года вместо Индии попадает в Белое море. Буря разбивает в щепы английские корабли. Один из руководителей экспедиции, моряк Ричард Ченслер, выходит на берег.

Он узнает от рыбаков, что буря прибила его судно к земле московского государя. И смелый англичанин решительно отправляется в Москву, к царю Ивану.

Английский моряк — пилот-адмирал Ричард Ченслер — становится первым английским дипломатом при московском дворе.

Англичанин узнает, что, попав в Москву, он в конце концов даже

Покровский собор (храм Василия Блаженного) в изображении иностранного художника. За храмом видна Кремлевская стена. Впереди — Лобное место.

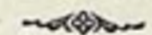
Русский купец XVI века в изображении иностранца.

не сбился с прямого пути к Индии: из столицы Московского государства можно по Волге и Каспийскому морю попасть в Бухару, а оттуда — к снежным вершинам Гиндукуша.

Так англичане открывают Москву, стоящую на дороге к сказочной Индии...

Грозный рад неожиданному посещению Ченслера. Царь предоставляет английским купцам широкие льготы. «Московская компания», основанная в Лондоне, получает разрешение вести торговлю с Москвой, а через Москву торгует с Персией, Индией, Китаем. Русский посол в Англии Осип Непея привозит в Москву из Лондона докторов, рудознатцев и других мастеров. Русским купцам дано право свободно и беспошлинно торговать в английских владениях.

Вся англо-русская торговля идет через Белое море. Но далекое северное море слишком долго сковано льдом. И дворяне и купцы, наладив торговые отношения с Англией, еще более укрепляются в своей прежней мысли: Москва должна пробиться к берегам Балтийского моря. Война должна дать новые земли дворянам-помещикам и открыть купцам широкий путь на мировой рынок.

Грозный прикован к постели тяжкой болезнью.

Царь при смерти. По воле Ивана на московский престол должен сесть его маленький сын Дмитрий. Но кое-кто из князей и бояр решает иначе. Они выдвигают своего кандидата — двоюродного брата царя, князя Владимира Старицкого. С ним легче поладить: он обещает не поднимать руки на старые, исконные боярские привилегии и, быть может, отдаст кое-кому из родовитых князей их старые уделы.

Князья и бояре мечтают вернуть свою прежнюю независимость...

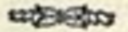
В московском Кремле, в душных царских покоях, не стесняясь обреченного, умирающего царя, часть князей и бояр открыто переходит на сторону князя Владимира Старицкого.

Однако, вопреки приговору врачей, Иван выздоравливает и еще энергичнее продолжает свою борьбу с боярством.

Грозный настойчив и последователен.

В 1550 году он отобрал всего лишь тысячу своих будущих ближних соратников, наделив их поместьями в окрестностях Москвы. Теперь, через шесть лет, в Москве уже составлен список всех служилых людей государства: в списке указано, сколько земли имеет каждый служилый человек, и точно определена тяжесть его ратной повинности: с каждых ста пятидесяти десятин «доброй» пахотной земли должен являться в поход один ратник, «на коне и в доспехе полном».

Грозный вводит в стране военную повинность, основанную на стройных и определенных правилах.

Иностранные купцы, правдами и неправдами прорываясь через кордоны, расставленные на берегах Балтийского моря, и подъезжая к Москве, с удивлением видят, как нескончаемой вереницей тянутся к ливонской границе обозы, груженные порохом и свинцом, чинятся мосты на западных дорогах, прокладываются гати и через каждые пять миль отстраиваются ямские дворы с громадными помещениями для лошадей.

Это Москва готовится к войне с Ливонским орденом германских рыцарей.

Построив грозные замки на высоких берегах рек, в глухих болотистых лесах, на перекрестках торговых дорог, немецкие рыцари-разбойники вместе с могущественными епископами грабят купцов, жестоко притесняют крестьян, превратив их в бесправных рабов, и закрывают Москве выход к берегам Балтики.

В 1558 году русские войска выступают из Москвы на запад.

Под обстрелом московской артиллерии, под натиском русской конницы один за другим падают рыцарские замки. Уже взята Нарва. Пал Дерпт. Сдались двадцать ливонских крепостей.

Этими победами Москва обязана не только своей армии. Крестьяне Ливонии поднимают восстания в тылу ненавистных немецких рыцарей и епископов и присягают русскому царю.

Москва получает наконец выход к морю. В нарвской гавани Грозный спешно строит морские суда, набирает шкиперов — готовит мощный русский торговый флот.

Германский император взволнован могуществом и силой натиска Москвы. Он боится, что Москва превратится в грозную морскую державу. И император начинает чинить всяческие препятствия русской торговле через Нарву и сулит жестокие кары тем, кто будет по морю провозить в Москву оружие...

Еще в 1548 году ливонские рыцари не пропустили в Москву выписанных царем Иваном иностранных печатников. Но Грозный не оставил мысли о введении в Москве книгопечатания.

Царь с детских лет любит книги. Он собрал в московском Кремле богатейшую библиотеку. И теперь на свои государевы средства царь строит первую московскую типографию.

Русские воины XVI века. Всадники вооружены мечами, луками и стрелами и одеты в колпаки и кузчатые кафтаны (тегиляи).

До тех пор Москва знала только книгописное искусство. Церковные книги переписывались от руки. Но большинство переписчиков малограмотны. В книги вкрадываются ошибки, описки, отсебятина. Новые переписчики, списывая искаженные тексты, вносят новые ошибки. И еще на Стоглавом соборе царь требует прекратить эту порчу церковных книг и установить надзор за переписчиками.

И вот иждивением Грозного в Москве строится Печатный двор. Он возводится в Китай-городе, на Никольской улице, близ Заиконоспасского монастыря, в центре московского торгового посада.

Во главе Печатного двора поставлен Иван Федоров, дьякон одной из кремлевских церквей, а в помощники ему — Петр Мстиславец.

Не легкое дело наладить книгопечатание в боярской Москве. Первопечатникам приходится самим отливать буквы, строить печатные станки, набирать текст...

Первая печатная книга в Москве, «Апостол», появляется 1 марта 1564 года. Она отпечатана четко, крупно и красиво, с гравированными заставками и заголовками, с большими резными заглавными буквами.

В следующем году те же мастера печатают вторую книгу — «Часовник».

Но против московских печатников уже плетется интрига. Быть может, это бояре пускают по Москве слух, будто печатники — еретики и колдуны. Быть может, переписчики, опасаясь конкуренции печатного станка, поднимают народ против Ивана Федорова. Кто знает?..

В 1566 году типография подожжена. Иван Федоров и Петр

Никольская улица в Китай-городе. Справа стоит Печатный двор. Перед ним, по обе стороны деревянной мостовой,— лотки и скамьи с книгами. В глубине — Никольская башня Кремля.

Дѣѧнїѧ стыхъ апостолъ списанаѧ стымъ еѵангелистомъ лукою

Первое оубо слово сотворихъ о всѣхъ, о ѳеофиле. о нихже начатъ іс, тво- За
рити же и оучити. даже до дне,
заповѣдавъ апломъ дхомъ стымъ,
ихже избра вознесесѧ. преднимиже
и постави себе жива по страданїи
своемъ. во мнозѣхъ истинныхъ знаме-
нїихъ. денми четырьдесѧтьми ꙗвлѧ-
ѧсѧ имъ и глаголѧ иже о цртвїи бжїи. сни-
миже ꙗдый, повелѣваше имъ ѿ ерслим-
ма не ѿлꙋчатисѧ. но ждати обѣтованїе
ѿче, еже слышасте ѿ мене. ꙗко іѡаннъ
оубо крстилъ есть водою. выже имате кре-
ститисѧ дхомъ стымъ. не по мнозѣхъ
сихъ днехъ. онижеоубо сшедшесѧ, вопрашахꙋ

во стꙋю недѣлю на пасхи. и на вꙁнесенїе
гне

Первопечатный „Апостолъ" 1564 года. Въ величину оригинала.

Страница из «Апостола» 1564 года.

Поход москвитян.

Мстиславец бегут из Москвы. Но начало уже положено. Со времени Ивана Грозного не прекращается книгопечатание в Москве. И Москва заслуженно гордится первопечатником Иваном Федоровым, положившим ему начало...

В 1561 году под сокрушительными ударами Москвы Ливонский орден распадается. Но ливонская война продолжается. Теперь против Москвы выступают уже не только немецкие рыцари. Три западные европейские державы — Дания, Швеция и Польша — поделили между собой ливонские земли. Москве предстоит затяжная тяжелая борьба. Но Грозный неумолим. Он не терпит лени, ослушания, нерадения. И в душных и низких боярских хоромах Москвы бояре резко осуждают царя, тем более что их родовые вотчины уже перестают быть полной собственностью старых владельцев: Иван Васильевич запретил вотчинникам продавать и менять вотчинные земли и стеснил даже право наследования.

Неохотно подчиняясь царской воле, бояре едут в Ливонию, становятся во главе русских полков, но действуют спустя рукава, вразброд, без единого плана, не умея или не желая выполнять царские приказы. Некоторые из них открыто перебегают к врагу: там их встречают с распростертыми объятиями.

Наконец, князь Андрей Курбский, главнокомандующий русскими армиями, задумав изменить родине, приводит русские войска к поражению под Невелем.

Грозный сам выезжает из Москвы на фронт. Царь бросает в Ливонию ногайскую конницу с низовьев Волги, татарские полки из-под Казани, московскую артиллерию. И снова счастье улыбается русскому войску: московскому царю сдается важная неприятельская крепость Полоцк.

И вот тут-то, как снег на голову, обрушивается на Ивана неожиданное известие: князь Андрей Курбский открыто перешел в стан врага и теперь во главе вражеских полков идет на Русь.

Царь знает: князь Курбский не одинок. За ним большая группа внутренних врагов — князей, княжат, родовитых бояр, недовольных

политикой Грозного, всех тех, кто мечтает о власти и готов добиваться этой власти любой ценой.

Надо тотчас же начать беспощадную борьбу с князьями и боярством. Этого требуют интересы страны, которая во что бы то ни стало должна остаться единой и сильной.

Чувствуя за собой поддержку дворян и купцов, Грозный решается...

3 декабря 1564 года царь выезжает из Москвы. Но эта поездка Грозного не похожа на его прежние выезды на охоту и богомолье. На этот раз царь берет с собой жену и детей, царскую казну, дорогие иконы, золотые кубки. Тем, кто сопровождает его, Иван приказывает выезжать с семьями, холопами, домашней утварью.

Царь останавливается в Александровской слободе, неподалеку от Москвы.

Ровно через месяц гонец привозит в столицу две царские грамоты.

Одна из них предназначена московскому митрополиту. В ней царь обвиняет бояр и духовенство в изменах и нерадении, в казнокрадстве и укрывательстве предателей. «От великой жалости сердца», не стерпев боярской измены, царь покидает-де теперь свое царство и хочет поселиться там, «где ему бог укажет».

Вторую грамоту царь наказывает прочесть на площадях Москвы. Иван заверяет народ, что нет у царя гнева на торговый люд и «все православное христианство».

И опять этим обращением к торговому люду Иван подчеркивает, что ему недостаточно мнения только боярской верхушки. Царь хочет знать, что думают о его отъезде дворяне и купцы.

Лишь только дьяки громко прочли на московских площадях письмо государя, замерла Москва: закрылись лавки, опустели приказы, замолкли песни. Москва грозно потребовала от бояр и митрополита передать государю, что народ просит царя вернуться в столицу, избавить страну «от рук сильных людей», а государевых изменников и лиходеев москвичи сами истребят.

В Александровскую слободу отправляется посольство от высшего духовенства, бояр, купцов и простого люда. Посольство бьет челом государю и униженно просит его вернуться на царство и править государством так, как ему, государю, угодно.

В феврале 1565 года Иван торжественно возвращается в Москву и созывает в Кремле совещание бояр и духовенства. Бояре не узнают царя. Небольшие серые проницательные глаза погасли, приветливое лицо осунулось и выглядит нелюдимо, на голове и в бороде от прежних волос уцелели только остатки: слишком тяжело переживал царь измену Курбского, неудачи на фронте, ответственность своего отречения.

Царь победил, и в московском Кремле ставит он свои условия. Теперь государь не считает князей и родовитых бояр ни советниками, ни соправителями своими. Они — всего лишь рабы великого государя, его дворовые слуги, «холопы государевы». А «жаловать своих холопов мы вольны и казнить их вольны же», пишет Грозный в письме к Курбскому...

В тот же день в Москве начинаются казни: по царскому приказу, шестеро бояр обезглавлены, седьмой посажен на кол.

Для расправы с ослушниками и лиходеями царь учреждает особый двор — «опричнину».

Из служилых людей Иван отбирает тысячу человек. При отборе царь не руководствуется ни боярством, ни родовитостью. Впредь в

своей опричнине государь будет передвигать людей в чинах, соображаясь лишь с их военной пригодностью, с их талантами и заслугами.

Рядом с Кремлем, между теперешними улицами Коминтерна и Герцена, царь велит разрушить боярские усадьбы и поставить свой Опричный двор — такой большой, какого в русской земле еще не было.

Двор обнесен стеной в девять аршин высоты, из тесаного камня и кирпича. Трое ворот пробиты в стене. На воротах, обращенных к Кремлю и окованных железными полосами, — два резных разрисованных льва с зеркалами вместо глаз. Между львами — черный двуглавый орел с распростертыми крыльями.

Упряжка тройкой в Москве XVI века.

Соседние улицы — Чертольская (Кропоткинская), Сивцев Вражек, Арбат, левая от Кремля сторона Никитской (улица Герцена) и ряд слобод вплоть до Новодевичьего монастыря — отданы опричникам.

У царских опричников отличная от всех одежда: к седлам приторочены метлы и собачьи головы — опричники метлой выметают измену и по-собачьи выслеживают, вынюхивают и грызут злодеев-крамольников.

Запершись в Опричном дворе вместе с начальником своей опричнины, Малютой Скуратовым-Бельским, царь Иван Васильевич ведет беспощадную борьбу против изменников-бояр. А по соседству, в покинутом царем Кремле, попрежнему степенные бояре неторопливо заседают в Думе и с опаской озираются на грозного черного двуглавого орла с широко распростертыми крыльями, венчающего шпиль царского дворца в Опричном дворе...

Царь отдает опричникам родовые вотчины князей Ярославских, Белозерских, Ростовских, Суздальских, Стародубских, Черниговских. С помощью своей опричнины царь громит старые княжеские гнезда, отрывает княжат от почвы их старых вотчинных владений и насильно переселяет на новые места, где у них нет ни корней, ни связей.

Теперь заносчивым и властным потомкам прежних удельных князей труднее перейти на сторону врага, труднее увлечь за собой преданных им дворовых слуг и выступить против царя во главе своего маленького самостоятельного войска, которое почти каждый из родовитых и богатых князей сумел сколотить в своей вотчине.

Из московского Опричного двора царь жестоко и решительно подготовляет страну к новой войне, к новым ливонским походам.

По царскому приказу, в Москве созывается Земский собор. В 1566 году в столице собирается высшее духовенство, бояре, московские купцы. В Земский собор приглашены также мелкие дворяне и служилый люд из русских полков, участвующих в Ливонском походе.

Собор решает: «За ливонские города государю стоять крепко, а мы, холопы его, на государево дело готовы».

И снова русские полки на западных границах идут в бой. Снова гремят пушки у стен ливонских крепостей. И опять новая измена.

Какой-то Петр, родом из Волыни, доносит царю, что Великий Новгород хочет предаться польскому королю, будто у новгородцев уже написана грамота полякам и лежит эта грамота в новгородском Софийском соборе за образом богоматери.

Грозный отправляет в Новгород доверенного человека: за образом действительно лежит изменническое письмо, подписанное именитыми гражданами Новгорода и новгородским архиепископом.

Царь во главе своих опричников жжет и громит Новгородскую землю, казнит десятки тысяч неповинных, топит в Волхове детей и женщин, разоряет окрестные деревни.

Из Новгорода царь отправляется к Пскову. И опять казни, пытки, убийства...

Вернувшись в Москву, царь продолжает следствие по делу о новгородской измене. Выясняется причастность к этому делу любимых царских опричников, ближайших сподвижников московского государя. И на Красной площади Иван Васильевич лютой казнью казнит своих недавних любимцев.

В довершение всего в Москву приходят тревожные вести из Турции: повелитель Великой Порты Селим II, сын Сулеймана Великолепного, настойчиво требует от царя Ивана Казани и Астрахани. Значит, надо ждать нового и страшного набега на Русь крымского хана — послушного слуги турецкого владыки...

Весной 1571 года царь во главе своих опричников выступает в Серпухов. Пятидесятитысячная армия спешно выдвинута к Оке. Здесь, на излюбленных татарами окских переправах, Иван хочет встретить крымцев и дать им генеральное сражение на подступах к столице.

Иван не ошибся: ранней весной крымский хан Девлет-Гирей во главе стодвадцатитысячного войска крымских татар, пройдя Перекоп, выступает на Русь.

Вооруженные луками, кривыми саблями и ножами, на низкорослых выносливых лошадях, без тяжелого обоза, питаясь в походе небольшим запасом пшена, сыра и конины, татары им одним знакомыми дорогами быстро пересекают бескрайнюю южную степь.

Чем ближе к пределам Руси, тем осторожнее движение Крымской орды. Во все стороны высланы опытные разведчики. Они тщательно прощупывают пустынную степь: крымский хан боится встречи в открытом поле с полками русского царя. Но на окских переправах не миновать ему боя...

И опять новая измена: русский воевода князь Иван Мстиславский посылает к хану своих людей. Они должны показать неприятелю безопасные переправы через Оку.

Изменник открывает врагу путь к столице...

Крадучись по лощинам и оврагам, не разводя по ночам костров, хан переправляется через Оку и, обойдя русские полки, 24 мая 1571 года подступает к беззащитной Москве.

Вспыхивают пожарами московские посады. Ветер перебрасывает огонь в Кремль и Китай-город. Москва пылает. В огне погибает стенная роспись кремлевских соборов, царский дворец, драгоценная библиотека Грозного.

«В продолжение трех часов Москва выгорела так, что не оставалось даже обгорелого пня, к которому можно было бы привязать лошадь, — пишет ливонский авантюрист Элерт Крузе, бывший в то время в Москве. — В этом пожаре погибло двенадцать тысяч человек,

Иван Васильевич Грозный.

имена которых известны, не считая женщин, детей и поселян, сбежавшихся со всех сторон в столицу: все они или задохлись, или утонули, или были побиты... Вода реки Москвы сделалась теплой от силы пламени и красной от крови...»

Узнав о московском пожаре, Иван Грозный во главе своего войска спешит к столице. Но крымский хан, захватив с собой десятки тысяч пленных, уходит в степь, отправив царю грамоту:

«Желание наше — Казань и Астрахань, а государства твоего дороги я видел и опознал...»

Связанных ременными веревками пленных москвичей приводят в Кафу (Феодосию) — главный невольничий рынок Крымской орды. Из Кафы проданных пленников увозят в Константинополь, в Анатолию,

в Африку. И много лет спустя на далеких знойных африканских берегах рабыни укачивают хозяйских ребят русской колыбельной песней. А литовец Михалон, побывавший в то время в Крыму и оставивший записки о своем путешествии, рассказывает, будто еврей-меняла, сидевший у единственных ворот крымской перекопи и наблюдавший нескончаемые вереницы русских пленных, спрашивал Михалона:

— Да есть ли еще люди в Москве? Или их всех увели в Крым?..

Грозно расправившись с изменниками, Иван готовится к новому набегу Крымской орды на Москву.

Весной 1572 года Девлет-Гирей снова ведет свою орду на Русь. Русские полки встречают его у Серпухова. Хан прорывается на север. В пятидесяти километрах от столицы, на берегу реки Лопасни, разгорается бой. Хан разбит и уходит в степь.

Теперь его новая грамота звучит уже иначе. Хан готов удовольствоваться одной Астраханью:

«Только царь даст мне Астрахань, и я до смерти на его земли ходить не стану».

Царь отвечает отказом.

«Теперь, — пишет он, — против нас одна сабля — Крым; а тогда Казань будет вторая сабля, Астрахань — третья, Нагаи — четвертая...»

Казанское и Астраханское ханства попрежнему остаются за Русью: несмотря на разгром Москвы, военный перевес Руси над Крымом очевиден.

Крымский хан отбит. Но над Москвой уже нависает новая гроза.

На королевский престол Польши садится энергичный Стефан Баторий. Под знамена Батория стекаются наемные отряды чуть ли не всех наций Европы: поляки, литовцы, венгерцы, шотландцы, французы, итальянцы. Во главе разношерстной армии, мечтающей о грабежах и наживе, Баторий выступает против московского государя.

У Батория широкие планы: он мечтает разгромить русские войска в Прибалтике, отбросить Русь от берегов западного моря и, преследуя разбитые русские полки, ворваться в Москву.

В Западной Европе уже появляется план интервенции, составленный немецким авантюристом Генрихом Штаденом.

В свое время Штадену удалось пробраться в Москву, войти в доверие к Ивану, стать даже его опричником и побывать на Волге и в Архангельске, в Ярославле и Великом Новгороде.

По расчетам Штадена, в походе на Москву должны участвовать Священная Римская империя, Пруссия, Польша и Швеция.

С немецкой аккуратностью Штаден подсчитывает размеры оккупационной армии: двести кораблей, двести полевых орудий, сто тысяч бойцов.

Место высадки — берега Белого моря. Отсюда через Архангельск, Вологду, Ярославль, Звенигород войско должно итти в Москву. И снова, намечая путь наступления интервентов, Штаден указывает силу русских укреплений и перечисляет способы осады крепостей.

Когда, по расчетам Штадена, будет взята Москва, то «великого князя, вместе с его сыновьями, связанных, как пленников, необходимо... отправить в горы, где Рейн и Эльба берут свое начало, — пишет немец. — Туда же, тем временем, надо свезти всех пленных из его

Границы Московского государства в 1584 году. Обведенная вокруг Москвы черная черта показывает границы Московского княжества в 1300 году.

страны и там в присутствии его и обоих его сыновей убить их так, чтобы великий князь и его сыновья видели все своими собственными глазами. Затем у трупов надо перевязать ноги около щиколоток и, взяв длинное бревно, насадить на него мертвецов так, чтобы на каждом бревне висело по тридцать, по сорок, а то и по пятьдесят трупов, — одним словом, столько, сколько могло бы удержать на воде одно бревно, чтобы вместе с трупами не пойти ко дну. Бревна с трупами надо сбросить затем в реку и пустить вниз по течению...»

Так самонадеянный немец, достойный предок современных фашистских псов, мечтает расправиться с великим русским народом.

Первый удар Батория направлен на Полоцк. Двадцать дней с необыкновенным упорством обороняются русские и лишь тогда сдают крепость, когда она дотла выжжена раскаленными ядрами Батория.

За Полоцком поляки занимают Великие Луки. Шведский полководец Делагарди во главе наемного войска из шведов, итальянцев и немцев по льду переходит Финский залив и берет Нарву.

Враги достигают своей цели: Москва снова лишена балтийских портов, под стенами которых сложили свои головы десятки тысяч русских воинов. А русское государство устало от бесконечных битв, и Москва не в силах защищать с таким гигантским трудом завоеванные берега западного моря.

Но мечтам врагов разгромить Москву и закабалить русский народ не суждено сбыться. Несмотря на страшную усталость, русские полки бьются с необыкновенным упорством. Старый русский город Псков, осажденный Баторием, геройски обороняется от врагов и дает им сокрушительный отпор. Один из иностранных очевидцев, ярый враг Москвы, записывает в своей хронике: «Русские держатся в крепости до последнего человека, скорее согласятся погибнуть до единого, чем идти под конвоем в чужую землю...»

Отвоевав Прибалтику, враги не решаются выступить в поход на Москву.

В 1582 году в Москву приезжают послы донского казака Ермака. В свое время богатые русские купцы-солепромышленники Строгановы послали казаков за Урал для новых завоеваний. А теперь послы Ермака бьют челом царю Ивану необъятной сибирской землей, отвоеванной Ермаком у татарского хана Кучума после долгой и кровавой борьбы.

Владения Москвы переваливают далеко за Уральский хребет и почти вплотную подходят к берегам далекого полноводного Енисея.

Ранней весной 1584 года в душных кремлевских покоях от неведомой болезни умирает царь Иван Васильевич, получивший прозвище Грозный.

Народ сложил былины о Грозном:

Когда ж то воссияло солнце красное,
Тогда-то воцарился у нас Грозный царь,
Грозный царь Иван Васильевич...
...Говорил Грозный царь Иван Васильевич:
«Есть чем царю, мне, похвастати:
Царскую порфиру на себя одел,
Царский костыль себе в руки взял,
И повыведу измену с каменной Москвы!..»

В царствование Ивана IV, полное тяжелых и славных войн и беспощадной борьбы с изменниками-боярами, Москва завершает то, что было начато еще при Иване Калите: «по всей русской земле одна вера, один вес, одна мера».

БОРЬБА С ПОЛЬСКИМИ ИНТЕРВЕНТАМИ

Незадолго до своей смерти Грозный ударом посоха убивает своего старшего сына Ивана. Наследниками царя остаются младший сын Дмитрий и царевич Федор — богомольный, юродивый, слабоумный.

Через несколько дней после смерти Грозного в Москве вспыхивает мятеж: борются две группы бояр — сторонники Федора и сторонники Дмитрия. По Москве разносится слух, будто Бельские отравили царя Ивана и задумали извести Федора. Тысячные толпы народа идут к Кремлю. На Фроловские (Спасские) ворота направлены жерла пушек, захваченных в Китай-городе. Победа остается за сторонниками Федора.

Побежденных обвиняют в измене, рассылают по городам и тюрьмам, отбирают у них вотчины, поместья, имущество.

Маленький царевич Дмитрий, единственный соперник Федора, отправлен в свой удел — небольшой волжский городок Углич. На московский престол садится новый царь, Федор Иванович.

Польский посол Сапега так описывает нового московского царя: «Царь мал ростом, довольно худощав, с тихим, даже подобострастным лицом, ум имеет скудный, или, как я слышал от других и заметил сам, не имеет никакого».

Другой современник, швед Петрей, рассказывает, что царь Федор от природы был почти лишен рассудка, находил удовольствие только в духовных предметах, часто бегал по церквам трезвонить в колокола и слушать обедню.

Новый царь был бы на месте в монастырской келье, но никак не на московском престоле.

Появившееся под гнетом Грозного заученное выражение забитой покорности Федор Иванович сохранил навсегда. И теперь, на престо-

ле, уже будучи царем, Федор перекладывает бремя власти на своих помощников — бояр.

Исподволь и осторожно первое место среди его советчиков занимает брат государевой жены, боярин Борис Федорович Годунов.

Борис — умный и хитрый царедворец. Еще в царствование Ивана IV он женился на дочери любимца Грозного, Малюты Скуратова-Бельского, выдал свою сестру за наследника престола, царевича Федора, вошел в доверие к мнительному царю Ивану.

Умирая, Грозный назначил в помощь своему несмышленому сыну правительственную комиссию, куда вошел и Борис. И теперь, пользуясь поддержкой сестры-царицы, Борис жестоко расправляется со своими конкурентами.

По приказу Бориса, князь Иван Мстиславский пострижен в монахи. Воротынские и Головины брошены в тюрьмы. Князья Иван и Андрей Шуйские сосланы на север и там удавлены. И даже московский митрополит Дионисий, попрекавший Бориса пытками и казнями, заточен в Новгородский монастырь.

Теперь Годунов — неограниченный повелитель над царем и государством. Он окружает себя царственным почетом и принимает иноземных послов в своих палатах с величавостью и блеском настоящего повелителя.

Годунов несчетно богат. Он добивается назначения наместником царств Казанского и Астраханского, он получает доходы с Рязани, Твери и Торжка, с бань и купален московских, с пчельников и лугов по обеим сторонам Москва-реки. В любой момент Борис может собрать в своих именьях стотысячную вооруженную армию.

Борис Годунов — правитель государства по имени и царь по власти.

Город Москва в эти годы растет и ширится.

При Федоре московскому митрополиту Иову присвоено звание патриарха. Москва становится резиденцией полномочного владыки русской православной церкви, независимого от древнего константинопольского патриарха.

Быстро растущая столица выходит уже далеко за пределы стен Кремля и Китай-города. И Годунов решает возвести третью линию крепостных укреплений — каменную стену по теперешнему бульварному кольцу.

Прошли века, но история Федора Коня сохранилась в памяти народа. По обрывкам старинных документов можно восстановить рассказ о трагической судьбе создателя крепостных стен Белого города.

...Весной 1573 года плотницкий сын Федор Савельев, прозванный Конем за свой рост и непомерную силу, строил в Москве дом немцу-опричнику Штадену. Хозяину не понравилась резьба на воротах. Немец ударил Коня палкой. Вспыльчивый и самолюбивый, Федор жестоко избил Штадена. Коню грозил застенок, пытка, быть может, казнь. Федор бежал из России в Германию, в город Страсбург. В шапке было зашито рекомендательное письмо Иоганна Клеро, иностранного мастера, работавшего вместе с Федором в Москве.

Шесть лет бродил Конь по свету. Побывал во Франции, Бельгии, Дании, Польше, Италии. Смотрел, учился, строил.

Военный инженер Иннокентий Барбарини говорил ему:

— Если вы останетесь в Италии, из вас выйдет великий инженер и архитектор.

Федору снилась по ночам деревянная, запорошенная снегом Москва, белые березы, хрустящий снег. Конь мечтал вернуться на родину, стать «городовых дел мастером» и строить на Руси дворцы и крепости, такие же прекрасные и строгие, какие он видел в солнечной Италии...

Ранней весной 1584 года Конь приехал в Москву. В Кремле, в душных дворцовых покоях, умирал царь Иван Васильевич Грозный.

Федор подал царю челобитную.

На челобитной была положена резолюция:

«Городовому мастеру Федору сыну Савельеву Коню на Руси жить дозволить, а за побег в чужие земли бить батоги пятьдесят раз».

Федора били батогами и заперли в тюрьму, чтобы не сбежал... Потом выпустили и велели строить лавки и погреба.

Мечты не сбывались: Федор Конь не стал «городовых дел мастером»...

В 1584 году Борис Годунов приказал Коню построить вокруг Москвы высокую и крепкую каменную стену.

Конь с головой ушел в работу. Ему казалось, что сбылось то, о чем мечтал он в далекой Италии: возведенная им крепостная стена украсит и защитит родную Москву. По ночам Федор грезил о башнях, о тайниках и строгих линиях амбразур.

Иногда, после бессонной ночи, полной творческих исканий, Федор разбирал почти законченную башню, чтобы на ее месте возвести другую, более стройную и прекрасную. Первый раз за свою жизнь он почувствовал себя свободным творцом, строителем, человеком...

Однажды Годунову донесли, что Федор уже в третий раз переделывает башню у Чертольских (Кропоткинских) ворот. Всесильный боярин велел передать Коню:

— А ежели Федька Конь и впредь чинить бесчиние будет, бить его, Федьку, батогами нещадно.

Конь запил. По ночам буянил он в московских кабаках, орал непристойные песни. Федор знал: в боярской Москве не сбудутся его мечты о прекрасном городе.

В 1593 году стена была закончена. Федор Конь получил кусок парчи и шубу и удостоен был в награду поцеловать край бархатной одежды у бормочущего молитвы самодержца Руси, царя Федора Ивановича.

Семь лет бродил Конь по стране, возводил крепостные стены Смоленска, строил церкви, пил, безобразничал, поносил бояр и попов. Его «били батогами нещадно», ссылали в глухие, окраинные монастыри. Федор не унимался.

Годунов велел «Федора Коня смирения ради отправить в Соловецкую обитель». В сырых подвалах северного монастыря решил боярин сгноить буйного Федора, знавшего тайны многих крепостей.

В 1605 году Конь бежал и не был пойман...

Так пропал без вести плотницкий сын Федор Конь — талантливый русский архитектор, создавший прекрасные крепостные стены и грозные башни Белого города.

1591 год был чреват событиями для Москвы.

В мае в столице с быстротой молнии разносится весть, будто в Угличе таинственной смертью погиб царевич Димитрий: среди бела

дня его нашли на дворе с перерезанным горлом. Угличане схватили заподозренных в убийстве и тут же растерзали их.

Показаний взять не с кого. Следственная комиссия, присланная из Москвы, под началом боярина князя Василия Ивановича Шуйского, выносит решение: царевич зарезался сам, упав на нож в припадке падучей болезни.

В мае же страшный пожар опустошает Арбат, Никитскую, Тверскую, Покровку, Китай-город. Тысячи бездомных погорельцев бродят по опустошенным улицам, по дымящимся пожарищам, отыскивая родных, близких, знакомых...

А в июле к Москве неожиданно подступает стопятидесятитысячная рать крымского хана Казы-Гирея.

Москва энергично готовится к обороне. В Кремле и Китай-городе на башнях и стенах подмосковных монастырей спешно устанавливаются пушки...

На рассвете следующего дня разведчики докладывают: хан, не ожидавший такого приема, ушел на юг. Московская конница преследует неприятеля...

Чтобы обезопасить Москву от новых набегов, Годунов велит спешно возвести четвертую линию московских укреплений.

Дьяки и подьячие сгоняют бедный люд на окраины Москвы. Днем и ночью идет работа. Через год новая деревянная крепостная стена длиною в четырнадцать километров, с тридцатью четырьмя воротами и пятьюдесятью башнями построена по линии теперешних Садовых улиц, охватывая часть Замоскворечья.

Посад, окруженный новой стеной, москвичи называют Скородумом или Скородомом: новое укрепление задумано и сооружено в невиданно короткий срок.

На строительство деревянных стен привлечены тысячи москвичей. Годунов щедрой рукой раздает погорельцам деньги, хлеб, строительные материалы. Но по Москве из дома в дом, от соседа к соседу, с опаской и бережением передается слух:

«Во всех бедах московских виноват Борис. Это он поджег город. Это он вызвал к московским стенам крымского хана. И все это сделал Годунов лишь для того, чтобы отвлечь Москву от своего страшного злодейского преступления — убийства в Угличе маленького царевича Дмитрия...»

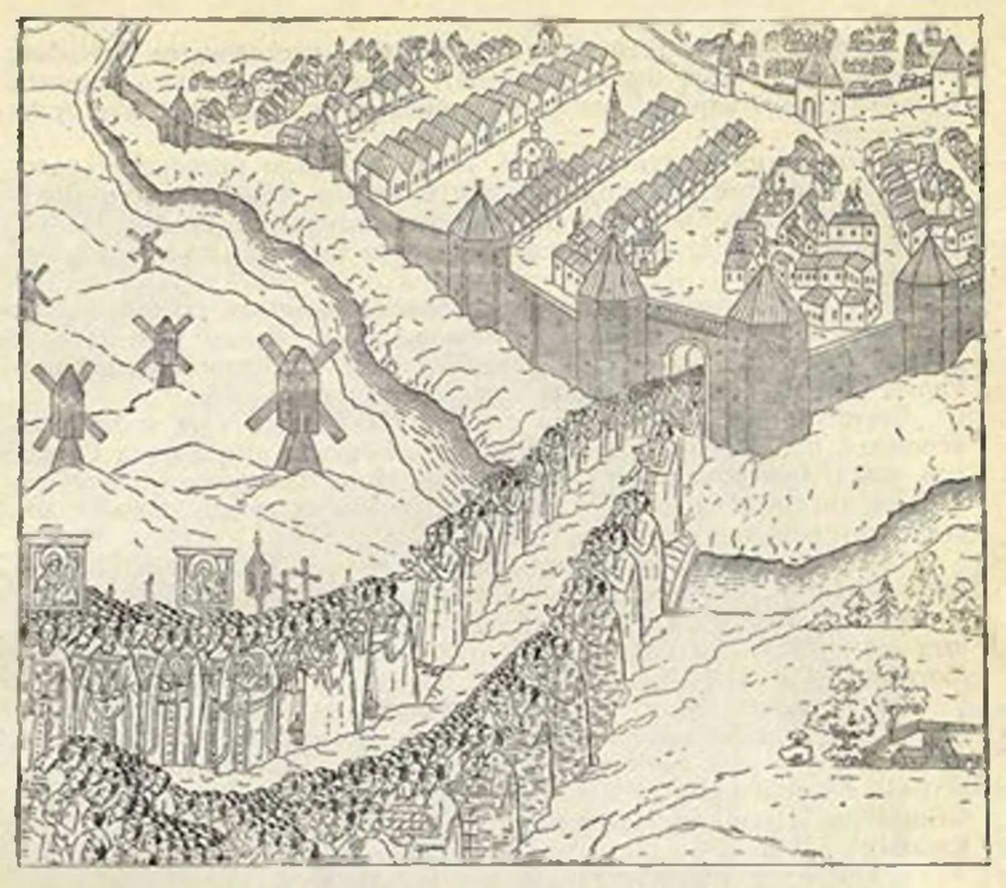
В 1598 году умирает царь Федор Иванович, не оставив после себя наследников.

Кто же будет самодержцем Руси? Быть может, правительницей станет царица Ирина, вдова покойного царя Федора, последнего потомка Ивана Калиты?

Но Ирина решительно отказывается от короны и уходит в Новодевичий монастырь, приняв после пострига имя Александры.

Итак, Русь должна выбрать себе царя и повелителя. Из всех возможных кандидатов самый видный — Борис Годунов, родной брат царицы и фактический повелитель над волей покойного царя Федора. Многим кажется он единственным человеком, который мог бы достойно принять царский скипетр из рук угасшей династии.

За Годунова — десятки влиятельных людей в Боярской думе, в приказах, в областном управлении. В годы царствования Федора они получили от Бориса власть и богатство. И они хорошо знают: сядет на престол Годунов — и у них умножатся и власть и деньги; при любом другом царе их, недавних ставленников побежденного диктатора, ждет опала, разорение, быть может, казни. К тому же, Борис

Волоцкая дорога и река Пресня. Вдали, справа видна каменная стена Белого города. Чуть ближе — деревянная стена Земляного города. Перед ней — река Пресня. Слева — ветряные мельницы.

еще в царствование Федора предусмотрительно обеспечил себя от врагов, послав их на плаху и сослав в далекие северные области.

За Бориса его несметное богатство. И по монастырям и кабакам уже ходят сотни монахов, дьякон, служилых людей и подбивают народ всем миром просить Годунова на царство.

Наконец, за Годунова его сестра, инокиня Александра, и его друг — патриарх.

Сам глава русской православной церкви Иов просит Бориса принять царскую корону.

Но Годунов не желает сесть на московский престол лишь по воле одного патриарха. Пусть вся страна выберет его своим государем: всенародный избранник будет чувствовать себя прочнее на шатком московском престоле. Ведь до сих пор еще ходят по Москве разговоры о том, будто к таинственной смерти царевича Дмитрия причастен властолюбивый Борис...

В феврале 1598 года собирается Земский собор. Его решение единогласно: просить Бориса Годунова на царство.

После торжественного молебна в Успенском соборе патриарх, духовенство, бояре и великое множество народа идут к Новодевичьему монастырю, куда к своей сестре-монахине приехал Борис Годунов. Патриарх объявляет Борису решение Земского собора. Но и те-

перь Годунов не согласен. Он уступит только настойчивым просьбам, он наденет на себя царскую корону, лишь подчинившись слезным мольбам своего народа: так будет спокойнее и безопаснее для будущего царя.

И только на следующий день, когда под звон московских колоколов новый крестный ход является к стенам Новодевичьего монастыря, Годунов соглашается сесть на московский престол.

Так в 1598 году Москва выбрала своим царем Бориса Федоровича Годунова.

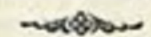
Не успевает весть об избрании Бориса разнестись по стране, как в столицу из далеких южных степей приезжают гонцы. Они доносят новому царю, что на Москву движется орда крымского хана Казы-Гирея, который ведет за собой полчища турок.

Борис организует оборону страны. На берегах Оки собирается огромная, полумиллионная русская рать. Годунов выезжает в Серпухов, чтобы руководить будущими боями. И каждый день в Серпухове пируют вместе с царем десятки тысяч служилых людей: новый царь всячески старается задобрить войско...

Слух о походе крымского хана оказывается ложным. Вместо грозной татарской рати являются лишь мирные послы. Борис велит пропустить послов на левый берег Оки через гущу своих бесчисленных полков, чтобы показать татарам всю великую военную мощь Москвы.

Отпустив послов с богатыми дарами, Годунов возвращается в Москву. Его торжественно встречают патриарх, бояре, народные толпы и колокольный звон московских церквей. Такой величественной встречи были удостоены лишь Дмитрий Донской после Куликовской битвы да Иван Васильевич Грозный, разгромивший татарскую Казань...

В Москве совершается торжество без подвига.

Борис начинает свое царствование умно и осторожно.

Он заботится о бедных и нищих, жестоко преследует разбой и пьянство. Старый типографщик Грозного Андроник Тимофеевич Невежа вместе со своим сыном занимается в Москве печатанием книг.

Продолжая дело Грозного, Борис мечтает о тесных связях с заграницей. По просьбе Годунова, ганзейские послы берут с собою в город Любек пять московских мальчиков, обязуясь выучить их латинскому и немецкому языкам. Английский посол Джон Мерик увозит в Лондон четырех недорослей «для науки разных языков и грамотам». В Москву на царскую службу приезжают иностранные врачи, рудознатцы, суконщики, мастера.

При Годунове укрепляются сложные дипломатические связи Москвы с Англией, Швецией, Италией, ганзейскими городами. Борис даже собирается выдать свою дочь Ксению за шведского принца Иоанна. Но принц, приехав в Москву, неожиданно умирает от горячки...

В 1601 году Русь, еще недавно пережившую суровые реформы Грозного и тяжелые многолетние ливонские войны, поражает голод. В столицу стекаются тысячи людей из голодающих районов. Годунов учреждает дневную раздачу хлеба. В Кремле организуются общественные работы: строятся две каменные палаты и надстраивается невиданно громадная для того времени колокольня Ивана Великого.

Так называемый Сигизмундов план Москвы начала XVII века: 1 — Кремль; 2 — Красная площадь; 3 — стена Китай-города; 4 — стена Белого города; 5 — стена Земляного города; 6 — Москва-река; 7 — Неглинная; 8 — Яуза.

Но ничто не помогает. Все новые толпы голодающих приходят в столицу. В Москве люди питаются трупами.

«Никто не смел подать кому-нибудь на улице милостыню, ибо собравшаяся толпа могла задавить того досмерти, — пишет голландец Исаак Масса, бывший в то время в Москве. — И я сам охотно бы дал поесть молодому человеку, который сидел против нашего дома и с большой жадностью ел сено в течение четырех дней, от чего надорвался и умер, но я, опасаясь, что заметят и нападут на меня, не посмел... Утром за городом можно было видеть мертвых, одного возле кучи навоза, другого наполовину съеденного, и так далее, отчего волосы становились дыбом у того, кто это видел».

В Москве начинаются грабежи среди бела дня. На юге и в центре страны вспыхивают голодные крестьянские восстания. И по Москве передают страшные рассказы, будто ночью кто-то видел на небе огненные столбы, которые сталкивались между собой. Другие рассказывают, что вчерашней ночью на небо взошли три луны сразу. Говорят о страшных уродах, родившихся в Москве, и о чернобурых лисицах, забежавших в столицу. На ночном небе появляется комета с большим хвостом. И в Москве уже поговаривают, что это беззакония Годунова навлекают бедствия на народ.

И снова по голодной бунташной Москве ползут слухи, будто Борис убил царевича Дмитрия, чтобы проложить себе дорогу к престолу. Юркие люди шопотом передают, что «проныр лукавый» Годунов отравил и доброго царя Федора с его дочерью, маленькой царевной Федосьей, и даже злодейски уморил свою сестру-царицу.

Как снежный ком, растет и катится по Москве клевета на Бориса: это он подговаривал крымского хана разгромить Москву, это его холопы пытались сжечь белокаменную столицу...

Годунов решает расправиться с недовольными и клеветниками.

Сотни сыщиков и выпущенных из тюрем воров шныряют по московским улицам, подслушивают, что говорят о царе, и хватают каждого, сказавшего неосторожное слово. Доносчиками становятся священники, монахи, кабатчики, холопы, бояре. Родные боятся говорить друг с другом. Страшно произнести имя царя — сыщик хватает и ведет в застенок.

За доносами следуют опалы, пытки, казни, разорение усадеб, ссылки на далекие северные окраины. «Ни при одном государе таких бед не бывало», замечает современник.

Аресты и казни порождают недовольство и новые порочащие слухи, и обезумевший Борис рассылает по Москве лицемерную и хвастливую молитву за царя и его семейство. При заздравной чаше москвичи должны молиться, чтобы «он, Борис, единый подсолнечный христианский царь, и его царица и их царские дети на многие лета здоровы были и счастливы, недругам своим страшны... имя его славилось бы от моря до моря и от рек до концов вселенной...»

И горе было тем, кто забывал об этой молитве!..

Князьям Шуйскому и Мстиславскому царь запрещает жениться, чтобы лишить их побуждений к честолюбивым замыслам.

Своему иноземному лекарю Борис приказывает по волоску выщипать у боярина Бельского его длинную бороду.

Особенно ненавидит Борис боярский кружок во главе с Романовыми, двоюродными братьями покойного царя Федора. В них царь видит вождей и вдохновителей боярской оппозиции.

Пятерых Романовых, их родных и друзей с женами, детьми, сестрами, племянницами Годунов ссылает в отдаленные окраины госу-

дарства, а одного из них, Федора Никитича Романова, вместе с женой постригает в монастырь.

Всех подозревая, Борис прячется во дворце, редко выходит к народу, не принимает челобитных. «Мучась воспоминаниями и страхами, — пишет современник-иностранец, — царь всех боится, как вор, ежеминутно опасающийся быть пойманным...»

В 1600 году по Москве разносится страшный слух: Годунов промахнулся в Угличе — там зарезали подставного царевича, а настоящий жив и теперь идет из Литвы во главе несметной армии добывать себе московский престол.

Страшный слух растет и ширится. В Москве появляются подметные грамоты самозванца: их привозят в мешках с хлебом, купленным в Польше. И в столицу уже начинают приходить первые сведения об успехах Лжедмитрия...

Самозванец — ставленник польских панов. Эти старые враги русского государства, воспользовавшись голодом и волнениями на Руси, отыскали подходящего человека, распустили слух, будто он — уцелевший сын Грозного, и с помощью самозванца хотят захватить Москву.

Польская армия, поддерживающая самозванца, движется по юго-западным окраинам Руси. Лжедмитрий всем обещает блага — боярам, казакам, холопам, — и в армию польских интервентов вливаются недовольные — бродячие казацкие шайки и отряды беглых холопов.

Самозванцем уже взяты Путивль, Рыльск, Севск, Елец. Борис подсылает к самозванцу монахов с ядом. Но заговор открыт, и подосланные Борисом монахи посажены на кол.

Весной 1605 года Борис Годунов неожиданно умирает. По Москве разносится слух: царь умер от яда, приготовленного им для самозванца.

На московский престол вступает шестнадцатилетний сын Бориса, царевич Федор.

В войсках, высланных против Лжедмитрия, неспокойно. Бояре переходят на сторону самозванца. Главнокомандующий русской армией Басманов изменяет царю и передает войско в руки Лжедмитрия. Теперь самозванцу открыта дорога в столицу.

Летом 1605 года послы Лжедмитрия, дворяне Наум Плещеев и Гаврила Пушкин, появляются с грамотами самозванца в подмосковном Красном селе (теперешние Красносельские улицы). Вместе с послами жители села идут в столицу. Здесь с Лобного места Пушкин читает грамоту Лжедмитрия: польский ставленник прощает москвичам их присягу молодому Годунову, обещает всем милости, а в случае неповиновения угрожает татарским нашествием.

Толпа вызывает из Кремля боярина Василия Шуйского, того самого, что еще при царе Федоре Ивановиче производил следствие о смерти маленького Дмитрия.

Хитрый, лживый боярин объявляет толпе:

— В Угличе убит не царевич, а попов сын.

Народ врывается в Кремль.

Патриарх Иов сослан в Старицкий монастырь. Жена и сын Бориса зверски задушены. Тело Бориса вынуто из гробницы в Архангельском соборе, положено в простой гроб и погребено в бедном монастыре на Сретенке...

Во главе польских войск в Москву торжественно въезжает самозванец.

Москва наводнена интервентами.

Пьяные шайки поляков шатаются по московским улицам, грабят лавки, врываются в дома. Иноземцы ведут себя как победители в завоеванном городе.

Самозванец щедр к своим друзьям-полякам.

Польскому королю Сигизмунду новый русский царь посылает из московских сокровищниц драгоценные жемчужины и дорогие золотые кубки, украшенные каменьями. Своей невесте, дочери польского вельможи Марине Мнишек, Лжедмитрий отправляет цепь червонного золота, украшенную бриллиантами, три пуда жемчугов, золотые слитки, золотой рукомойник и обещает в приданое русские города — Новгород и Псков...

Своим иноземным войскам самозванец платит такое жалованье, что они носят бархатные плащи, обшитые золотым позументом.

3 мая 1606 года в Москву торжественно въезжает Марина Мнишек. У нее позолоченная карета, отделанная золотой парчой. Внутри кареты лежат подушки, унизанные крупным жемчугом. Карету сопровождают две тысячи вооруженных польских воинов.

Марину торжественно коронуют в Успенском соборе...

Празднуя царскую свадьбу, каждый день пируют поляки в московском Кремле. Самозванец безустали веселится с польскими друзьями и немцами своей охраны. Но Москва бурлит.

Крестьяне недовольны переворотом: в их судьбе ничего не изменилось. Купцы, ремесленники, посадские люди ненавидят интервентов: вместо обещанных благ — разбой, кнут, пытки, разорение. Но и бояре, изменой наведшие польские полки на Русь, не желают иметь на престоле проходимца. Они хотят «настоящего» государя всея Руси — из своей, боярской среды.

Против самозванца составлен заговор. Во главе заговорщиков — все тот же старый боярин, дважды изменник и лжец, князь Василий Иванович Шуйский...

В ночь на 17 мая 1606 года в Москве раздается набат. Весь московский люд поднимается против интервентов. На улицах перебито несколько тысяч поляков. В кремлевском дворце зарублен изменник Басманов, преданный друг самозванца. Лжедмитрий, спасаясь от погони, прыгает из окна и ломает себе ногу. Он изрублен саблями. Худенькая Марина прячется под широкую юбку своей толстой придворной гофмейстерины...

Три дня лежат обезображенные трупы самозванца и Басманова на Красной площади. На труп Лжедмитрия надета шутовская маска, в руки вложены дудка и волынка.

Сначала самозванца хоронят в «убогом доме» за Серпуховскими воротами. Потом труп вырывают из могилы, сжигают и, смешав пепел с порохом, стреляют им из пушки в сторону Польши...

19 мая на шумную и людную Красную площадь приходят бояре и духовенство. Кто-то кричит в толпе, что новым царем должен быть Василий Иванович Шуйский.

Толпа молчит...

Так не выбирается, а выкрикивается на московский престол новый царь.

А по Москве поляки уже распускают слухи, будто в ночь переворота исчезли из царской конюшни девять лучших лошадей, будто проехали на этих лошадях через московскую заставу люди с закрытыми лицами и что в кремлевском дворце убит не настоящий Дмитрий, а простой польский шляхтич.

Наконец-то бояре добились своего. Теперь на московском престоле сидит боярский царь Василий Шуйский — низкорослый, большеротый, некрасивый старик с подслеповатыми глазами, весьма скупой и очень хитрый, великий интриган и лжец.

Шуйский плоть от плоти и кровь от крови боярский царь. Он пальцем не шевельнет, чтобы улучшить положение крестьян, холопов, посадских людей. Наоборот, потворствуя боярской воле, Василий еще больше закабаляет крестьян. И против нового царя вспыхивают на Руси крестьянские восстания.

Во главе восставших — Иван Исаев Болотников, русый великан, талантливый полководец, смелый и честный человек.

Когда-то он был боярским холопом. Судьба забросила его за пределы Руси. Он побывал в Крыму и Венеции, испытал татарский плен и турецкую каторгу. И теперь во главе крестьянской рати он подходит к Москве.

По дороге восставшие крестьяне жгут боярские усадьбы, круто расправляются с ненавистными вотчинниками, уничтожают дворы богатых купцов.

Рядом, но не вместе с крестьянской ратью подходят к столице отряды мелких помещиков. Они также недовольны боярским самовластием, им не по душе боярский ставленник, сидящий на московском престоле, и они попутчиками пристают к двадцатитысячной армии смелого Болотникова.

Зимой 1606 года под Москвой, у деревни Котлы, Болотников дает бой царским войскам. И вот тут-то в критический момент, когда решается судьба боярского царя, дворяне изменяют: им все же ближе бояре, чем холопы. И дворянский отряд Истомы Пашкова покидает Болотникова.

Болотников разбит. Он отступает сначала в Калугу, потом в Тулу.

Долго длится героическая оборона тульской крепости. Осажденные голодают. Царские войска перегораживают реку Упу запрудой ниже Тулы, и вода заливает город. Но все же Болотников не сдается.

Царь предлагает почетную сдачу. Шуйский клянется на кресте и евангелии предоставить осажденным право с оружием в руках покинуть Тулу. Болотникову торжественно обещаны царем жизнь и свобода. И восставшие крестьяне доверчиво открывают крепостные ворота...

Старый лжец солгал еще раз.

Болотников схвачен и сослан в далекий северный городок Каргополь. Здесь, по царскому приказу, ему выкалывают глаза, а потом слепого великана, поверившего царской клятве, топят в проруби.

Соратников Болотникова бросают в тюрьмы, раздают в рабство.

Под колокольный звон московских церквей гордым, торжествующим победителем въезжает в столицу Шуйский, предательством и ложью сломивший мужество крестьянской рати Ивана Болотникова.

А по Москве, на рынках, в кабаках, во дворах боярских усадеб, ползут слухи:

— Так же как Борис Годунов промахнулся в Угличе, так и Василий Шуйский промахнулся в Москве. Дмитрий жив. В Кремле убили простого польского шляхтича. Настоящий же царь чудом спасся, убежал в Польшу и теперь снова идет в Москву добывать московский престол.

Слухи эти распускают по Москве польские паны. Потерпев неудачу с первым самозванцем, они подыскали нового ставленника, готового по приказу иноземцев грабить и разорять Русь.

Во главе десятитысячного войска новый самозванец переходит русскую границу. К нему пристают бродячие казацкие отряды. Шумным лагерем останавливается пестрая рать у подмосковного села Тушино, между реками Москвой и Сходней.

Никто твердо не знает, кто в действительности новый Лжедмитрий.

Одни уверяют, будто самозванец — сын боярина Курбского, при Иване Грозном бежавшего в Литву. Другие говорят, что это школьный учитель, по имени Иван, из города Сокола. И народ согласно дает ему позорное прозвище «Тушинский Вор».

В лагерь Вора приезжает Марина Мнишек, вдова первого самозванца. Не моргнув глазом, жадная полька признает Вора своим мужем, чудом избегнувшим смерти в Кремле. Вор, благодарный за признание, щедро обещает пану Мнишек Северскую землю.

Кольцом своих шаек окружает Вор Москву. В столице начинается голод. Резко поднимаются цены на хлеб. Каждую ночь кровавое зарево пожаров стоит над столицей. И московские бояре, чуя близкую гибель Шуйского, начинают перебегать к Тушинскому Вору.

Среди этих «тушинских перелетов», как прозывает их народ, — боярин Федор Никитич Романов, постриженный при Годунове в монахи под именем Филарета. Тушинский Вор милостиво награждает перебежчика саном московского патриарха.

Жадным польским отрядам нечем поживиться в разоренном Подмосковье. И многие из них устремляются на восток и на север: на волжских берегах они надеются найти богатую добычу.

Огнем и мечом проходят поляки города и села Руси, оставляя за собой пепелища, смерть, горе, слезы.

В старой русской песне поется о поляках:

Приехали ко перву селу, ко Славскому:
В том селе было три церкви,
Три церкви было соборниих;
Они то село огнем сожгли,
Разоряли те церкви соборнии,
Черных мужиков повырубили.
Ехали они ко второму селу, Карачеву:
В том селе было шесть церквей,
Шесть церквей было соборних;
Они то село огнем сожгли,
Разоряли те церкви соборнии,
Черных мужиков повырубили.
Ехали они ко третьему селу, самолучшему,
Самолучшему же селу Переславскому:
В том селе было девять церквей;
Они то село огнем сожгли,
Разоряли те церкви соборнии,
Черных мужиков повырубили,
Полонили они полоняночку,
Молоду Настасью Митриевичну,
С тым со младенцем с двухмесячным.
И на той ли на великой радости
Выезжали во далече, далече чисто поле,
На чое раздольице широкое,
Раздернули шатры полотняные,
Они почали есть-пить, прохлаждатися...

Троице-Сергиевская лавра геройски отбивает польские штурмы.

Но не долго «ели-пили, прохлаждалися» поляки на привольной волжской земле. Против поляков поднимаются Кострома, Ярославль, Суздаль, Молога, Рыбинск, Углич. Заволжские крестьяне, защищая родную землю, жестоко громят иноземных захватчиков. Жалкие остатки побитых польских отрядов возвращаются в Тушино...

Осенью 1608 года поляки начинают осаду Троице-Сергиевской лавры — богатого монастыря, расположенного в семидесяти километрах от Москвы и еще при Грозном укрепленного толстыми каменными стенами.

У стен монастыря проходят дороги на Волгу и русский Север. Для поляков лавра — ключ к овладению богатым Верхним Поволжьем.

Тридцатитысячное польское войско окружает монастырь, где заперлись монахи, служилые люди, монастырские работники и окрестные крестьяне.

Шестьдесят три польских орудия громят монастырские стены. Десятки раз бросаются поляки на штурм. В монастыре цынга и тиф. Но геройски держатся осажденные.

Шуйский призывает на помощь шведов. С далекого северо-запада на выручку царя Василия приходят под начальством князя Михаила Скопина-Шуйского шведы, немцы и шотландцы, закованные в латы.

В начале 1610 года, после неудачной полуторагодовой осады, поляки отходят от стен Троице-Сергиевской лавры.

Но тут на русскую землю обрушивается новая напасть: шведы, пользуясь смутой, захватывают Великий Новгород; польский король Сигизмунд переходит границы Руси и осаждает Смоленск. Враги растаскивают Россию по кускам.

У деревни Клушино, недалеко от Можайска, поляки наносят поражение царским войскам. Теперь дорога полякам на Москву открыта.

Окрыленный успехами своих друзей, Тушинский Вор подходит к подмосковному селу Коломенскому. Польские отряды стоят у Новодевичьего монастыря.

Москва сжата кольцом врагов...

В июле 1610 года в Москве происходит переворот. Василий Шуй-

ский сведен с престола и пострижен в монахи. Во главе государства становится Боярская дума — верховный совет из семи бояр.

Свержение царя Василия не приносит успокоения Москве. Правда, Тушинский Вор убит одним из своих соратников, но с юго-запада, из Польши, движется на Москву польская армия. Это польский король Сигизмунд, обойдя геройски обороняющийся Смоленск, открыто идет на Москву. Король хочет посадить на московский престол своего сына, королевича Владислава.

Против Боярской думы выступают польские захватчики. В подмосковных вотчинах с новой силой вспыхивают крестьянские восстания.

Дума не в силах справиться с обоими врагами. Надо заключить союз с одним из них, чтобы разгромить второго.

Выбор Боярской думы ясен: «лучше служить польскому королевичу, чем быть побитым от своих холопов», лучше продать родину интервентам, чем поступиться хотя бы частицей своей власти над народом...

Темной осенней ночью 1610 года бояре-изменники тайком впускают в Кремль польские и немецкие отряды.

Сердце столицы — в руках врага. Теперь польские паны чувствуют себя хозяевами Москвы: захватывают бесценные сокровища русских царей, врываются в дома, насильничают, грабят.

Москва бурлит. Нарастает грозный народный гнев. Схватка неизбежна. Поляки, понимая это, готовятся к борьбе.

В Кремль свозят пушки и пищали. В домах Китай-города размещены отряды поляков и немцев. В Москву запрещен ввоз мелких дров, чтобы у москвичей не было дубин. На заставах польские отряды тщательно обыскивают крестьянские сани. На дне саней сплошь и рядом лежат самопалы. За такой груз поляки спускают крестьян в проруби Москва-реки. Но на следующий день смельчаки снова пытаются провезти оружие в бурлящую Москву...

У поляков уже готов план обороны: они выжгут Москву и отсидятся за грозными крепостными укреплениями Кремля и Китай-города, пока король Сигизмунд не придет к ним на помощь.

Борьба может вспыхнуть каждую минуту...

19 марта 1611 года поляки сгоняют московских извозчиков поднимать пушки на стены Китай-города. Извозчики отказываются. Вокруг собирается негодующая толпа.

Неожиданно из кремлевских ворот вылетает отряд польской конницы и обрушивается на безоружных. Блестят на солнце кривые польские шашки. Льется кровь.

Сотни москвичей погибают в этой резне. Но на московских улицах вырастают баррикады из столов, ларей, бревен, домашней утвари, извозчичьих повозок. Москвичи поражают поляков с крыш камнями и пулями. Ремесленники бросаются на закованных в латы немецких воинов с засапожными ножами.

Тогда враги решают поджечь Москву. Город вспыхивает в разных местах. Пламя быстро распространяется по деревянному Белому городу. Но в дыму и огне продолжается бой.

Особенно долго держатся русские у дома князя Дмитрия Пожарского, что стоит между Сретенкой и Мясницкой. Сюда с соседнего Пушечного двора москвичи притащили пушки и разят врага из-за деревянных баррикад.

Поляки поджигают соседние дома. Огненное кольцо окружает смельчаков. Но князь Пожарский мужественно ведет в атаку свой

Козьма Минин во главе отряда русских войск наносит поражение полякам у Крымского брода, под Москвой.

маленький отряд и не раз обращает в бегство немецких мушкетеров и польских конников.

Горсти смельчаков не одолеть многотысячного врага. Князь ранен. Москвичи тайно увозят Пожарского из горящей столицы...

Двое суток пылает Москва. То, что не сгорело в первом пожаре, враги поджигают снова.

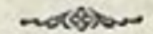
Свидетель пожара немец Конрад Буссов пишет:

«Двухдневный пожар превратил в пепел обширную столицу Русского царства... ничего в ней не уцелело, кроме царского замка, занятого королевским войском, и немногих церквей каменных. Все прочее было жертвой огня: сгорели все деревянные здания, все красивые дома, боярские и купеческие; остались только немногие стены, каменные погреба, церкви и часовни».

Эти каменные погреба и подклети, где москвичи хранили свое добро, теперь свободно грабят торжествующие враги.

«Немцы и поляки ничего более не делали, как только собирали сокровища, — пишет все тот же Буссов. — Им не нужно было ни дорогих полотен, ни олова, ни меди; они брали одни богатые одежды, бархатные, шелковые, парчевые, серебро, жемчуг, драгоценные каменья, снимали с образов дорогие оклады; иному немцу или поляку досталось от десяти до двенадцати фунтов чистого серебра. Тот, кто прежде не носил ничего, кроме окровавленной рубахи, теперь носил богатейшую одежду... Никто не заботился о сбережении съестных припасов... Безумные все истребляли, воображая, что им ничего не надобно, кроме шелковых одежд и драгоценных каменьев...»

Вместе с кучкой родовитых бояр-изменников поляки запираются в Кремле и Китай-городе.

Великое разорение столицы поднимает русские города. Для борьбы с врагом создаются ополчения.

Первое ополчение рязанского воеводы Прокопия Ляпунова стоит под Москвой вместе с казаками Заруцкого и отрядами бывшего «тушинского боярина» Трубецкого. Начинаются интриги, ссоры, вражда. Ляпунов убит. Ополчение разваливается...

Многим начинает казаться, что пришел конец русскому государству. Крупный польский отряд вместе с немецкими мушкетерами укрепился за уцелевшими стенами Кремля и Китай-города. Польский король, взяв наконец геройски защищавшийся Смоленск, идет на Русь, чтобы освободить осажденных в Кремле поляков. Шведы прочно укрепились в Новгороде и выставили одного из своих королевичей кандидатом на московский престол. Боярская дума распалась сама собой.

Кажется, что русского самостоятельного государства уже не существует...

Но на выручку гибнущей родины поднимается русский народ. Немало народных героев, подобных Ивану Сусанину, жертвует жизнью для спасения отчизны.

Козьма Минин, нижегородский староста, торговец мясом и рыбой, человек честный и рассудительный, пользующийся безграничным доверием нижегородцев, организует второе ополчение.

«Зачинщики» нижегородского ополчения — сироты посадские, холопы, беглые крестьяне из разоренных поляками областей. На патриотические призыв нижегородцев стекаются крестьяне из деревень и

Князь Дмитрий Пожарский во главе народного ополчения штурмует Кремль, занятый польскими интервентами.

мелкие служилые люди из городов — Балахны, Юрьевца, Ярославля, Суздаля и Костромы; собираются дворянские отряды. Весь русский народ встает на защиту родины.

Нижегородцы единогласно облекают Козьму Минина званием «выборного от всей земли» и на общем земском сходе выносят «приговор».

В «приговоре» сказано:

«Стоять за истину всем безызменно, к начальникам быть во всем послушными и покорливыми и не противиться им ни в чем; на жалованье ратным людям деньги давать, а денег не достанешь — отбирать не только имущество, но и дворы, и жен, и детей закладывать, продавать, а ратным людям давать, чтобы ратным людям скудости не было».

Щедрым потоком текут деньги поволжских городов в кассу народного ополчения. Тысячи людей жертвуют золото, серебро, драгоценности. Женщины снимают с себя серьги и кольца. Жертвуют не от избытка, а кровное имущество. На защиту родины, на освобождение Москвы от власти польских панов народ отдает, не жалея, самое заветное, самое дорогое.

Во главе ополчения становится князь Дмитрий Пожарский, тот, кто храбро сражался с врагами в пылавшей Москве, кто никогда не изменял отчизне...

Нижегородское ополчение идет на Москву.

Летописцы единодушно рассказывают, что у нижегородцев «никакой спорины не было»: сам народ шел устанавливать «порядок на земле».

Под Москвой нижегородское ополчение встречается с казацкими

отрядами Трубецкого, готового стать союзником того, «чья возьмет». Но к осажденным в Москве полякам спешит гетман Ходкевич с съестными припасами. Осмелевшие поляки производят из Кремля дерзкие вылазки в тыл ополчению.

Надо действовать немедленно, решительно и смело. И Минин сам решает ударить на врагов. Он просит у Пожарского людей.

— Бери, кого хочешь, — говорит князь.

Козьма берет роту Хмелевского и три сотни дворян. Неожиданно переправившись через Москва-реку, Минин обрушивается на две роты поляков. Враг панически отступает, конные топчут пеших.

Русские войска, засевшие в ямах, бросаются на поляков. Гетман не выдерживает этого сокрушительного натиска и бежит со своим войском, оставляя таборы, снаряжение, обозы.

Это сражение решает судьбу интервентов.

Победы следуют одна за другой. Король Сигизмунд отступает от Волоколамска. В октябре 1612 года взят приступом Китай-город. Засевшая в Кремле горсточка поляков жестоко голодает.

Польский полковник пан Будило пишет в своем дневнике:

«Настал такой голод, когда не стало трав, корней, мышей, кошек, падали, и едят осажденные пленных, съели умершие тела, вырывая их из земли... Пехотный поручик Трусковский съел двух своих сыновей; один гайдук тоже съел своего сына, другой съел свою мать; один шляхтич съел своего слугу; словом, отец сына, сын отца не щадил; господин не был уверен в слуге, слуга в господине; кто кого мог, кто был здоровее другого, тот того и ест. Об умершем родственнике или товарище, если кто другой съедал такового, судят, как о наследстве, и доказывают, что его съесть следовало ближайшему родственнику, а не кому другому...»

И все-таки, умирая с голоду, поляки не сдаются: жадные польские паны, награбив несметные сокровища, все еще надеются, что им удастся подкупить Трубецкого, Пожарского, народ или хотя бы подослать убийц к народным избранникам и унести в Польшу награбленные богатства.

Но народ неподкупен. Покушение на Пожарского не удается. И 26 октября 1612 года поляки сдаются на милость победителя.

Москва очищена от врагов. Москва — снова русский город. Но ужасен вид освобожденной столицы.

Посады, Белый город, Замоскворечье выжжены дотла. Кое-где торчат покрытые копотью печные трубы...

В освобожденную Москву для избрания нового царя съезжаются со всей земли выборные от бояр, духовенства, дворян, купцов, казаков. После долгих споров и пререканий 21 февраля 1613 года на московский престол выбран шестнадцатилетний Михаил Федорович Романов.

БУНТАШНОЕ ВРЕМЯ

Москва разорена: выжжены подмосковные села и деревни, сгорел Скородом, разграблены Кремль и Китай-город, и даже царские палаты и хоромы стоят без кровель, без полов и лавок, без окон и дверей.

Разорена страна. Огнем и мечом прошли шайки польских панов по городам и селам Руси. Великий Новгород — под властью шведов. Смоленском владеет польский король. И нет покоя измученной России.

По разоренной стране бродят казацкие отряды. Достигнув Москвы, они останавливаются в подмосковном селе Ростокине.

Царские войска громят казаков. Но уже пылают села вокруг Владимира и Суздаля, Мурома и Нижнего — это восстали черемисы (марийцы) и казанские татары.

На северо-западной окраине Руси Москва продолжает войну со Швецией. Только после неудачной осады Пскова шведы заключают мир. Великий Новгород снова становится русским городом. Но берега Финского залива остаются за Швецией. Москва попрежнему лишена выхода к Балтике, за который с таким упорством боролся при Грозном русский народ. И шведский король Густав-Адольф хвастливо говорит на заседании шведского сейма в 1617 году:

«Русские — опасные соседи: границы земли их простираются до Северного, Каспийского и Черного морей; у них могущественное дворянство, многочисленное крестьянство, многолюдные города; они могут выставлять в поле большое войско. А теперь этот враг без нашего позволения не может ни одного судна спустить на Балтийское море. Большие озера — Ладожское и Пейпус (Чудское), — Нарвская область, тридцать миль обширных болот и сильные крепости отделяют от него; у России отнято море, и, бог даст, теперь русским будет трудно перепрыгнуть через этот ручеек».

Не успела затихнуть война со Швецией, как польский королевич Владислав, все еще мечтающий о московском престоле, выступает из Варшавы на Москву. Одновременно с ним движется к столице двадцатитысячное войско запорожских казаков под начальством гетмана Сагайдачного.

В 1617 году враги подходят к Москве. Войска польского королевича останавливаются в Тушине. Казаки Сагайдачного — у Донского монастыря.

Столица снова в осаде.

В ночь на 1 октября поляки бросаются на штурм московских укреплений. Бой идет уже у Арбатских и Тверских ворот Белого города. Но штурм отбит москвичами. И Владислав снимает осаду. Мужественное сопротивление русских заставляет поляков, утомленных долгой войной, начать переговоры. Обе стороны идут на некоторые уступки, и, хотя полный мир между непримиримыми врагами невозможен, между Москвой и Польшей заключено временное перемирие: Владислав не отказывается от своих притязаний на московский престол, Польша не отдает русским отнятых ею в Смутное время земель; обе стороны соглашаются только на размен пленными.

В 1619 году из польского плена возвращается в Москву Филарет Никитич Романов, отец царя Михаила. Филарет посвящен в сан московского патриарха. Ему также присваивается титул великого государя.

В Москве теперь два государя: молодой и болезненный государь всея Руси Михаил Федорович и его отец, великий государь и московский патриарх, твердый и властный Филарет. Все дела докладываются обоим государям, иностранные послы подают двойные грамоты, подносят двойные дары.

Рядом с Михаилом и Филаретом в Москве продолжает заседать Земский собор.

Избрав царя на московский престол, собор охраняет его как своего ставленника, прекрасно понимая, что без царя снова рассыплется с таким трудом восстановленный земский порядок.

С другой стороны, и царь, избранный собором, чувствует, что без собора ему невозможно править взбудораженной смутами громадной страной.

Первое время царь и собор крепко держатся друг за друга: все мало-мальски крупные решения выносятся в Москве не иначе, как «по совету всея земли»...

Проходят годы. Крепнет царская власть. В Кремле вырастает прочный чиновничий аппарат московских «приказов». Вокруг московского трона появляются влиятельные боярско-дворянские кружки, из которых вербуются близкие царю люди. И для царя, который правит страной через свои приказы, собор становится обузой.

Земские соборы собираются все реже и реже и наконец, уже в царствование сына Михаила, царя Алексея, прекращают свое существование.

Управление всей громадной страной сосредоточено теперь в московском Кремле. Десятки приказов ведают делами государства. Тут Холопий приказ, занимающийся делами о холопах, и Поместный приказ, рассматривающий дела вотчинного и поместного владения; Разбойному приказу подведомственны уголовные дела, Посольскому — сношения с иностранными государствами; Разрядный приказ занимается военными делами, приказ Большого прихода — государственными доходами. А дальше — приказы Большого дворца,

Конюшенный, Аптекарский, Панихидный, Ямской, Сибирский, Владимирский...

Деятельность всех приказов объединяется Боярской думой.

В Москве вырастает громадная чиновничья армия.

При Михаиле начинает отстраиваться разоренная и сожженная Москва.

В Кремле вырастают новые каменные жилые царские палаты. Реставрированы пострадавшие от поляков кремлевские соборы. В Китай-городе и Белом городе снова широко раскинулись богатые хоромы и просторные усадьбы бояр и богатых купцов. Вокруг Белого города вновь вырастает пояс московских слобод. И в 1638 году вместо сгоревших деревянных стен Скородома, по приказу царя, вокруг московских посадов возводится земляной вал, наподобие тогдашних голландских крепостных укреплений. Скородом переименовывается в Земляной город...

При Михаиле Романове возвращается в свою колею широкая и привольная жизнь боярских усадеб. Как и в былые годы, дородные бородатые бояре ежедневно торжественно съезжаются в Кремль на сидение в Боярской думе. Правда, при дворе уже не видно ряда знатных фамилий, прежде постоянно состоявших при московском государе. Нет князей Шуйских, Курбских, Холмских, Микулинских, Пенковых. Исчезли Тучковы, Челяднины, Годуновы. Сходят со сцены князья Мстиславские, Воротынские. Все это результат казней и опал Ивана Грозного, царя Бориса и кровавого «смятения Московской земли».

Вместо них появляются новые фамилии: Стрешневы, Нарышкины, Милославские, Лопухины, Языковы, Толстые, Хитрово — «худые люди и молодые детишки боярские», которые в Смутное время получили высокие чины и были возведены в звания окольничьих, думных дворян и думных дьяков.

Но это «худородное дворянство», получив власть и богатство, внешне перенимает прежние традиции и замашки старых, исконных московских бояр. Так же широко стоят в Москве боярские усадьбы, выходя клиньями своих заборов чуть ли не на середину улицы, так же ютятся в подклетях сотни боярских холопов и в тяжелых колымагах разъезжают по Москве дебелые боярыни.

Как прежде, до «великой разрухи» Смутного времени, шумит торг на Красной площади. Скрипят водяные мельницы на Неглинной, у Куретных ворот. Только иначе выглядят Спасские ворота Кремля: англичанин Галловей в 1624 году надстроил на воротах высокую стрельчатую вышку.

На Спасской башне Галловей установил громадные часы «с перечасьем» (музыкой). Часы обращены на Красную площадь и в сторону Кремля. Тяжелые циферблаты окрашены лазурью и расписаны золотыми и серебряными звездами. Неподвижная стрелка похожа на солнечный луч. Вместо стрелки вращаются двадцатипудовые «указные», или «узнатные», колеса-циферблаты. На циферблатах — вызолоченные часовые славянские цифры и посеребренные получасовые звезды.

По всей Москве сооружаются новые каменные храмы. В Кремле строятся каменные царские терема. Наконец, в 1633 году все тот же англичанин Галловей поднимает воду на Свиблову башню Кремля.

Отсюда вода поступает во дворец, дворцовые сады, в Сытенный и Кормовой дворы.

Так создается первый московский водопровод...

Бояре уже не чуждаются камня для постройки своих домов, и выписанный «из голландской земли немчин, кирпичный мастер Редерик Матрыс», ставит в Даниловской слободе кирпичный завод «по своему немецкому образцу».

По государеву вызову для постройки первого каменного моста через Москва-реку в 1643 году приезжает из Страсбурга «палатный мастер» Анце Кристлер вместе со своим дядей Иваном Кристлером. Не доверяя московским мастерам, они привозят с собой все инструменты и оборудование для постройки: «разные медные и железные части, медную печь, подлятки, долотники, ворота с лопатами, шурупники, кирки железные».

По проекту Кристлера, плотники строят модель моста.

Боярам каменный мост через реку кажется чудом. Они не верят в возможность его постройки.

— Можно ли тому мосту устоять от льду толщиною в два аршина? — спрашивают Кристлера думные дьяки Григорий Львов и Степан Кудрявцев.

— У моста будут сделаны шесть быков каменных острых, — отвечает Кристлер, — а на те быки учнет лед, проходя, рушиться, а тут рушенный лед учнет проходить под мост, и ото льду порухи никакой не будет.

— Можно ли будет по тому мосту возить большой пушечный снаряд и от большой тягости устоят ли своды? — не унимаются дьяки.

— Своды будут сделаны толсты и тверды, — терпеливо объясняет Кристлер, — и от большой тягости никакой порухи не будет...

Кристлер не дожил до окончания постройки. Лишь через сорок четыре года, уже в правление царевны Софьи, Большой Каменный мост возведет безвестный русский монах...

Летом 1645 года, почти одновременно лишившись отца и матери, на московский престол вступает шестнадцатилетний Алексей Михайлович. И так же, как Борис Годунов был диктатором над волей царя Федора, как властный Филарет Никитич Романов стал соправителем Михаила Федоровича, так в первые годы царствования Алексея безграничным влиянием на царя пользуется «болярин честен и смотритель крайний и царского величества от его младенческа возраста хранитель», царский воспитатель Борис Иванович Морозов.

Чтобы крепче прибрать к своим рукам молодого царя, Морозов женит его на одной из дочерей Милославского, а сам женится на сестре новой царицы.

Теперь Морозов — близкий родственник царя. Он забирает в свои руки доходные приказы — Большой казны и Стрелецкий.

Морозов окружает себя своими людьми. И всеми делами государства начинает заправлять маленькая кучка друзей и родственников Морозова...

При Алексее Михайловиче Москва продолжает отстраиваться. За Земляным валом вырастают новые слободы, кирпичные заводы, стекольный завод в Измайлове и пороховая, бумажная и мукомольная мельницы на Яузе.

Постепенно застраиваются пустыри в центре города. Теперь сплошь и рядом дома жмутся друг к другу очень тесно. Это еще больше увеличивает возможность пожаров, и царь Алексей издает указ «о недозволении ставить свои хоромы близко к соседней меже и пристраивать к стене соседа мыльни и поварни».

Но, несмотря на то, что внешне все как будто осталось по-старому, в московский быт постепенно начинает проникать иноземное влияние. Теперь москвичей уже не удивишь колымагой и лошадьми, по старому обычаю увешанными лисьими хвостами. Подражая иностранцам, царь и бояре выезжают в нарядных каретах, обитых бархатом, украшенных живописью. Стены парадных комнат боярских домов обиваются «золотыми кожами» (обоями) бельгийской работы. В хоромах богатых гостей уже не редкость встретить часы, статуи и картины иноземных мастеров. Царь и бояре заводят музыку на пирах: у царя Алексея за ужином «в органы играл немчин, в трубы трубили и по литаврам били». Наконец, впервые на Руси, в Москве ставится театральное представление — «комедийное действо».

Не без робости решается Москва на эту «бесовскую игру и пакость душевную». Алексей Михайлович советуется о театре со своим духовником и после долгих сомнений и раздумий поручает пастору московской лютеранской церкви магистру Иоганну-Готфриду Грегори поставить первый спектакль.

«Комедийная храмина» строится в подмосковном селе Преображенском. Театр достаточно велик и вместителен: только на «строение неба» идет триста шестьдесят метров материи.

Царь не жалеет денег на оборудование театра. В расходных книгах того времени можно найти длинный перечень дорогих материй, купленных для комедии: гамбургское сукно, немецкое полотно, турецкий атлас, персидская пестрядь. Платье артистов отделывается немецкой тесьмой, галуном и золотыми травами из сусального золота.

Царь и бояре смотрят первую комедию об Эсфири. За ней идут «прохладная» (веселая) комедия об Иосифе и «жалостная» комедия об Адаме и Еве.

Царь в восторге от театра. Грегори награжден дорогими соболями. Его помощнику Пальцеру выдано пять рублей из аптекарских доходов. Артист Фридрих Госсен пожалован чином прапорщика.

Царская казна пуста. А расходов непочатый край. Предстоит неизбежная война с Польшей и в связи с этим — громадные траты на закупку вооружения, на жалованье наемным войскам.

Где же взять деньги?

Единственный известный источник дохода — налог. Но под тяжестью непосильных налогов целые деревни снимаются с насиженных мест и уходят в леса, спасаясь от царских сборщиков. В городах и особенно в Москве посадские люди, ремесленники и мелкие торговцы, обремененные налогами, «идут в заклад». В закладе они работают уже не на государство, а на бояр и монастыри, «белые земли» которых освобождены от посадских повинностей. Так закладчики спасаются от налогов.

Как же при таких обстоятельствах пополнить пустующую казну?

Боярин Морозов находит выход. По предложению Морозова и дьяка Назара Чистова, царь вводит такой налог, от которого не уйдешь в лес и не спасешься в закладе: пользуясь тем, что продажа соли — казенная монополия, царь увеличивает цену на соль в пятнадцать раз.

Подмосковные крестьяне, встретив царя Алексея Михайловича, возвращающегося с богомолья, просят отменить налог на соль.

Расчет у Морозова прост. Ремесленный люд, мелкие торговцы, городская беднота кормятся главным образом соленой рыбой. Хочешь есть — плати налог! И Морозов уже заранее высчитал, сколько денег принесет новый налог казне его царского величества.

Но боярин ошибся. Народу нечем платить за дорогую соль. Народ голодает. Кое-где голодающие разбивают царские соляные амбары. И трусливый Алексей приказывает отменить «соляной налог».

Отмена соляного налога не уменьшает тягот.

Голодно в московских посадах: слишком тяжелы налоги, да к тому же, трудно конкурировать с соседом-боярином, владельцем «белой» слободы, населенной отдавшими себя в заклад посадскими людьми.

Но голодно и тем, кто, спасаясь от налога, перешел на «белые» боярские земли: золоченые кожи, кареты, обитые бархатом, музыка на пирах, соколиная охота, гамбургское сукно и персидский атлас — все это требует громадных расходов. И бояре безжалостно притесняют своих закладчиков.

Голодно и мелкому служилому люду — дворцовой прислуге, казенным кузнецам и плотникам, пушкарям и стрельцам. Морозов урезывает и даже вовсе лишает их денежного жалованья, в то же время всячески потакая своеволию, взяточничеству и «прочему насильству» сильных людей.

Особенно свирепствует в Москве Левонтий Плещеев — начальник Земского приказа. Он нанимает доносчиков, возводящих ложные обвинения на состоятельных москвичей. Оговоренных бросают в тюрьмы, пытают, грозят смертью. За освобождение Плещеев вымогает громадные взятки.

Ненавидит Москва и шурина Плещеева, Петра Траханиотова, начальника Пушкарского приказа: Траханиотов самовольно месяцами задерживает жалованье служилым людям, обсчитывает и обворовывает их...

В Москве нарастает народный гнев.

1 июня 1648 года царь Алексей возвращается в Москву с богомолья в Троице-Сергиевском монастыре. У Сретенских ворот Земляного города народ останавливает царский поезд, «бьет челом» государю и просит сместить взяточника Плещеева.

Царь не принимает челобитной. Царская стража избивает челобитчиков кнутами. Пятнадцать человек уводят в застенок. Вспыхивает народное негодование — вслед царскому поезду летят камни.

То же повторяется на следующий день. Когда царь идет с крестным ходом из Кремля в Сретенский монастырь, ему пытаются подать челобитную, и снова царская свита бьет плетками челобитчиков, топчет конями безоружную толпу, и снова летят камни в приближенных царя.

Под градом камней бояре бегут. Толпа бросается в погоню за обидчиками и врывается в Кремль. Но у царского дворца стоит сильный воинский караул.

Народ требует выдачи ненавистного Плещеева. Трусливый царь, не смея появиться сам, велит своему любимцу Морозову выйти на дворцовое крыльцо и успокоить народ.

Но одно лишь появление ненавидимого всеми Морозова вместо успокоения вызывает бурю негодования. Перепуганный боярин прячется во дворце. А возмущенная толпа устремляется к морозовской усадьбе.

С топорами и дрекольем врывается народ в дом боярина, ходит лаптями по атласу, рвет на куски золотую парчу, разбрасывает боярские бархатные кафтаны и сапоги из узорчатого сафьяна и на куски разбивает свадебный царский подарок Морозову — карету, обитую золотой парчой с подкладкою из дорогих соболей.

— То кровь наша! — кричит толпа, громя боярское богатство.

Расправившись с домом Морозова, народ бросается на усадьбы

«Соляной бунт» в Москве. Восставший народ с топорами и дрекольем штурмует Никольские ворота Кремля.

родовитых московских бояр. Дьяка Назара Чистова находят на чердаке в груде веников, вытаскивают за ноги на двор, бьют палками досмерти и бросают изуродованный труп в навозную кучу.

Перепуганные бояре прячутся под защиту кремлевских стен. Царь спешно вызывает в Кремль наемное войско из Немецкой слободы.

3 июня, около полудня, Москва неожиданно вспыхивает в пяти местах. Поднимается ветер. К вечеру все огромное пространство от Остоженки до Неглинной «бысть аки поле».

Народ ловит поджигателей. Они сознаются, что жгли Москву по наущению Морозова и Траханиотова: бояре надеялись, что пожар, быть может, отвлечет внимание восставшего народа и сохранит им жизнь.

Несметная толпа заполняет Красную площадь.

Кремль — в осаде. Царь пытается откупиться — выдает народу Плещеева. Толпа расправляется с ним тут же, на Красной площади.

Под Москвой, у Троицкого монастыря, пойман Траханиотов. Его ведут на Красную площадь, кладут деревянное полено под голову и «казнят смертью».

Теперь очередь за главным виновником, боярином Морозовым.

Царь готов на все, даже на унижение, лишь бы не выдавать своего любимца.

Царь с крестным ходом идет к народу на Лобное место. Смиренно, со слезами, государь всея Руси «упрашивает у черни» близких ему людей, вымаливая жизнь Морозову. Царь не скупится на милости и посулы: обещает отстранить Морозова от государственных дел, лишить его имений, сослать навечно в дальний монастырь, даровать льготы мелкому торговому люду.

Морозов тайно уезжает в Кирилло-Белоозерский монастырь.

К вечеру открываются двери кабаков и винных подвалов. В сладком пьяном меду поверивший царю народ топит злобу, ненависть и силу.

Подосланные боярами люди тайно хватают зачинщиков народного восстания и тащат их в застенок — на смерть.

Так же жестоко расправляется царь с восставшим народом, поднявшимся в Козлове, Соли Вычегодской, Воронеже, Курске, Великом Устюге, Нарыме...

В вотчины боярина Морозова послана царская грамота:

«Во всем слушать боярина попрежнему».

Через несколько месяцев царь жалует Морозову новые поместья, а в октябре того же 1648 года Морозов возвращается в Москву. Не занимая никаких официальных должностей, он попрежнему первый советчик царя Алексея.

Опять, как прежде, дьяки собирают налоги, обкладывая сбором даже проруби на Москва-реке. И попрежнему в застенках поднимают на дыбу смутьянов, рвут ноздри, ломают ребра калеными щипцами...

В 1648 году в Москве созывается Земский собор из бояр, помещиков, купцов. Составляется «Соборное уложение» — свод законов. Теперь крестьяне окончательно закрепощены: помещики имеют право разыскивать и возвращать бежавших от них крестьян в течение всей их жизни. Ремесленникам и мелким торговцам запрещено покидать свои посады и переезжать из города в город без особого разрешения. В Москве упразднены закладничество и частновладельческие

«Медный бунт». По царскому приказу, стрельцы избивают безоружных москвичей, приехавших к царю в село Коломенское просить расправы над ненавистными боярами. В глубине стоит отряд стрельцов под своим полковым знаменем.

«белые» слободы. И в интересах русского и особенно московского купечества отняты у англичан прежние торговые привилегии: теперь английские купцы могут торговать только в Архангельске.

Через несколько лет начинается война с Польшей. Еще тяжелее становятся государственные налоги. В довершение всего, в Москве в 1654 году вспыхивает эпидемия чумы.

Царица с детьми и патриарх уезжают из столицы. На дорогах, ведущих к Москве, стоят крепкие заставы. Кремлевские ворота напрочно закрыты; оставлена лишь одна калитка на Боровицком мосту. На кремлевском казенном дворе, где хранится государево платье, двери и окна замурованы кирпичом и глиной, чтобы зараза не коснулась царской одежды. Из зачумленных домов никого не выпускают — к ним приставлена стража.

Москвичи окуривают свои дома полынью и можжевельником, но ничто не помогает. Каждый день от чумы погибают сотни москвичей. В Кузнецкой слободе умирают сто семьдесят три человека, остаются тридцать два; у боярина Морозова выживают лишь девятнадцать из трехсот шестидесяти двух; у Стрешнева из всей дворни остается в живых один мальчик.

Только с наступлением первых морозов эпидемия прекращается.

Затянувшаяся польская война требует громадных расходов. Но государева казна пуста. Денег для жалованья ратным людям нехватает, и окольничий Ртищев предлагает смелую денежную реформу.

Обычно московское правительство чеканило серебряные деньги из привозного серебра и серебряных иохимталеров, прозванных у нас «ефимками», наживая при переливке добрую треть. Ртищев предлагает чеканить маленькие монеты — «копейки», «деньги» — из меди, которая ценилась в шестьдесят раз дешевле серебра, но выпускать эти медные деньги по цене серебряных, ставя на них особый штамп.

По мысли Ртищева, выпуск медных денег должен принести громадный доход государству.

Но медные деньги начинают быстро падать в цене. За медный рубль не хотят давать и семи копеек серебром. Поднимаются цены на все продукты. «В прежних годах можно было мастеровому человеку с женой быти сыту днем алтынным хлебом, а нынче мастеровому человеку одного хлеба и харча сам-другу надобно из 26 алтын», жалуются посадские ремесленные люди.

Падение денег пугает московское правительство. И царь решается на новую меру: выдавать жалованье медными деньгами, а налоги принимать только серебром.

Теперь медных денег никто не хочет брать. Появляются фальшивомонетчики: не так сложно ставить нехитрый штамп на медные монеты.

Царский советчик по финансовым делам — богатый купец Василий Шорин, во главе монетного дела — царский тесть Милославский и царский племянник Матюшкин. И по Москве упорно начинает бродить слух, будто Милославский, Матюшкин и Шорин начеканили себе фальшивых монет на десятки тысяч рублей.

Знатные фальшивомонетчики для отвода глаз хватают часто ни в чем неповинных мастеров — серебреников, котельников, оловянников, — обвиняя их в чеканке фальшивых денег. «Преступников» казнят, заливая горло расплавленным оловом, а руки казненных прибивают к стенам денежных дворов.

Цены на продукты катастрофически растут. В Москве начинается голод...

Рано утром 25 июля 1662 года на Лубянке появляется подметное письмо, прибитое к столбу:

> *«Изменники — Илья Данилович Милославский, да окольничий Федор Михайлович Ртищев, да Иван Михайлович Милославский, да гость Василий Шорин».*

А дальше в письме говорится о том, будто эти изменники переписываются с польским королем и «хотят Московское государство погубить».

У столба на Лубянке собирается громадная толпа. Но кто-то уже дал знать в Земский приказ, и оттуда прискакали дворянин Ларионов и дьяк Башмаков. Они срывают со столба письмо. Происходит свалка. Дворянин и дьяк верхами с трудом спасаются бегством. А разгневанная толпа во главе со стрельцом Ногаевым идет на Лубянскую площадь.

Здесь, у церкви, Ногаев трижды громко читает подметное письмо. Затем толпа направляется на Красную площадь. И опять «сильные люди» пытаются завладеть письмом: по их наущению, десятник Лучка Жидкий вырывает прокламацию. И снова неудачно.

— К царю! К царю! — бушует толпа.

Царь отсиживается в подмосковном селе Коломенском: после народного восстания 1648 года «тишайший» разлюбил «бунташную Москву»...

Возбужденная, гневная пятитысячная толпа подходит к царскому дворцу. Впереди идет Лучка Жидкий. В его шапке — злополучное письмо.

Степана Тимофеевича Разина везут на казнь. Слева — прикованный к повозке брат Разина. Справа, в углу, — портрет Разина.

Царь выходит на крыльцо.

— Изволь, государь, вычесть письмо перед миром, а изменников привести перед собой!

Государь всея Руси готов на все: он обещает учинить суд, он клянется жестоко покарать виновных. И толпа, поверив царской клятве, поворачивает к Москве.

А в городе восставшие уже громят дома ненавистных бояр и гостей.

Шорин спрятался в хоромах Черкасского, и восставшие находят только его пятнадцатилетнего сына. Перепуганный мальчик говорит, будто отец его бежал в Польшу с боярскими грамотами. Теперь у восставших новое доказательство измены, и пятитысячная толпа отправляется в Коломенское. Впереди на крестьянской телеге едет живой свидетель измены — сын Шорина.

Как снежный ком, растет возбужденная толпа. «Люди торговые и их дети, и рейтары, и хлебники, и мясники, и пирожники, и деревенские, и гулящие, и боярские люди» идут к царю требовать выдачи бояр-изменников «на убиение».

По дороге толпа встречает возвращающихся из Коломенского и увлекает их за собой.

— Выдай изменников! — гремит народ у царского крыльца.

Алексей снова клянется разобрать дело, но народ теперь не верит царской божбе.

— Чему верить? — кричат в толпе. — Выдай изменников! Буде добром тех бояр не отдашь, то мы будем брать их у тебя сами по своему обычаю! Выдай изменников!

В этот момент ко дворцу подходят передовые отряды наемных войск, высланные из Москвы. Царь подает знак...

Безоружную толпу «начали бить, и сечь, и ловить, — пишет историк Котошихин, — а чем было противиться не уметь, потому что в руках у них не было ничего ни у кого, начали бегать и топиться в

Москва-реку, и потопилось их в реке больше 100 человек, а пересечено и переловлено больше 7000 человек, а иные разбежались. И того же дня около того села повесили до 150 человек, а остальным всем был указ, пытали и жгли и по сыску за вину отсекали руки и ноги и у рук пальцы, а иных били кнутьем и клали на лица на правой стороне признаки, разжечши железо накрасно, а поставлено на том железе «буки» (буква «Б»), то есть бунтовщик, чтобы был до веку признатен, и, чиня им наказание, разослали всех в дальние города, в Казань, и в Астрахань, и на Терки (река Терек), и в Сибирь, на вечное житье... а иным пущим ворам того же дня, в ночи, учинен указ: завязав руки назад, посадя на большие суда, потопили в Москва-реке... А те, которые казнены и потоплены и разосланы, не все были воры. Прямых воров больше не было, что с 200 человек, и те невинные люди пошли за теми ворами смотреть, что они будут у царя в своем деле учинять... и оттого все погибнули, виноватый и правый».

Стрелец Ногаев и Лучка Жидкий казнены на Лубянской площади. У городских ворот стоят виселицы...

Царь доволен жестокой расправой с бунтовщиками. И за верную службу стольникам, стряпчим, дворянам, жильцам, начальным людям и подьячим из царской казны выданы щедрые награды...

Москва усмирена, но по всей стране бурлят крестьянские бунты. На юге голытьба, бедняки, беглые, казаки поднимают восстание под предводительством Степана Разина.

Много славных битв дает Разин царским войскам на волжских берегах. Но в конце концов Разин побежден. Его привозят в Москву и пытают в застенке Земского приказа.

24 сентября 1671 года мучительной казнью — четвертованием — казнят в Москве героического вождя великого крестьянского восстания.

Зимою 1676 года умирает царь Алексей Михайлович. В наследство своему хилому, болезненному сыну Федору он оставляет громадное государство. В далекой Сибири основаны города Иркутск и Нерчинск. Власть московского царя признали калмыки, кочующие в астраханских степях. Русские войска совместно с украинским народом освободили от польского гнета Левобережную Украину и Киев. Русский город Смоленск и Северская земля были возвращены русскому народу.

БОЯРСКАЯ МОСКВА

За час до рассвета со скрипом открываются железные полотнища Фроловских (Спасских) ворот. Торговцы, нищие, калеки, юродивые, подьячие, бродяги, стрельцы, холопы, попы, просители шумной, нетерпеливой толпой наводняют Кремль.

Из предутреннего тумана вырастает пышный государев дворец. Каменные палаты, высокие терема, приземистые избы, бесчисленные крыльца-рундуки, сени, переходы, лестницы, башни и башенки украшены хитрой резьбой, расписаны красными, зелеными, синими узорами. Сотни шатровых и луковичных крыш и затейливых верхушек, то пузатых, как бочки, то колючих, как петушиные гребешки, блестят золотом и серебром. Кое-где возвышаются башенки с орлами, единорогами и львами вместо флюгеров. На крышах — потешные садики. В громадных деревянных ящиках, наполненных землей, растут яблони, груши, виноград, шиповник, красная и белая смородина, арбузы, огурцы, тыквы, крыжовник. Летом в садах висят клетки с канарейками, перепелками, соловьями, попугаями. На стенах дворца яркими красками нарисованы листья, цветы, орел, лев и сказочная «птица сирин».

Здесь живет «государь всея Руси и великий князь Владимирский, и Московский, и Новгородский, и Псковский, и Тверской...» А рядом с царским дворцом — просторные хоромы «великого государя — патриарха».

Дворцовые слуги только что отдернули стеганные на вате занавеси, открыли ставни, обитые мехом и сукнами, но подслеповатые маленькие окна, затянутые разрисованной слюдой, плохо пропускают серый утренний свет в государевы хоромы.

Стены царской комнаты обиты золочеными кожами. На коже вытиснены травы, цветы, звери. Резной потолок украшен узором из слюды, олова, серебра, белого железа. Дубовый пол, расписанный красками под мрамор, покрыт сукном, индийскими и персидскими коврами. На столе — книга, «свистелька серебряна с зуботычками и с уховерткою», «часы в собачке немецкие». Вдоль стен — лавки, шкафы для бумаг и поставцы с дорогой посудой. Тут же, в царской комнате, висит клетка с зеленым попугаем — подарок английской королевы.

Рано утром царь отправляется в моленную, где его ждет духовник. Комната убрана дорогими иконами и редкими предметами, привезенными из монастырей и «святых мест». Здесь «свеча цареградская, песок реки Иорданской, часть от дуба Мамврийского». На рассвете царь совершает в крестовой комнате свою утреннюю молитву...

В этот ранний час царская усадьба в Кремле уже давно полна хлопотливой суетой.

На Кормовом дворе повара, мастера, полумастера, ученики и судомои заняты приготовлением блюд для царского стола. После обедни, в знак особой милости, царь пошлет пироги, вязигу с хреном, стерляжью уху иноземным послам, придворным людям, знатным боярам.

Под начальством степенного ключника подключники и хлебники пекут на Хлебенном дворе хлебы и калачи для царского обихода. На Сытенном дворе чашники носят вино, пиво и мед из погребов во дворец. Стряпчие дежурят в царских столовых «при поставце», отпускают питье к столу и сидят у винных погребов «для раздачи питья всякому чину людям, кому давать указано». Стремянные конюхи чистят, поят и кормят царских лошадей. «Портные и разные мастера» ведают на Казенном дворе царской казной: золотой и серебряной посудой, бархатом, атласом, шелками и сукнами.

После ранней обедни в Кремле собираются бояре, окольничьи, думные дьяки и дворяне «челом ударить государю» и «судить о делах» в Боярской думе.

Никто не смеет подъезжать к царскому крыльцу ни верхом, ни в колымаге. «Не доезжая двора и не близко крыльца», бояре слезают с лошадей, выходят из колымаг, оставляют челядь и по грязи пешком идут к царскому дворцу.

Доступ во дворец строго-настрого воспрещен вооруженным и больным. Ослушникам «за такую их бесстрашную дерзость и за неостерегательство его, государева, здоровья быть в великой опале, а иным и в наказании и в разорении без всякого милосердия и пощады».

В царском дворце идет «сидение великого государя с боярами о делах», а на Ивановской площади в Кремле — шум, крики, человеческий гомон.

Дьяки, «крича во всю Ивановскую», объявляют царские указы. В особой палатке сидят «площадные подьячие» — писцы и нотариусы. Они пишут челобитные для неграмотных, оформляют сделки, дают советы.

Здесь же, в Кремле, стоит здание приказов, тогдашних министерств, ведающих всеми административными и судебными делами: Посольский, Поместный, Холопий, Разбойный...

Около здания приказов «на правеже» стоят несостоятельные должники. Каждый день должников приводят из тюрьмы, палачи

Выезд царя. Впереди с бердышами идут стрельцы. Народ пал ниц.

выстраивают их в ряд и тонкими палками бьют по ногам. Так продолжается изо дня в день, пока наконец должник не отдаст долга.

Чуть поодаль выставлены на позор тати. На шее преступника висит украденная вещь. У одного из них болтается кошелек, у другого — соленая рыба.

Пересекая Ивановскую площадь, идут за патриаршим благословением люди, получившие назначение, уезжающие в провинцию на воеводство, справляющие новоселье, сговорившие дочь выдать замуж, архиереи, архимандриты, попы, монахи. Они несут патриарху посильные дары: свечи восковые, ширинки, пелены, серебряные и вызолоченные кубки, пироги, арбузы, яблоки. Афонька Ипатьев «ударяет челом патриарху гнездом лебедей живых»...

Покрывая людской гомон, торжественно гремят литавры.

Стихла площадь. Летят шапки с голов, и народ падает на землю. Это царь во главе своего войска едет из Кремля на Девичье поле «проводить воинский строй».

Впереди — попы в светлых ризах и хор певчих в сиреневых подрясниках. Два рослых боярских сына бьют в литавры. Литавры в бахроме, кистях, позвонках.

За литаврщиками — царь. На нем шапка стрелецкого покроя с верхом из собольего меха. На бархатной одежде — шитье из тянутого золота. На золотом кушаке — нож в кривых серебряных ножнах, украшенных цветами из драгоценных камней.

За царем справа и слева, по чину, едут два воеводы в тяжелых синих плащах, застегнутых на правом плече алмазами.

За воеводами — войско. Впереди всех — стрельцы в разноцветных кафтанах, дворянская конница — государев полк, и «жильцы» — отряд молодых дворян. «Цвет длинных красных одеяний был на всех одинаков, — рассказывает о «жильцах» польский дворянин. — Сидели они верхом на белых конях, к плечам у них были приложены крылья из орлиных перьев, поднимавшиеся над головой и красиво расписанные; в руках — длинные пики, к концу коих было приделано золотое изображение крылатого дракона, вертевшееся по ветру... Кто не подивился бы на такое чудное зрелище, того по справедливости я почел бы слепым...»

За «жильцами» — иноземные наемные воины, рейтары, в латах, с мушкетами и шпагами и драгуны с пиками и топорами, приторочеными к седлам.

Тихо на площади. Только слышно, как бьют литавры и ржут кони царской конницы...

Скрылась соболья шапка царя в воротах Фроловской башни, и толпа повалила за войском — на Красную площадь.

Каменный арочный мост переброшен через глубокий крепостной ров у Кремлевской стены.

У Фроловского (Спасского) моста на перекрестке — «поповском крестце» — среди маленьких лавчонок, торгующих рукописными и печатными книгами, лубочными картинами и «фряжскими листами» (иностранными гравюрами), попы, оставшиеся без работы, «чинят бесчинства великие»: бранятся, борются, бьются на кулачки.

На рву против Фроловских ворот, у крутого спуска к Москва-реке, высится причудливый и фантастический храм Василия Блаженного.

Красная площадь во второй половине XVII века. Направо, с крыльца Земского приказа, боярин читает царский указ. Боярская карета, запряженная шестеркой лошадей цугом, пересекает площадь. Впереди едет верховой с «тулумбасом» (барабаном), расчищая путь. На площади с ларьков и саней идет торг. Вдали видны храм Василия Блаженного, Фроловская (Спасская) башня Кремля и мост через кремлевский ров.

А против Василия Блаженного, на широкой площади, раскинулось великое московское торжище. Здесь торгуют в разнос, раскладывают товар на лавках, на возах, в наскоро построенных шалашах.

Гул стоит над площадью. Подьячий с двумя стрельцами ходит в толпе, собирая налог. Кукольный комедиант, обвязав вокруг тела одеяло и подняв свободную сторону вверх, показывает кукольную пьесу о Петрушке, хитром цыгане и Петрушкиной невесте Варюшке.

Во Вшивом ряду цырюльники стригут москвичей под открытым небом, посадив их на поставленные торчком поленья. Толстым слоем ложится волос на пыльную площадь и густым ковром покрывает Вшивый ряд.

Десятки погребов с медами и винами вытянулись в северном углу Красной площади. От зари до зари здесь драки, ругань, веселье.

Главное гульбище — у Василия Блаженного.

На «раскате», на каменном фундаменте, стоят две пушки. Своими жерлами они обращены на Варварку и на мост через Москва-реку: оттуда чаще всего приходят враги. В раскате расположен самый буйный и пьяный московский кабак — знаменитое царево кружало «Под пушками», а чуть дальше, близ Никольских ворот, — не менее знаменитый «Данилов кабак». У входа в кабак — елка. Над дверью — царский герб.

Ближе к Кремлю глубоко врыт толстый столб с железной цепью. У столба бьют кнутом преступников. Бьют за украденную курицу, за краюху хлеба; бьют чаще всего голодного холопа, пойманного с поличным в Обжорном ряду.

У столба стоит дьяк с гусиным пером за ухом, с чернильницей на опояске и считает удары.

На Лобном месте — невысоком каменном возвышенье, окруженном деревянной решеткой, — дьяк читает царские указы и объявляет смертные приговоры.

В толпе снуют московские полицейские — «земские ярыжки». На сукне их кафтанов нашиты буквы «З» и «Я».

Суровый и страшный, окруженный высоким частоколом, Земский (полицейский) приказ стоит на спуске к Неглинной, против Никольских ворот Кремля (сейчас здесь здание Исторического музея); и днем и ночью несутся из его застенка стоны пытаемых.

Исчезли куда-то ярыжки, и снова гудит московский торг, гнусавят нищие, разгульная песня рвется из царева кружала, свистит кнут у столба, а над лавками, над крепостными башнями Кремля и причудливыми главами Василия Блаженного высоко в воздухе торжественно плывет малиновый звон колоколов московских святынь и кружат несметные вороньи стаи...

В глубине Красной площади, между Москва-рекой и Неглинной, царской казной воздвигнуты приземистые каменные лавки и лабазы. Царь сдает их за оброк крупному московскому купечеству — «гостям», членам «гостиной» и «суконной сотен», и прочим богатым торговцам.

В число гостей и членов гостиной и суконной сотен, пишут иностранцы, побывавшие в Москве, «входят крупные торговцы и промышленники Руси. Как только правительство замечает, что провинциальный купец разбогател и расторговался, оно жалует его в гостиную или суконную сотню, а крупнейших капиталистов — в звание гостей. Пожалованные обязаны переселиться в Москву. Сплошь и рядом они назначаются на важнейшие должности по финансовому управлению государством, ведают торговыми и питейными сборами, производят оценку товаров в царской казне, дают царю советы по торговым делам».

Гость — первый купец на Руси. Только он имеет право держать у себя вино, хотя это строго запрещено остальным москвичам: водка — предмет монополии государя всея Руси. Летом гостю разрешено топить избы и мыльни на своих усадьбах. Этого права лишено остальное население Москвы: деревянная столица боится пожара в летнюю сушь. За оскорбление гостя дьяки взимают штраф в размере пятидесяти рублей. «Бесчестье» простого ремесленника оценивается в десять раз дешевле.

Переселившись на жительство в Москву, гости и члены гостиной и суконной сотен не порывают связи с родными местами. В крупных городах Руси у них сидят приказчики. По всему государству гости пользуются правом покупать первыми, «хотя бы они действовали не за царский счет, и ради своей частной корысти всюду причиняют различные стеснения торговле».

Гости снаряжают экспедиции в Сибирь — за «мягкой рухлядью» (мехами), в Пермь и Астрахань — за солью, в восточные ханства — за шелком, в Европу — за ремесленными изделиями и предметами роскоши, за винами и пряностями, за сукном и оружием.

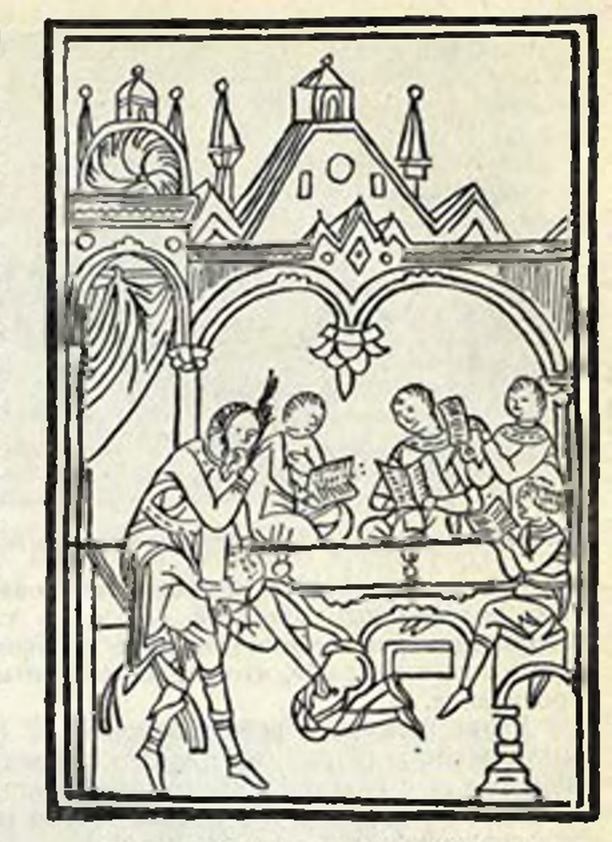
В руках торговых гостей — шестая часть всей русской торговли. Некоторые из них ворочают громадными делами: московский гость Никитников владеет четвертью капиталов всех московских гостей.

Гости расположились в Гостиных рядах, строго выполняя царский указ: «Всякими товары торговать в рядах, в которых коим ука-

вано и где кому даны места».

Для каждого товара — свой особый ряд: Пряничный, Птичий, Харчевой, Калашный, Крашенинный, Сапожный, Шапочный, Коробейный, Медовый, Восчаный, Зольный. В Домрном ряду продаются музыкальные инструменты: бубны, домры и барабаны. В Саадашном можно купить полное воинское вооружение: щиты, мечи, шлемы, кольчуги, копья, луки и стрелы. В Иконном новые иконы не покупают, а «меняют»: изображения бога и святых грешно покупать за деньги.

Ближе к Москва-реке стоят лавки персов, армян и татар с золотыми и серебряными изделиями, драгоценными каменьями, восточными тканями, винами, пряностями, благовониями. Чуть поодаль — два Гостиных двора для иностранных купцов.

Школа в Москве середины XVII века.

Иностранцы с большой похвалой отзываются об этом точном разграничении торговли в Гостином дворе: здесь всегда знаешь, где найти нужный товар. Даже для продажи лука и чеснока отведены особые ряды.

Лавки Гостиного двора тесны, и эта теснота поражает европейцев, которым кажется, будто любая амстердамская лавка вместит десять московских.

Так же, как лавки, тесны и главные улицы Китай-города. Здесь дорог каждый квадратный аршин — царь дорого берет за торговую площадь, — и ширина Варварки колеблется от двух с половиной до шести сажен, ширина Ильинки и Никольской не превышает пяти сажен.

На узких улочках в торговые дни — крики, брань, толчея. В тесной толпе среди возов с товарами еле протискиваются кареты иностранных послов: Посольский двор помещается рядом с Гостиным, на углу Ильинки и Посольского (теперь Юшкова) переулка. Тут же ведут преступников в тюрьму на Варварку. Окруженные холопами, едут в колымагах знатные боярыни в свои усадьбы.

Варварка покрыта бревенчатой мостовой. Толстый досчатый настил прикреплен к бревнам дубовыми гвоздями. В дождливые осенние дни бревна разъезжаются под тяжестью грузных боярских колымаг, и лошади калечат ноги, проваливаясь в щели полусгнившего настила...

На Варварском крестце, где ряд переулков, пересекаясь, образует небольшую площадь, кипит шумная, суетливая жизнь.

Посольский двор в Китай-городе. В центре — игра в кегли; слева — игра в кольцо.

Божедомы, служители «убогих домов», вынесли сюда трупы убитых, подобранных прошлой ночью на улицах Китай-города. Здесь же божедомы поставили большие плетеные корзины с детьми-подкидышами в надежде, что сердобольные москвичи пожертвуют на их пропитание.

Ревут маленькие ребята в корзинах. Кто-то бьется в истерике у выставленного трупа, узнав своего близкого. Проходит толпа веселых скоморохов с гудками и домрами. Оглушительно трезвонят колокола на низенькой деревянной колокольне. И несется заунывная песня калик перехожих...

В Зарядье, между Москва-рекой и Варваркой, в глубокой низине расположен Мытный двор — таможня, где записывают всю пригоняемую в город «животину» и пятнают ее «мытейным пятном». Тут же берут сбор со всех товаров, привозимых по Москва-реке.

В узких переулках Зарядья тесно жмутся к церквам и подворьям маленькие деревянные домишки. Здесь живут мелкие служащие кремлевских учреждений, бедные торговцы, портные, сапожники, столяры. И тут же в дни московских смут находят себе приют беглые холопы, казаки, ремесленники, скрывающиеся от преследования Земского приказа.

Из ворот Кремля и Китай-города веером расходятся во все стороны московские улицы-дороги.

Дорога на Тверь, теперешняя улица Горького, называется Царевой улицей.

Она начинается у Куретных, или Львиных (потом Воскресенских, Иверских), ворот Китай-города. Тут в железных клетках при Иване Грозном сидели львы — подарок московскому царю от английской королевы.

За Куретными воротами через Неглинку переброшен деревянный мост на каменных клетках. В людской толпе стоят на мосту колодники — «языки». Их руки скованы цепями, лица завешены тряпками с узкими отверстиями для глаз. Колодников привели сюда из соседнего Земского приказа для оговора сообщников.

Измученный пытками, колодник кивает на высокого веселого парня в толпе. Стрельцы хватают оговоренного и тащат в Земский приказ — на дыбу.

Колодник зря указал на парня — он видит его первый раз, — но оговор даст ему передышку: несколько дней его не поведут на пытку. А парень, быть может, умрет на дыбе или, не выдержав нечеловеческой боли, сам оговорит себя, выпрашивая смерть, как великую милость.

Каждый день страшный животный крик арестованного раздается на мосту через Неглинку, и толпа в ужасе шарахается от колодников — от узких щелей в грязной тряпке, покрывающей лица измученных, доведенных до отчаянья, исковерканных пыткою людей.

На правом берегу Неглинной раскинулся Обжорный ряд. У съестных лавок, у харчевен и пирожных с утра до позднего вечера толпится народ.

Тут же, у ворот Моисеевского монастыря, оборотистые монахини организовали у ворот своей обители «двенадцать печур» для торговли блинами. Рядом на деревянных лавках разложены для продажи лоскутья сукна, обрывки меха, куски бумажных тканей. На лоскутном торге торгуют и краденым товаром.

За Обжорным рядом на берегу Неглинной — Аптекарский сад. Опытные садоводы выращивают здесь лекарственные растения для царского обихода. Рядом, в дворцовом Лебяжьем пруду, гордо плавают белые лебеди. Жареный лебедь — самое изысканное блюдо царского стола.

Из Троицких ворот Кремля через Неглинку переброшен единственный в то время каменный мост.

Крестец (перекресток) в Китай-городе в XVII веке. По обе стороны деревянной мостовой идет торговля в развал снедью. Слева, у деревянной звонницы, божедомы выставили гробы с покойниками, подобранными на улице. Тут же стоит корзина с двумя подкидышами и глиняная чашка, куда сердобольные москвичи бросают милостыню на прокормление младенцев.

Лавка сапожника в Москве начала XVII века.

За чистотой и благоустройством улиц следит все тот же Земский приказ. На людных перекрестках бирючи громко выкликают царский указ, чтобы жители вывозили навоз и падаль за город, на пустыри. Но москвичи обычно не выполняют царского указа.

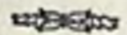
Брызгая грязью, тарахтит извозчик. У него повозка на четырех колесах. Возница сидит верхом.

«У москвитян большая езда из одной части города в другую, чем и кормится множество извозчиков, — пишет чех Таниер, состоявший при польско-литовском посольстве. — Все их имущество — лошадь да деревянная повозка. Они поджидают на городской площади седоков и задешево возят далеко...»

У маленьких лавчонок купцы зазывают прохожих, хватают за рукава — тащат внутрь посмотреть товар.

Идет крестный ход. Впереди, перед хоругвями, иконами, попами, — десятка два метельщиков. Лопатами и метлами они расчищают дорогу, убирают навоз, посыпают песком.

Тут же двое детей боярских, сидя верхом на конях, ругают друг друга непотребными словами.

На Царевой улице, от Неглинной до Успенского вражка, широко раскинулись боярские усадьбы.

Боярские хоромы прячутся в глубине двора. Сложенные из векового леса с железными ставнями на маленьких подслеповатых окнах, они скорее похожи на крепости, чем на жилые дома.

В первом этаже — тяжелом бревенчатом срубе с крошечными оконцами, прорезанными в бревнах, — кухни, кладовые и помещения для челяди. Тут же стоит громадная печь, отапливающая одновременно и второй этаж.

Крутая крытая лестница ведет на второй этаж, в теплые сени. Через низенькие, обитые войлоком двери гости попадают в парадную залу. Здесь боярин задает пиры, принимает дорогих гостей. У дубового стола стоят скамьи, покрытые богатой материей. Вдоль стен — бесконечные шкафики и поставцы с ковшами, посудой и безделушками вроде серебряных яблок и позолоченных петушков. Восковые и сальные свечи вставлены в фигурные серебряные подсвечники.

Из малой приемной вторая дверь обычно ведет в жилые комнаты боярина — в рабочую комнату, в столовую, спальню, моленную.

В моленной образа в дорогих киотах и серебряных и золотых ризах украшены драгоценными камнями, унизаны жемчугом.

На третьем этаже — терема и вышки, обнесенные легкими резными «гульбищами» — балконами и переходами. Терема отведены для женской работы.

На крыше плотники вывели деревянные луковки, пузатые полубочки с гребешком посредине и затейливые шатры, крытые луженым железом.

«Кто выстроит себе самые высокие хоромы с крышей над лестницей крыльца, тот и считается в городе самым пышным и богатым тузом», пишет о московских боярах иностранец Петр Петрей.

Боярин живет в Москве почти безотлучно, заседает в Боярской думе, ведает дворцовыми приказами и царскими слободами. На подмосковных землях у боярина привольные и богатые вотчины и поместья. Но хозяин наезжает туда редким гостем, каждый раз лишь с особого разрешения государя, — отдохнуть от службы, привести в порядок запущенные дела, позабавиться псовой и соколиной охотой. Поэтому у себя в Москве боярин устраивается по-деревенски.

Боярский двор в Москве ничем не отличается от боярской усадьбы в деревне. У боярина попрежнему своя собственная церковь, свой колодец, конюшни, баня, ледники, погреба, амбары и службы, где живут холопы.

Большой тенистый сад с огородом окружает боярский дом.

Перед домом — цветник: ноготки, бархатки, маргаритки и как особая редкость — розовый куст. Розу впервые привез в Москву при царе Михаиле Федоровиче голштинец Петр Марселлин.

Чем знатнее боярин, тем больше холопов живет на его дворе. «Думные и ближние люди в домах своих держат людей мужского полу и женского человек по 100, и по 200, и по 300, и по 500, и по 1000, сколько кому мочно, смотря по своей чести».

Свадебный пир в хоромах московского боярина. Справа — новобрачные. На стол подают жареного лебедя.

Боярская челядь ютится в клетушках и живет впроголодь.

Холопы — не только домашняя прислуга боярина: в каждой усадьбе свои портные, сапожники, плотники, столяры, слесаря, огородники, кузнецы, оружейники. Но каждый год — зимой к рождеству, летом к петрову дню — на боярские усадьбы тянутся из вотчины длинные обозы.

Так живет боярин в своей усадьбе-крепости, отгородившись от соседей высоким тыном.

Там, где Неглинка крутой дугой поворачивает на запад (сейчас здесь южная часть площади Свердлова), широко разлился пруд Неглинки, перегороженной плотиной у Воскресенских ворот. Пруд доходит до стен Китай-города.

Там, где сейчас Малый театр и Центральный универмаг Мосторга, течет Неглинка. Через нее переброшен деревянный мост на сваях. Он тянется на сто тридцать метров в сторону Охотного ряда; в весенние разливы Неглинной на этом месте (теперешней Свердловской площади) в те времена стояло топкое болото.

От моста на левый берег Неглинной идет деревянная мостовая к Пушечному двору. На «дворе» льют колокола и пушки, чеканят монету.

Выше по Неглинной, у следующего деревянного моста, на высокой Кузнецкой горе, тесно прижались друг к другу убогие мастерские кузнецов, курные избы, крохотные огороды.

Устье Неглинки, впадающей в Москва-реку. Берег реки укреплен стеной, сложенной из гигантских кирпичей. Слева видна Боровицкая башня Кремля. Справа, за Свибловой башней, — кремлевский дворец.

Мясницкая (теперь Кировская) улица в Москве XVII века. Направо, на месте теперешнего Почтамта, стоит боярская усадьба. Напротив, через улицу, — церковь Фрола и Лавра. По обе стороны улицы — мясные лавки. Вдали — каменная стена Белого города и Мясницкие ворота. По бревенчатой мостовой в колымаге въезжает в город боярин.

Между ремесленными и стрелецкими слободами широко, привольно и капризно раскинулись боярские усадьбы.

Каждая усадьба строится там, где сподручнее ее хозяину. Нередко дома своими углами перегораживают улицу. Проезды между усадьбами переплетаются замысловатыми узлами, то расширяясь пустырями, то сплющиваясь в узкие щели. После пожаров переулки меняют свои направления, складываются новыми узорами, упираются в бесчисленные тупики.

Московские цари не раз пытались выпрямить и расширить кривые и узкие улочки столицы. Однако им удается сохранить лишь направление основных улиц-дорог, веером выходящих из ворот Кремля и Китай-города в Тверь, Дмитров, Ярославль, Кострому, Владимир, Новгород, Серпухов, Калугу, Смоленск. Между лучами улиц-дорог — вечный лабиринт переулков, пустырей, тупичков.

За Сретенскими (потом Никольскими) воротами Китай-города начинается Мясницкая улица, пересекающая слободу мясников.

С раннего утра гонят сюда гурты на убой. В загонах жалобно блеют овцы, ревут быки, визжат поросята. Тут же, у мясных лавок, режут скот. Кровь ручейками стекает на улицу. На железных крючьях висят освежеванные красные туши.

Мясники сваливают отходы убоя в пруды речушки Рачки. Смрад стоит над прудами. И москвичи называют их Погаными прудами.

Миновав ворота Белого города, улицы превращаются в большие дороги. К обочинам дорог жмутся курные избенки царских и патриарших сел и слобод.

Дома ремесленников малы и неудобны. В них одна комната, где едят, работают и спят. В комнате печь. Топка сплошь и рядом по-черному — дым выходит не в трубу, а в окна и двери.

Зимой семья спит на печи, летом — на полатях. Спят на соломе, рогоже, на своей одежде. Под печью и лавками хозяева держат свиней и кур. Хозяйственное обзаведение более чем скромно: три-четыре глиняных горшка и столько же глиняных или деревянных блюд...

Так живут в Москве мастера и ремесленники двухсот пятидесяти различных специальностей — «людишки бедные, платьишком ободрались и обувью обносились... наги и босы». Их курные избенки разбросаны слободами вдоль улиц-дорог за чертой Белого города...

У Тверских ворот, в районе теперешнего Гнездниковского переулка, стояли плавильные печи. Здесь «гнездники» лили металл для государевой надобности.

Чуть дальше, в районе теперешних Козихинских переулков, — Козье болото.

Еще дальше, вдоль все той же Тверской дороги, стоят хибарки «ямских охотников» — ямщиков, обслуживающих тракт Москва — Тверь.

За ямскими дворами тянутся огороды, пашни, леса.

Рядом с Козьим болотом, на месте теперешних Большой и Малой Бронных и Гранатного переулка, — Бронная слобода и царский Гранатный пороховой двор. На Гранатном дворе изготовляют гранаты; слобожане мастерят кольчуги, щиты, шлемы, палаши и броню для войск московского государя.

Тут же тесно жмутся друг к другу слободы царских поваров, хлебников, калашников, скатертников, столовой челяди (Поварская улица, Хлебный, Калашный, Скатертный и Столовый переулки).

Дорога на Смоленск за стеной Белого города носит название Арбат, что по-арабски значит: пригород, предместье.

Литовская дорога (Пречистенка, теперь улица Кропоткина), выйдя из ворот Белого города, пересекает урочище Чертолье. Здесь протекает река Черторый (Чортов ров).

Тут же, рядом, — глубокий овраг («вражек»). В овраге течет грязный ручей Сивка, приток Черторыя. До сих пор переулок вдоль ручья известен под именем Сивцева Вражка.

За Москва-рекой вдоль Смоленской дороги — слободы ямщиков. Легенды говорят, будто испокон веков смоленские ямщики известны в Москве тем, что берут за проезд дорого, но возят исправно и быстро. «Дорого, да мило».

Район ямских слобод на Смоленской дороге получил название Дорогомилово.

За Чертольем, по берегу Москва-реки, широко раскинулись царские луга — Остожье. У царского Остожного Конюшенного двора стоят стога с сеном.

За Остожьем слобода ткачей — «хамовников». Они получили свое название от голландского слова «ham», что значит: белье, рубашка.

Еще дальше, в излучине Москва-реки, — луга, огороды и пустыри Девичьего поля. А за ним — Новодевичий монастырь, опоясанный прекрасными каменными стенами...

Против Красной площади на правом берегу Москва-реки идет на юг Ордынка — дорога в Серпухов, древняя дорога в Золотую Орду.

Здесь, в Замоскворечье, издавна обосновалась главная масса татар, живущих в Москве. Здесь же, против Кремля, разместились три царские слободы — овчинники, садовники, кадаши (ткачи).

Московская улица первой половины XVII века в изображении иностранца-современника. Дома «простолюдинов» с подслеповатыми окошечками, вырезанными в бревенчатом срубе, скорее похожи на маленькие крепости. По улице едет боярский возок; возница сидит верхом.

Не легко попасть в Кадашевскую слободу с Красной площади даже в жаркие летние дни. На правом берегу Москва-реки лежит топкое гнилое болото, и улица, ведущая от моста в Замоскворечье, зовется москвичами Балчугом, что по-татарски значит — грязь.

Тут же, в Замоскворечье, еще со времен Ивана Грозного живет основная масса московских стрельцов.

Стрельцы разделяются по полкам или приказам. Во главе каждого приказа стоит голова. Приказы называются по именам своих командиров: приказ Василия Лутохина, Тимофея Тетерина.

В мирное время стрельцы несут караульную службу, стоят в Кремле «для обереганья», сопровождают в дальние поездки иностранных послов и богатых гостей. Во время царских выездов стремянный полк едет «при стремени» государя.

Стрелецкая служба пожизненная и наследственная: голове строго-настрого предписано стрелецких сыновей держать на учете и «никуды не распущать».

Каждый стрелец получает в своей слободе участок дворовой и огородной земли. Им позволено торговать беспошлинно, и много лавок в Москве принадлежит стрельцам.

Когда в Стрелецкой слободе нехватает молодежи, чтобы довести численность полка до нормы, определенной царским указом, в Москву переводят стрельцов из других городов или, чаще всего, стрелецкий голова производит набор из «охочих людей».

Однако не каждый желающий может быть стрельцом. Голова должен строго следить за тем, чтобы в стрельцы не записались холопы и крестьяне и этим не был бы нанесен ущерб ни царскому, ни

Стрелецкий голова (полковник) в изображении иностранного художника.

частному хозяйству. Кроме того, стрелецкую службу могут нести только те, «которые были собою добры, и молоды, и резвы, и из самопалов стрелять горазды». Определен и предельный возраст для вновь набираемых стрельцов: не старше пятидесяти лет. Наконец, поступающий на службу должен представить поручителями несколько человек из старых стрельцов: своим имуществом они отвечают за бегство стрельца со службы и за утерю им самопала, свинца и пороха.

Во времена царя Алексея Михайловича гарнизон Москвы насчитывает до двадцати тысяч стрельцов.

Дорога на Нижний Новгород (теперешний Горький) пересекает Яузу. На яузских берегах стоят мельницы и царские слободы.

Еще выше по Яузе — немецкая колония.

Иностранцев боярская Москва не любит испокон веков. Попы ненавидят «немцев» (от слова немой, то есть не говорящий по-русски) за то, что они, поселившись на территории православных приходов, тем самым уменьшают их доходность. Московские торговые гости видят в европейских купцах опасных конкурентов. Стрельцы считают себя обиженными тем, что иноземные офицеры получают большое жалованье.

Православное духовенство проклинает лютеранскую и католическую ересь. Именитые купцы натравливают народ грабить иноземные лавки и амбары. Стрельцы грозятся вырезать «немцев».

«Шиш, фрига, на Кукуй!» — этим нелепым выкриком провожает московская толпа иностранцев.

Под давлением попов и купцов в 1643 году издается постановление: перенести все неправославные церкви за черту города и не допускать продажи московских дворов иноземцам.

Через десять лет новое постановление: выселить иностранцев за черту города, на берег Яузы, в Иноземную слободу.

В Иноземной слободе аккуратные домики, черепичные кровли, дорожки, посыпанные песком, мельницы с флюгерками, голубятни, стеклянные шары в палисадниках. В слободе живут немцы, французы, англичане, голландцы, итальянцы — офицеры иноземных полков московского государя, мастера, купцы, пасторы, доктора и аптекари...

Иноземные офицеры — лихие собутыльники, великие охотники потанцовать и выпить. Сплошь и рядом балы и маскарады длятся по нескольку дней кряду. И на улицах Иноземной слободы ежедневные ссоры и драки...

Владимирская дорога ведет через царскую Басманную слободу. В слободе живут хлебники. Они выпекают для царского стола особый сорт хлеба — «басман». Тут же стоит знаменитый кабак «Разгуляй».

Дорога на Кострому идет через Мясницкую слободу. Сейчас же за валом Земляного города, на месте теперешней Красноворотской площади, — сенной рынок. Дальше, под горой (сейчас здесь Комсомольская, бывшая Каланчевская площадь), — загородный царский дворец с высокой каланчой. Еще дальше — Красное село и Красный пруд, а за Красным прудом — излюбленные места соколиной охоты. Сюда приезжают царь и бояре спускать соколов. Мелькают зеленые чекмени сокольничих, спокойно сидят на охотничьих рукавицах сибирские кречеты с бубенчиками под бархатными клобучками, шитыми золотом и разноцветными шелками.

Наконец, на север идет Ярославская дорога. Почти параллельно ей течет грязная, захламленная Неглинка.

Сейчас же за стеной Белого города, на берегу Неглинки (теперешние Трубная площадь и Цветной бульвар), — Домовый торг: продает погорельцам готовые срубы. Тут же плотники предлагают погорельцам собрать дом в один сутки.

Выше по реке, у пруда Самотека, где сливаются воды двух речек — Неглинки и Напрудной, — летом идут веселые гулянья: молодежь водит хороводы, поет песни, завивает веники.

А чуть поодаль, среди глинистых оврагов, стоят убогие дома. Сюда божедомы привозят убитых, опившихся, замерзших — подобранных на московских улицах. Благочестивые люди роют здесь могилы,

Лубяной торг на Трубе (на месте теперешней Трубной площади). Здесь погорельцы покупают готовые срубы, амбары, сараи. Тут же артели плотников предлагают свои услуги. Слева — стена Белого города. Вдоль стены — фруктовый сад. На переднем плане — река Неглинка.

поют панихиды и хоронят безвременно погибших. Случается, в груде тел москвичи находят родных и знакомых.

Дальше — владения князя Черкасского: слободка Марьино и село Останкино...

Так среди подмосковных лесов, болот и пашен, за стеной боярского Белого города, вдоль магистральных московских дорог, по берегам Москва-реки, Яузы, Неглинки стоят царские, патриаршие и боярские села, поселки ремесленников, колонии иностранцев, стрелецкие слободы.

Земляной вал — официальная граница города. Но и за валом много московского населения: часть царских слобод, ремесленные поселки, патриаршие села. И кольцом расположились вокруг столицы сторожевые монастыри: Андроньев, Новоспасский и Симонов в Заяузье, Данилов и Донской — за Москва-рекой, Новодевичий — на западе. Своими крепостными стенами и бойницами они прикрывают подступы к столице.

Вокруг обителей широко раскинулись дворы мирян. По личному усердию, по экономической необходимости или по холопству работают они на иноков и доставляют обителям довольство и спокойную, сытую жизнь.

И все они в конце концов тянутся к Москве, живут Москвой, зависят от Москвы.

Издали Москва кажется громадной и прекрасной: пятьдесят строгих башен Земляного города, ворота и бойницы Белого и Китай-города и, наконец, в центре — величественная громада Кремля. Отсюда расходятся дороги на юг и север, на восток и запад. Извилистой причудливой паутиной лежат петли Москва-реки, Яузы, Неглинки, Чечеры, Пресни, Золотого Рожка. В густой зелени садов стоят боярские хоромы. И над деревянными домиками московских посадов высятся сотни церквей, то маленьких, похожих на часовенки, то высоких и прекрасных.

Но чем ближе подъезжают иностранцы к Кремлю, тем больше разочаровываются в Москве. Теперь столица Руси уже не кажется им такой необъятной — внутри Земляного и Белого городов лежат пустыри, огороды, сады.

Клинья-треугольники городской площади, образованные улицами-радиусами, по всем направлениям изрезаны кривыми переулками. Их линии причудливы и капризны. Иногда они определяются границами боярских усадеб. У крепостных стен переулки пучком сходятся к воротам. На берегах оврагов и рек, на вершинах холмов они идут по направлению стока воды. Но отовсюду одинаково прекрасны башни, бойницы и амбразуры крепостных стен, обручами стягивающих широко раскинувшийся город...

По вечерам рано затихает Москва.

Уже в сумерки задвинуты тяжелые засовы на железных ставнях боярских хором и на дворах спущены цепные собаки. Крепко закрыты ворота Кремля, Китай-города, Белого и Земляного городов. Улицы перегорожены тяжелыми решетками из толстых бревен, и сторожа с рогатинами и топорами вышли смотреть, чтобы «бою, грабежа, корчмы и табаку и никакого воровства и разврата не было и чтобы воры нигде не зажгли, не подложили бы огню, не накинули ни со двора, ни с улицы».

Потухли огоньки в слюдяных и брюшинных — из рыбьего пузыря — окошках, и наступила ночь, тревожная, темная, чреватая бедами и напастями.

Боязливо, крадучись возле уснувших домов, пробираются запоздалые пешеходы. Окруженный крепкой охраной, едет домой захмелевший боярин. Холопы освещают фонарями путь боярской колымаге. В пустынном темном переулке у высокого тына усадьбы можно встретить лихих людей: оберут, разденут, изувечат и бросят в придорожную канаву на съедение голодным псам.

Разве убережешься от ночных воров? И разве узнаешь, кто они?

Быть может, это беглые крестьяне пришли в Москву и здесь, в столице, мстят по ночам боярам, купцам, подьячим за свою загубленную жизнь?

Городской сторож на московской крепостной стене.

Может быть, это холопы московского боярина-скряги вышли в темный переулок добыть себе ночным разбоем на хлеб, водку и чеснок?

А может быть, и сам боярин отправился с друзьями на улицу поразмяться после веселого ужина?

Дела Разбойного приказа сохранили имена таких высокопоставленных ночных бандитов: князь Иван Шейдяков, Василий Толстой, Андрей Апраксин, Афанасий Зубов...

Темно и тихо в ночной Москве. Опустел торг на Красной площади, не стучат молоты в Кузнецком конце, замолкли гончары, спят хамовники. Только воют цепные псы на боярских усадьбах, глухо постукивают била сторожей и невнятно журчит вода на мельницах Яузы и Неглинки.

Вспыхнуло зарево над Москвой. Надрывно завыли псы. Ревет, сзывает сполошный колокол на кремлевской башне у Фроловских ворот. Сторожа крепче замкнули уличные решетки, и частой дробью забили колотушки караульщиков: того и гляди, в пожарной суете грабители выкрадут казну из кладовых...

Кончился пожар, и снова тихо и темно в ночной Москве. Только попрежнему воют заливчато цепные псы и перекликаются ночные сторожа.

Первым начинает стрелец близ Успенского собора в Кремле. Протяжно и заунывно бросает он в ночную тьму:

— Пресвятая богородица, спаси нас!

Ему отвечают у Фроловских ворот:

— Святые московские чудотворцы, молите бога о нас!
Подхватывают у Никольских ворот:
— Святой Николай-чудотворец, моли бога о нас!
И, как эхо, по Китаю и Белому городу несется протяжно, нараспев:
— Славен город Москва!
— Славен город Киев!
— Славен город Суздаль!
— Славен город Смоленск!
И всем им откликается Кремль:
— Пресвятая богородица, моли бога о нас!..
До утренней зари несется ночная перекличка стрельцов над боярскими усадьбами, над главами церквей, над стенами и башнями Кремля, над курными избами московских ремесленников — над старой боярской Москвой.

МОСКВА ПРИ ПЕТРЕ I

В апреле 1682 года, процарствовав шесть лет, умирает подслеповатый и слабоумный царь Федор Алексеевич, сын «тишайшего».

Кому же быть царем на Москве?

В Кремле — два брата покойного государя: старший, Иван, сын Алексея Михайловича от первой жены, Милославской, хилый, болезненный, «не жилец на этом свете», и крепкий, румяный Петр, сын Алексея и Нарышкиной.

Бояре внимательно приглядываются к обоим кандидатам на московский престол.

Что даст царствование слабоумного, никчемного Ивана? Неизбежен безудержный произвол сильных и богатых бояр Милославских, которые будут править именем хилого родственника-царя. Неизбежны ссылки, опалы и казни тех, кто когда-либо обидел Милославских, будущих правителей Руси. А таких обидчиков немало в Москве. Незнатная же семья Нарышкиных не страшна никому. И симпатии большинства московских бояр на стороне Петра.

В день, когда предстоит выбирать между Иваном и Петром, кое-кто из бояр, отправляясь в Кремль, надевает под боярские кафтаны крепкие стальные панцыри. Кто знает, быть может дело дойдет до ножей...

Но все обходится без смуты и поножовщины. Боярским приговором на московский престол выбран Петр. Правительницей Руси назначена мать молодого царя Петра, Наталья Кирилловна, вторая жена Алексея Михайловича, взятая им из рода Нарышкиных.

Рядом с двумя мальчиками — царем и царевичем — в Кремле живет их старшая сестра, дочь царя Алексея от Милославской, царевна Софья.

Софья хорошо знает свою судьбу — обычную безрадостную судьбу царевен, сестер московского государя: сладковатый запах ладана в полутемной церкви, жаркие огоньки свечей перед бесстрастными ликами святых, келья, похожая на склеп, и полное отрешение от жизни. А Софья жадно любит жизнь. Она мечтает о короне, о престоле, о власти. Она хочет быть московской царицей, великой государыней всея Руси.

На пути к жизни и власти стоят два брата.

Иван ей не страшен: не сегодня — завтра его будут отпевать. Опасны младший брат — крепкий, здоровый Петр — и ненавистная мачеха Наталья Нарышкина. И Софья готова на все, она не остановится ни перед чем, лишь бы расчистить себе дорогу к престолу.

Софья знает: в стрелецких слободах идет брожение. Стрельцы недовольны своими полковниками из дворян и боярских детей. Офицеры «чинят стрельцам налоги, и обиды, и великие тесноты», жестоко бьют батогами, на стрелецких землях ставят собственные дворы, заставляют бесплатно работать в своих поместьях и вотчинах, годами не платят жалованья.

Правда, стрельцам дано право торговли. Но теперь и торговля не радует стрельцов. Люди побогаче брезгают заходить в жалкие стрелецкие лавочки, предпочитая покупать заморский товар у иноземных купцов. Люди победнее — жители московского посада, боярские холопы, подмосковные крестьяне — вообще перестали что-либо покупать: кровавые расправы «тишайшего» вконец разорили московскую бедноту.

Стрельцы бунтуют, разбивают царевы кружала, грозятся по-свойски расправиться с ненавистными полковниками.

В стрелецких слободах шныряют агенты Софьи и Милославских. Осторожно и умело они направляют недовольство стрельцов:

— Во всем виноваты Нарышкины, родственники Натальи Кирилловны, матери Петра и правительницы Руси. От них все зло на русской земле. Не станет Нарышкиных — и снова наступит привольное житье, снова сытно и богато заживут московские стрельцы, любимцы царевны Софьи. К тому же, на престоле — младший царевич, а значит, незаконный царь, и восстание против него — не бунт, а заслуга...

В мае 1682 года надрывно и суматошно завыли набатные колокола в стрелецких слободах. Вооруженные стрельцы, «зело бодро и свирепством ярящеся, яко звери неукротимые», бросились в Кремль: кто-то сказал, будто Нарышкины отравой извели Ивана и Петра.

На Красное крыльцо царского дворца Наталья Кирилловна выводит своего сына Петра и царевича Ивана. Боярин Матвеев, бывший воспитатель молодой царицы, обещает милости восставшим.

На минуту стрельцы в замешательстве. К чему же этот набат, этот дерзкий поход в Кремль, если оба царевича живы, если правительница приветлива и ласкова? Надо расходиться... Но в толпе уже шныряют юркие агенты Милославских:

— Пусть живы Иван и Петр. Просто Нарышкины не успели выполнить свой умысел. Все равно главное зло в них. Смерть Нарышкиным!

Стрельцы врываются во дворец. Они шарят по дворцовым покоям, ловят перепуганных бояр — родственников и друзей царицы, — волокут на крыльцо и швыряют на копья и ножи шумной стрелецкой толпы. Среди убитых — боярин Матвеев и Иван Нарышкин.

Три дня бушуют стрельцы в Москве. Три дня продолжается охота на ненавистных бояр. И три дня агенты Софьи не перестают твердить:

— На престоле — незаконный царь, нарышкинское отродье. Хотим царем законного Ивана! Хотим правительницей нашу заступницу, царевну Софью!

Теперь восставшие стрельцы — хозяева положения. И волею московских стрельцов в Москве объявлено два царя-соправителя — Иван и Петр. За малолетством обоих государей правительницей царства назначена Софья.

Маленький Петр вместе с матерью уезжает в подмосковное село Преображенское. Софья с Иваном остаются в Кремле.

В память своей победы над боярами стрельцы ставят на Красной площади высокий столб. На столбе написаны имена убитых бояр и перечислены их вины и злодеяния. Стрелецкие полки получают жалованные грамоты. В грамотах бояре клянутся «ни ныне, ни впредь никакими поносными словами, бунтовщиками и изменниками стрельцов не называть, напрасно не казнить и в ссылку не ссылать».

Со всех городов Руси привозят в Москву серебряную посуду, переливают ее в деньги и выдают стрельцам жалованье и награды — двести сорок тысяч рублей.

И снова все идет по-старому в белокаменной Москве.

Правда, вместо Нарышкиных теперь у власти Милославские, родственники правительницы Софьи, и ее любимец князь Василий Голицын, но разве от этого что-нибудь изменилось?..

Одно время у «памятного столба» на Красной площади стоял часовой — стрелец с бердышом. Но теперь уже нет и этого стрельца, а буйная, озорная толпа нанесла к столбу кучи навоза, грязи и всякой пакости.

В довершение всего Софья велит уничтожить «памятный столб»...

В Москве все та же нищета, холопство, бездолье. А в дворцовых покоях Кремля плетутся новые интриги.

После стрелецкого бунта Софья становится еще на одну ступень ближе к трону. Теперь царевна-правительница чувствует себя полновластной хозяйкой в Кремле. Единственное препятствие на ее пути — это маленький Петр, подрастающий в Преображенском рядом с Москвой. Софья знает: когда мятежные стрельцы подхватывали на копья сторонников царицы Натальи, десятилетний Петр накрепко запомнил эту расправу. Она чувствует, что с этим твердым, упрямым, сильным врагом предстоит борьба не на жизнь, а на смерть. И правительница заранее готовится к решительному удару.

Голодно в Москве. На Красной площади и в Китай-городе много лавок стоят закрытыми. Иные купцы разорились от поборов, другие до лучшего времени припрятали товары и деньги. Все стало дорого. Хлеб пекут с мусором, мясо — червивое. Появилась дурная муха — от ее укуса у людей раздуваются щеки и губы. На церковных папертях не протолкнешься от назойливой толпы. Даже среди бела дня в глухих переулках Москвы буйствуют ватаги разбойников.

Озлобленно, праздно, голодно шумит огромный город, а в кремлевских покоях царевна-правительница мучительно ищет способа удержать власть, и снова — в который уже раз! — перед ее глазами встает твердое, спокойное лицо маленького Петра на Красном крыльце кремлевского дворца.

Петр хорошо помнит страшные часы стрелецкого бунта, обезображенные тела родственников, торжествующее лицо сестры-царевны. В тот день, стоя на Красном крыльце, маленький Петр навсегда воз-

ненавидел Кремль, старую Русь, одуревших от власти стрельцов и перепуганных насмерть боярских интриганов, жалких в своих длиннополых кафтанах и высоких нелепых шапках. В стрелецком мятеже Петр понял больше, чем можно было предположить по его возрасту: уже через год одиннадцатилетний царь по своей развитости кажется иноземному послу шестнадцатилетним юношей.

Теперь Петр больше никогда не вернется в кремлевский дворец. Старый Кремль с его древностями, запутанными дворцовыми хоромами и доживающими свой век царевнами, тетками, сестрами, с сотнями певчих, крестовых дьячков и «всяких верховых чинов» противен Петру. Отныне он осужден на участь заброшенной царской усадьбы.

Но не радуют Петра и хоромы матери в Преображенском. В комнате опальной царицы он видит вокруг себя печальные лица, слышит одни и те же горькие и озлобленные речи о неправде и злобе людской, о падчерице Софье и ее злых советчиках Милославских.

Скука материнских комнат выгоняет мальчика во дворы и рощи Преображенского, и здесь, предоставленный самому себе, молодой царь начинает игру в солдаты. Из спальников и дворовых конюхов, из сокольников и кречетников, а сплошь и рядом даже из боярских холопов Петр набирает две роты потешных солдат, строит потешный двор, потешную конюшню, потешную артиллерию.

Но потешные Петра далеко не игрушечные, шуточные солдаты. Одев их в темнозеленые мундиры, дав им полное солдатское вооружение, молодой царь чуть ли не ежедневно подвергает свою команду строгой солдатской выучке, сам проходя все солдатские чины, начиная от барабанщика. Приучая солдат к штурму и осаде крепостей, Петр строит на реке Яузе «регулярным порядком потешную фортецию», городок Пресбурх, и осаждает его по всем приемам осадного искусства.

В эти годы Петр знакомится с Немецкой слободой. В маленькой европейской колонии, заброшенной на берег Яузы, Петр находит интересных людей, не похожих на опротивевших ему бояр, сонно преющих в своих шубах у дверей опальной матери-царицы.

Иноземный мастер Зоммер обучает Петра гранатной стрельбе. В доме виноторговца Монса молодому царю показывают музыкальный ящик с двенадцатью кавалерами и дамами на крышке, «а также двумя птицами, вполне согласными натуре, но величиною с ноготь». Тут же, в Немецкой слободе, Петр видит водяную мельницу, которая трет нюхательный табак, толчет просо, приводит в действие ткацкий станок и поднимает воду в огромную бочку. Петру показывают «зрительную трубку», через которую смотрят на месяц и видят на нем горы. Но больше всего интересуют Петра живущие в слободе опытные иностранные офицеры, досконально знающие все хитрости сложной военной науки.

Петр становится частым гостем Немецкой слободы, а иноземцы — постоянными спутниками Петра в его «преображенских потехах».

Под руководством голландца Тиммермана Петр быстро проходит арифметику, геометрию, артиллерию, фортификацию, изучает строение крепостей, узнает, как можно вычислить полет пушечного ядра. С помощью иностранных офицеров молодой царь развертывает свои потешные батальоны в два регулярных полка, Преображенский и Семеновский, и даже пытается строить на Яузе свой флот.

Всехсвятский (Большой Каменный) мост через Москва-реку в конце XVIII века со стороны Замоскворечья. Впереди с дудками и домрами идет группа скоморохов. Подняв кверху полу одеяла, кукольный комедиант показывает Петрушку. На противоположном берегу Москва-реки справа видны стены, башни и соборы Кремля, слева — Берсеневские ворота Белого города.

Правительница Софья зорко следит за жизнью подмосковного села. Она видит, как рядом с Москвой вырастает грозная сила, настоящее дисциплинированное войско, с которым уже и сейчас не так-то легко смог бы справиться весь стрелецкий гарнизон Москвы.

Надо спешить.

Вместе со своим любимцем, начальником Стрелецкого приказа думным дьяком Шакловитым, царевна организует новый заговор против Петра.

В московских стрелецких слободах, в царевых кружалах, на шумном торге Красной площади агенты Софьи осторожно сеют тревожные слухи, будто царь Петр, вводя немецкие обычаи и учреждая войска на иноземный образец, намерен изменить православной вере, умертвить своего брата, царя Ивана, заточить в монастырь правительницу Софью и погубить всех стрельцов. Но царевна Софья-де зорко следит за Преображенским, и стрельцы должны быть готовы в любую минуту с оружием в руках встать на защиту православной веры и царя Ивана, когда из кремлевской башни ударят в набат.

В августе 1689 года в Кремль собран большой наряд стрельцов. Шакловитый объявляет в стрелецких слободах, что этой ночью Петр во главе своего потешного войска нападет на Кремль. Любимец Софьи призывает стрельцов ответить ударом на удар.

Над Преображенским нависает гроза.

В полночь, чудом прорвавшись через караульные заставы Софьи, в Преображенское прибегают два верных стрельца со страшной вестью об опасности. Внезапно разбуженный Петр скачет в Троице-Сергиевский монастырь. Наутро сюда же приезжает его мать-царица, и почти одновременно «потешный капрал» Лука Хабаров привозит в монастырь пушки, мортиры и боевые припасы Преображенского и Семеновского полков.

Война объявлена. На одной стороне — Москва, Кремль, правительница Софья, на другой — Петр и потешные под защитой неприступных монастырских стен...

Но случилось то, чего не ждали ни в Москве, ни в лавре: Софья не смогла собрать стрельцов, в набат не ударили, Москва спокойно спала в ту ночь. Воевать никому не хотелось. Стрельцы, казалось, забыли про Софью, одиноко сидевшую за кремлевскими стенами.

На следующий день в Москве стало известно, что стрелецкий полк Лаврентия Сухарева в полном составе ушел в Троицу, передал себя в распоряжение царя Петра и теперь занял Сретенские ворота Земляного города и охраняет Троицкую дорогу. Вслед за Лаврентием Сухаревым в Троицу уходит Иван Цыклер со своим полком. С развернутыми знаменами покидает Москву полковник Гордон с иноземными драгунами и рейтарами. И каждую ночь скрипят ворота боярских усадеб: из ворот выезжают бояре и спешат в лавру, к Петру.

Несколько дней столб пыли стоит над Ярославской дорогой: Москва переселяется в Троицу...

Софья понимает: война проиграна. Надо мириться. И правительница посылает к Петру своего посла, московского патриарха. Патриарх охотно едет, но обратно не возвращается. Даже записки не присылает царевне...

Петр пишет письмо своему брату Ивану:

«...А теперь, государь братец, настоит время нашим обоим особам богом врученное нам царство править самим, понеже есьми пришли в

меру возраста своего, а третьему зазорному лицу, сестре нашей, с нашими двумя мужскими особами в титлах и расправе дел быти не изволяем...»

Царевну Софью заточают в московский Новодевичий монастырь. Шакловитому отрубают голову. Князя Василия Голицына «лишают чести и боярства» и отправляют с женой и детьми на вечную ссылку в далекий северный город Каргополь. Остальных сторонников Софьи бьют кнутом на площади, отрезают им языки и ссылают в Сибирь навечно.

Стрельцы, бояре, иноземные войска, перешедшие на сторону Петра, получают богатые денежные награды. Сохранилась легенда, будто особенно щедро царь награждает Лаврентия Сухарева, чей полк первым пришел в Троицу: на месте деревянных Сретенских ворот Земляного города, где стоял полк Сухарева, Петр велит построить высокую каменную башню с часами и называет ее Сухаревой башней.

Сухарева башня.

Теперь Петр — полновластный хозяин Руси. Брат Иван состоит при нем лишь выходным, церемониальным царем. Но Петр не торопится в нелюбимую Москву. Из лавры царь с войском идет потешным походом в Александровскую слободу, где еще стоят поросшие кустарником и мхом гнилые срубы страшного дворца Ивана Васильевича Грозного.

Здесь генерал Зоммер устраивает примерное сражение. Потешный бой длится целую неделю, покуда хватает пороху.

В октябре 1689 года во главе потешных полков Петр отправляется в Москву.

Верст за десять от столицы царя встречают толпы народа с иконами, хоругвями, караваями хлеба на блюдах. По обочинам дороги валяются бревна и плахи с воткнутыми топорами, и на сырой земле лежат, шеями на бревнах, стрельцы — выборные из тех полков, которые во-время не ушли к Троице.

Петр недолго остается в Москве и снова уезжает в Преображенское продолжать свои «Марсовы потехи».

Правление переходит к царице Наталье. Но царица «ума малого», и государственными делами занимаются ее родные и близкие: князь Борис Голицын — человек образованный и умный, но «пьющий непрестанно», Лев Нарышкин — взбалмошный и недалекий, и Тихон Стрешнев — лукавый и злой «интриган дворовый».

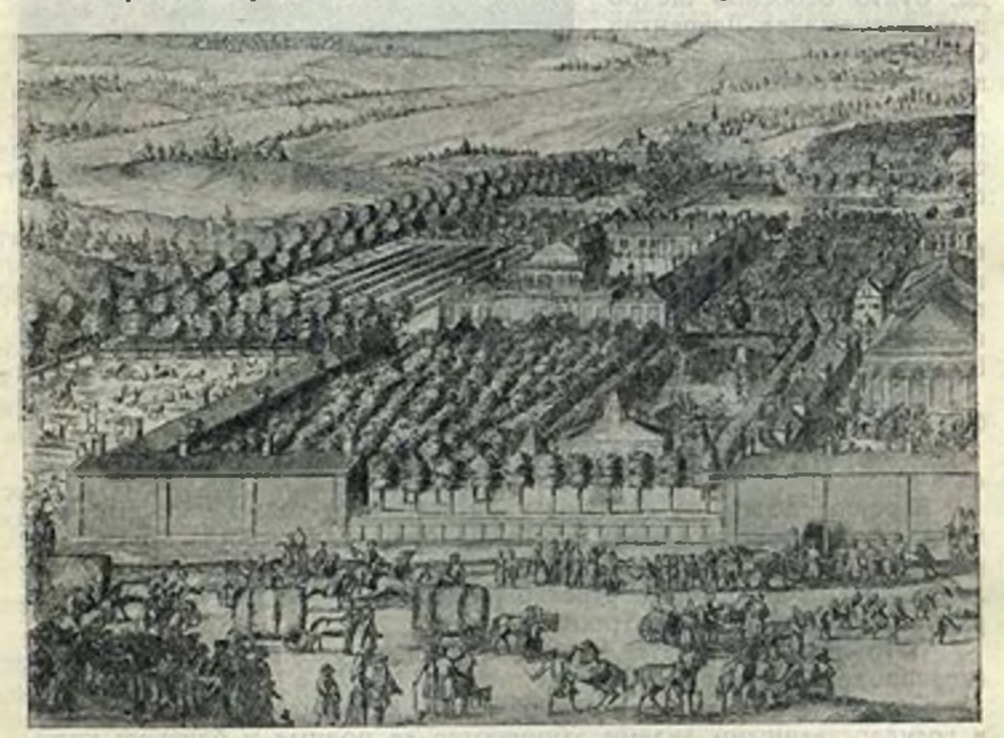
Временщики ведут «правление весьма непорядочное», с обидами и судейскими неправдами. И снова столица живет своей прежней, обычной жизнью: шумит великий торг у кремлевских стен, скрипят мельницы на Неглинной, голодают холопы в боярских подклетях, богатеют бояре, разворовывая государеву казну, дерзко шалят по ночам разбойники.

А под Москвой, в Преображенском, идет бурная, суматошная, интересная жизнь молодого царя Петра Алексеевича, так не похожая на обычную благообразную жизнь прежних государей всея Руси.

После Троицкого похода Петр еще теснее сближается с Немецкой слободой. Он вызывает оттуда генералов и офицеров для строевого и артиллерийского обучения своих потешных, часто сам запросто ездит в слободу, обедает и ужинает у старого генерала Патрика Гордона и по вечерам весело пирует в тесном кругу своей «кумпании».

«Кумпания» Петра — пестрая смесь племен, наречий, состояний. Здесь бывший сын придворного конюха, сержант Преображенского полка Александр Меншиков, будущий всесильный фаворит, и рядом с ним — старый князь Ромодановский, бесконечно преданный Петру. Главнокомандующий новой солдатской армии И. И. Бутурлин, бывший стрелецкий командир, и Франц Яковлевич Лефорт, авантюрист из Женевы, веселый говорун, преданный друг, неутомимый кавалер в танцовальном зале, неизменный товарищ за бутылкой, мастер устроить пир наславу, — словом, «душа-человек», или «дебошан французский», как определяет его современник Петра князь Куракин.

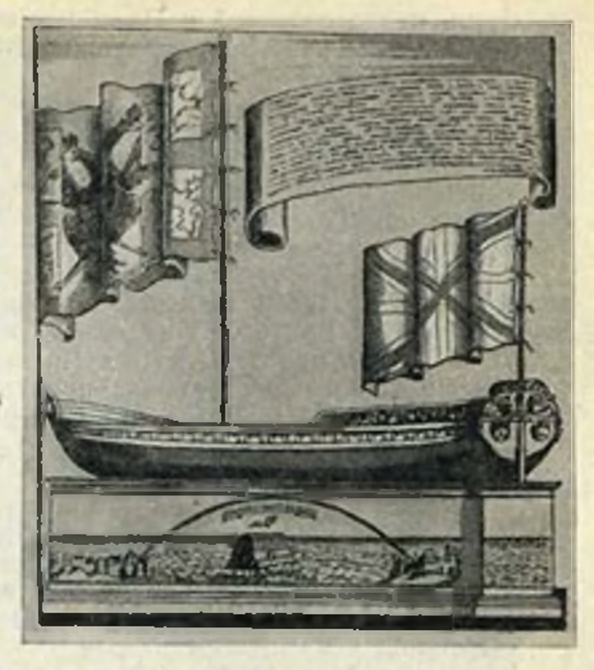
Петр ни минуты не сидит на месте. Он ведет усиленные военные

Сад Головинского дворца в Немецкой слободе в начале XVIII века. Левее — скотный двор. Перед садом — шумная, оживленная уличная суголока. За головинской усадьбой — река Яуза и пустыри, отделяющие Немецкую слободу от Москвы.

занятия, сам изготовляет и пускает опасные фейерверки, производит смотры и маневры, устраивает примерные сражения, испытывает новые пушки, учится, наблюдает, жадно расспрашивает иноземцев о военном деле и о делах европейских и при этом ночует где придется — то в Немецкой слободе, то в Преображенском, — лишь изредка приезжая пообедать к матери-царице.

Вместе с Петром растут его пушки и люди. Отряды потешных превращаются в настоящие регулярные полки: из игрушечных пушек и пушкарей выходят настоящая артиллерия и заправские артиллеристы.

Ботик Петра I.

Неутомимый Петр каждый год формирует новые полки. Один, без мастеров и плотников, он строит на Яузе речную яхту; проводит на берегу Москва-реки, под Кожуховым, грандиозные маневры, введя в «бой» тридцать тысяч человек (на маневрах «убито с 24 персоны пыжами и иными случаи и ранено с 50»); вечерами устраивает «пьянство столь великое, что невозможно описать, и многим случилось от того умирать». Наутро же, как ни в чем не бывало, молодой царь спешит на работу — учиться метанию гранат, артиллерийскому делу, астрономии.

А рядом прежней жизнью живет старая Москва, преют в длиннополых кафтанах и меховых шубах бородатые бояре в Боярской думе и с опаской, с затаенной злобой присматриваются к необычному московскому царю, который в грош не ставит древнюю боярскую родовитость, окружает себя «людишками без роду, без племени», который с топором в руках и трубкой в зубах работает, как матрос, одевается и курит, как немец, пьет водку, как солдат, ругается и дерется, как стрелецкий полковник. И уже ползут по Москве слухи, будто Петр — не настоящий царь, а самозванец, рожденный не богобоязненной царицей Натальей, а проклятой немкой-бусурманкой...

Хлебнув свежего воздуха в Немецкой слободе, царь мечтает пробить окно из Москвы в Европу — на простор океанов, на мировые европейские рынки.

В Архангельске, единственном морском порте Московского государства, Петр строит корабли, всячески содействует иностранной торговле... Но Белое море слишком долго покрыто льдом, и внимание Петра обращается на юг.

Во главе созданного им войска царь штурмует турецкий город Азов — ключ к Черному морю. В 1696 году Азов взят с помощью ар-

тиллерии, подготовленной в Преображенском, и флота, в одну зиму построенного на реке Воронеже под непосредственным руководством Петра.

В честь взятия Азова царь приказывает выбить медаль с портретом царя и с изображением города, блокируемого с суши и с моря. На медали надпись:

«Молниями [артиллерийскими] и волнами [корабельными] победитель»...

Столица торжественно встречает Петра.

На Москва-реке, у Каменного моста, воздвигнуты триумфальные ворота. Наверху среди знамен и оружия широко распростер крылья двуглавый орел. Под орлом надпись:

«Бог с нами, никто же на ны. Никогда небываемое».

Крышу триумфальных ворот поддерживают две золоченые статуи — Геркулес и Марс. Под ними — вырезанные из дерева и ярко размалеванные красками азовский паша и татарский мурза в цепях, и снова пояснительная надпись:

«Прежде на стенах мы ратовались,
Ныне же от Москвы едва бегством спаслись».

Внутренние стены ворот обиты богатыми шелковыми обоями. По своду в трех местах начертано по-славянски золотыми буквами изречение великого полководца древности Цезаря:

«Приидох, увидех, победих».

Впереди войска, на богатой колеснице, запряженной шестью лошадьми, едет князь Ромодановский с мечом и щитом. За ним певчие, дудошники, карлы, дьяки, бояре, войска. Четырнадцать богато убранных лошадей везут золоченую колесницу, похожую на морскую раковину, а на ней — Франц Яковлевич Лефорт в блестящих латах и с планом Азова в руках... Опять бояре, дьяки, войска, турецкие знамена, пленные в саванах и снова войска, корабельные мастера, плотники, кузнецы, солдаты. Наконец, впереди Преображенского полка в морском кафтане и войлочной шляпе со страусовым пером широко и размашисто шагает Петр.

Гремят орудийные залпы, играют медные трубы, бьют барабаны, и торжественно и победно несется колокольный звон московских церквей.

Не останавливаясь в Москве, Петр проходит в Преображенское.

Отобрав несколько десятков дворян и боярских сыновей, ленивых недорослей, Петр отправляет их за границу, строго-настрого приказав «знать чертежи или карты морские, компас и прочие признаки морские», владеть судном «как в бою, так и в простом шествии», искать всяческого случая быть на море во время сражения, а при возврате в Москву привести с собой по два искусных мастера, «которые бы сами в матросах бывали и службою дошли до чина, а не по иным причинам».

Плач стоит в боярских хоромах Москвы. С уезжающими прощаются, будто провожают в могилу...

В 1697 году за границу уезжает сам Петр. В его отсутствие полновластным хозяином Москвы остается князь Федор Ромодановский.

Петр едет в иноземные страны не досужим путешественником, а рабочим, желающим спешно ознакомиться с неизвестными ему «надобными мастерствами».

Казнь стрельцов на Красной площади. Справа, на коне Петр I. За ним, вдоль Кремлевской стены, стоят виселицы. Налево, вокруг Лобного места, осужденные на казнь стрельцы прощаются со своими близкими.

На время столица возвращается к своей старой жизни, полной слухов и кривотолков о царе. Известия о нем доходят скудно: только время от времени в Москву приходят из-за границы короткие полуграмотные письма.

Боярские дети пишут в Москву, что государь всея Руси выдает себя за простого плотника Петра Михайлова, жадно осматривает фабрики, заводы, лесопильни, госпитали, обсерватории и даже не брезгает посещать Анатомический музей. Недоросли сообщают, что, по приказу царя, их обучают математике, «наукам философским и дохтурским», но особенно «мореходским», и просят родителей вымолить им возвращение в Москву и определить хотя бы последним рядовым солдатом, а если на роду им написано оставаться за границей, то повелеть обучаться «науке сухопутской», но только не мореходству.

Время от времени через Архангельск и Новгород в Москву прибывают иноземные командиры, штурманы, боцманы, лекари, матросы, коки и корабельные и огнестрельные мастера. Царскими указами их размещают по дворянским и купеческим дворам.

В Москве начинается «великая теснота». И с новой силой ползут по Москве разговоры о том, что царя подменили еще в детстве, о немке-бусурманке — настоящей матери царя, и об антихристе, принявшем образ государя.

Ромодановский ловит смутьянов, вздергивает их на дыбу, пытает на медленном огне, и постепенно из пытошных записей перед ним вырисовывается обширный заговор. Нити ведут к Новодевичьему монастырю.

Под черным монашеским клобуком царевна Софья попрежнему страстно мечтает о московском престоле. Воспользовавшись отсутствием Петра, она посылает тайное письмо своим любимцам стрельцам, стоящим на литовской границе. Письмо зовет стрельцов брать Москву с боя и кричать на престол царевну Софью. За это стрельцы получат богатую награду, а ненавистная Немецкая слобода будет отдана им на разграбление.

Четыре стрелецких полка, снявшись с литовской границы, идут походным маршем и останавливаются под Москвой, у Нового Иерусалима. Здесь, на берегу реки Истры, их встречает петровское войско и громит царская артиллерия. По приказу Ромодановского, пятьдесят шесть стрельцов повешены по обочине дороги. Остальных рассылают по тюрьмам и монастырским подвалам...

Узнав о стрелецком мятеже, Петр в 1698 году спешно возвращается в Москву. Закованных стрельцов привозят в Преображенское. Начинается розыск. В четырнадцати застенках стрельцов поднимают на дыбу, бьют кнутом, держат над горящей соломой. Потом дают выпить водки, чтобы человек ожил, и опять вздергивают на вывороченных руках, выпытывая имена главных заводчиков.

Шесть дней длятся стрелецкие казни. В Москве казнено шестьсот двадцать восемь человек. Сто девяносто пять стрельцов повешено у Новодевичьего монастыря перед окнами царевны Софьи. Трое из них держат в руках челобитные...

Пять месяцев трупы не убираются с места казни. Пять месяцев мертвые стрельцы протягивают свои челобитные бывшей правительнице Софье.

Московское стрелецкое войско распущено. Стрельцам и стрельчихам строго-настрого запрещено жить в Москве. Их дворы, лавки и дома отданы с торгов сторонним людям в оброк.

Царевна Софья в келье Новодевичьего монастыря после стрелецкой казни. За решеткой окна — силуэт повешенного стрельца.

Царь видит, что старая Москва не сдается без боя. И Петр объявляет суровую войну ленивому и неповоротливому боярству.

Даже внешний вид бородатых бояр раздражает царя. И один за другим следуют указы Петра о бородах и одежде. У ворот Китая и Белого города висят царские приказы:

«Боярам, царедворцам, служилым людям, приказным и торговым ходить отныне и безотменно в венгерском платье; весной же, когда станет от мороза легче, носить саксонские кафтаны».

Тут же на крюках развешаны образцы новой одежды, и особые сторожа строго следят за выполнением царского указа. «Всякий, кто ослушается этого приказания,— пишет английский капитан Джон Перри, — и пройдет через городские ворота в длинном кафтане, обязан заплатить две гривны или стать на колени у городских ворот, чтобы кафтан его обрезали в уровень с землей и окоротили на всю ту длину, которая окажется лишней против его роста, когда он стоит таким образом на коленях. Подобным образом окорочено было несколько сотен кафтанов».

Купцам за продажу русского платья указ грозит кнутом, разорением, каторгой.

Петр вводит особую «бородовую пошлину»: за право носить бороду люди гостиной сотни уплачивают сто рублей, бояре и служилые люди — шестьдесят, посадские, ямщики, извозчики — тридцать.

Уплатившим «бородовую пошлину» выдают особые знаки с надписями:

«С бороды пошлина взята».

«Борода — лишняя тягота».

Приверженцы старины, древние родовитые бояре, тайно носят отрезанную бороду на груди, под сорочкой, рядом с нательным крестом, и приказывают класть бороду с собою в гроб...

Новое петровское законодательство не признает древней родови-

Петровские солдаты режут полы боярского кафтана. На стене у ворот висят образцы новой одежды — кафтана и шляпы.

ности. Теперь главную роль в государстве начинают играть мелкие помещики и военные, получившие в петровских законах новое имя — «шляхетство».

Чтобы укрепить силу и власть дворян, Петр отдает им поместья в полное наследственное владение.

Петр отменяет патриаршество, Боярскую думу и кремлевские приказы. Духовенство передается в ведение вновь созданного Синода. Боярскую думу заменяет Сенат. Вместо многочисленных прежних приказов организуется двенадцать коллегий. В Сенате и коллегиях всеми делами управляют дворяне...

Петровский «бородовой знак».

Петр забивает осиновый кол в могилу боярства.

Все новые законы и указы царя говорят о том, что главная обязанность дворян — служба. Служить же могут только грамотные, образованные люди. Недаром одним из самых сильных впечатлений, вынесенных Петром из заграничной поездки, было чувство удивления: как там много учатся и как споро работают, и работают споро именно потому, что много учатся.

И Петр решает открыть в Москве ряд школ.

Прежде всего в Сухаревой башне устраивается «школа математических и других наук и ремесл, как шляпы делать, сукна, кожи, штукатурные фигуры из гипса, архитектурою палаты ставить».

Там же открыта «навигацкая школа». Здесь на одной скамейке с князьями сидят дети дворовых людей. Учеников набирают отовсюду, лишь бы укомплектовать заведение.

Взятый русскими войсками в плен пастор Глюк оседает в Москве и основывает на Покровке первую московскую гимназию. Глюк начинает дело пышным и заманчивым воззванием к русскому юношеству, «аки мягкой и всякому изображению угодной глине».

Рядом с обращением напечатана программа школы: география, философия, греческий, латинский и древневосточные языки, немецкий и французский языки, танцовальное искусство и поступь, немецкие и французские учтивства, рыцарская конная езда и берейторское обучение лошадей.

Состав учащихся первой гимназии очень пестр: дворянские дети, сыновья майоров, капитанов, солдат и посадских людей. Один ученик, например, живет на Сретенке у дьякона, нанимает угол со своей матерью, а отец его — солдат.

Заставляя московское дворянство обучаться наукам, Петр хочет сделать его проводником европейских светских обычаев и приличий. По распоряжению царя, в Москве издается переводная книга: «Юности честное зерцало или показание к житейскому обхождению».

Идея книги заманчива: преподнести правила, как держать себя в обществе, чтобы иметь успех при дворе и в свете.

Первое правило: не быть «подобным деревенскому мужику, который на солнце валяется». Дальше идут более подробные наставления: повеся голову и потупя лица по улице не ходить и на людей косо не заглядывать, глядеть весело и приятно, с благообразным постоянством, при встрече со знакомыми за три шага шляпу снять приятным образом, а не мимо прошедши оглядываться, в сапогах не танцовать, а в обществе в круг не плевать, а на сторону, в комнате или в церкви в платок громко не сморкаться и не чихать, перстом носа не чи-

Школа в конце XVII века.

стить, губ рукой не утирать, за столом на стол не упираться, руками по столу не колобродить, ногами не мотать, перстов не облизывать, костей не грызть, ножом зубов не чистить, головы не чесать, над пищей, как свинья, не чавкать, не проглотя куска, не говорить...

Введя новый, «гражданский» шрифт, Петр печатает в Москве «Геометрию — славенски землемерие», ряд книг по истории и технологии и со 2 января 1703 года начинает выпускать первую в Москве газету «Ведомости о военных и иных делах».

Через каждые два-три дня выходит в Москве эта маленькая газетка в несколько страничек, размером в восьмую часть листа и тиражом в тысячу экземпляров. В газете подслеповатым шрифтом печатаются «грамотки» (корреспонденции) из-за границы и русские известия, доставляемые на Печатный двор из приказов.

В первом номере «Ведомостей» москвичи читают сообщение о вновь отлитых пушках и мортирах, о слоне, присланном в дар государю от индийского шаха, о том, что в Москве с 24 ноября по 24 декабря родилось «мужеска и женска полу 384 человек», и, наконец:

«Повелением его величества морские школы умножаются, и 45 человек слушают философию и уже диалектику окончили. В математической штюрманской школе более 300 человек учатся и добре науку приемлют».

Петр любит свою газету. Он находит время сам ее редактировать и держать корректуру первых номеров. Заметив, что москвичи неохотно читают «Ведомости», Петр пускается на хитрость. Царь велит открыть в Москве «австерию» (ресторан). Здесь поят и кормят даром, но при одном условии: посетитель предварительно должен обязательно прочесть очередной номер московских «Ведомостей»...

Петр продолжает дело своего отца, и в 1701 году, по распоряжению царя, в Москве на Красной площади, между Спасскими и Никольскими воротами, возводится деревянный «театрум». Труппа Ягана Куншта ставит в театре русские и немецкие пьесы. Но те и другие одинаково непонятны зрителям. Чиновники Посольского приказа, искусные в составлении бумаг, оказываются никуда не годными переводчиками драматических произведений. Ходульные пьесы с сюжетами из далекой, непонятной истории, с боями, убийствами, неожиданными переходами в развитии действия не удовлетворяют даже невзыскательных москвичей. Сборы труппы Куншта падают.

И снова Петр лично вмешивается в работу московского театра. Царь учит грамотеев Посольского приказа элементарным правилам перевода пьес. За подписью Петра в Москве вывешивается объявление:

«В указанные дни, когда бывает комедия, ворот городовых по Кремлю, по Китай-городу и по Белому городу в ночное время до 9 часу ночи не запирать и с приезжих указной по воротам пошлины

не иметь, для того чтобы смотрящие того действия ездили в комедию охотно».

Но москвичи все же ходят в театр неохотно. И разорившийся Яган Куншт бежит из столицы, не заплатив жалованья артистам, а в Москве по просьбе комедиантов назначается аукцион — распродажа театрального имущества.

На аукционе продаются: «дворец с великолепными селами, крепостями, лесами, рощами, лугами, наполненными людьми, зверями, птицами, мухами и комарами; море, состоящее из двенадцати валов, из которых самый огромный — девятый — немного поврежден; полторы дюжины облаков и снег в больших хлопьях из белой оверненской бумаги».

После Куншта театр на Красной площади переходит в руки Отто Фюрста.

Пьесы попрежнему переполнены театральными эффектами и ужасами: сражения, убийства, отравления, молнии и грозы.

В труппе Отто Фюрста играют не только иноземные актеры, но и русские ученики-артисты. Они не блещут талантами, но зато отличаются дебоширством.

Особенно «злокозненные деяния» приписывают актеру Василию Теленкову, он же Шмага пьяный. С актером расправляются просто: «Комедианта пьяного Шмагу, взяв в приказ, высеките батоги».

Петр не жалеет денег на постройку в Москве новых мануфактур (фабрик). Он дает любые денежные ссуды, он осыпает милостями любого — будь то даже дворовый человек, — кто сумеет наладить нужное производство.

Опытный фабрикант становится в Москве важнее любого сано-

Вид из Замоскворечья на Кремль в начале XVIII века. В центре Кремля высится колокольня Ивана Великого и здания приказов. Левее — кремлевский дворец. Между стеной Кремля и рекой — деревянные домишки и стекольный завод.

витого князя, даже если тот ведет свой род со времен Ивана Калиты.

В Москве начинают спешно заводить новые мануфактуры, ставят огромные по тому времени суконные, парусные, шелковые и чулочные фабрики. На полотняной фабрике Тамеса работают 841 рабочий на 443 станках; на Суконном дворе — 730 рабочих.

В те времена единственным промышленным двигателем была вода. И вот на Яузе рядом с мучными магазинами вырастают «вододействующие» предприятия — сначала казенные, а потом частные.

Приглашенный правительством иностранец Идрих Акин ставит на Яузе особую «ствольную мельницу», кузницу и сверлильню. У села Богородского, недалеко от того места, где теперь стоит завод «Красный богатырь», поставлена «бумажная мельница» (бумажная фабрика). И до сих пор один из переулков в районе Яузы носит название Мельницкого, напоминая о существовании в этих местах особой «мельнишной» слободы.

Условия труда на московских фабриках каторжные. На Суконном дворе, что стоит в Замоскворечье, у Каменного моста, рабочий день длится четырнадцать часов, кроме перерывов на обед и завтрак. Казарм для жилья рабочих нет. Ночуют там же, где и работают, — на полатях над ткацкими станками. Тут же отдыхают, болеют, умирают и рожают.

Петр учреждает в Москве ратушу («бурмистрову палату»): каждый год московские купцы, фабриканты, ремесленники, посадские люди выбирают бурмистров (земских). В руках ратуши — суд, подати и разбор торговых тяжб.

Однако выбранные на год бурмистры нерадивы к работе. И Петр учреждает в Москве «городской магистрат» — коллегию из постоянных членов.

Царь называет магистрат «начальником города». Но в ведении магистрата далеко не все городское население. Магистрату не подведомственны ни шляхетство, ни духовенство, ни иностранцы. Магистрат занимается только делами граждан, регулярных и нерегулярных.

Регулярные граждане разделены Петром на две гильдии. В первую гильдию входят знатные купцы, фабриканты, доктора, аптекари. Ко второй принадлежат торгующие мелочным и всяким харчевым товаром и ремесленники. Наконец, идут нерегулярные граждане — «все подлые люди, обретающиеся внаймах, на черных работах и тем подобные».

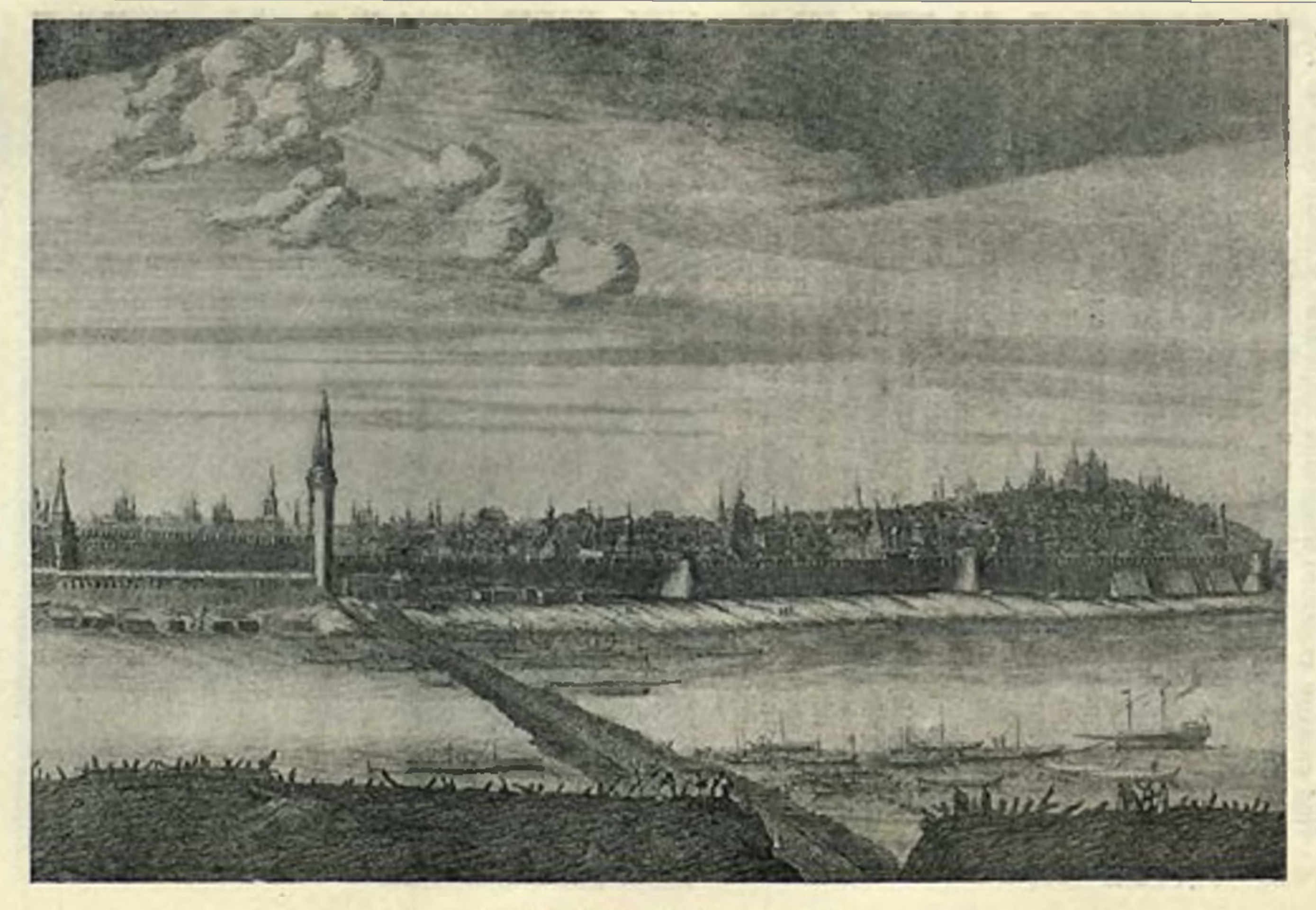
От каждой гильдии Петр велит выбирать несколько человек старшин и старост: они должны быть советчиками магистрата.

Старосты и десятские нерегулярных граждан обязаны доносить магистрату о нуждах «подлого люда».

По мысли Петра, магистрат наблюдает за раскладкою и сбором государственных податей и отбыванием повинностей, «содержит в своем смотрении полицию», впервые учрежденную в Москве, «заводит хотя бы малые школы, сиротские дома, госпитали и старается и о размножении мануфактур и рукоделий, особенно таких, каких прежде не бывало».

Петр решает перестроить старую Москву, выпрямить московские кривые переулки, построить новые прочные каменные дома, снести ветхую деревянную рухлядь.

При барабанном бое на площадях и улицах Москвы объявляется царский указ «строить каменное строение по большим улицам и по

Пловучій мостъ черезъ Москва-реку.

переулкам линейно», а не среди двора, как было встарину, и «строить добрым мастерством». Все постройки должны производиться только с разрешения полиции и по чертежу городского архитектора.

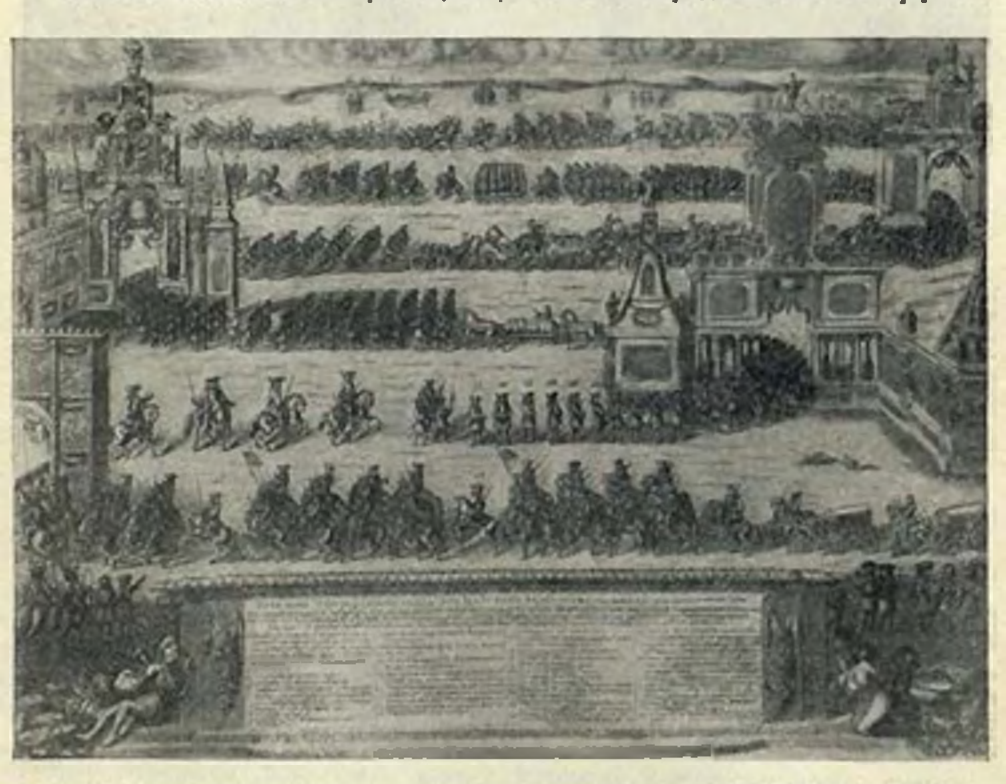
Под страхом тяжелого наказания запрещено возводить новые деревянные дома в пределах Кремля и Китай-города.

Больше того: Петр отбирает у бедных домохозяев деревянные дома в центре города и передает их участки богатым, требуя немедленного сноса деревянных хибарок и постройки каменных палат. Только за пределами Китайгородской стены москвичи имеют право ставить деревянные дома, но и то непременно под черепичной или земляной крышей.

Петр впервые вводит в Москве каменные мостовые. Сбор камня распределен по всему государству. С каждых четырехсот крестьянских домов велено доставить в Москву четыре сажени камней разной величины: «аршинного, трехаршинного, полутороаршинного, четвертного и мелкого», «в гусиное яйцо и больше». Всем приезжающим в Москву вменено в обязанность привозить с собою «по три камня диких ручных, а чтобы те камни меньше гусиного яйца не были». Каменная пошлина при въезде в город сдается караульным.

Царь переселяет мясников с Мясницкой улицы. На месте прежних боен, у Поганых прудов, любимец Петра, Александр Меншиков, строит дворец и церковь с прекрасной колокольней — «Меншиковой башней». На башне поставлены часы с курантами, купленные в Лондоне. Часы играют каждые час и полчаса и отбивают четверти.

Однако попытки Петра перестроить Москву дают малый эффект.

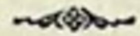

Торжественный въезд Петра I в Москву после победы над шведами под Полтавой. Войска проходят через триумфальные ворота, воздвигнутые в Москве для встречи победителей. Среди русских войск — шведская артиллерия, захваченная в боях под Полтавой и при Лесном.

Границы Российского государства в 1689 году.

Петровские каменные мостовые устроены лишь на главных, центральных улицах. Чуть в сторону — и опять непролазная грязь.

Сиятельный князь Меншиков не может жить в своем новом дворце на Мясницкой: от Поганых прудов весной и летом тянет непереносимой вонью. Князь велит вычистить Поганые пруды. Они получают название Чистых прудов.

Царь не любит Москвы и редко в ней бывает. Петр колесит по необъятной Руси из конца в конец, от Архангельска и Карелии до Прута, Азова, Астрахани, Дербента. И только один раз Петру понадобилась Москва, и он вспомнил о старой столице — о ее каменных стенах, бойницах, амбразурах и даже колокольнях ее бесчисленных церквей.

Это было в 1700 году, когда Петр, продолжая дело Ивана Грозного, начал великую Северную войну.

Первое сражение неудачно для Петра. В злую ноябрьскую вьюгу 1700 года небольшой шведский отряд разбивает под Нарвой тридцатитысячное русское войско. В Новгород приходят лишь жалкие остатки петровской армии, захватив с собой шесть поломанных пушек; остальная артиллерия остается у шведов.

Петр понимает: надо спешно перевооружиться, пополнить запас людей, денег и пушек. Люди есть: храбрых, любящих свою родину людей — с избытком. Из крепостных крестьян Петр набирает новую армию и обучает ее военному делу. Найдутся и деньги: царь облагает тяжелыми налогами бани, постоялые дворы, мельницы, даже гробы и вдвое поднимает цену на соль. Нашелся наконец и металл для артиллерии: Петр приказывает перелить колокола московских церквей на новые пушки.

Но этого мало. Петр боится, что шведы пойдут дальше, что они осмелятся осадить столицу. И царь внимательно осматривает московские укрепления.

Враг давно уже не подступал к Москве. И обросли мхом ее стены, осыпались откосы крепостных рвов, вода во рвах заросла тиной.

Петр велит укрепить Кремлевскую и Китайгородскую стены грозными земляными бастионами. Днем и ночью идут работы. Петр намерен здесь, у стен Москвы, дать решительный бой Карлу...

Петр ошибся: шведы не пошли на Москву. Но и сам царь теперь редко заглядывает в старую столицу. Петру не до того: в 1703 году русские войска завоевывают у шведов болотистое устье Невы. Здесь, на берегу Балтийского моря, Петр закладывает наконец первый камень нового города.

Теперь все помыслы Петра — на берегу Балтики. Со всей страны царь собирает сюда каменщиков, плотников, столяров. В Москву и другие города летит указ: каменных построек не возводить и даже старые не ремонтировать. Все мастера должны быть в Петербурге.

Тысячами гибнут крепостные в болотах Невы при постройке будущей столицы. И волна народных восстаний катится по России...

Петербург основан, но Карл XII благодаря измене украинского гетмана Мазепы прорывается в привольные степи Украины.

Здесь, у небольшого украинского города Полтавы, 27 июня 1709 года происходит великая Полтавская битва. Русская армия наголову разбивает непобедимого Карла, уже самоуверенно назначившего шведского генерал-губернатора Москвы...

Торжественно встречает Москва полтавских победителей. Петр вступает в старую столицу во главе своей гвардии, ведя за собой пять с половиной тысяч пленных шведов, шведского фельдмаршала и первого министра Карла XII.

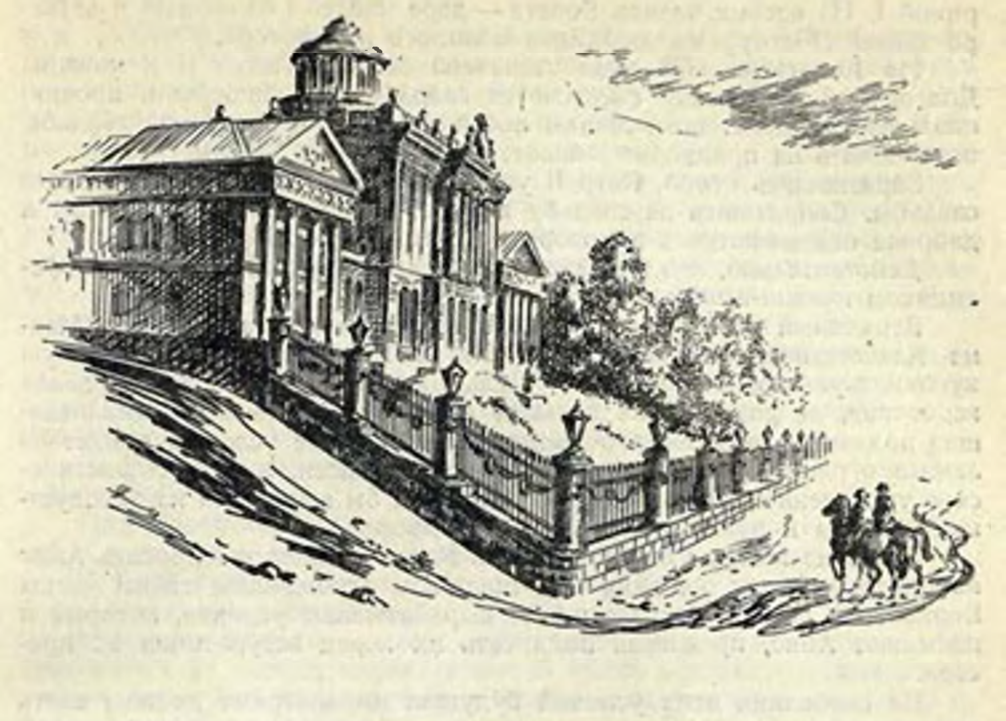

В 1713 году Петр переезжает в новую столицу Санкт-Петербург. Он уводит с собой любимые полки, вельмож, чиновников, ближайших помощников, друзей-иностранцев...

В 1714 году на Балтийском море молодой русский флот, при личном участии Петра, громит шведов у мыса Гангут. И снова видит Москва Петра — уже провозгласившим себя всероссийским императором. В 1722 году Петр Великий празднует в Москве окончание Северной войны, закрепившей наконец за Россией берега Балтики, за которые двадцать пять лет боролась Москва при Грозном и двадцать один год при Петре.

Так заканчивается почти шестивековой период истории Москвы. Из маленькой безвестной крепости Владимиро-Суздальского княжества Москва вырастает в столицу великой страны, широко раскинувшейся от Невы до Амура, от холодных тундр Карелии до горячих песков Закаспия. Пробившись наконец к берегам Балтийского моря, Москва строит здесь новый город, и волею великого Петра Петербург становится столицей Российской империи.

ДВОРЯНСКАЯ СТОЛИЦА

Умер Петр Первый, умерла его жена Екатерина, и на престол вступает внук Петра, сын царевича Алексея, Петр II.

Во главе с юношей-императором зимой 1728 года вельможи покидают Петербург. Огромным поездом в тысячу колымаг под малиновый перезвон московских колоколов они въезжают по Тверской улице в Кремль.

Ничто не связывает их с Петербургом. На сумрачные болотистые берега Невы их пересадила властная рука великого Петра. Требовательный император приказал им обзавестись в новой столице домами чужого, незнакомого им типа и жить так, как приличествует жить вельможам императорского двора, чтобы не ударить лицом в грязь перед заносчивой, самонадеянной Европой. С невской столицей связывают вельможи воспоминания о суровой петровской ломке всего государственного устройства, о вспыльчивом, энергичном, не знающем усталости Петре, об умирании старого, привычного боярского быта.

Нет, не любят невской столицы старые родовитые бояре. Их корни в Москве. Здесь стоят их обжитые хоромы, здесь, рядом со старой столицей, широко раскинулись их богатые подмосковные поместья.

И теперь с радостью они возвращаются в Москву, к прежнему неторопливому укладу московского быта, чтобы забыть суровое петровское время и жить так, как жили их отцы и деды, — широко, спокойно, не спеша.

Но молодой император не засиживается в Москве. Со сворой борзых и гончих он гоняет дичь по лесам и полям Подмосковья, только наездами бывая в Москве. Всеми делами государства управляет кучка вельмож — Верховный тайный совет, учрежденный еще Екате-

рииой I. Из восьми членов Совета — двое князей Голицыных и четверо князей Долгоруких, любимцев молодого императора.

На 19 января 1730 года назначена свадьба Петра II и княжны Долгорукой. В Москву съезжаются гвардейские офицеры и провинциальные дворяне: всем лестно побывать на императорской свадьбе, потанцовать на придворных балах, завести новые знакомства...

Заразившись оспой, Петр II умирает в день, назначенный для его свадьбы. Собравшись на свадьбу и попав на похороны, гвардейцы и дворяне оказываются в водовороте политической борьбы.

Действительно, кто же сядет на русский престол? Кому быть преемником юноши-императора?

Верховный тайный совет решает возвести на престол дочь Ивана Алексеевича, старшего брата Петра Великого, — вдовствующую курляндскую герцогиню Анну. Вельможи надеются, что захудалая герцогиня, не раз в своих письмах из Митавы униженно вымаливавшая подачки у московского двора, примет любые условия, пойдет на любые ограничения своей императорской власти, передаст фактическое управление страной сановникам, лишь бы вырваться из захолустной Митавы и попасть в кремлевский дворец.

И вот из Москвы отправляется в Митаву делегация просить Анну на царство. В тот же день под покровом строжайшей тайны члены Верховного совета («верховники») вырабатывают условия, которые и посылают Анне, предлагая подписать их перед вступлением на престол.

На основании этих условий будущая императрица должна взять на себя обязательство не менять состава Верховного тайного совета, без согласия «верховников» войны не начинать, мира не заключать, не раздавать высших должностей и придворных чинов, не жаловать вотчин и деревень, не отнимать у дворянства жизни, имения и чести и жить безвыездно в Москве. «А буде чего по сему обещанию не исполню и не додержу, то лишена буду короны российской» — стоит в конце суровая приписка.

Анна колеблется.

Слов нет — заманчиво сменить бедную митавскую трущобу на трон российской императрицы. Но будет ли она императрицей, подписав эти условия? Не станет ли она беспомощной, послушной куклой в руках всесильных «верховников»? Не покажется ли ей положение российской императрицы, во всем зависящей от воли Тайного совета, еще горше суровой бедности в скромной захолустной Митаве?

Но в тот же день тайный гонец из Москвы привозит ей новое письмо: оно предупреждает Анну не во всем верить депутатам Совета, пока сама не приедет в Москву.

Теперь Анна знает: в Москве ее ждут друзья. И курляндская герцогиня смело подписывается под условиями Тайного совета, готовая в любую минуту отказаться от своей подписи:

«По сему обещаю все без всякого изъятия содержать.

Анна».

Потребовав у Совета десять тысяч рублей, будущая императрица выезжает в Москву.

Лишь только в Москве становятся известны условия, посланные на подпись в Митаву и отдающие всю власть в стране восьми знатным вельможам Тайного совета, среди дворян и гвардейских офицеров начинается глухой ропот.

По ночам в дворянских особняках собираются кружки недовольных, возмущенных «несытым лакомством и дерзновением» «верховни-

ков». Дворяне понимают: если осуществятся замыслы Тайного совета, то над страной повиснет тяжелая, жестокая самодурная власть «толпы государей». При диктатуре Тайного совета не может быть и речи о широких льготах и полномочиях для российского дворянства. В бараний рог скрутят «верховники» всех недовольных и у власти поставят своих верных людей — тех, кто лебезит перед ними, кто предан им. А дворяне мечтают о своем, дворянском государстве, где дворянство — единственное правомочное сословие, обладающее всеми правами, гражданскими и политическими; остальное же население — только бесправная трудящаяся масса, платящая за то, что ею управляют, и за то, что ей дают право трудиться.

В Москве создаются десятки проектов нового устроения государственной власти в России. Проекты различны, но все они в конце концов сводятся к одному: дворяне хотят льгот, привилегий, власти; Россия должна стать дворянским государством.

Дворяне и гвардия решительно против диктатуры кучки «верховников».

Под проектами, посланными в Совет, стоит тысяча сто подписей. Среди них — шестьсот фамилий гвардейских офицеров.

Тайный совет не желает сдаваться без боя. Он напоминает Москве, что в его распоряжении сыщики, тюрьмы, пытки. Но дворяне не унимаются. Многие из них собираются тайком, не ночуют дома, появляются на улицах переодетыми. В конце концов все сходятся на одном: легче получить льготы и привилегии у одного самодержавного государя, чем у восьми самовластных вельмож. И лозунгом дворян-заговорщиков становится: да здравствует самодержавная императрица и долой Тайный совет!

Анна едет в Москву. При въезде в столицу, в селе Всехсвятском, ее встречает гвардейский отряд. Офицеры дают понять будущей императрице, что они не хотят бесконтрольной власти Тайного совета и желают видеть на престоле полноправную, самодержавную императрицу. И Анна, вопреки воле Совета, объявляет себя полковником Преображенского полка, капитаном кавалергардов и собственноручно угощает водкой гвардейских офицеров.

25 февраля в Кремле, в Большом дворцовом зале, дворяне подают Анне прошение пересмотреть дворянские проекты устроения государства. Вопреки подписанным условиям, Анна соглашается.

Тогда в дворцовый зал входит группа гвардейских офицеров. Они почтительно докладывают Анне:

— Не желаем, чтобы кто-либо предписывал законы русской императрице. Она должна быть самодержицей, как были все прежние государи.

Гвардейцы становятся на колени, и по дворцовому залу разносится грозный крик:

— Прикажите — и мы принесем к вашим ногам головы ваших злодеев!

Теперь Анна чувствует за собой силу гвардейских штыков и в тот же день после торжественного обеда требует принести условия, продиктованные «верховниками» и подписанные ею в Митаве.

— Вы обманули меня, — говорит Анна членам Тайного совета и тут же спокойно и равнодушно рвет на мелкие куски злополучный документ.

Так безвестная курляндская герцогиня стала самодержавной русской императрицей.

Анна веселится. Но страшно ее веселье...

В день коронации в Кремле устраивается «быкодрание».

Против кремлевского дворца императрица велит выстроить деревянную пирамиду и украсить ее жареными быками, баранами, поросятами, оленями, курами и ломтями хлеба.

После коронационной обедни в Кремль созываются тысячи москвичей. На высоком дворцовом крыльце стоит Анна — рослая и тучная тридцатисемилетняя женщина с грубым мужским лицом и неприятным жестким взглядом холодных глаз.

Императрица подает знак. Раздается команда:

— Хватай жрать во здравие ее величества!

Толпа бросается на пирамиду. Хлеб и жареных кур растаскивают без труда. Но когда дело доходит до бычьих туш, начинается свалка. Императрица с высокого крыльца швыряет в толпу пригоршни мелкой монеты.

Теперь у подножья голой пирамиды — барахтающиеся тела, кровь, стоны раненых.

Императрица весело смеется...

Анна не доверяет русским и на страже своей безопасности ставит кучку иноземцев, привезенных ею из Митавы и других немецких углов.

Немцы сыплются в Россию, точно сор из дырявого мешка. Тесной толпой они окружают престол и занимают все доходные места в управлении.

Во главе немецкой своры — «каналья Бирон», умеющий только разыскивать породистых собак, и вторая «курляндская каналья» — граф Левенвольд, лжец, страстный картежник и взяточник.

Немцы беззастенчиво грабят страну. Немецкие офицеры жестоко расправляются с русскими солдатами. Во дворах казарм ежедневно свистят шпицрутены и розги. В застенках московской «Конторы розыскных дел» пытают тех, кто недостаточно почтительно отозвался о новых порядках и правителях-немцах.

Верховный тайный совет упразднен. Голицыны и Долгорукие под разными предлогами заключены в крепостные казематы. Многие из них казнены. Вместо Совета учрежден трехчленный Кабинет министров во главе с немцем Остерманом.

Кабинет — это нечто вроде личной конторы императрицы: он обсуждает важнейшие государственные дела, он же выписывает зайцев для охоты ее величества и просматривает счета на кружева для государыни...

Анна продолжает веселиться.

Балы сменяются фейерверками, фейерверки — спектаклями. При московском дворе появляются итальянская комедия и итальянская опера. Почти каждую ночь царский дворец вспыхивает иллюминацией. Два раза в неделю у Анны устраиваются приемы. Во дворце идет азартная крупная карточная игра. За один вечер дворяне проигрывают деревни, тысячи крестьян, старые родовые поместья. В угоду веселящейся Анне, окружившей себя шутами, скоморохами, уродами, карлицами, даже седые вельможи являются ко двору в костюмах розового, желтого и зеленого цветов, разряженные, как попугаи.

Анна не любит запущенного Кремля, и талантливый итальянский зодчий Растрелли строит в Лефортове новый дворец.

Перед дворцовыми окнами расстилается зеленый луг. Императрица выражает недовольство однообразным и скучным пейзажем. И в

одну ночь садовники пересаживают тысячу деревьев, превращая луг в тенистый сад...

Анна веселится в кругу немецких проходимцев, а на московских улицах агенты Тайной канцелярии хватают недовольных немецким засильем, и арестованные пропадают без вести.

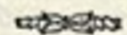
Хиреет московская торговля: неурожаи, повальные болезни и грабежи немецкой своры расшатали хозяйство великой страны. Гвардейские полки, стоящие в Москве, сплошь и рядом, по приказу Бирона, отправляются в карательные экспедиции собирать недоимки с голодающих крестьян. По московским улицам понуро бродят толпы нищих...

Михаил Васильевич Ломоносов.

В конце 1731 года Анна переезжает в Петербург, и в Москву доходят только отголоски петербургских событий. Попрежнему балами и маскарадами, шутихами и карлицами развлекается недавняя курляндская герцогиня, так неожиданно, волею гвардейских офицеров, ставшая самодержавной русской императрицей. Попрежнему к русскому трону и русской казне пиявками присасываются немецкие проходимцы, и, повинуясь их приказу, русская гвардия — детище и гордость великого Петра — совершает кампании по собственной стране, собирая налог с разоренных крестьян, заковывает в цепи неаккуратных плательщиков, забивает досмерти на правеже обобранных до нитки должников.

И новые толпы нищих заполняют паперти московских церквей.

В это тяжелое, мрачное царствование Анны в Москву с неторопливым обозом приходит из далеких северных Холмогор, под Архангельском, крестьянский сын Михаил Ломоносов.

Ломоносов хочет учиться в Славяно-греко-латинской академии. Но «простого мужика» не примут, и Ломоносов, подавая прошение на имя архимандрита монастыря, уверенно рекомендует себя дворянским сыном.

Даровитого юношу зачисляют воспитанником младших классов академии.

Не легко учиться Ломоносову. Ему уже двадцать лет — из родной деревни ему пишут, что хорошие тамошние люди готовы выдать

за него своих дочерей, — а тут школьники, малые ребята, кричат и пальцами показывают: смотрите-де, какой балбес в двадцать лет пришел латыни учиться.

Голодно Ломоносову. «Имея один алтын в день жалованья, — пишет впоследствии Ломоносов в своем письме к графу Шувалову, — нельзя было иметь в день больше, как на денежку хлеба и на денежку квасу, протчее на бумагу, на обувь и другие нужды».

Не удовлетворяют Ломоносова и предметы, которые приходится ему изучать.

На уроках богословия ученики серьезно корпят над вопросами, где сотворены ангелы, как они сообщают друг другу мысли, и тут же штудируют договоры с дьяволом и обсуждают вопросы о колдуньях, превращающихся в невидимок.

Философия, преподаваемая в академии, совмещает в себе физику, метафизику и психологию. По физике ребята учат о числе небес, о их движении, о жидкости неба, о расстоянии неба от земли и тут же решают вопрос: росла ли в раю роза без шипов?

На уроках психологии сначала идут высокопарные и скучные рассуждения о душе, а потом учителя серьезно обсуждают, отчего старики лысеют, а у женщин не растет борода.

Ученики твердят по словарям исковерканные и спутанные греческие и польско-латинские слова, написанные русскими буквами: «ликос» — волк, «луппа» — волчица, «онтар» — дикий осел, «фульцгур» — молния, «спириды» — лапти.

Еще находясь в академии, будущий поэт и великий русский ученый пишет свое первое стихотворение:

Услыхали мухи
Медовые духи,
Прилетевши, сели,
В радости запели.
Едва стали ести,
Попали в напасти,
Увязли бо ноги.
— Ах, — плачут убоги, —
Меду полизали,
А сами пропали!

На первом поэтическом опыте Ломоносова учитель Федор Кветницкий ставит резолюцию: «Pulchre!» («Прекрасно!»)

Упорный Ломоносов преодолевает все: насмешки товарищей, тяжелую бедность, нелепость преподавания — и здесь, в московской академии, в совершенстве изучает необходимый ему латинский язык...

В 1741 году на русский престол садится Елизавета Петровна, дочь Петра Великого и Екатерины I.

Немецкие временщики, ненавистные русским людям, удалены от двора. В Семилетней войне русские войска, созданные Петром, на территории врага жестоко разбивают тогдашнего «прославленного» полководца, прусского короля Фридриха II. В битве при Кунерсдорфе, в 1759 году, его армия почти полностью уничтожена, и сам Фридрих едва спасается от плена. В следующем году Берлин — столица Пруссии и нынешней фашистской «Третьей империи» — вынужден открыть

свои ворота перед русскими войсками и сдаться на милость победителей.

Беспорядочная и своенравная, ленивая и капризная, Елизавета бо́льшую часть своего царствования живет в Петербурге. В Москве она бывает только наездами. Но в эти дни в столице дым стоит коромыслом.

Елизавета неутомима. После вечерни она едет на бал, с бала поспевает к заутрене; благоговейно чтит святыни и обряды русской церкви, выписывает из Парижа описания придворных празднеств, до страсти любит французские спектакли, до тонкости знает все гастрономические секреты русской кухни, и во всей империи никто лучше императрицы не исполняет менуэта и русской пляски.

При дворе Елизаветы — вечный праздник: вереница балов, маскарадов, иллюминаций. На маскарады дамы являются в мужских костюмах, мужчины — в пышных женских платьях. Сама императрица в гренадерском мундире пирует с гвардейскими офицерами. На каждый новый бал — а балы императрица задает чуть ли не через день — придворные обязаны являться в новом платье. Недаром после смерти Елизаветы в ее гардеробе находят пятнадцать тысяч платьев, два сундука шелковых чулок, несколько тысяч лент, башмаков и туфель.

Елизавета — дворянская императрица, и своим любимцам-дворянам она отдает крепостных крестьян в полную кабалу.

Никто, кроме дворян, не имеет права покупать крестьян, с землями и без земли. Помещик же может наказывать крестьянина, ссылать в Сибирь, продавать и обменивать на борзую собаку, на пролетку, на приглянувшийся трубочный чубук. Даже в армию не имеет права уйти добровольцем крепостной крестьянин из-под власти помещика. От рождения до смерти крестьянин — вещь своего господина.

Елизавета изгоняет немцев, но влияние иноземцев все же очень сильно. Москва увлечена французами: французские моды, французские лавки, французский язык, французские гувернеры.

Новые толпы искателей приключений и проходимцев наводняют Россию. Сплошь и рядом среди модных учителей-французов попадаются люди с весьма сомнительным прошлым. И один из членов французского посольства пишет в Париж:

«Мы были удивлены и огорчены, что у многих знатных господ живут беглецы, банкроты, развратники и немало женщин такого же рода, которые по здешнему пристрастию к французам занимались воспитанием детей значительных лиц».

Даже сама императрица понимает всю нелепость такого воспитания, и, когда Ломоносов предлагает Елизавете основать в Москве университет, императрица охотно идет навстречу.

В 1755 году происходит торжественное открытие первого в России Московского университета. Ему отводят помещение рядом с Кремлем, у Воскресенских ворот, в старом казенном здании Главной аптеки, там, где теперь стоит Исторический музей.

Первый ректор университета — Барсов, ученик Ломоносова. В университете пока только три факультета: юридический, медицинский и философский. Вместе с университетом открыты две гимназии: одна — для дворян, другая — для разночинцев.

Дворяне неохотно отдают своих недорослей в высшее учебное заведение. Родители предпочитают для своих сыновей военную карьеру или посылают их в иностранные пансионы, извещения о которых то и дело появляются в «Московских ведомостях» среди объявлений о продающихся «курантах» и «заграничных канарейках». И в первые

годы на юридическом и медицинском факультетах Московского университета числится по одному студенту и по одному профессору.

«В бытность мою в университете учились мы весьма беспорядочно, — пишет один из первых студентов Московского университета, писатель Денис Фонвизин, автор знаменитого «Недоросля», — ибо, с одной стороны, причиной тому была ребяческая леность, а с другой, нерадение и пьянство учителей. Арифметический наш учитель пил смертную чашу; латинского языка учитель был пример злонравия, пьянства и всех подлых пороков, но голову имел преострую и как латинский, так и российский язык знал очень хорошо...

...Накануне экзамена латинского языка делалось приготовление. Вот в чем оно состояло: учитель наш пришел в кафтане, на коем было пять пуговиц, а на камзоле четыре. Удивленный сею странностью, спросил я учителя о причине.

— Пуговицы мои вам кажутся смешны, — говорил он, — но они суть стражи вашей и моей чести, ибо пуговицы на кафтане значат пять склонений, а на камзоле четыре спряжения. Итак, — продолжал он, ударяя по столу рукой, — извольте слушать все, что говорить стану. Когда станут спрашивать вас, какого склонения, тогда примечайте, за какую пуговицу я возьмусь. Если за вторую, то смело отвечайте: второго склонения. Со спряжением поступайте, смотря на мои камзольные пуговицы, и никогда ошибки не сделаете.

Вот каков был экзамен наш!..

О вы, родители, восхищающиеся чтением газет, видя в них имена детей ваших, получивших за прилежность свою призы, — послушайте, за что я медаль получил.

Тогдашний наш инспектор покровительствовал одного немца, который принят был учителем географии. Учеников у него было только трое...

Товарищ мой спрошен был:

— Куда течет Волга?

— В Черное море, — отвечал он.

Спросили о том же другого моего товарища.

— В Белое, — отвечал тот.

Сей же самый вопрос задан был мне.

— Не знаю, — сказал я с таким видом простодушия, что экзаминаторы единогласно мне медаль присудили...»

13 сентября 1762 года в Москве назначается коронация императрицы Екатерины II.

Тверская украшена елками. На площадях и перекрестках строят триумфальные арки.

Екатерину встречают московский митрополит, двадцать архиереев, сорок архимандритов, колокольный звон и «военная салютация».

Императрица въезжает в древнюю столицу в золотой карете.

Ночью Москва вспыхивает иллюминацией — горят щиты, транспаранты, надписи. Над Замоскворечьем высоко в воздухе рвутся ракеты. В темных переулках и тупичках спокойно и уверенно орудуют воры — москвичи отправились глазеть на невиданные огни.

На шестой день после коронации к Лобному месту на Красной площади едут праздничные колесницы, украшенные резной позолотой. На колесницах лежат жареные быки, пирамиды дичи, горы хлеба, посеребренные и позолоченные бочки меда и пива.

Воскресенский мост через реку Неглинку в конце XVIII века. На мосту оживленное движение: кареты, пролетки. Вдали видны Воскресенские (Иверские) ворота Китай-города. Справа от ворот — первое здание Московского университета.

На площади стоят столы с угощением «для народа», фонтаны бьют красным и белым вином, на открытых сценах выступают артисты, акробаты, жонглеры — показывают «фокусы-покусы и разные телодвижения».

В сопровождении большой свиты императрица разъезжает по московским улицам. За ней неотступно тянется любопытная толпа. В толпу бросают пригоршни серебряной монеты. В сутолоке и давке люди калечат друг друга...

На масленицу императрица устраивает грандиозный маскарад.

Устройство маскарада поручено Федору Волкову — талантливому актеру, основателю первого национального русского театра в Ярославле.

Волков горячо берется за это дело. Сам выходец из народа, он мечтает создать на улицах Москвы красочное зрелище и лицом к лицу встретиться с многотысячной народной аудиторией. Это было мечтой всей его жизни. Это было то, чего нехватало ему в созданном им Ярославском театре...

«Маскарад сей имел, собственно, целию своею осмеяние всех обыкновеннейших между людьми пороков, — пишет дворянин Андрей Болотов, писатель и современник Екатерины, — а особливо мздоимных судей, игроков, мотов, пьяниц и распутных, и торжество над ними наук и добродетели, почему и назван он был «Торжествующая Минерва».

Празднество началось в разгар масленицы.

В двухстах колесницах едут четыре тысячи участников маскарада. В каждую колесницу впряжены двенадцать разукрашенных волов.

Федор Григорьевич Волков.

С десяти часов утра и до позднего вечера по Немецкой, по обеим Басманным, по Мясницкой и Покровке движется маскарадное шествие.

Пляшут нимфы и вакханки. Сатиры едут на козлах, на свиньях, на обезьянах.

С шумом и гомоном проходит группа «Действие злых сердец»: ястреб терзает голубя, паук спускается на муху, лисица рвет петуха. Вокруг нестройный хор музыки; музыканты наряжены в костюмы животных.

Чуть дальше новый хор возглавляет группу «Мир навыворот, или превратный свет». Музыканты пятятся задом, платье надето наизнанку, хористы едут верхом на быках, коровах, верблюдах. Слуги в ливреях везут карету — в карете лежит лошадь. Несколько карлиц с трудом поспевают за великанами. Медленно движется громадная люлька. В люльке пищит спеленатый старик. Старика кормит грудной младенец. В другой люльке дряхлая старушка играет в куклы и сосет рожок, а за нею присматривает маленькая девочка с розгой.

Снова музыканты на ослах, коровах, верблюдах, гирлянды цветов, грандиозные венки, артисты, фокусники, акробаты...

В ало-бархатном русском платье, унизанном крупным жемчугом, в бриллиантовой диадеме императрица объезжает улицы в раззолоченной карете, запряженной восемью неаполитанскими лошадьми, украшенными цветными кокардами.

За императрицей тянется нескончаемая вереница тяжелых золотых карет, похожих на раскрытые веера. В каретах — пудреные головы и расшитые золотом бархатные кафтаны вельмож, атласные роброны дам, замысловатые фигурные прически. На запятках стоят лакеи.

Федор Волков неутомим. Целые дни он разъезжает верхом по московским улицам. Его фигура мелькает то на трудном повороте процессии из одной улицы в другую, то среди золоченых карет, то в толпе зрителей. И когда Волков видит тысячи москвичей, с любопытством наблюдающих грандиозный маскарад, ему кажется, что он достиг того, к чему стремился: показал народу красочное зрелище...

Маскарад длится три дня. На четвертый день московская жизнь входит в свою колею.

Екатерина собирается в Петербург. Ей доносят, что Волков серьезно болен. Императрица посылает к нему докторов. Они находят у больного «гнилую, или воспалительную, горячку» — тиф...

В апреле 1763 года в Москве умирает Федор Волков.

Размеренной жизнью живет Москва — столица российского дворянства.

В Москве доживают свои дни бывшие сановники, ушедшие на покой. В Москву съезжаются на зиму богатые помещики, которые не ищут службы и чинов, а хотят пользоваться своим богатством и жить в «пышном бездействии».

Приспело время учить ребят — помещики едут в Москву определять детей в московские пансионы. На службу надо записывать сыновей — опять едут в Москву: отыскивать по родным покровительства. Пришла пора дочек замуж выдавать — снова тянутся в Москву: ловить на балах женихов.

К зиме из далеких российских углов съезжаются в Москву дворянские семьи. А летом хоть шаром покати: все разбрелись по своим деревням — к зиме деньги собирать. А зимой снова возвращается провинциальное дворянство, и снова Москва живет своей праздной, неторопливой жизнью...

В длинных, извилистых, полутемных Торговых рядах на Красной площади без путеводителя не пройти. Рядом с ювелирным магазином навалены чугунные чушки. Против галантерейной лавки торгуют скипидаром, тряпьем, кожами. Сама площадь попрежнему заставлена шалашами и ларями.

К стене Китай-города пристроены лавчонки, погреба, сараи, мастерские, конюшни, харчевни, трактиры, цырюльни.

На правом берегу Неглинки территория Охотного ряда уже густо застроена мелкими лавчонками.

На углу Петровки, на месте Большого театра, в 1776 году англичанин Мадокс строит каменный Петровский театр — первый профес-

Красная площадь в начале 80-х годов XVIII века. Слева — храм Василия Блаженного. Перед ним — Лобное место. Справа высится Спасская башня Кремля. Перед башней под деревянным навесом стоят пушки. За навесом — кофейный дом

сиональный публичный театр в Москве. В театре Мадокса — тридцать актеров, девять актрис, двенадцать музыкантов. Декорации пишет «Ефрем, российских стран маляр».

На Кузнецкой горе, у Неглинной, уже нет убогих изб кузнецов. Кузнецы выселены на окраины города. Теперь здесь каменные дома графа Воронцова, князя Барятинского, Бутурлина, князей Голицына и Долгорукова.

В графских и княжеских домах открываются иностранные магазины, торгующие разными уборами и нарядами. Тут же «мадам Камнионн» мастерит гирлянды для наколок и шьет модные дамские платья. Парикмахер из Парижа Мюльет рекомендует для мужчин парики из тонких белых ниток, которые так легки и покойны, что весят только девять лотов. «Уборщик и волосочес» Бергуан советует всем плешивым пользоваться помадой для отращивания волос, приготовленной из духов «Вздохи Амура». Он же делает изобретенную им новую накладку для дамских головок в виде башен с висячими садами «а ля Семирамид».

Москва наводнена иностранцами. Они привезли в первопрестольную множество диковинок.

В Немецкой слободе показывают Бернарда Жолли — такого высокого, что «не найдешь еще человека, который бы свободно мог проходить под его руку». Тут же итальянец Швейцер демонстрирует «любопытствующим персонам повседневно разные курьезные действия собак и берет за смотрение по рублю».

Заезжий француз показывает человека, который был выброшен во время жестокой бури на остров Мартиника и три месяца питался камешками.

Госпожа де-Тардье привезла из Африки «птицу струс, которая больше всех птиц на свете, чрезвычайно скоро бегает, на бегу может схватить камень и так сильно оным ударить, как бы из пистолета выстрелено было; оная же птица кушает сталь, железо, разного рода деньги и горящие уголья. За смотрение птицы струс благородные платят по своему усмотрению, с купечества берется по 24 копейки, простому же народу цена объявляется при входе».

У французского механика Дюмолина полон дом необыкновенных вещей: удивительная машина, которая «одним разом шесть лент ткет», «самодельная канарейка поет разные арии», движущаяся лягушка, «знающая время на часах, показывающая оное и плавающая на судне», наконец, «голова в натуральную величину, движущиеся действия которой так натуральны, что всех зрителей устрашают».

В Москве показывают «собрание разных искусников, танцующих на веревке, прыгающих, ломающихся и представляющих пантомиму».

Московские баре охотно посещают новые диковинные представления. На улицах столицы часто можно видеть, как к подъезду скромного домика какой-нибудь мадам де-Тардье с ее «птицей струсом» подъезжают высокие кареты, запряженные цугом крупных породистых голландских лошадей с кокардами на головах. На козлах важно восседают толстенные кучера в пудреных париках. На запятках стоят егеря. Скороходы бегут впереди экипажей.

В каретах сидят богато разодетые вельможи и дамы. На груди у дам золотые украшения и драгоценные камни. Рукава до локтя обшиты блондами. Чтобы платье казалось пышнее, дамы надевают фижмы и стеганые юбки. На голове — цветы, страусовые перья, ленты, бархат. Башмаки из парчи, на высоких каблуках, обтянутых лайкой, вышиты золотом, серебром, шелками.

Театральная площадь в начале XIX века. Среди неустроенного, грязного пустыря тянется извилистая лента реки Неглинки. Ее берега укреплены сваями. Вдали видна Китайгородская стена. Направо — башня Кремля и Воскресенский мост через Неглинку.

Выходя из карет, посетители обмениваются чинными и важными поклонами, реверансами и «разными другими учтивостями» по этикету того времени.

Московская знать соревнуется друг с другом в мотовстве и роскоши.

Один вельможа выезжает гулять в Марьину рощу в карете из кованого серебра восемьдесят четвертой пробы. Другой заставляет тащить себя по летней мостовой в санях, запряженных цугом, поставив на запятки человек пять егерей...

Дворянская Москва любит покушать, и московские баре придумывают невероятные меню своих обедов. К столу подают разварные лапы медведя, жареную рысь и соус из свежих селедочных жабер. На тарелку такой закуски идут жабры тысячи селедок.

«Что может быть успокоительнее и питательнее, — восклицает современник, — как восемь раз покушать и три раза в сутки соснуть!»

Домашняя жизнь богатых московских дворянских семей — смесь старинного уклада и новых европейских веяний.

Каждая мало-мальски состоятельная дворянская семья стремится к тому, чтобы иметь в Москве свой собственный дом, и целые улицы и переулки Москвы застраиваются дворянскими особняками — одноэтажными, реже двухэтажными домами с мезонином, чаще всего деревянными, иногда штукатуренными.

При каждом доме обычно располагается усадьба: двор, сад, огород, конюшня, пруд, службы.

Обстановка поражает сборностью: мраморные камины, статуи, картины хороших мастеров, гобелены, ковры, а рядом, в задних комнатах, — скрипучие кровати, богато заселенные клопами, окна с раз-

битыми стеклами, подклеенными бумагой, голые некрашеные полы и печи со щелями в изразцах.

Вся роскошь и богатство убранства — в «парадных» комнатах, предназначенных для приема гостей. Жилые покои обычно малы и неуютны.

В большинстве дворянских семей хозяин — вечно в халате, с трубкой. Хозяйка — в капоте. Дети одеты кое-как. Но зато при них непременно состоит француз-гувернер, а при взрослых дочерях — «мадама». Всю семью смешит и занимает шут.

Беспечно идет жизнь в дворянских особняках. Балы, приемы, званые обеды. А потом — халат, трубка, безделье, лень, надоевшие остроты шута, льстивые каламбуры гувернера, порка провинившегося холопа на конюшне, ссора из-за пустяков со знакомыми семьями и безмятежное чувство обеспеченности: мужик за все заплатит, а если не заплатит — можно продать или заложить очередную деревеньку, пустошь, лесок.

На лето помещичьи семьи непременно уезжают в свои именья.

Каждую весну, как только устанавливается после распутицы сносная дорога, происходит великое переселение дворян из Москвы в деревню.

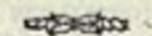
После молебна в доме начинается долгое прощание с родственниками и друзьями и строгие наставления дворне, остающейся сторожить московский дом. На несколько часов раньше господ выезжает большая бричка с кухней и поваром, чтобы приготовлять обед на привалах и ужин на ночлегах.

Рано утром, чтобы ехать «по холодку», трогаются наконец господа. Восемь лошадей тащат восьмиместную карету. За ней — более скромная дорожная карета, потом коляски, а в конце — огромная фура, украшенная фамильным гербом, доверху наполненная багажом и московскими покупками.

Господ сопровождает дворня и сплошь и рядом несколько солдат, выпрошенных в Москве у военных начальников: на дорогах пошаливают разбойничьи шайки.

Едут лениво, не спеша, останавливаясь в полдень покормить лошадей и подкрепиться самим. Привал обычно на вольном воздухе — на берегу ручья, в роще, на лесной опушке. Обед готов — об этом позаботился высланный вперед крепостной повар. После обеда отдых, а потом снова неторопливое путешествие по проселочной дороге.

А зимой — опять в Москву, в обжитый московский особняк. Опять балы, маскарады, карты, халат, трубка, надоевший шут, сплетни, ссоры и прежняя твердая, нерушимая уверенность, что мужик прокормит, оденет, заплатит карточный долг, соберет приданое дочерям и даст возможность всласть повеселиться и не ударить лицом в грязь на званом обеде с друзьями и родными.

Балы, маскарады, званые обеды, нелепые чудачества требуют громадных расходов, и Екатерина щедро раздает вельможам населенные именья: за тридцать четыре года царствования императрица дарит своим любимцам около миллиона крепостных. И дворянские усадьбы в Москве полны дворовой челядью. Каждый уважающий себя дворянин считает необходимым иметь своих каретников, кондитеров, музыкантов, парикмахеров, вышивальщиц, живописцев,

портных, танцоров и лакеев всех специальностей: выездных, гайдуков, комнатных дядек.

В доме Головина — триста крепостных слуг, у Дунина — двести восемьдесят, у графа Алексея Орлова — более пятисот. В дни балов и праздников их наряжают в пестрые национальные костюмы. Крепостные превращаются в негров, одетых в желтые куртки, с белыми тюрбанами на головах, в итальянцев, албанцев.

В усадьбах некоторых московских вельмож-театралов — свои театры. Труппы набраны из крепостных. Днем актеры работают у барина официантами, лакеями, поварами, писарями, горничными, вечером выступают на домашней сцене.

Как и любой крепостной, артист — собственность барина, его вещь, с которой он волен делать все, что ему угодно. И актеров стегают нагайками на сцене, секут розгами на конюшне, заставляют молодых матерей выкармливать своим молоком барских щенят и продают, как продают корову, лошадь, куль овса, канарейку, пролетку.

В «Московских ведомостях» то и дело помещаются публикации:

«Продается, за излишеством, дворовая девка, хорошего поведения, 22 лет, знающая готовить кушанье, ходить за госпожою и способная как к белой, так и к черной работе. Желающие оную купить могут явиться на Никольской улице против книжных и близ иконных лавок в погребе под № 90».

«В приходе Неопалимые Купины, в доме Цызырева, продается совершенно знающий огородник, хорошего поведения, здоровый и видный, 29, а жена его 27 лет, с детьми, да проезженная, на заказ

Москва-река у устья Яузы в конце XVIII века. Слева виден деревянный мост через Яузу.

сделанная на аглицких рессорах, покойная, на низеньких колесах карета; да темносерый в яблоках каретной 5 лет мерин, и китайский лучший кроватный большой величины полог, к сему цена 500 рублей».

Привольно раскинулись в Москве дворянские усадьбы. Они вытеснили на далекие окраины ремесленный люд, и теперь редко встретишь в Москве ремесленника, владеющего хотя бы маленьким сутулым домиком с крошечным огородом: большинство московских ремесленников, распрощавшись с собственными домами, снимают комнаты и углы...

В угоду дворянам, императорским указом запрещено купцам покупать крестьян для работы на фабриках и только за дворянами оставлено право пользоваться крепостным трудом при фабричных работах. И в Москве наравне с купеческими фабриками появляются дворянские.

В 1769 году в Москве уже сто шесть мануфактур с десятью тысячами рабочих: суконные, шелковые, полотняные, ситцевые, кожевенные, керамичные, шляпные, купоросные, латунные, пуговичные, сусального и волоченого золота.

Больше половины предприятий пока еще расположены не на окраинах, а в пределах Земляного города. Даже в Китай-городе работает немало фабрик. На Ильинке, на бывшем Посольском дворе, большие шелковые фабрики — Бабушкина, Колосова и Евреинова. На Варварке — фабрика волоченого золота и серебра богатого купца Докучаева и полотняная фабрика купца Чурашева. В начале Мясницкой улицы, у Милютинского переулка, — большая шелковая мануфактура Милютина. На Полянке — крупная суконная фабрика компании купца Журавлева. И, наконец, на правом берегу Москвареки, против Кремля, — Большой суконный двор, крупнейшая мануфактура тогдашней Москвы.

Московская фабрика того времени обычно размещается при доме хозяина: так сподручнее наблюдать за рабочими. К тому же, это дает ряд льгот по отбыванию повинностей. И в центре Москвы, рядом с просторными дворянскими усадьбами, вырастают купеческие мануфактуры. Здесь на одной купеческой усадьбе уживаются рядом хоромы хозяина, темные и грязные фабричные корпуса и «мирские избы и чуланы» для рабочих.

Берега нижней Яузы, еще во времена Алексея Михайловича и Петра Алексеевича облюбованные купцами и промышленниками и застроенные мануфактурами и мельницами, теперь становятся ареной ожесточенной борьбы. Яузские берега кажутся привлекательными дворянству, и вслед за головинским садом здесь широко раскидываются вельможные владения графа Разумовского, Бестужева-Рюмина, Салтыкова.

К берегам Яузы протянули свои цепкие руки промышленники и дворяне. Встал вопрос: протекать ли Яузе в берегах, покрытых тенистыми парками и пышными палатами вельмож, или влачить свой путь среди фабричных ям, сараев, амбаров и жалких лачуг мастеровых и работных людей?

Победа остается на стороне дворян: указом 1797 года велено упразднить мельницы и уничтожить запруды, а все казенные земли по берегу Яузы раздавать в вечное пользование тем, кто обязуется разводить сады на своих новых усадьбах.

Уголок Москвы в конце XVIII века. Слева, в одноэтажном деревянном доме, — кабак. Над входом в кабак — царский герб, по бокам — елочные ветки. Справа и в глубине — богатые дворянские особняки. Слева впереди — игра в свайку. Тут же стоит старый будочник.

Московский купец и промышленник отступают с низовьев Яузы на ее верховье.

Страшно работать на московской фабрике. Своей волей сюда идут немногие. У станков стоят крепостные крестьяне, преступники, беглые, нищие, насильно отданные фабрикантам.

Московская фабрика неприютна и грязна. Пол большей частью земляной. Крыша течет. Дневной свет еле пробивается сквозь маленькие подслеповатые окна.

Рабочий день — четырнадцать часов. Но и остальные десять часов большинство рабочих проводит в цехах. Так спокойнее для фабриканта: рабочий все время под присмотром. И фабрика превращается в тюрьму. На грязном, холодном земляном полу, а чаще всего на полатях над станками, в тяжелом, спертом воздухе цеха проходит жизнь рабочего: здесь рабочие спят, болеют, рожают и умирают.

Немногим лучше живут те из рабочих, которым посчастливилось попасть в общие избы при фабрике. Жизнь в этих лачугах подчинена строгим правилам: рабочие не имеют права выходить на улицу в одиночку, обязаны посещать церковную службу, а на работе «петь благопристойные русские песни».

Немудрено, что эти каторжные условия труда вызывают чудовищную смертность: рабочие умирают от ревматизма, чахотки, от несчастных случаев, от общего истощения.

И в дворянской Москве то и дело вспыхивают рабочие забастовки. Впереди московских мануфактур старейшее промышленное предприятие Москвы — Суконный двор.

...1737 год. Владельцы Суконного двора вычитают из нищенской заработной платы стоимость инструмента и непомерно увеличивают норму выработки.

Возмущенные рабочие подают челобитную в московскую контору Мануфактурколлегии. Во главе челобитчиков первый выборный от мастеровых людей, Родион Дементьев. У него в руках «выбор» (полномочие): на восьми листах стоят подписи 1748 рабочих, доверивших ему свою волю. «Выбор» изрядно помят и потерт: его приходилось тщательно скрывать от зорких глаз приказчиков.

Не добившись ответа в Москве, Дементьев с товарищами тайно отправляются в Петербург. Там, в столице, у императрицы и Сената, рабочие надеются найти правду.

Два года тянется разбирательство. Не раз рабочие останавливают фабрику. Зачинщиков забастовок бьют плетьми. Однажды хозяева, заманив рабочих на фабрику, закрывают ворота, пытаясь арестовать сотни человек и заставить работать на любых условиях. Но рабочие ломают фабричный забор, убегают со Двора и попрежнему не выходят на работу.

Наконец через два года Петербург заканчивает следствие. Дементьев с товарищами брошены в тюрьму, где вскоре и умирают «от тюремного сиденья и от великого гладу». Зачинщиков забастовки в Москве бьют плетьми и заставляют работать «в чепях и железах более месяца»...

В 1742 году рабочие московского Суконного двора возобновляют борьбу. Они подают императрице челобитную: за последние пять лет им-де не заплачено хозяевами сорок тысяч рублей. И опять долгие месяцы длится разбирательство, и снова приходит «мудрое» решение из Петербурга: задержанных денег рабочим не выдавать, а смутьянов «бить батогами нещадно».

Еще горше становится жизнь рабочих на Суконном дворе, и в 1749 году новый челобитчик от мастеровых людей отправляется в Петербург: рабочие все еще верят в справедливость императрицы.

Рабочего делегата в Петербурге бьют плетьми и отправляют в Москву. Здесь на него надевают кандалы и, приковав за шею к стулу, в холодной палате морят голодом.

Рабочие разбегаются. На Суконном дворе из тысячи человек остаются сто двадцать. Беглых ловят и бьют кнутом. Особенно строптивых заковывают в кандалы и ссылают на каторгу.

Рабочих нехватает, и на Суконном дворе работают четыреста солдатских детей; большинству из них едва исполнилось двенадцать лет.

В 1762 году новая вспышка недовольства: солдатские дети, не выдержав ужасов работы, бегут с фабрики. Их ловят и публично бьют плетьми.

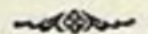
И снова тянется тяжелая рабочая жизнь на московских фабриках. И снова умирают рабочие от чахотки и недоедания...

Особенно велика смертность среди ребят, и сердобольная императрица в 1763 году приказывает открыть в Москве Воспитательный дом. Сюда принимают московских подкидышей и воспитывают младенцев на казенный счет — обучают грамоте и ремеслу. Когда воспитаннику минет восемнадцать лет, ему дают паспорт, рубль денег и отпускают на все четыре стороны...

В одном из отчетов о деятельности Воспитательного дома за двадцать лет сказано: принято 37 607 младенцев, выпущено 1020, готовится к выпуску 6000. Это значит: из 37 607 умерло 30 587.

Большой Каменный мост в начале XVIII века со стороны Замоскворечья. На мосту видны каменные лавки. В шестиворотной башне с двухшатровым верхом помещались Корчемная канцелярия и тюрьма для уличенных в корчемстве (беспатентной торговле вином). На противоположном берегу Москва-реки видна стена Белого города.

Но даже те, кому удалось благополучно выйти из Воспитательного дома, «все бледнолицы, сложения далеко не крепкого, имеют унаследованные болезни — чахотку и даже подагру. Свежего и крепкого среди питомцев не увидишь ни одного».

В 1771 году в Москве на Суконном дворе вспыхивает страшная эпидемия чумы.

Чума быстро распространяется по городу. Люди умирают сотнями. В Москве начинается паника. Главнокомандующий граф Салтыков уезжает в свою подмосковную деревню. Из города выводят войска.

Генерал-поручик Еропкин получает именной указ императрицы: Екатерина требует принятия мер, чтобы чума «не могла и в самый город С.-Петербург вкрасться».

Москва в карантине — никто не имеет права выезжать из города, никто из проезжающих не имеет права останавливаться в зараженной Москве. Подмосковным крестьянам разрешено только подходить к московским заставам. Здесь организованы оригинальные базары. Между продавцами и покупателями разложены костры и поставлены надолбы. Полиция строго наблюдает, чтобы городские жители не дотрагивались до крестьян и не смешивались вместе. Деньги при передаче обмакиваются в уксус.

Однако принятые меры предосторожности не помогают: каждый день в Москве умирает около пятисот больных.

Осужденные преступники, закованные в кандалы, одетые в просмоленную одежду, железными крючьями убирают трупы.

Колодники заболевают и гибнут сотнями. Маленькая горсточка оставшихся в живых уже не может справиться с грудой гниющих тел. Тогда генерал-поручик Еропкин отдает приказ:

«Возложить работу «мортусов» (могильщиков) на фабричных, с оплатой каждому по шести копеек в день».

Новые сотни московских рабочих гибнут на этой страшной работе.

В Москве запустение: горят подожженные дома, где побывала чума; неубранные трупы валяются на улице. Над городом висит непрерывный похоронный звон...

16 сентября в Москве вспыхивает бунт. Толпа убивает архиепископа Амвросия и бросается к дому Еропкина. Но расторопный генерал-поручик уже вызвал в Москву Великолуцкий полк, на всякий случай стоявший в тридцати верстах от Москвы. Две пушки, установленные у Спасских ворот, прямой наводкой расстреливают картечью безоружную толпу. Собирающихся в группы прохожих разгоняют драгуны. Сотни москвичей брошены в подвалы тюрем.

Усмирение московского бунта императрица поручает своему любимцу, графу Григорию Орлову.

Графу даны широкие полномочия: он может «поступать во всем, как он сам в том за благо усмотрит».

Граф «усмотрел за благо» применить кнут и розги. И, когда с наступлением первых холодов чума заметно идет на убыль, в Москве начинается новая напасть: палачи бьют кнутом «бунтовщиков», вырезают ноздри, ссылают на каторгу. Захваченных на улице мальчишек приказано жестоко сечь розгами.*

Екатерина приписывает уменьшение смертности мерам, принятым Орловым, и велит выбить медаль: на одной стороне изображен граф Орлов, на другой — Москва. На медали надпись:

«Россия таковых сынов в себе имеет».

Но народ другого мнения о деятельности сиятельного Орлова. И «благодарные» москвичи поджигают Головинский дворец, где остановился граф.

Еще в Москве не убраны чумные пожарища, еще в церквах служат панихиды по тысячам покойников, еще не зажили раны от картечных залпов генерал-поручика Еропкина, а сотни каменщиков, плотников, маляров уже мастерят триумфальные ворота и арки на Тверской и невиданные постройки на подмосковном Ходынском поле. Это императрица решила торжественно встретить в Москве графа Румянцева-Задунайского и весело отпраздновать его победы над турками.

Особенно торжественно убраны ворота на Тверской, воздвигнутые рядом с пересечением этой улицы со стеной Земляного города. С тех пор этот перекресток москвичи называют Триумфальными воротами (теперь площадь Маяковского).

Императрица приезжает на Ходынку в золотой карете. «Она встречаема была пушечной пальбой и морской музыкой, поставленною на судах, посреди равнины стоявших и опускающих перед нею свои вымпелы. Трубы и литавры на них тотчас загремели, и зрелище сие было приятное...»

Императрица выходит из кареты и дает знак. Падают шелковые покрывала, и на столах открываются позолоченные бычьи и бараньи туши и жареные птицы, украшенные ленточками и цветами. Фонтаны начинают бить виноградными винами.

После обеда Екатерина садится играть в карты. Темнеет. В небе вспыхивают ракеты и сотнями ярких звезд рассыпаются над Ходынкой. Поют и пляшут цыгане. Вертятся карусели. Высоко взмывают

Гулянье в Подновинском предместье Москвы в конце XVIII века. В глубине — карусели. Направо — буфет: самовар, чай, закуски. Слева — карета и богатый дворянский выезд.

качели. Огненные разноцветные круги фейерверков бешено вертятся над полем.

Императрица попрежнему с увлечением играет в карты...

Так в дворянской Москве уживаются рядом бессмысленная роскошь и ужасающая нищета, пышная праздность и каторжный труд, победные торжества и страшная смерть среди фабричных, мастеровых, дворовых.

Растет ненависть к господствующим классам. Этой ненавистью переполнена вся страна — от Амура до Балтики, от Архангельска до Черного моря. И эта ненависть прорывается наружу.

На реке Урале в 1773 году вспыхивает восстание Пугачева. К нему бегут крепостные московских и провинциальных дворян. Их ловят и тащат в Тайную экспедицию. Здесь, в застенках и каменных мешках, где нельзя ни сесть, ни лечь, заподозренных и оговоренных держат в кандалах, колодках, с кляпом во рту. Поднимают на дыбу, стегают по голому телу зажженным веником, забивают под ногти деревянные спицы и гвозди, «выведывая всю подноготную», порют просмоленными кнутами с кусочками свинца на конце.

Все чаще вспыхивают боярские усадьбы, одна за другой сдаются Пугачеву царские крепости, качаются на перекладинах виселиц казненные Пугачевым дворяне, купцы, царские офицеры, и пугачевское войско растет, как снежный ком, быстро приближаясь к Москве.

По всей провинции дворяне в ужасе. «Мысли о Пугачеве не выходили у нас из головы, — пишет дворянин Болотов, — и мы все удостоверены были, что вся подлость и черпь и особливо все холоп-

Емельяна Ивановича Пугачева везут на казнь. На эшафоте ждет палач. Справа видны виселицы.

ство и наши слуги, когда не въявь, так втайне, сердцами своими были злодею сему преданы и в сердцах своих вообще все бунтовали и готовы были при малейшей возгоревшейся искре произвести огонь и полымя».

В столицу стекаются помещичьи семьи, спасаясь от крестьянской расправы...

Ряд поражений, которые наносит Пугачев регулярному войску, паденье Пензы и Саратова приводят в ужас правительство. Огромные армии и лучшие полководцы двинуты против повстанцев...

Зимой 1774 года в Москву приходит известие: императорские войска разбили Пугачева.

Николай Иванович Новиков.

4 ноября под эскортом двух сотен донских казаков и драгун Пугачев привезен в Москву и посажен в Рязанское подворье на Мясницкой улице.

В морозный январский день 1775 года в Замоскворечье, на Болоте, казнен Емельян Пугачев. Во время казни приняты меры предосторожности: у войска заряжены ружья, и никого из «подлого народа» не велено пропускать через эту живую цепь. Зато вокруг эшафота стоит несметная толпа дворян. «И можно было происшествие и зрелище тогдашнее почесть и назвать истинным торжеством дворян над сим общим их врагом и злодеем», пишет все тот же Болотов.

Талантлив великий русский народ. И даже в эту эпоху праздной лени и бессмысленной роскоши дворян, жестокого истязания крепостных и работных людей и ужасающей народной нищеты Москва взращивает даровитых поэтов, писателей, зодчих. Но сплошь и рядом трагична судьба этих народных талантов...

Сын небогатого дворянина, Николай Иванович Новиков, уволенный из Московской университетской гимназии «за леность и нехождение в класс», становится великим поборником народного просвещения...

Спокон веку в России читали немногие и немногое. В старой боярской Москве только маленькая кучка высшего духовенства в совершенстве знала «божественное писание» — церковные и богословские книги.

Петр Великий ввел обязательное образование для шляхетства, и дворянские недоросли — хотели они этого или нет — прилежно штудировали петровские учебники. Но учебники были написаны на таком варварском языке, что чтение их становилось неприятной обязанностью, наказанием, пыткой.

Когда после смерти Петра дворянские ставленники на русском престоле отменили обязательное обучение для дворянских недорослей, в Москве стали читать и того меньше. Читали главным образом от

скуки, чтобы заполнить пустое время, чтобы пощекотать нервы, как придумывали нелепые выезды и замысловатые меню званых обедов.

Но даже эти книги читали главным образом дворяне. Ремесленники, рабочие, крестьяне ничего не читали: они были неграмотны. А тем из них, кому волею счастливой судьбы и редким, нечеловеческим упорством удавалось постичь грамоту, тем нечего было читать. Разве только «Бову-королевича» или «Еруслана Лазаревича», перепиской которых кормились отставные подьячие.

И вот изгнанный «за леность и нехождение в класс» Николай Новиков решает начать большое дело. Как некогда его предки служили родине копьем и мечом, он хочет послужить ей пером и книгой. Он мечтает дать России хорошую, понятную и полезную книгу, привить вкус и любовь к чтению. Он объявляет непримиримую борьбу бессмысленной французской моде, распущенности, невежеству, подхалимству.

Новиков принимается за издание сатирических журналов: «Трутень», «Живописец», «Кошелек». Журналы зло высмеивают тогдашних щеголей и щеголих с их каблучками, похожими на ходули, с их буклями в виде крылышек горлицы и до облаков взбитыми прическами.

Новиков возмущается в своих журналах тем, что «знатным человеком почитается тот, который имеет высокий дом, карету; который напивается допьяна, но токмо добрыми винами, страдает подагрой и имеет позыв на еду от помощи своего доктора; который видится с женой только в гостях, с детьми же встречается по нечаянности и спрашивает об их имени».

В своем журнале «Кошелек» Новиков обрушивается на тех, кто считает, будто на всем земном шаре только русскому народу отказано иметь свою культуру, свой характер, свои обычаи и будто суждено ему, как милостыню, собрать обычаи у разных народов и составить характер, никакому народу не свойственный и идущий к лицу только обезьянам...

Сатира Новикова кажется Екатерине слишком острой, и журналы закрываются.

Переселившись в 1779 году в Москву, Новиков всю свою энергию вкладывает в создание полезной книги.

Он арендует университетскую типографию, основывает новые типографии, чтобы получить хорошие книги и добротные переводы, платит невиданно высокие для того времени гонорары авторам и переводчикам и за три года печатает больше книг, чем было издано до него за двадцать четыре года существования университетской типографии.

Среди новых книг Новикова — более тридцати учебников, разноязычные буквари, словари, грамматики, труды по русской истории и литературе.

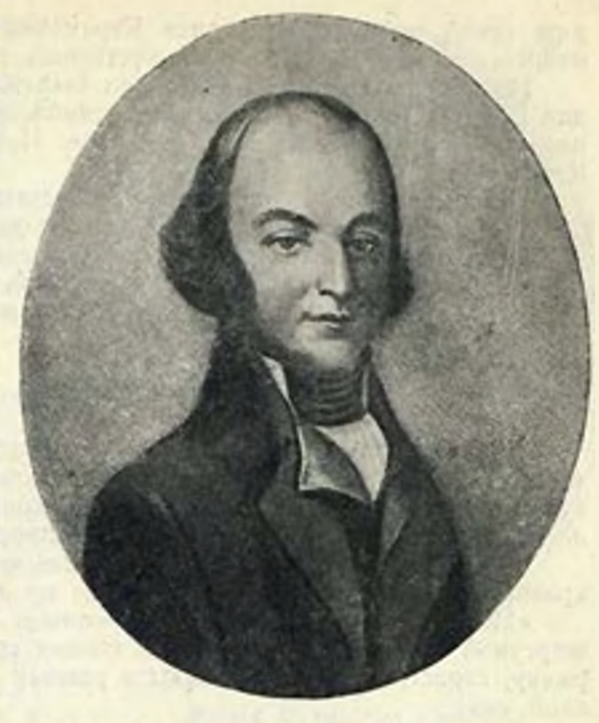
Но мало создать книгу — надо продвинуть ее в народную гущу. И Новиков основывает в Москве общественную библиотеку, даром раздает учебники по школам, открывает новые книжные лавки.

До Новикова в Москве было всего лишь две книжные лавки. При Новикове их стало двадцать. И — неслыханное дело! — книжная лавка Новикова у Воскресенских ворот по спросу на ее товар начинает соперничать с модными магазинами на Кузнецком мосту.

Книги Новикова читает не только Москва. Они расходятся по захолустьям необъятной России и попадают даже в далекую, забытую Сибирь...

Новиков берет в свои руки издание газеты «Московские ведомости». Газета начинает выходить с приложениями по литературе, сельскому хозяйству, истории, физике, химии. И тираж «Московских ведомостей» увеличивается с шестисот до четырех тысяч экземпляров.

Вместе со своими друзьями Новиков открывает при Московском университете «Переводческую филологическую» и «Учительскую» семинарии, для того чтобы подготовить культурных переводчиков и грамотных педагогов, и основывает в Москве два училища для бедных детей и сирот, расходуя на это средства, вырученные от издания нового журнала «Утренний свет»...

Николай Михайлович Карамзин.

В 1784 году в Москву приезжает из провинции Н. М. Карамзин, сын симбирского помещика, бывший воспитанник Московского университета. Карамзин быстро сближается с кружком Новикова и с 1790 года начинает издавать в Москве «Московский журнал» — первый русский литературный журнал.

На страницах своего журнала Карамзин помещает разнообразный литературный и критический материал. Здесь появляются стихи Державина, нашумевшее в то время стихотворение Дмитриева «Стонет сизый голубочек», пьеса Хераскова, первые русские повести «Наталья, боярская дочь» и «Бедная Лиза» Карамзина.

«Московский журнал» пользуется громадным успехом: впервые русские читатели получают журнал, написанный простым, хорошим, чистым русским языком...

В 1792 году на кружок Новикова обрушивается гнев императрицы. Екатерина видит в деятельности Новикова попрание государственных устоев, и Новиков, обвиненный в издании якобы запрещенных книг, брошен в каземат Шлиссельбургской крепости. В тюрьме Новикова лишают самого необходимого, даже лекарств. И через четыре с половиной года он выходит из крепости «дряхл, слаб и согбен».

«Московский журнал» также закрыт. Но Карамзин не складывает рук, издает ряд новых литературных сборников и с 1804 года всецело посвящает себя работе над «Историей государства Российского».

В 1816 году выходят первые восемь томов «Истории». Три тысячи экземпляров расходятся в двадцать пять дней — успех, невиданный для тогдашнего времени. Повести и главным образом «История» Карамзина становятся настольными книгами русской интеллигенции. И это неудивительно: впервые русский узнает из этой книги исто-

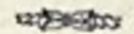
рию своей родины. «История» Карамзина — первая история России, написанная обстоятельно, художественно, образно.

По словам Пушкина, Карамзин был Колумбом, который открыл для русских их прошедшее. «Священной памяти» Карамзина Пушкин посвящает своего «Бориса Годунова». И впоследствии он скажет о Карамзине:

«Карамзин освободил язык от чуждого ига и возвратил ему свободу, обратив его к живым источникам народного слова».

Белинский дополнит Пушкина:

«Карамзин создал русских читателей, а так как без читателей литература немыслима, то смело можно сказать, что литература началась с эпохи Карамзина...»

Императрица мечтает создать памятник своему царствованию — такой грандиозный и величественный, какого еще не знал мир: на месте старого московского Кремля она хочет воздвигнуть невиданный по красоте и роскоши императорский дворец.

Екатерине не жаль старых кремлевских стен, их бойниц и прекрасных башен. Императрица вообще не любит Москвы.

«Москва — столица безделья, — пишет Екатерина, — сброд разношерстной толпы, которая всегда готова сопротивляться доброму порядку, страстно любит рассказы о разных возмущениях и питает ими свой ум».

Екатерина решает перестроить старую Москву и перестройку начать с Кремля. Работы по перестройке императрица поручает Василию Ивановичу Баженову — сыну сельского причетника, профессору и члену академий Рима, Флоренции и Болоньи...

Василий Иванович Баженов.

Баженов родился в захолустном селе Дольском Калужской губернии.

У отца Баженова — густой красивый бас. Поэтому деревенский причетник вскоре переводится дьячком в одну из маленьких церквей московского Кремля. Сын становится воспитанником Славяно-греко-латинской академии.

Но маленький Баженов меньше всего занимается богословием. После сельского захолустья мальчика потрясает Василий Блаженный, величие Успенского собора, строгие линии кремлевских стен. Его любимое занятие — срисовывать церкви и надгробные памятники по монастырям и кладбищам.

После окончания академии отец устраивает Ва-

силия Баженова в «архитектурную команду князя Ухтомского». Здесь готовятся будущие строители казенных зданий и помещичьих усадеб.

Вместе с Баженовым учится скромный тринадцатилетний мальчик, сын мелкого московского чиновника-«подканцеляриста», сирота Матвей Казаков.

Не легко учиться в «архитектурной команде» Князь не балует своих воспитанников. Кроме учения, приходится выполнять все хозяйственные работы по школе, вплоть до мытья полов. Жалованье — рубль в месяц. И современник пишет: «Не токмо разночинцы, но и благородные ученики великую нужду терпят в платье, обуви и пище...»

Матвей Федорович Казаков.

Однако сын дьячка и сын подканцеляриста блестяще кончают курс.

Казаков остается в Москве. Князь Ухтомский ведет работы по ремонту ветхих кремлевских зданий, и молодой Казаков становится его правой рукой.

Баженову открывается блестящее будущее.

— Отрок сей гордость отечества составит, — говорит о нем Ухтомский и определяет его в университет, а затем в Петербургскую академию художеств.

Через два года молодой Баженов уже «архитектурии помощник в ранге прапорщика». Начальство пишет о нем, что Баженов «нраву скрытного, поведением же и успехами превыше похвал», и посылает его для усовершенствования в Парижскую академию, назначив ему стипендию в тридцать рублей в месяц.

Баженов бедствует в Париже. Ночи он просиживает за чертежами, чтобы как-нибудь заработать себе на жизнь, а днем поражает профессоров своими гениальными работами.

Курс Парижской академии Баженов проходит в два года. Ему присуждается золотая медаль.

Баженову предлагают остаться в Париже придворным архитектором. Его ждут богатство и слава.

Но Баженов отказывается от заманчивого предложения. Как некогда плотницкий сын Федор Конь, Баженов рвется на родину. Он видит во сне калужскую деревню, Москву, Кремль. Он мечтает о прекрасных зданиях, которыми он украсит любимый город своей родины. Он грезит о величественных колоннадах, о портиках и строгих дворцах в заснеженной Москве...

— Вы, сударь, составите украшение своего отечества, — говорит, прощаясь, его учитель, французский архитектор Шарль де-Вальи.

Баженов уезжает в Италию. Петербургское начальство, узнав о его парижских успехах, отправляет его в Римскую академию, но не торопится аккуратно высылать ему жалкую стипендию.

Снова голод, снова скучные чертежные работы, и опять триумф: Баженов — профессор академии Рима и член академий Флоренции и Болоньи. Немногие из молодых иностранных зодчих удостаивались в Италии такой чести.

Наконец Баженов едет в Петербург. Он полон творческими замыслами и страстным желанием украсить родину дворцами, прекрасными, как торжественный хорал.

Петербург встречает Баженова счетом на двести сорок восемь рублей, предъявленным Петербургской академией «за парадную форму и обучение в чужих странах». Прославленному за границей академику, мечтающему о грандиозных работах, начальство поручает проектировать «увеселительные павильоны для царского двора»...

Артиллерийским архитектором в чине капитана Баженов в 1767 году приезжает в Москву «для казенных артиллерийских надобностей». Здесь он встречает своего друга, Матвея Казакова. И здесь совершенно неожиданно сбываются его мечты: императрица Екатерина поручает Баженову сооружение величественного кремлевского дворца.

Баженов загорается. Он вкладывает в работу весь свой могучий талант, творческую страстность, гениальное изобретательство. Он мечтает вписать в древний Кремль чудесную классическую композицию — колоннаду в двадцать метров высоты и грандиозный дворец, украшенный мраморной облицовкой, скульптурой и живописью.

В 1772 году Баженов, работая вместе с Казаковым, заканчивает громадную модель будущего дворца.

«План построек состоял в том, — пишет англичанин Кларк, — чтобы объединить весь Кремль в одном великолепном замке... Фасады дворца были украшены рядами колонн соответственно различным родам архитектуры... Здесь был также театр и множество великолепных апартаментов... Если бы дворец был построен согласно модели, то он бы превзошел своей грандиозностью храм Соломона, пропилей Амазиса, виллу Адриана и форум Трояна».

Императрица милостиво утверждает проект:

«Мы с вами, господин Баженов, не токмо Москву, — все города империи перестроим»...

В 1773 году происходит торжественная закладка Большого кремлевского дворца. Поэт Державин пишет выспреннюю оду:

> Прости, престольный град, великолепно зданье
> Чудесной древности, Москва, Россия блистанье!
> Сияющи верхи и горды вышины,
> Надияо в давний век вы были созданы.
> . . . .
> Возможно ли, чтоб вам разрушиться, восстать
> И прежней красоты чуднее процветать?
> Твердыням таковым коль пасть и восставляться,
> То должно, так сказать, природе применяться!
> Но что не сбудется, коль хощет божество?
> Баженов! Начинай — уступит естество.

Работа идет полным ходом, но через год обваливается часть фундамента. Императрица гневается и приказывает прекратить постройку. Но это только внешний повод. Екатерина удостоверилась, что

Дом Пашкова, сооруженный по проекту В. И. Баженова.

казна пуста, — война с Турцией стоила слишком дорого, — и сорока миллионов, необходимых для постройки дворца, взять неоткуда.

От грандиозной затеи остаются только развалины сломанной Тайницкой башни Кремля и части Кремлевской стены, выходящей на Москва-реку.

Баженову поручено построить под Москвой, в Царицыне, загородный императорский дворец. Казакову предложено возвести «подъездной» дворец в Петровской роще.

Семь лет строит Казаков Петровский дворец. В 1782 году у обочины людной дороги из Москвы в Петербург, среди тополей, сосен и лип, возникает прекрасный дворец. И трудно сказать, чему отдал предпочтение художник, создавая это оригинальное здание, — древнерусскому зодчеству или западной готике.

В Царицыне вдохновенно работает Баженов — и в старом тенистом царицынском парке вырастают здания, где красный кирпич и белый камень соединены в причудливом узоре.

Однако императрице не нравится царицынский дворец: его строгие линии почему-то напоминают ей гроб. К тому же, Екатерина недовольна Баженовым: она узнала о его тесных связях с ненавистным ей наследником престола Павлом Петровичем. И разгневанная императрица приказывает сломать дворец до основания.

Баженов смещен с занимаемой должности. Его мечты не осуществились: ему не удалось украсить родные города прекрасными дворцами. И Баженов запивает.

Гнев императрицы лишает прославленного архитектора даже частных заказов. Знаменитый профессор западных академий не находит работы в дворянской Москве. Но то немногое, что удается ему сделать, поражает изяществом и мастерством: среди его лучших построек — дом Пашкова на Моховой (старое здание Ленинской библиотеки).

В 1799 году Баженов едет строить дом костромскому помещику Барсукову и умирает скоропостижно от разрыва сердца. Могила его нам неизвестна, как неизвестна могила его предшественника, такого же, как он, талантливого и несчастного русского зодчего, плотницкого сына Федора Коня...

Судьба более милостива к Матвею Казакову. Довольная Петровским дворцом, императрица поручает архитектору построить в Кремле здание Сената.

Это нелегкая задача: на тесной и неудобной треугольной площадке надо возвести здание, которое гармонировало бы с прекрасными и строгими кремлевскими стенами.

Казаков с увлечением берется за работу. И через восемь лет здание готово.

— Какое искусство! — восклицает Екатерина.

И действительно, рядом с башнями древнего Кремля вырастает величественное, простое и в то же время изящное здание. Громадный купол венчает центральную часть. Круглый зал, украшенный скульптурой, поражает богатством отделки.

Эта постройка приносит славу Матвею Казакову. Московские вельможи засыпают архитектора заказами. И на московских улицах один за другим возникают прекрасные творения великого русского зодчего.

В Охотном ряду рядом с лавчонками, трактирами и харчевнями по проекту Матвея Казакова строится дворец князя Долгорукова. Впоследствии это здание князь передаст «Российскому благородному

Красная площадь в конце XVIII века. Посредине площади вытянулся ряд столбов с масляными фонарями. Справа — Торговые ряды. Слева, вдоль Кремлевской стены, стоят каменные лавки.

собранию». Из «Благородного собрания» дворец превратится в Дом союзов, и там, где полтораста лет тому назад гвардейские офицеры отплясывали мазурки и полонезы, тысячи москвичей будут внимательно слушать выступления советских мастеров искусства. Но прославленный Колонный зал с его строгой перспективой беломраморных колонн и хрустальных люстр попрежнему останется непревзойденным...

В годы царствования Екатерины когда-то грозные московские крепостные укрепления Китая, Белого и Земляного городов приходят в ветхость и запустение. Особенно непривлекателен вид стены Белого города — вывалились кирпичи, обрушились башни, мхом и кустарником заросли амбразуры и бойницы.

В 1784 году начальство сгоняет к стене Белого города сотни арестантов: решено сломать старую стену и на ее месте разбить бульвар.

Арестанты свозят кирпич разобранной стены на большой заброшенный пустырь. Здесь, на теперешней Советской площади, фельдмаршал Чернышев строит себе просторный дом. Величественный фасад оформляет все тот же Матвей Казаков.

Дом графа Чернышева покупает казна. В доме поселяется главнокомандующий Москвы. С тех пор вплоть до Октябрьской революции чернышевский особняк бессменно стоит генерал-губернаторским домом.

Сюда на торжественные приемы и балы собираются московские дворяне, высшие чиновники, гвардейские офицеры. Далеко за полночь гремит музыка в просторных залах, и за карточными столами, в укромных гостиных под звуки мазурок и вальсов завязываются нужные знакомства...

Казаков неутомим.

На Калужской дороге он строит Голицынскую (теперь 2-ю Советскую) больницу. Огромное центральное здание охватывают более низ-

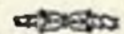
кие боковые флигели. В центре главного корпуса — круглый зал с двойной колоннадой.

У Даниловской заставы Казаков строит прекрасное здание Павловской (теперь 4-й Советской) больницы. На Моховой улице по проекту Казакова воздвигается здание Московского университета.

За двадцать лет неутомимой работы Казаков создает в Москве десятки жилых домов и кладет начало московскому капитальному жилищному строительству. Его основные заказчики — дворяне. И обычно к центральному, «господскому» дому казаковской постройки примыкают по бокам служебные флигели. За домом — двор, хозяйственные строения и непременный сад. «Господский» дом отгорожен от уличной толпы высокой красивой решеткой...

В квартире Казакова в Златоустинском (теперь Б. Комсомольском) переулке обычно собираются художники, ученые, зодчие. Много сил Казаков отдает педагогической работе и кладет начало Кремлевскому архитектурному училищу. Среди многочисленных учеников Казакова — один из крупнейших архитекторов начала XIX века Бове.

Казаков умирает в Рязани в 1813 году, потрясенный вестью о разорении французами родной Москвы.

Гением великого русского зодчего Москва украшается прекрасными зданиями. Но грандиозный екатерининский план коренной перестройки Москвы кончается крахом.

Кремль попрежнему заброшен. У Кремлевской стены со стороны Красной площади в 1782 году поставлен ряд каменных двухэтажных лавок.

В 1796 году на месте разобранной стены Белого города вырастает Тверской бульвар, обсаженный молодыми березками. На бульваре разгуливают московские франты, одетые по последней утрированной французской моде. На франтах элегантные фраки с длинными и узкими фалдами, жилеты из розового атласа, сапоги с кистями, на шее огромные галстуки, закрывающие подбородок. Галстуки эти длиною в несколько аршин — их приходится по крайней мере двадцать раз обматывать вокруг шеи. У каждого непременно двое часов с двумя цепочками и брелоками, на пальцах множество колец и перстней, на груди большая запонка, поверх жилета еще две цепочки и в руках непременная «манька» — соболья муфта.

Щеголихи одеты в открытые платья, волосы круто завиты барашком. В курчавых волосах гребни величиною в четверть метра. Волосы взбиты башней, и на щеке обязательно мушки...

Каких только чудачеств не видел в те годы Тверской бульвар!

У одного барина на запятках его экипажа трехаршинный гайдук и карлица; на козлах кучером — мальчик лет десяти, а форейтором — старик с седой бородой; левая коренная с верблюда, правая — с мышь.

Другой барин не показывается на гулянье иначе, как верхом, с огромной пенковой трубкой, а за ним — целый поезд конюхов с заводскими лошадьми, покрытыми персидскими коврами и цветными попонами.

А чуть отойдешь от бульвара в сторону — будто попадаешь в глухую провинцию: у ворот москвичи грызут орехи, лузгают подсолнухи, обмениваются острыми шутками. На дворах, у колодцев с огромными «журавлями», — шумный, болтливый женский клуб. И

Ледяные горы на масленой неделе на месте теперешнего Александровского сада и Неглинного проезда. Справа — Кремлевская стена и арсенал. Слева — лавки.

Российская империя в 1796 году.

каждое летнее утро по окраинным улицам Москвы шествует пастух с рожком, громко щелкает длинным кнутом, и заботливые хозяйки выгоняют из дворов коз, коров, овец.

В лабиринте московских переулков, неожиданно заводящих в тупики, теряются даже местные старожилы, и по Москве ходит шуточный адрес, составленный досужими балагурами:

«У Всех святых на Кулижках, что в Кожухове, за Пречистенскими воротами, в Тверской-Ямской слободе, не доходя до Таганки, на Варварке, в Малых Лужниках, что в Гончарах, на Варгунихе, у Николы-в-Толмачах, на Трех горах, на Лубянке, на самой Полянке» и так далее, то есть нигде.

Осенью 1793 года Московский университет переезжает в новое здание на Моховой улице, построенное Матвеем Казаковым. При университете попрежнему две гимназии. В них учится около тысячи учеников. Число же студентов не превышает сотни. Сплошь и рядом они работают воспитателями и даже учителями в гимназиях и теряются в массе школьников.

В университетских гимназиях преподают множество предметов: мифологию и римские древности, еврейский, халдейский и татарский языки, грамматику и арифметику, статистику и геральдику, естественную историю и философию. Но это не значит, что гимназисты должны изучать все предметы. Каждый ученик учится только тому, что ему нравится.

Классов нет. Не ученики, а предметы делятся на классы, и гимназисты переходят из класса в класс по каждому предмету особо, сообразно своим успехам, продвигаясь вперед по одному предмету и отставая в другом...

Русскую грамматику и арифметику преподает Синков — сухопарый суровый старик высокого роста, в черном фраке и с длинной косой.

Гимназисты узнали, что старый учитель не любит и стыдится своей фамилии, и с тех пор сплошь и рядом из-за угла коридора, с темной лестницы, из-за полуоткрытой двери раздавалась веселая поговорка:

— Сивка-бурка, вещая каурка!

Задыхаясь и охая, профессор бросался вдогонку за шалунами, и плохо приходилось тому, кого он ловил: гимназические сторожа растягивали виновного на скамейке и жестоко пороли розгами. После порки строгий профессор часами выдерживал шалуна на коленях на горохе.

Летом, когда в классных комнатах широко открывались окна, на улице частенько были слышны плач и крики: по субботам шла расправа с лентяями, шалунами, нарушителями порядка...

Александр Васильевич Суворов.

Большинство учеников, окончив гимназию, на этом заканчивало свое образование. И только очень немногие надевали мундир, треуголку и шпагу и становились студентами.

Для студентов в Московском университете были введены строгие правила внутреннего распорядка. За поведением слушателей университета неусыпно следил инспектор. Два помощника инспектора жили и столовались вместе со студентами и ежемесячно подавали инспектору ведомость с подробным изложением, как вел себя каждый студент вне занятий. О «дерзостях и соблазнительных поступках» докладывалось инспектору особо, и он или собственной властью наказывал виновного, или записывал проступок в особую штрафную книгу, которая рассматривалась университетским советом при годовом испытании студентов.

В 1804 году правительство утверждает новый университетский устав: университет должен готовить юношество «для вступления в различные звания государственной службы» и «служить рассадником преподавателей средней школы». Окончившим университет новый устав предоставляет ряд льгот и преимуществ при поступлении на государственную службу: правительство надеется увеличить этим интерес к высшему образованию среди дворянства. Но в Московском университете до 1812 года число студентов никогда не превышало сотни.

Беззаботно и праздно живет дворянская Москва, и с большим опозданием приходят в Москву смутные, разноречивые слухи о том, что в Париже вспыхнула революция.

Но вскоре квадратные страницы «Московских ведомостей» заполняются военными донесениями, описаниями стычек, переходов и трофеев, трудно произносимыми названиями чужих далеких городов. Император Павел послал русскую армию в Италию. Припудрив на бивуаках пшеничной мукой свои парики с косицами, взвалив на плечи ружья, в полпуда весом каждое, русские солдаты идут по горным дорогам Италии, предводимые великим полководцем Суворовым, побеждая лучших французских генералов.

Рядом со сводками и донесениями в «Московских ведомостях» появляется указ императора Павла. Боясь всего идущего из мятежного Парижа, император запрещает дамам причесывать голову по последней французской моде — «а ля гильотин». Мужчинам строго-настрого запрещено ношение «башмаков с лентами, а иметь оные с пряжками». Строго предписывается «не увертывать шею безмерно платками, галстуками и косынками, а повязывать оные приличным образом, без излишней толстоты».

Но все это как-то мало затрагивает Москву. И попрежнему чудачат московские баре, угощая гостей невиданными блюдами, свистят розги на конюшнях, каждый год выгорают кварталы московских улиц, на окраинах по утрам играет рожок пастуха, умирают несчастные ребята в Воспитательном доме и бравурно гремит музыка на балах в дворянских особняках.

Наступает XIX век. На русском престоле Павла сменяет Александр I. Но облик Москвы остается прежним. И лишь единственным крупным новым сооружением может гордиться город: в 1805 году закончен Мытищинский водопровод, заложенный еще Екатериной, двадцать лет назад.

Вода начинает свой путь у глубоких ключевых колодцев Мытищ. Отсюда она течет по кирпичной галлерее, большим Ростокинским мостом-акведуком пересекает Яузу, идет по глубоким выемкам в Сокольнической роще и поступает в водоразборные бассейны. На весь город таких бассейнов всего пять: на Каланчевской площади, у Сухаревой башни, на Самотеке, на Цветном бульваре и на Театральной площади.

Дворянская Москва попрежнему бездельничает и веселится. Балы сменяются маскарадами, концертами, зваными обедами.

«Вчерашним утром ездил с поздравлением к имениннице Авдотье Сильвестровне Небольсиной, — пишет Жихарев в своей книге «Записки студента», — но она не принимала, а швейцар объявил, что покорнейше просят на вечер.

— А много у вас будет гостей?

— Да приглашают всех, кто приезжает утром, а званых нет: тихий бал назначен.

Нечего сказать — тихий бал!

Вся Поварская в буквальном смысле запружена была экипажами, которые по обеим сторонам улицы тянулись до самых Арбатских ворот. Кажется, весь город втиснут был в гостиные Авдотьи Сильвестровны.

Чужая душа — потемки, но принимать гостей она мастерица. Всем одинаковый поклон, знатному и незнатному; всем равное ласковое слово, приглашение на полную свободу. Играй, разговаривай, молчи, ходи, сиди, — словом, делай, что хочешь; только не спорь слишком громогласно и с запальчивостью — этого хозяйка боится...

Каменный мост через Москва-реку. Справа — деревянный мост через Неглинку. За мостом — двухэтажный каменный дом, сохранившийся до сих пор. В нем в 1939 году помещалась архитектурная мастерская управления строительства Дворца Советов. Слева, за Каменным мостом, — постройки в Замоскворечье.

...Граф Ростопчин сделал ей приятный сюрприз: заметив, что она любит пастеты, он прислал ей за минуту до обеда преогромный пастет, будто бы с самою нежною начинкою, который и поставили перед хозяйкой. В восхищении от внимания любезного графа, она после горячего просила вскрыть великолепный пастет — и вот показалась прежде всего безобразная голова Миши, известного московского карлика, а потом вышел и он весь с настоящим пастетом в руках и букетом живых незабудок...»

После обеда начинается бал. Бал открывается длинным «польским» танцем. Вереница танцующих растягивается по всем комнатам. В передних парах идут почтенные и знатные гости, старики в звездах и лентах, галантно ведущие таких же почтенных дам. Степенные старички и старушки то щеголевато кланяются, то приседают. Не попавшие в «польский» мужчины один за другим останавливают первую пару и, хлопнув в ладоши, отбивают даму. Неожиданно в круг танцующих врывается шут и, напевая не совсем пристойную песенку, догоняет вприсядку намеченную им пару...

В люстрах, канделябрах и стенных бра горят «свечи аплике» (сало, налитое в восковой чехол). На окнах подслеповато мигают «маканые свечи» (сальные, с толстым фитилем). Мальчики-казачки, вооруженные особыми щипцами, ловко шныряют среди танцующих, снимают нагар в кружку с водой, следя за тем, чтобы свечи не слишком чадили. И все-таки в зале темно и чадно: от одного конца зала до другого нельзя узнать друг друга...

Поздно вечером разъезжаются гости. А назавтра — новый бал, маскарад, обед...

«Балам нет конца, — пишет важный московский чиновник, — и не понимаю, как могут выдерживать. Если сие сумасшествие продлится всю зиму, то все переколеют, и к будущей зиме нужен рекрутский набор танцовщиц...»

И никто не чувствует, что беззаботному веселью скоро конец, что над Москвой уже нависает страшная грозовая туча.

НАШЕСТВИЕ НАПОЛЕОНА

Наступает памятное лето 1812 года.

В ночь на 24 июня через пограничную реку Неман сразу в шести местах, в грозу, при оглушительных раскатах грома, переходит русскую границу наполеоновская армия — армия «двунадесяти языков». В войске Наполеона — французы, поляки, пруссаки, саксонцы, вестфальцы, баварцы, голландцы, итальянцы, португальцы — 439 тысяч солдат, 1200 орудий, 10 тысяч провиантских повозок.

— Со мной идет вся Европа, — гордо заявляет Наполеон.

Силы русских слабы. Три разрозненные армии насчитывают в общей сложности около 180 тысяч человек против не знающей поражений почти полумиллионной французской армии, возглавляемой одним из самых талантливых полководцев мира — Наполеоном Бонапартом.

Император французов надеется в первом же пограничном сражении разбить русскую армию, взять Москву и в древнем Кремле продиктовать побежденным любые условия мира.

— Если я овладею Киевом, — говорит Наполеон, — то возьму Россию за ноги. Если я овладею Петербургом, то возьму ее за голову. Заняв же Москву, я поражу ее в сердце.

Во весь рост встает вопрос, быть или не быть России самостоятельной страной.

Судьбы русского государства и русского народа поставлены на карту.

Главнокомандующий русской армии генерал Барклай-де-Толли отступает. Армия еще слаба, чтобы дать бой Наполеону. Но каждый шаг отступления русской армии усиливает ее. Каждый шаг Наполеона вперед ослабляет французскую армию. Наступление заставляет

императора французов оставлять большие гарнизоны в занятых городах и поддерживать сложную связь с далеким тылом. Единственный путь к будущей победе — отступление. И русская армия отступает.

Наполеон подходит к Смоленску. Здесь, под стенами древнего города, французский император надеется окружить и уничтожить русские армии. Но после боя русский главнокомандующий Барклай-де-Толли снова приказывает отступать, оставляя французам объятый пламенем Смоленск.

Как черная грозовая туча, движется на Москву наполеоновская армия. Но перед наступающими французами на многие десятки километров расстилается опустошенная дорога: крестьяне жгут деревни, села, стога сена, скирды хлеба.

Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов.

Наполеон движется по пустыне.

Урал и Дон посылают на помощь действующей армии свои казачьи полки. По всей России создаются ополчения. В Москве в число ополченцев записываются чиновники и семинаристы, студенты и мелкие торговцы. Русский народ грозно поднимается на защиту своей родины.

В Москве пока относительно спокойно.

«Московские ведомости» сообщают о движении Наполеона осторожно и кратко. Москвичи знают только, что русские армии отходят в боевом порядке и подыскивают удобные позиции для генерального сражения.

Главнокомандующий Москвы Ф. В. Ростопчин носится с каким-то немецким проходимцем Леппихом, направленным в Москву Александром I, щедро снабжая его деньгами. Леппих обещает соорудить воздушный шар, подняться над французской армией и извести Наполеона.

Ярый защитник крепостного права, самолюбивый и самоуверенный остряк и фанфарон, не только говорящий, но и думающий по-французски, Ростопчин выпускает в Москве «афишки», полные разухабистых прибауток. Великосветский барин прикидывается бойким подвыпившим мастеровым.

«...Как? К нам? — обращается Ростопчин к Бонапарту. — Милости просим, хоть на святках, хоть на масленицу; да и тут жгутами девки так припопонят, что спина вздуется горой... Сиди-ка дома да играй в жмурки либо в гулючки... Не наступай, не начинай, а направо кругом да домой ступай!..»

Народ не верит хвастливой лжи главнокомандующего Москвы. Народ любит отчизну по-своему. Он понимает: над родиной нависла гроза. Предстоят тяжелые кровавые битвы. И народ ждет и хочет этой битвы, чтобы разгромить врага и вышвырнуть его из пределов страны.

В этот тяжелый и ответственный момент, подчиняясь воле общественного мнения, император Александр I назначает главнокомандующим русской армии шестидесятисемилетнего фельдмаршала Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова.

«Едет Кутузов бить французов!» радостно встречают русские солдаты своего любимого полководца.

«Старая лисица севера!» вырывается у Наполеона.

«Публика желала назначения его (Кутузова), я назначил его; что касается меня лично, то я умываю руки», недовольно говорит Александр I в день отъезда Кутузова в армию.

Армия, Наполеон, Александр хорошо знают старика Кутузова.

Русские солдаты любят соратника легендарного Суворова, по праву разделившего с ним славу великих походов.

После блестящего штурма турецкой крепости Измаила Суворов говорил о Кутузове:

— Он шел у меня на левом крыле, но был правой моей рукой...

Армия любит старого генерала за его военный талант, за его человеческое, теплое отношение к солдатам, за его ненависть к бессмысленной муштре и шагистике.

Император Александр ненавидит Кутузова за то, за что любит его русская армия.

Наполеон хорошо помнит свои встречи с Кутузовым на полях битв в Австрии, когда талантливый русский полководец громил французские корпуса, и только бездарность Александра и никчемных австрийских генералов принесла победу Наполеону под Аустерлицем.

Теперь ученик великого Суворова — главнокомандующий русской армии, и народ нетерпеливо ждет от него генерального сражения. Но

Бородинский бой.

старый и честный фельдмаршал находит в себе силу и мужество повторить единственно правильный приказ своего предшественника:

— Отступать!

Лучше, чем кто бы то ни было другой, Кутузов понимает, что еще не приспело время для решающей схватки, что пока надо ждать и отходить. Но знает Кутузов и то, что даже ему, прославленному герою и любимому полководцу, русский народ, измученный тревогой за судьбы родины, не простит сдачи Москвы без боя. И 26 августа 1812 года в девяноста пяти километрах от Москвы, у деревни Бородино, русский фельдмаршал вопреки своему желанию дает генеральный бой наполеоновской армии.

«Великая битва под Москвой» начинается на рассвете.

Наполеон бросает свои войска на левое крыло русской армии, где у Семеновского оврага стоят части генерала Багратиона. Десятки раз идут в атаку французы, но каждый раз откатываются назад, неся тяжелые потери.

Наполеон выдвигает против Багратиона полтораста орудий. После жестокой артиллерийской подготовки огромные массы французов бросаются в атаку. Завязывается жестокий штыковой бой. Позиции переходят из рук в руки.

Французские маршалы требуют у Наполеона подкреплений.

Теперь уже не сто пятьдесят, а четыреста французских орудий громят «Багратионовы флеши» (укрепления). Не ожидая нового приступа, Багратион переходит в наступление.

«Русские колонны в глазах наших двигались по команде своих начальников, как подвижные шанцы, сверкающие сталью и пламенем, — пишет участник боя, французский генерал Пеле. — На открытой местности, поражаемые нашей картечью, атакуемые то конницей, то пехотой, они понесли огромный урон, но эти храбрые воины, собравшись с последними силами, нападали на нас попрежнему».

Атака русских отбита. Французские гренадеры с ружьями наперевес, не отстреливаясь, сомкнутым строем идут в новую атаку.

— Браво! Браво! — кричит Багратион, восхищенный храбростью врага.

В этот момент французская картечь смертельно ранит Багратиона. Несколько мгновений генерал старается скрыть рану от войска и наконец медленно валится с лошади.

Весть о смерти начальника разносится по русским рядам. Солдаты любят Багратиона, верят в его непобедимость. Теперь он мертв. И, пораженные смертью любимого полководца, его части начинают отходить...

Левое крыло русских поколеблено. Но судьба боя еще не ясна. Русские бьются с беззаветной храбростью. Раненые солдаты не уходят из строя, несмотря на приказы офицеров. В грохоте тысячи двухсот орудий не слышно ружейных залпов.

Наполеон мрачен. Эта битва не похожа на то, что он привык видеть: враг не бежит, нет рапортов о взятии пленных...

Наполеон бросает свои войска на штурм батареи Раевского, расположенной в центре русского фронта. И снова позиции несколько раз переходят из рук в руки. Французская артиллерия косит русские войска. Русские солдаты дерутся, как львы. Им не уступают офицеры.

Барклай-де-Толли скачет туда, где страшнее всего огонь французских орудий.

— Он удивить меня хочет! — кричит отважный генерал Милорадович, соратник Суворова.

Атака русских войск в битве под Бородиным.

Он перегоняет Барклая, садится там, где скрещивается огонь неприятельских батарей, и заявляет, что здесь будет завтракать.

В этот момент русская кавалерия под начальством казачьего атамана Платова и генерала Уварова, по приказу Кутузова, обходит левый фланг неприятеля и обрушивается на тыл французской армии.

Атака отбита. Но, встревоженный бесстрашным кавалерийским рейдом, Наполеон не решается двинуть в бой свою старую гвардию.

— Я недостаточно ясно вижу шахматную доску, — мрачно говорит он.

Снова гремят орудия, рвутся гранаты, не прекращаются штыковые бои и лихие кавалерийские атаки.

Наконец, неся жестокие потери, французы берут батарею Раевского. Но русские попрежнему не отступают, попрежнему нет пленных, снова гремит русская артиллерия, и штыковой контратакой русская пехота отбрасывает польскую кавалерию Понятовского.

Наступает ночь.

Мрачный, молчаливый Наполеон объезжает поле сражения. Трупов так много, что императорская лошадь еле находит, куда поставить ногу. Не смолкают вопли раненых. Но император редко слышит русскую речь.

«Они не испускали ни одного стона, — пишет о русских раненых французский генерал Сегюр. — Может быть, вдали от своих они меньше рассчитывали на милосердие. Но истинно то, что они казались более твердыми в перенесении боли, чем французы».

В эту ночь адъютанты доносят Наполеону, что из 130 тысяч французов под Бородиным погибло свыше 50 тысяч, из них 47 генералов убито и тяжело ранено.

Всю ночь пылают костры в русском лагере. К кострам подползают раненые. Идет счет потерь: из 120 тысяч русской армии 58 тысяч убитых и раненых и только 700 человек взяты в плен...

Кто же победил на Бородинском поле?

Есть древнее изречение:

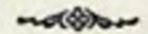
«Побежден тот, кто чувствует себя побежденным».

Русская армия не чувствует себя побежденной и попрежнему жаждет боя. Но старый, мудрый Кутузов, спасая армию и тем самым родину, приказывает отступать...

Так кончается «великая битва под Москвой», одна из кровавейших битв в истории.

В своих мемуарах Наполеон пишет:

«Из всех моих сражений самое ужасное то, которое я дал под Москвой. Французы в нем показали себя достойными одержать победу, а русские стяжали право быть непобедимыми... Из пятидесяти сражений, мною данных, в битве под Москвой выказано французами наиболее доблести и одержан наименьший успех».

Лишь только известие об отходе Кутузова из-под Бородина доходит до Москвы, в городе начинается паника. Закрываются фабрики. Пустеют лавки. Москвичи спешно покидают насиженные места.

Лошади и повозки неимоверно дорожают. Вещи закапывают во дворах, в огородах, садах или замуровывают в каменные стены. Дети прячут туда свои игрушки: кнутики, кубики, куклы.

Из Москвы эвакуируются учреждения. Полиция и пожарные покидают город...

В отступающей русской армии все твердо убеждены, что под стенами Москвы Кутузов даст бой Наполеону.

В деревне Фили, в избе крестьянина Севастьянова, Кутузов собирает военный совет.

— Доколе будет существовать армия и находиться в состоянии противиться неприятелю, — говорит старый фельдмаршал, — до тех пор сохраним надежду благополучно довершить войну. Но когда уничтожится армия, погибнет Москва и Россия... Выгоднее ли рисковать потерею армии и Москвы, приняв сражение, или отдать Москву без сражения? Вот на какой вопрос я желаю знать ваше мнение.

Прения длятся около часа. Большинство — за немедленный бой.

Неожиданно прерывая заседание, Кутузов с трудом поднимается с лавки.

— Господа, я слышал ваши мнения. Некоторые будут несогласны со мной. Но властью, данной мне государем и отечеством, приказываю отступать.

Всю ночь не спит Кутузов. На свои старые плечи он взвалил тяжелую ответственность — он отдает врагу древнюю, любимую Москву, сердце своей родины. Но он твердо знает: в этом — спасение отчизны...

Всю ночь не спит и армия. Солдаты плачут. Некоторые не верят приказу.

Но приказ фельдмаршала ясен: отступать.

На рассвете 1 сентября через московские заставы проходит кутузовская армия. За армией устремляются последние толпы беженцев. Старики, еле передвигая ноги, идут, окруженные своим семейством. Матери несут на руках грудных младенцев. Больных тащат на

Совет в Филях после Бородинской битвы, перед сдачей Москвы. Слева — фельдмаршал М. И. Кутузов.

Москвичи, получив известие о предстоящей сдаче Москвы Наполеону, покидают город. Вдали видны храм Василия Блаженного и Кремлевская стена.

плечах. Некоторые едут верхом, с тюками по обе стороны седла. Дворяне уезжают в каретах, набитых перинами, чемоданами, картонками, статуями, музыкальными инструментами, клетками с попугаями, обезьянами на цепочках, любимыми болонками и даже курятниками. Бабы в лохмотьях плетутся рядом с разряженными барынями, надевшими на себя по нескольку дорогих платьев.

Солдаты идут молча, угрюмо смотря в землю.

Неожиданно из ворот Кремля выходят с музыкой два батальона гарнизонного полка.

— Какая каналья приказала вам итти с музыкой? — кричит взбешенный Милорадович.

— В регламенте Петра Великого сказано, — хладнокровно отвечает командир: — если гарнизон при сдаче крепости получает дозволение выступить свободно, то выходит с музыкой.

— Разве в регламенте Петра Великого есть что-нибудь о сдаче Москвы? — кричит Милорадович. — Извольте велеть замолчать вашей музыке!..

Выехав из Москвы, Кутузов останавливается и долго смотрит на отступающую армию. И впервые, видя любимого полководца, армия не кричит «ура».

Кутузову доносят, что передовые отряды Наполеона вступили в Москву.

— Это его последнее торжество, — тихо, но уверенно говорит старый фельдмаршал.

Еще последние колонны русских войск проходят через московские заставы, а конница неаполитанского короля Мюрата уже вступает в город.

Пожар Москвы в 1812 году в изображении иностранного художника. Французская конница ведет бой с москвичами, вооруженными топорами и косами. Справа бежит москвич с горящим факелом. Вдали видна панорама Кремля.

Но где обитатели города? Где москвичи, почтительно встречающие торжествующих победителей?

«Я проходил через громадные площади и улицы, — вспоминает французский артиллерист. — Я заглядывал в окна каждого дома и, не находя ни одной живой души, цепенел от ужаса».

Москва покинута.

И только у Троицких ворот Кремля беззаветно храбрая кучка смельчаков, вооруженных ржавыми ружьями, бросается на конницу Мюрата.

Несколько картечных залпов, короткая схватка, и французы, отбросив в сторону трупы последних защитников Москвы, входят в Кремль.

В два часа дня 1 сентября Наполеон поднимается на Поклонную гору. Перед ним лежит давно желанная древняя Москва — золотые купола церквей, кремлевские башни, тенистые сады дворянских усадеб.

Здесь, в Москве, его армии получат наконец долгожданный отдых, теплые квартиры, изобильный провиант, все наслаждения огромного города. Здесь, в Москве, ждет императора французов неувядаемая слава. Сюда коленопреклоненная Россия придет к нему униженно просить мира. И Наполеон, обычно не склонный к проявлению восторга, радостно восклицает:

— Москва!

Император ждет.

Вот так же, как сегодня, французы стояли у ворот Венеции и Берлина, Варшавы и Вены, Рима и Амстердама, Лиссабона и Александрии, — у ворот завоеванных ими столиц. И всякий раз к ним, гор-

дым победителям, почтительно выходили делегации и в знак покорности подносили ключи завоеванного города.

Наполеон ждет ключей от ворот Москвы.

Но делегации нет. Громадный город мертв. Ни одной струйки дыма не поднимается из его труб.

Наполеон попрежнему ждет...

В сумерки один за другим подъезжают к нему адъютанты и докладывают, что Москва пуста и делегации не будет.

Наполеон не хочет этому верить.

— Какое невероятное событие! — говорит он. — Ступайте и приведите мне бояр!

Преданный императору французский офицер скачет в город. С трудом он находит шесть оборванных бродяг и в глупом усердии гонит их к Наполеону.

Рассерженный император поздно вечером въезжает в Москву и останавливается в одном из брошенных домов у Дорогомиловской заставы.

Неспокойна первая ночь императора в Москве.

Ночью, один за другим, адъютанты докладывают Наполеону, что в городе вспыхнули пожары. Вначале император спокойно относится к этому известию — пожары неизбежны при вступлении в завоеванный город, — но уже в третьем часу ночи Наполеону доносят, что солдаты грабят Москву, что пылает большой участок города и горят дома, куда еще не заходили французы.

— Вы мне отвечаете за это своей головой! — гневно говорит император, приказывая маршалу Мортье, новому военному губернатору Москвы, прекратить грабежи и пожары...

2 сентября Москва пылает.

Расправа французов с москвичами в горящей Москве в 1812 году.

Расстрел французами русских пленных у Кремлевской стены. Рисунок иностранного художника.

Горит Зарядье в Китай-городе с его масляными и москательными лавками. Пылают Балчуг, окрестности Яузского моста, лесные склады у Остоженки. Огонь перекидывается на Тверскую и охватывает Губернаторскую площадь.

Горит Замоскворечье. Взлетает на воздух склад артиллерийских снарядов. Занимаются мосты и даже барки с хлебом на Москва-реке.

Грабежи вспыхивают с новой силой.

Наполеон едет через Арбат в Кремль. Арбат пуст, хотя в Москве осталось около двадцати тысяч человек. И только единственный «москвич» приветствует императора: немец, владелец Арбатской аптеки...

В ночь на 3 сентября пожар принимает чудовищные размеры. Буря гонит пламя и обвивает Москву ослепительно яркими огненными венцами. С колоколен срываются колокола и падают с гулким звоном. Головни летят из улицы в улицу. Огонь со всех сторон окружает Кремль, где заперлись Наполеон, его свита и старая гвардия.

Занимается одна из кремлевских башен. Надо уходить из Кремля, иначе победителю грозит смерть в огне.

После долгих колебаний Наполеон решает бежать в Петровский дворец, стоящий за городом.

«Нас осаждал океан пламени, — рассказывает участник бегства, французский генерал Сегюр. — Пламя запирало перед нами все выходы из крепости и отбрасывало нас при первых наших попытках выйти. После нескольких нащупываний мы нашли между каменных стен тропинку, которая выходила на Москва-реку. Этим узким проходом Наполеону, его офицерам и его гвардии удалось ускользнуть

из Кремля. Но как идти вперед, как броситься в волны этого огненного моря?..

Мы шли по огненной земле, между двумя стенами из огня. Пронизывающий жар жег нам глаза... Удушающий воздух, пепел с искрами, языки пламени жгли вдыхаемый нами воздух, дыхание наше становилось прерывистым, сухим, коротким, и мы уже почти задыхались от дыма...»

Наполеона спасают французские мародеры, грабившие горящие дома.

Пожар бушует четыре дня.

Китай-город, Гостиный двор, Замоскворечье, Немецкая слобода, Воздвиженка, Знаменка, Пречистенка и Тверская выгорают почти полностью. На Никитской улице случайно остаются два дома, на Никольской — три, на Старой Басманной — четыре, на Тверском бульваре — восемь.

— Это предвещает нам большие несчастья, — мрачно говорит Наполеон, смотря на пылающий город...

По приказу французского императора, в Москве начинает работать военно-полевой суд над поджигателями. Обвиняются кузнецы, портные, маляры, лакеи, солдаты, пономарь и поручик. Обвиняемых расстреливают и вешают по суду и без суда.

«...На Тверском бульваре много есть повешенных и расстрелянных разных людей с надписью: «Зажигатели Москвы», рассказывает очевидец.

У обгорелых лавок Гостиного двора, на Тверском бульваре, на площадях и перекрестках улиц курятся костры из расколотой мебели, рам, дверей, иконостасов. На Ходынском поле, против Петровского дворца, около огня сидят французские солдаты, обрызганные грязью и закопченные дымом, в изношенных мундирах и потрепанной обуви. Тут же стоят шалаши, наспех сложенные из обгорелых досок, картин, зеркал, ширм, обломков. В шалашах солдаты лежат на обитых дорогой материей диванах, на связках бархата, мехов, парчи. В раззолоченных люстрах торчат по ночам горящие лучины.

Из армии «двунадесяти языков» особенно жестоко грабят Москву немцы, поляки, итальянцы.

«Жесточайшие истязатели и варвары из народов, составлявших орду Наполеонову, были поляки и баварцы», пишет современник.

Несмотря на суровые приказы Наполеона, грабежи растут с каждым днем. Солдаты Великой армии врываются в дома, нападают на прохожих, снимают с них шубы, салопы, капоты, «нимало не заботясь о наготе несчастных, без одежды и без куска хлеба скитающихся толпами по разгромленному и вконец разоренному городу».

В Москве начинается голод.

А вокруг Москвы, вплоть до самой польской границы, откуда пришел Наполеон, бушует беспощадная партизанская война не на жизнь, а на смерть: это русский народ грозно поднялся против захватчиков.

В Богородских лесах успешно действуют крестьяне Герасим Курин и Стулов, в Сычевском уезде — старостиха Василиса, в Масальском уезде — дворовый Василий Половцев и деревенский староста Федор Анофриев.

Партизаны нападают на неприятельские команды и отряды, осмеливающиеся выйти из города. Редкая попытка достать продоволь-

ствие проходит успешно. Французы возвращаются в Москву ни с чем или вовсе не возвращаются.

Переодетые казаки то и дело пробираются в город. Наутро неприятель недосчитывается коней, оружия, обмундирования.

Москвичи подстерегают по ночам французских солдат и убивают их.

Французы голодают. Солдатские пайки уменьшаются с каждым днем. Солдаты едят заплесневелый хлеб, иссохшую конину и «городскую дичь» — ворон и галок. Из-за ломтя хлеба французы пускают в ход штыки...

1 октября Александр пишет Кутузову:

«Вспомните, что вы еще обязаны ответом оскорбленному отечеству в потере Москвы».

Самолюбивый русский император не понимает великой и мудрой жертвы старого Кутузова.

Русские солдаты, тяжело пережившие сдачу и разграбление Москвы, оказываются дальновиднее русского императора.

В русском лагере складывается солдатская песня:

Хоть Москва в руках французов,
Это, братцы, не беда:
Наш фельдмаршал, князь Кутузов,
Их на смерть впустил сюда!

Вспомним, братцы, что поляки
Встарь бывали также в ней;
Но не жирны кулебяки —
Ели кошек и мышей!

Свету целому известно,
Как платили мы долги;
И теперь получат честно
За Москву платеж враги.

Наполеон начинает понимать, что Москва стала для него ловушкой. Он думал, что побежденная Россия явится в Кремль униженно просить мира. Случилось же так, что он, гордый император французов, владыка полумира, должен вымаливать почетный мир.

Три раза обращается Наполеон с просьбой о мире.

Первый раз с его поручением к Александру I едет генерал-майор Тутолмин, начальник Воспитательного дома в Москве. Второй раз с письмом Наполеона отправляется И. А. Яковлев, отец А. И. Герцена. И, наконец, в третий раз Наполеон посылает к Кутузову маркиза Лористона, маршала французской армии, бывшего посла Франции при русском дворе.

— Мне нужен мир, — напутствует Наполеон Лористона, — он мне нужен абсолютно, во что бы то ни стало, спасите только честь.

Александр не отвечает. Кутузов не пропускает маркиза Лористона в Петербург.

Наполеон понимает: надо отступать. Впереди — суровая зима в разграбленной и сожженной Москве, рядом — Кутузов, а вокруг — гневный народ, пожертвовавший своим древним городом и непреклонный в своей священной воле разгромить ненавистного врага.

Русская карикатура на французов:
«Беда нам с великим нашим Наполеоном —
Кормит нас в походе из костей бульоном.
В Москве пировать свистел у нас зуб;
Не тут-то! Похлебали же вороний суп».

Надо отступать, но император медлит...

5 октября Наполеон принимает в Кремле парад. Неожиданно на взмыленном коне к Наполеону подъезжает адъютант.

— Под Тарутиным Кутузов напал на Мюрата и нанес ему поражение.

Теперь ясно: Кутузов почувствовал себя достаточно сильным, чтобы начать наступление.

Надо уходить...

На рассвете 19 октября 1812 года французская армия начинает отступление из Москвы.

Сто пять тысяч войск, артиллерийский парк и гигантский обоз с награбленным добром растягиваются на тридцать километров.

В крестьянских зипунах, священнических стихарях и женских юбках, укутанные мехами, башлыками и шалями, французы уходят из разграбленной Москвы. Позади в несколько рядов тянется несметное количество экипажей, колясок, карет, дрожек, бричек, доверху нагруженных пожитками. «Можно было подумать, что двигалась не Великая армия, — пишет все тот же французский генерал Сегюр, — а караван кочевников или полчище древних времен, возвращавшееся после набега с рабами и добычей...»

В Москве остается только отряд маршала Мортье. Наполеон приказал: после отступления армии взорвать Кремль и пороховые погреба, уничтожить склады, сжечь казармы, общественные здания и уцелевшие постройки...

Маршал Мортье покидает Кремль поздним вечером 19 октября. Над Москвой стоит непроглядная осенняя ночь.

За Калужской заставой один за другим гремят три артиллерийских выстрела. Это Мортье отдает приказ своим подрывникам.

Через несколько минут раздается оглушительный взрыв. В домах трескаются стены, обрушиваются потолки, вылетают оконные рамы.

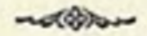
Охваченные паникой москвичи выбегают на улицы. Холодный дождь льет ручьями. Зовут на помощь. Призывы тонут среди взрывов и стонов раненых...

Три дня громыхают взрывы в Москве. Три дня взлетают кверху огненные языки. Взорван и горит Симонов монастырь, разрушены арсенал и часть кремлевских стен, повреждена Грановитая палата, частично обрушилась Никольская башня...

Ночью 23 октября в деревню Леташевку, в штаб Кутузова, прискакал штаб-офицер Болговский. Фельдмаршал спал. Его разбудили. Кутузов принял Болговского, сидя на постели, но «в сюртуке и декорациях. Вид его был величественный, и чувство радости сверкало уже в очах его».

Приняв рапорт об уходе французов из Москвы, старый фельдмаршал заплакал:

— С сей минуты Россия спасена...

Москва свободна от неприятеля. Но что осталось от прежней Москвы!

Из 9158 домов сгорело 6596. Погибли неисчислимые богатства. Среди них — книгохранилище писателя Карамзина, библиотека Бутурлина в сорок тысяч томов, книги и рукописи Мусина-Пушкина, библиотека и драгоценные научные коллекции Московского университета.

Партизаны ведут группу пленных французов. Справа с вилами — знаменитая партизанка старостиха Василиса.

Наполеон отступает по старой выжженной, разграбленной Смоленской дороге, оставляя за собой груды пожарищ и трупы убитых русских пленных. За ним по пятам движется армия Кутузова. А вокруг — бесчисленные партизанские отряды.

История сохранила имена этих бесстрашных партизан. Среди них — Денис Давыдов, поэт и полковник, и Алексей Абросимов — дворовый человек князя Голицына; Федор Самусь — рядовой Елисаветградского полка, и Александр Фигнер — русский офицер; Александр Сеславин — артиллерийский капитан, солдат из помещичьих крестьян Черниговской губернии Ермолай Васильевич Четвертаков и Федор Ферапонтьев — дворовый человек сенатора Алябьева...

Лишь 58 тысяч больных, измученных солдат удается Наполеону увести из России.

Так кончается «кампания 1812 года».

Наполеона, императора французов и владыку полумира, победил народ, поднявший знамя отечественной войны, — те сотни тысяч отважных героев, кто в солдатских шинелях дрался на Бородинском поле, кто с вилами и самодельными ружьями беззаветно боролся в партизанских отрядах, кто жег свои избы и амбары на пути врага, кто, наконец, решился сжечь свою древнюю столицу, чтобы нанести последний удар иноземным захватчикам.

НА ПЕРЕЛОМЕ

В сожженную, ограбленную, разоренную Москву понемногу начинают возвращаться беженцы. На пожарищах возводятся новые дома. Для строительных работ наряжено четыре полка и приказано сформировать два рабочих батальона.

В память освобождения Москвы от нашествия Наполеона Александр I решает построить грандиозный памятник — храм Христа-спасителя.

«Да простоит сей храм многие веки, — пишет в манифесте Александр, — и да курится в нем перед святым престолом божьим кадило благодарности до позднейших годов вместе с любовью и подражанием к делам их предков».

Император выбирает проект молодого художника А. К. Витберга. Место постройки храма — Воробьевы горы.

В 1817 году заложен первый камень. Молодой, горячий, увлекающийся, безгранично доверчивый Витберг с головой уходит в работу, не замечая окружающих его воровства и хищений на стройке.

У Витберга оказываются враги. Они облыжно обвиняют именно его во взяточничестве и кражах. Специально подобранная инженерная комиссия выносит заключение, что проект храма невыполним.

Разгневанный государь приказывает сослать ни в чем неповинного Витберга в Вятку. Архитектор К. А. Тон составляет новый проект храма.

По тогдашнему времени, здание нового храма казалось грандиозным, задача доставки строительных материалов — почти неразрешимой.

После бесконечных заседаний в комиссиях и подкомиссиях инженеры предложили Николаю I открыть новый и короткий водный

Тверской бульвар, разбитый на месте снесенной стены Белого города в конце XVIII века.

путь между Москвой и Волгой: по искусственному водному пути будут доставляться гравий, известняк и гранит с Верхней Волги в Москву.

Был составлен проект канала между Сестрой — притоком Дубны, впадающей в Волгу, и рекой Истрой — притоком Москва-реки.

В 1826 году начались строительные работы по сооружению канала. Они тянулись двадцать пять лет. За это время было построено тридцать три каменных шлюза и прорыт канал длиною в восемь с половиной километров.

Плотина подняла уровень Сестры. На болотистых берегах ее верховий образовалось озеро. Его назвали Сенежским озером. По новому каналу пошли баржи, груженные камнем. Их тащили бурлаки и клячи. Каждая баржа поднимала не более тридцати пяти тонн.

Новый канал просуществовал недолго. В 1851 году была открыта Николаевская железная дорога между Москвой и Петербургом, и подрядчики решили, что выгоднее пользоваться железной дорогой, чем водой.

В 1860 году перестали работать шлюзы. Канал осыпался и зарос ивняком.

От водной системы, что строилась двадцать пять лет, а жила всего десять, осталось только рожденное ею Сенежское озеро, а в озере — жирные окуни, жадно клюющие на малька...

Десятки лет продолжалось скандальное строительство второго храма: бесследно исчезали куда-то сотни тысяч рублей и баснословными кутежами удивляли Москву подрядчики.

Наконец храм был закончен. Как громадная чернильница с блестящим на солнце золотым куполом, высился он над рекой рядом с Кремлем, у самого сердца Москвы.

Рождественский бульвар, разбитый на месте снесенной стены Белого города в начале XIX века.

Быстро отстраивается сожженная Москва. Она расползается вширь, далеко выйдя за пределы Земляного города. Она поднимается вверх, и каменные дома вырастают на ее улицах. В 1840 году в Москве уже 350 тысяч жителей, 12 тысяч домов и 400 церквей и монастырей.

«Пожар способствовал ей много к украшенью», говорит Грибоедов устами Скалозуба. Но и восстановленная Москва все еще походит на большую неустроенную деревню.

Мостовые вымощены крупным булыжником. Дома то выбегают на несколько шагов на улицу, то пятятся назад.

Рядом с прекрасными творениями прославленных зодчих Казакова, Жилярди, А. Григорьева, О. Бове в центре города стоят купеческие лабазы. Между большими каменными зданиями скромно прячется ветхий деревянный домишко. Рядом с модным магазином далеко на тротуар назойливо вылезает пивная. И, заслоняя соседей, гордо высятся казенные дома — казармы с колоннадами и с царскими орлами на фронтонах.

Тогдашний поэт писал:

В мои года хорошим было тоном
Казарменному типу подражать,
И четырем или шести колоннам
Выснялось в долг шеренгою торчать
Под неизменным греческим фронтоном.

Москве уже становится тесно в лабиринте кривоколенных переулков, и хозяин города, московский генерал-губернатор, делает попытку выпрямить извилины улиц. Однако всякий раз такие попытки встречают резкий отпор домовладельцев.

«Окружное правление от 27 сентября 1849 года за № 8653, представив мне план части улицы Воздвиженки, ходатайствовало о понуждении владелицы одного из домов означенной улицы — княжны Долгорукой — к перенесению тротуара и каменного забора, при ее доме находящихся, на другую линию, в глубину двора, для урегулирования улицы Воздвиженки, — пишет московский генерал-губернатор. — Усматривая из представленного мне отзыва, что княжна Долгорукая ни на безвозмездную уступку земли, ни на перенесение тротуара и забора несогласна, я нахожу, что по сим причинам в исполнении представляет затруднения и неудобство, и потому предлагаю улицу Воздвиженку оставить в прежнем положении».

Красная площадь замощена булыгой. Старый Гостиный двор украшен колоннадой. Перед Торговыми рядами на площади поставлен памятник Минину и Пожарскому.

В Торговых рядах — кипучая деятельность. Ночью ряды, запертые со всех сторон, похожи на какой-то необъятный сундук, охраняемый сторожами и цепными собаками. Но лишь только на небе занимается заря, ряды растворяются, превращаясь в тысячи лавок, и длинной вереницей тянутся к ним возы, нагруженные пенькой и железом, бархатом и самоварами, обувью и шелком.

По Ножевой линии, от Никольской улицы к Ильинке, стоят десятки шкафчиков.

Рядом со шкафчиками стоят мальчишки и задорно, весело кричат:

— Ленты, шпильки, булавки, гребни, тесемки, шнурки, духи, помада! Самохотов бальзам, перчатки!.. Что угодно? Пожалуйте-с! Пожалуйте-с! У нас покупали!

Из внутренних темных рядов несется зычный голос:

— Почтенный господин, что покупаете-с? У нас фундаментальные шляпы, обстоятельные лакейные шинели, солидные браслеты, на-

Москва с птичьего полета в середине XIX века. Слева — храм Христа-спасителя. Через Москва-реку переброшены два моста: Большой Каменный (слева) и Москворецкий (справа). В центре — Кремль. На рисунке отчетливо видно, как основные магистрали лучами сходятся к центру Москвы — к Кремлю.

Купеческая семья на Красной площади (середина XIX века). В глубине, за памятником Минину и Пожарскому, — Старые Торговые ряды.

рядные сапоги, сентиментальные колечки, помочи, восхитительная кисея, презентабельные ленты, интересное пике, немецкие платки, бархат венецейский, разные авантажные галантерейные вещи, сыр голландский, мыло казанское, гаарлемские капли... У нас покупали!

Тут же снуют лотошники. Одни предлагают баранину и бычьи почки, другие — плетеные корзиночки и стеклянные статуэтки. И над толпой покупателей и продавцов несутся пронзительные выкрики:

— Ниточек! Шнурочков! Чулочков!

В 1822 году старый крепостной ров вдоль стены Китай-города засыпается мусором, срываются петровские земляные укрепления, и на их месте прокладываются улицы.

Реку Неглинку одевают в каменную трубу, и в 1839 году против Большого театра разбивается «плац-парад» — грязная и пыльная площадь, огороженная канатом. На плац-параде в царские дни происходят торжественные парады...

Однажды царь, проезжая по Театральной площади, не очень лестно отозвался о ее благоустройстве.

Генерал-губернатор забеспокоился. Купцу Челышеву были даны беспроцентные ссуды, только бы он украсил площадь. Купец построил на месте теперешнего Метрополя... бани.

Площадь же попрежнему остается грязной и неблагоустроенной, и московский обер-полицеймейстер в 1849 году докладывает по этому поводу военному генерал-губернатору:

«Ваше сиятельство, заметив, что у стены Китай-города, возле дома купца Челышева и выставки цветов, навалены груды камней,

Театральная площадь в первой половине XIX века. Площадь окружена канатом: здесь запрещена езда экипажей. В праздничные дни на площади происходили военные парады. Впереди, перед канатом, — извозчики «калибры». В глубине — фонтан и стена Китай-города.

Александровский сад в начале XIX века. Слева — Кремлевская стена. В глубине — Троицкая башня и башня Кутафья. Правее — здание Манежа.

Театральная площадь в начале XIX века. В центре — Большой театр. Слева — здание, где сейчас помещается вестибюль станции метро «Охотный ряд».

Водоразборный бассейн на Сухаревской (теперь Колхозной) площади. Водовозы большими ведерными черпаками на длинных палках наполняют бочки. Справа видна часть здания богадельни графа Шереметева. Слева — Сухарева башня.

«Гитара» — летний извозчичий экипаж в Москве (середина XIX века).

мусора и разной нечистоты, изволили предписать мне донести Вам: по какому случаю все это допущено, на чьей обязанности лежит очищение этих мест и были ли приняты со стороны полиции какие-либо меры по сему предмету.

В исполнение чего я требовал надлежащего объяснения от пристава Тверской части, который ныне доносит, что лежащий у Китайской стены за цветной выставкой дикий камень и шашки, а также старый лес и 12 сажен мусора собраны в 1839 году с Театральной площади по случаю устройства на ней плац-парадного места; а шашки вынуты из мостовой с Тверской улицы, которыми она была замощена вместо булыжного камня.

Сверх того из проведенной на означенное место из Городской части через Китайскую стену водоприемной трубы, вероятно от засорения или ветхости, во время ненастной погоды бывает значительный сток воды с нечистотою, от которой происходит зловоние. Исправление этой трубы зависит также от Окружного правления...»

С водопроводом неблагополучно.

В 1826 году уже давно обветшавшая водопроводная галлерея окончательно провалилась. Решено приняться за полную реконструкцию Мытищинского водопровода.

Работы по реконструкции продолжались девять лет. В двух километрах от Крестовской заставы и в двенадцати километрах от Мытищ была построена водоподъемная Алексеевская станция. У станции заканчивался самотечный водопровод и начинался напорный. Он вел воду к Сухаревой башне. Здесь, на втором этаже башни, стоял чугунный бак. В нем помещалось пять тысяч ведер. Паровые машины качали сюда мытищинскую воду. Отсюда чугунными трубами она отводилась к пяти водоразборным фонтанам.

Вся Москва должна была питаться из этих пяти фонтанов. У них толпились извозчики. Они черпали воду грязными ведрами и поили

лошадей. Тут же выстраивалась вереница водовозов. Подъезжали по восемь бочек сразу и ведерными черпаками на длинных ручках наливали бочки.

На московских площадях и людных перекрестках — извозчичьи биржи.

Одетые в рваные и грязные зипуны, в высоких поярковых шапках, с медными номерными бляхами, извозчики стоят кучками у тротуаров, высматривая седоков.

Тогдашний извозчичий экипаж со странным названием «калибр» был неудобнейшим сооружением: длинная доска, поставленная на четырех круглых рессорах без козел. Возница восседал впереди. Пассажиры сидели боком, спиной друг к другу. На тряской булыжной мостовой приходилось умело балансировать, чтобы удержать равновесие и не шлепнуться на землю.

Лошаденка у извозчика взята из-под сохи, сбруя наполовину из веревок. Сам «ванька» сидит увальнем, скрючившись в три погибели. Едет извозчик нога за ногу, беспрестанно побуждая своего коня вожжами и кнутом. Бывает, что среди улицы извозчик вдруг остановится — поправлять шлею или убеждать коня, чтобы не артачился и не забывал своих обязанностей. А если случится ехать в гору, извозчик, жалея своего кормильца, слезет и, хоть раскричись седок, пойдет пешком, вожжи в руках, пока минует трудный путь.

На Лубянской площади — увеселительные балаганы. О них в «Московских ведомостях» в 1846 году помещено объявление:

«Огромного кита в 14 сажен длины и панораму, находящихся в большом балагане на Лубянской площади, можно видеть на масленице ежедневно от 1 часа пополудни до 7 часов вечера; между ребрами кита помещен хор музыкантов, играющих разные пьесы».

Рядом с Лубянской площадью, вдоль стены Китай-города, между

Зимний выезд московского франта (первая половина XIX века).

Толкучка у Проломных ворот Китай-города в первой половине XIX века. Вдоль Китайгородской стены вытянулись ларьки и лавчонки. Слева — торговка старым платьем. Справа, за столом, отставной солдат и странствующий монах, обедневший интеллигент и вдова с ребенком садятся обедать.

Никольскими и Варварскими воротами, раскинулась знаменитая московская толкучка.

В старой стене и крепостных башнях с внутренней стороны теснятся лавки, погреба, сараи.

У каждой лавки — своя специальность: одна торгует железным ломом, другая — старой обувью, третья — текстильным лоскутом. Так было написано на вывесках. Но всей Москве было известно, что лавки скупали краденое.

Днем сюда приходили карманники и сдавали хозяевам лавок кошельки и носовые платки. Ночью к Китайгородской стене сплошь и рядом подъезжали подводы и сгружали ловко вывезенный со склада товар.

В глубоких, сырых и темных погребах можно было найти все: от медного подсвечника до севрского фарфора, от хомута до енотовой шубы. Однажды в лавке, торговавшей мехами, полиция обнаружила медную десятипудовую пушку, украденную из Кремля.

Вокруг лавок на Старой площади с раннего утра до поздней ночи толпились сотни людей: барахольщики, барышники, скупщики краденого и городская беднота — мастеровые, мелкие чиновники, пропившиеся купцы, выгнанные приказчики. Покупали и продавали изъеденное молью пальто, потертые брюки, распаявшийся самовар, незатейливую брошь.

Тут же, посредине толкучки, была «царская кухня». Десятка два здоровых, толстых торговок приносили большие горшки — «корчаги», завернутые в рваные одеяла и грязную ветошь. В горшках

дымились горячие щи, похлебка, вареный горох, каша. На булыжной мостовой стояла корзина с черным хлебом и деревянными чашками.

Торговки сидели на горшках, переругивались друг с другом и зазывали покупателей. Заполучив клиента, они вставали, снимали грязные тряпки с горшков и наливали в деревянную чашку подозрительное пойло.

Тут же разносчики продавали «собачью радость» — кости от окороков, вареный рубец, печонку, колбасу, обрезки мяса и сала.

До позднего вечера шумела московская толкучка. А ночью злые цепные собаки выли в подвалах, охраняя краденое добро, и одинокие фигуры с чемоданами и узлами скользили вдоль стены, пропадая в дверях китайгородских лавок.

На Кузнецком, Тверской, Никольской фасады домов снизу доверху усеяны вывесками, покрыты ими, как обоями. Вывеска цепляется за вывеску, одна теснит другую.

Гигантский вызолоченный сапог горделиво высится над двухаршинным кренделем; жестяной окорок красуется против телескопа; ключ с полпуда весом — бок о бок с исполинским седлом, сделанным по мерке Бовы-королевича, и перчаткою, в которую влезет дюжина рук; виноградная гроздь красноречиво украшает вывеску «Торговля российских и иностранных вин, рому и водок».

Тут же рядом —

Военнай и партикулярнай
портной
Иванъ ФЕДОРОВЪ

Авощенная лафка

MARCHAND TAILLEUR DE PARIS

Смерть клопамъ и прочимъ нарушителямъ
мирнаго крова человѣка!
Нижеподписавшийся ручается своей честію
А. ЖУКОВЪ

Вхотъ взаведенія рестерацыю

HÔTEL DE DRESDE

Всемъ домъ сдаетца наморка

Закладка каменного Москворецкого моста в 1832 году.

На Тверской улице, против дома генерал-губернатора, высилась пожарная каланча Тверской части. Под каланчой — двухэтажный дом. В нижнем этаже — пожарный сарай, а над ним — «клоповник»: секретная тюрьма с камерами для политических и особо важных преступников. Маленькие узкие окна смотрели на площадь, но снаружи сквозь них ничего не было видно: поверх железной решетки окна были затянуты частой проволочной сеткой, густо заросшей пылью.

Перед зданием части — полосатая будка, колокол и часовой. Часовому строго-настрого приказано наблюдать за генералами.

Лишь только на Тверской или в Столешниковом переулке показывался его превосходительство, часовой два раза ударял в колокол, и двадцать нижних чинов с офицером под барабанный бой выстраивались на караул.

Так десятки раз в день бил колокол и гремела барабанная дробь Тверской части — мало ли генералов проходило за день мимо полосатой будки!

На перекрестках улиц в будке казенного образца сидел московский будочник, одетый в серовато-желтый казакин и высокую шапку, вооруженный огромным тесаком и ржавой алебардой.

Днем будочнику нечего было делать, и он тер табачные листья, мешая табак с разными специями.

Нюхательный табак — давнишняя специальность московских будочников. Когда от начальства им полагалась алебарда — топор на длинном шесте, — будочники терли табак рукояткой алебарды. Когда же их вооружали вместо алебарды шашкой в кожаных ножнах, они орудовали просто ухватом, принесенным из дому.

У каждого будочника был свой секрет приготовления табака. Иногда для большей крепости и «вкуса» подсыпали в табак толченое стекло. Такой табак ходил по Москве под названием «Самтре».

Обязанностью будочника считалось наблюдение за порядком. По ночам к нему должны были заходить полицейские во время своих

Мясницкая улица в середине XIX века. Справа — церковь Фрола и Лавра. За ней — дом, построенный архитектором В. И. Баженовым. Этот дом сохранился до сих пор. Напротив, за каменным забором, — здание Московского почтамта.

обходов и расписываться в книге, что лежала на столе в будке. Но полицейские ленивы — и каждое утро приходилось самому будочнику путешествовать в участок и приносить свою книгу для расписки.

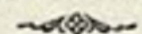
Потом порядки изменились. По распоряжению московского полицеймейстера, книги припечатывались к столам сургучной печатью. Но будочник попрежнему шагал по утрам в участок. Только теперь он нес не просто книгу, а весь стол с припечатанной к нему книгой.

Темно по ночам на московских улицах.

Освещением города заведует бранд-майор. Фонарщики набираются из штрафных солдат.

На большом расстоянии друг от друга «замечательно тускло» горят фонари, укрепленные на облупившихся, когда-то выкрашенных в серую краску неуклюжих деревянных столбах. В фонарях со светильниками горит конопляное масло. Фонарщики съедают масло с кашей, и фонари сплошь и рядом, жалко мигнув, быстро гаснут.

Возмущенный полицеймейстер приказывает прибавлять к маслу скипидар, а потом велит заменить масло спиртом. Но спирт воруют еще энергичнее. К тому же, экономии ради на окраинах не каждую ночь зажигают фонари. И по ночам Москва погружается во тьму.

Москва — попрежнему прибежище праздного дворянства. Обеды, ужины, балы, маскарады идут непрерывной чередой. Правда, теперь нет такого размаха, как при Екатерине II, — беднеет и мельчает российское дворянство, — но в Москве не переводятся чудаки и самодуры.

Старуха Анненкова уверяет всех, будто она не может переносить никакого холода в комнате и в вещах, к которым она прикасается. Поэтому при переодевании все части ее туалета согреваются на теле шести специальных горничных не старше двадцати лет. Для согре-

Московский будочник с алебардой (начало XIX века).

ния кресла и сиденья в карете Анненкова держит при себе толстую немку.

Другой чудак, Нащокин, решает воспроизвести в миниатюре всю обстановку своего жилища. Мебель заказана лучшим мастерам. Для столовой приготовлены тарелки разных размеров, полный ассортимент крошечных стаканов и бокалов для всех сортов вин. Миниатюрные ножи и вилки лежат в специальном погребце. Фарфоровые чашечки носят клеймо известной тогда фабрики Алексея Попова.

В гостиной стоит рояль длиною в пятьдесят сантиметров. На рояле можно палочкой наигрывать мелодии. Для письменного стола имеются все принадлежности — чернильные приборы, бювары, лампа под абажуром. В кабинете «хозяина» хранится ящик с парой дуэльных пистолетов. У крошечной постели красного дерева стоят высокие сапоги на колодках для выезда «хозяина».

«В домике был пир, — писал Пушкин своей жене. — Подали на стол мышонка в сметане под хреном в виде поросенка, жаль не было гостей!»

Нащокин затратил на изготовление этой игрушки несколько лет жизни и сорок четыре тысячи рублей...

Москва — дворянский город. Но еще накануне войны 1812 года московское дворянство разбивается на два лагеря.

С одной стороны — дворяне-крепостники, поклонники царского самодержавия и дедовских заветов. Их глава — московский главнокомандующий Ростопчин.

С другой стороны — горячая, увлекающаяся передовая дворянская молодежь. Она резко критикует крепостной строй и мечтает приблизить Россию к буржуазному Западу.

Обычно эти молодые люди собираются в богатом аристократическом доме Вяземского. Здесь Дмитриев-Мамонов призывает к вооруженной борьбе с царем и вместе со своим другом Михаилом Орловым пытается основать тайное политическое общество для организации государственного переворота. Однако дальше расплывчатых мечтаний в московском доме Вяземского дело не идет.

Во время похода русских войск в Париж многие офицеры-дворяне хлебнули демократических идей. Вернувшись в Россию, наиболее

Кузнецкий мост в середине XIX века. Вид с Петровки. Справа — здание, где в настоящее время помещается Центральный универмаг Мосторга.

Выезд пожарных на Пречистенке (теперь Кропоткинская улица) в середине XIX века. Справа, в глубине, в доме с каланчой, помещалась Пречистенская пожарная часть. Теперь в этом доме, сооруженном по проекту М. Ф. Казакова, — управление Московской краснознаменной пожарной охраны.

Московские моды в начале XIX века.

наблюдательные из них увидели, как отстало хозяйство их родины от хозяйства западноевропейских стран. Они понимают, что причиной этого отставания являются крепостное право и самодержавная политика правительства.

Надо изменить государственный порядок, — рассуждали они, — раскрепостить крестьян, ограничить царскую власть конституцией, и тогда Россия войдет в семью буржуазных западноевропейских государств, и наступит золотой век на Руси.

В России создаются тайные общества. В Петербурге образован «Союз спасения». В него входят молодые гвардейские офицеры. Большинство из них принадлежит к московскому дворянству.

Осенью 1817 года петербургская гвардия временно перебрасывается в Москву: гвардейские полки должны участвовать в торжественной церемонии закладки храма Христа.

Петербургские члены «Союза спасения» вовлекают в свое общество москвичей. На квартире Александра Муравьева собираются тайные совещания. Заговорщики говорят о неминуемых преобразованиях, о решительных действиях. Но, когда молодой офицер Якушкин вызывается убить Александра I, эта решимость пугает членов общества. «Союз спасения» ликвидируется. Вместо него создается «Союз благоденствия». В январе 1821 года в Москву съезжаются дворянские заговорщики из Петербурга, из Южной армии, из центральных губерний. Но съезд не в силах примирить разногласий, и «Союз благоденствия» распадается.

Московские моды в начале XIX века.

Революционная часть, во главе с полковником Пестелем, выдвигает план вооруженного восстания. Пестель разрабатывает проект конституции — «Русскую правду», призывает к истреблению всех членов царской династии Романовых и созданию нового, республиканского правительства, которое освободит крестьян от крепостной зависимости и наделит народ землею.

Умеренная часть общества говорит о мирной пропаганде и о соглашении с царской властью...

Пущин и Оболенский, члены нового петербургского «Северного общества», организуют в Москве тайный «Практический союз». Члены союза обязаны, по уставу, лично освобождать своих крестьян и выкупать крепостных у соседних помещиков.

Московские последователи Пестеля, члены тайного общества, мечтают завести тайную типографию...

Но снова дальше разговоров дело не идет...

Охотный ряд в середине XIX века. Справа — дом Благородного собрания (теперь Дом союзов) построен М. Казаковым. В глубине — церковь Параскевы-Пятницы, покровительницы торговли.

Народное гулянье в Марьиной роще, на Немецком кладбище, в середине XIX века. Среди могил, крестов и памятников непринужденно расположились москвичи. Слева, под навесом, — карусель. В центре — раешник, показывающий картинки и предсказывающий судьбу.

Вид на Кремль из Замоскворечья. Слева — въезд на Большой Каменный мост. В будке стоит будочник с алебардой. Справа — часовня. На переднем плане — уличный разносчик и торговец квасом.

14 декабря 1825 года на Сенатской площади в Петербурге гвардейские офицеры, члены «Северного общества», поднимают восстание.

Царское правительство жестоко подавляет это выступление «дворянских революционеров» (декабристов), пытавшихся произвести военный переворот без поддержки тех, кто больше других страдал от невыносимой тяжести крепостного права, — без поддержки русского крестьянства.

Главные руководители казнены. Другие разжалованы в солдаты и сосланы на каторгу. Более тысячи солдат избиты шомполами.

Москва во время декабрьского восстания на Сенатской площади Петербурга оставалась спокойной: московские декабристы не решились на открытое выступление...

Декабристы потерпели поражение. Но их дело не пропало даром. Пушкин писал сосланным на каторгу декабристам:

Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье...

Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут, и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут.

Декабрист-поэт Одоевский ответил Пушкину:

Наш скорбный труд не пропадет,
Из искры возгорится пламя,

И просвещенный наш народ
Сберется под святое знамя.

Мечи скуем мы из цепей
И пламя вновь зажжем свободы.
Она нагрянет на царей,
И радостно вздохнут народы.

Эти пророческие слова декабриста — «Из искры возгорится пламя» — много лет спустя Ленин взял как лозунг для первой большевистской газеты «Искра».

Восстание декабристов разбудило московскую интеллигенцию. Московский университет стал центром общественного брожения.

То было тяжелое, страшное время, когда над Россией нависла тень императора Николая I. Царская цензура немилосердно вымарывала из книг, журналов и газет все, что могло казаться хотя бы отдаленным намеком на либеральный образ мыслей. Тяжким проступком считалось даже малейшее отступление от начертаний правительства и требования православной церкви. Печать была задушена.

В эти годы свободное слово могло звучать только с университетской кафедры. Здесь не сидел пошлый и тупой цензор. И вокруг Московского университета образовались студенческие кружки. Скоро они превратились в рассадники политического «вольнодумства»: в студенческих кружках не только спорили на философские темы, но и возмущались ужасами рабства и деспотизма.

Среди студенческих кружков был особенно известен революционный кружок молодого Герцена и его друга Огарева.

«Что мы собственно проповедовали, трудно сказать, — вспоминал потом Герцен. — Но пуще всего проповедовали ненависть ко всякому насилию, ко всякому произволу».

Триумфальные ворота у Тверской заставы в начале XIX века. Перед воротами деревянный шлагбаум преграждает дорогу, пока стража, дежурящая в боковых домиках — кордегардиях, не проверит документы или не взыщет дорожные сборы.

Александр Иванович Герцен.

Еще шестнадцатилетним юношей Герцен вместе со своим другом Огаревым поднялись летом 1828 года на Воробьевы горы.

«Запыхавшись и раскрасневшись, стояли мы там, обтирая пот, — вспоминает Герцен в своей книге «Былое и думы». — Садилось солнце, купола блестели, город стлался на необозримое пространство под горой, свежий ветерок подувал на нас; постояли мы, постояли, оперлись друг на друга, и вдруг, обнявшись, присягнули в виду всей Москвы пожертвовать нашей жизнью на избранную нами борьбу».

Друзья сдержали свою клятву...

Революционная пропаганда Герцена и его кружка становится известной царским ищейкам. Полиция решает расправиться с Герценом.

Летом 1834 года на студенческой вечеринке агент-провокатор предлагает спеть сатирическую песенку, где высмеивается Николай I.

Студенты охотно подхватывают веселую песню. Дверь раскрывается, и в комнату входит заранее спрятанный отряд полицейских.

Герцена нет на вечеринке. Не участвуют в ней и его близкие друзья. Но полиция арестовывает Герцена за «прикосновенность» к автору песни. Жандармы находят в бумагах Герцена и Огарева «умствования недозволительные». На суде Герцен признан «дерзким вольнодумцем», Огарев — «упорным и скрытым фанатиком». Первый сослан в Пермь, второй — в Пензу.

Только осенью 1842 года Герцен возвращается в Москву и снова встречается с друзьями. Но московская жизнь не удовлетворяет Герцена. В 1847 году он уезжает за границу. Здесь он основывает первую вольную русскую типографию и выпускает революционные журналы «Колокол» и «Полярная звезда».

«Герцен сыграл великую роль в подготовке революции», писал впоследствии Ленин.

Несмотря на то, что годы николаевского царствования были самым глухим и мрачным временем русской истории, в эту эпоху в Москве жила и работала плеяда русских талантов.

Почти одновременно с Герценом и Огаревым в Москве начинает свою сознательную жизнь великий русский критик, революционер и демократ — «неистовый Виссарион» Белинский.

С большим трудом Белинский поступает в 1829 году в Московский университет. На следующий год в Москве вспыхивает эпидемия холеры. По улицам медленно двигаются кареты с больными, сопровождаемые полицейскими. Иногда проезжают черные фуры с трупами. На улицах пахнет дегтем, хлорной известью, камфорой, мускусом — средствами, которыми пытаются остановить заразу. Город оцеплен войсками, как в военное время.

Студенты, живущие при университете, — в карантине: три месяца они не имеют права выходить на улицу. И Белинский, пользуясь вынужденным отдыхом, пишет свое первое литературное произведение — драму «Дмитрий Калинин».

Герой драмы — страстный противник крепостничества.

«Господин может для потехи или для рассеяния содрать шкуру с своего раба, — восклицает он, — может продать его, как скота, и выменять на собаку, на лошадь, на корову, разлучить его на всю жизнь с отцом, с матерью, с сестрами, с братьями и со всем, что для него мило и драгоценно... Милосердный боже, отец человеков, ответствуй мне: твоя ли премудрая рука произвела на свет этих змиев, этих крокодилов, этих тигров, питающихся костями и мясом своих ближних и пьющих, как воду, их кровь и слезы?»

Белинский читает свою драму товарищам, и в «одиннадцатом нумере» при университете, где живет Белинский, идут горячие споры.

Белинский мечтает напечатать свою драму. Для этого необходимо разрешение университетской цензуры.

Профессора сурово встречают молодого писателя.

— Это произведение бесчестит университет, — говорят они. — Оно безнравственно и греховно. Автор — смутьян и растлитель нравов.

Университетское начальство грозит Белинскому тюрьмой, Сибирью, солдатчиной.

Потрясенный профессорским отзывом, Белинский тяжело заболевает. Через полтора года его исключают из университета под предлогом «слабого здоровья и ограниченности способностей».

Белинский начинает сотрудничать в московских журналах «Телескоп» и «Молва», печатает рецензии и переводы с французского и, наконец, в 1834 году пишет свою первую крупную критическую статью «Литературные мечтания».

В 1839 году Белинский переезжает из Москвы в Петербург. Но читающая Москва попрежнему по-

Виссарион Григорьевич Белинский.

Михаил Юрьевич Лермонтов.

мнит и любит Белинского и зачитывается его критическими статьями, где этот страстный противник самодержавия и крепостного права так резко ставит наболевшие вопросы общественной жизни России.

Вместе с Белинским в Московском университете учится Михаил Лермонтов.

Скрытный, необщительный, замкнутый, некрасивый юноша не сходится со своими университетскими товарищами. Он сторонится их шалостей и развлечений. Он не участвует в горячих спорах кружка Белинского в «одиннадцатом нумере». Товарищи считают Лермонтова «гордым» и «странным».

Не удовлетворяют молодого студента и университетские лекции. Профессора читают казенно и скучно, без всякого увлечения, по чужим книжкам или по заранее и раз навсегда составленным запискам. И Лермонтов все свободное время посвящает чтению Пушкина, Байрона, Шиллера и пишет стихи.

Русскую словесность и реторику — науку о правилах сочинения и о красноречии — читает профессор Победоносцев. Его лекции — из года в год одни и те же заученные, скучные, пустые фразы.

Лермонтов много читает и на экзамене по словесности отвечает то, что́ узнал не из лекций профессора, а из последних книг и журналов.

— Я попрошу вас отвечать то, что я проходил, — раздражается Победоносцев. — Откуда вы почерпнули эти странные знания?

— Вы, господин профессор, действительно этого нам не читали, да и не могли читать, — спокойно отвечает Лермонтов: — это слишком ново и еще не дошло до вас.

— Очень плохо, господин Лермонтов! Надо слушать лекции, а не читать пустые и вредные модные книжки.

Профессора считают Лермонтова дерзким и вольнодумным студентом. Его проваливают на весенних экзаменах и оставляют на второй год.

Лермонтов переезжает в Петербург...

Почти одновременно с Белинским и Лермонтовым вступает в жизнь Ф. М. Достоевский.

Сын скромного лекаря московской Мариинской больницы, он проводит свое детство в замкнутой домашней обстановке. Чуждаясь детей и сверстников, редко выходя за стены больничного здания, Достоевский, затаив дыхание, слушает, как по вечерам мать читает вслух Карамзина, Жуковского, Пушкина.

В 1834 году Федор Достоевский поступает в частный московский пансион. Его любимый предмет — словесность. Его любимые писатели — все те же Карамзин, Жуковский и «полубог» Пушкин, поклонение которому остается у Достоевского на всю жизнь.

По окончании пансиона Достоевский уезжает в Петербург, и начинается его жизнь вне Москвы — несчастная жизнь гениального, мятущегося, больного писателя: смертный приговор, ссылка, тяжелые припадки эпилепсии, вечная нужда и постоянная лихорадочная, не знающая перерыва работа...

Александр Сергеевич Грибоедов.

В те годы Москва принимала у себя Н. В. Гоголя — уже известного, прославленного писателя. Он приехал в Москву в 1839 году и читал своим друзьям только что законченные главы «Мертвых душ». Здесь же, в Москве, впервые выходят в свет «Похождения Чичикова, или Мертвые души». Здесь проводит Гоголь последние, тяжелые дни своей жизни.

Гоголь похоронен в Москве. На могильном памятнике выгравирована надпись: «Горьким словом своим посмеюся»...

Питомцем Московского университета является и великий русский писатель А. С. Грибоедов, уроженец Москвы. Еще ребенком он видел вокруг себя спесивые и самодовольные лица Фамусовых, Хлестаковых, Хрюминых, Скалозубов — родных и знакомых его матери. И здесь, в Москве, зародилась у Грибоедова мысль создать свою бессмертную комедию «Горе от ума».

Комедия была закончена в 1824 году. Грибоедов пытался сохранить ее в тайне, но пустая случайность огласила на весь город появление беспощадной сатиры. Многие высокопоставленные лица узнали себя в портретах, увековеченных комедией. Они грозили автору дуэлью, жаловались на него местному начальству, ябедничали в Петербург. Из столицы пришло категорическое запрещение не только печатать, но и ставить на сцене «Горе от ума». И Грибоедову так и не удалось увидеть в театре своей бессмертной комедии.

Наконец, Москва гордится тем, что она — родина великого Пушкина.

Здесь Пушкин провел свои детские годы. Здесь он женился. Здесь он написал десятки своих стихотворений. Здесь жили его друзья и почитатели.

Сюда, в Москву, Пушкин привез только что законченного им «Бориса Годунова», чтобы прочесть в кругу своих друзей. Здесь, в

московском Кремле, Пушкин встретился с Николаем I, который объявил писателю, что отныне сам будет его цензором. И первая цензорская пометка императора на «Борисе Годунове» гласила:

«Я считаю, что цель г. Пушкина была бы выполнена, если бы с нужным очищением переделал комедию свою в исторический роман наподобие Вальтер Скотта...»

Пушкин любил Москву, хотя ему изрядно досаждали и московские сплетни и семейные дрязги. И, живя вдали от Москвы, он мечтал о ней:

Как часто в горестной разлуке,
В моей блуждающей судьбе,
Москва, я думал о тебе!
Москва... как много в этом звуке
Для сердца русского слилось!
Как много в нем отозвалось!

Декабристы справедливо считали одной из причин отсталости России все еще существовавшее крепостное право. Оно не давало развиваться хозяйству великой страны. Оно подтачивало еще недавнее благоденствие российского дворянства.

В деревнях вспыхивали бунты. Горели дворянские усадьбы. На воротах господских имений восставшие крестьяне вешали ненавистных помещиков.

Дворянство хирело.

«Куда девалась эта шумная, праздная, беззаботная жизнь? — писал Пушкин. — Куда девались пиры, чудаки и проказники — все исчезло... Ныне в присмиревшей Москве огромные барские дома стоят печально между широким двором, заросшим травою, и садом, запу-

Масленичное катанье на Красной площади в 40-х годах XIX века.

щенным и одичалым. Под вызолоченным гербом торчит вывеска портного, который платит хозяину тридцать рублей в месяц за квартиру; великолепный бельэтаж нанят мадамой для пансиона — и то слава богу! На всех воротах прибито объявление, что дом продается и отдается внаймы, и никто его не покупает и не нанимает. Улицы мертвы.

Обеднение Москвы доказывает обеднение русского дворянства».

На смену дворянству в Москве идет другой класс — буржуазия. Пушкин видит его приход:

Александр Сергеевич Пушкин.

«Москва, утратившая свой блеск аристократический, процветает в других отношениях: промышленность, сильно покровительствуемая в ней, оживилась и развилась с необыкновенной силой. Купечество богатеет и начинает селиться в палатах, покидаемых дворянством».

Население Москвы увеличивается.

Крестьяне, отпущенные помещиками на заработки, приходят в Москву на прокорм из голодающих деревень, нанимаются «половыми» и судомойками в трактиры, становятся дворниками, извозчиками, занимаются мелкими ремеслами. Сидя на липках, сапожники стучат молотками. Скорняки превращают польских бобров в камчатских.

Старый отставной солдат делает картонные домики для чижиков и обучает непонятливую птицу поднимать ведерко с водой. Женщины подмосковных деревень собирают травы, коренья и березовые почки для аптек и травяных лавок, рвут дубовые листья для соленья огурцов, добывают муравьиные яйца для соловьев, стряпают ваксу и готовят товар для лотков — копеечные пряники, моченый горох, яблочный квас.

Крестьяне-кулаки, особенно из старообрядцев, заводят оптовую торговлю, мастерские, фабрики, выбиваются в купцы первой гильдии, в члены мануфактурного совета, получают ордена, медали, ленты — становятся «хозяевами и отцами» города.

В Москве растет промышленность и торговля.

«Москва, — писал в сороковых годах прошлого столетия один московский статистик, — сделалась в настоящее время столицей промышленности, куда стекаются все богатства внутреннего трудолюбия и торговой мены России с другими государствами. Москву снабжают все порты Балтийского, Черного и Азовского морей колониальными товарами: южная Россия — шерстью; хлебородные губернии — жизненными припасами».

Москва в свою очередь доставляет свои мануфактурные изделия на все рынки России — на Макарьевско-Нижегородскую и украинские

ярмарки, в Сибирь, Среднюю Азию и Китай. Московская губерния производит половину всех хлопчатобумажных изделий России.

В 1848 году московский генерал-губернатор Закревский, перепуганный событиями во Франции, докладывает Николаю о скоплении «смутьянов» в первопрестольной.

«...Для охранения тишины и благоденствия... правительство не должно допускать бездомных и безнравственных людей», писал генерал-губернатор на имя императора Николая I.

«Весьма важно, обсудить в комитете министров», ставит свою резолюцию на докладной записке Николай I.

Встревожились этим и отцы города.

Все в том же 1848 году крупный московский фабрикант Константин Прохоров, путешествуя по Германии, послал письмо своему брату Тимофею. В письме он давал наставление «любезному брату», как обращаться с рабочими:

«Советую всех держать сколько можно в русском духе, безусловном повиновении старшим».

И любезный братец старался «держать»!

Рабочий день сплошь и рядом продолжался по двенадцати часов в сутки. Отлучаться со двора фабрики рабочим не разрешалось. Спали они тут же, в грязных мастерских, на полатях и на полу.

Хозяин фабрики имел право делать с своими рабочими все, что заблагорассудится.

В московских архивах сохранился интересный документ — рапорт пристава Лефортовой части:

«Вверенной мне части 5-го квартала надзиратель Лузанов донес, что 22 числа сего января в 8 часов вечера московский 1-й гильдии купец Артемий Яковлев Свешников доставил к нему работника фабрики его, крестьянина Г-жи Матовой — Хрисанфа Федорова, 19 лет, укравшего с фабрики пряденой бумаги зеленого цвета 60 золотников на сумму 35 коп. серебром, и просил наказать его.

Вид на Кремль из-за Москва-реки, от Большого Каменного моста. Слева видно устье Неглинки. На переднем плане — москвичи тянут сети.

При изыскании с добросовестным свидетелем оказалось, что крестьянин Федоров, имея для работы дурную основу, не то чтобы мог заработать что-либо, но даже задолжал в контору за харчи, по каковому случаю назад тому три дня приходил в контору и просил у приказчика, крестьянина Родиона Иванова, 35 лет, 10 коп. серебра для покупки воску к употреблению на основу на тот предмет, чтобы она лучше шла в работе, но Иванов, толкнув, выгнал его из конторы, причем Федоров сказал, что уже более нечего делать, как воровать для воску бумагу... 22 же числа он, севши за работу, не мог продолжать оной по совершенно худой основе, почему, взявши из своего утка означенной бумаги 60 золотников, отправился для продажи оной, чтобы потом купить воску, но у ворот фабрики был остановлен сторожем Калугиным, 69 лет, с тою бумагою и, по распоряжению хозяйского сына Павла Артемьева Свешникова, по заведенному на фабрике порядку, был сначала для осмеяния над ним привязан к столбу в строении фабрики, где в таком положении находился с 12 часов дня до сумерок 4-х часов, а с того времени и до 7 часов вечера также был привязан к столбу на дворе в одном летнем кафтане нараспашку и когда от холода пронила его лихорадка и он начал плакать, то означенный сторож Калугин убедил самого хозяина Свешникова, чтобы его отвязать и отправить в полицию.

Михаил Семенович Щепкин.

По учиненному же врачом Цветковым осмотру оказались у Федорова на обоих предплечьях ссадины, каждая величиною в 1½ дюйма, сине-багрового цвета, при лихорадочном состоянии».

Решение суда по этому делу было коротко:

«Крестьянина Хрисанфа Федорова, добровольно сознавшегося в краже бумаги на 35 коп. серебром на фабрике купца Свешникова, на основании 1180 и 1181 статей XV тома Законов Уголовного Уложения признать в том виновным и наказать его, Федорова, при полиции розгами сорока ударами.

Купеческого сына Павла Свешникова, на основании сего же закона, к суду не привлекать».

На московских фабриках началось брожение. С бунтовщиками расправлялись жестоко. Когда на Прохоровской фабрике вспыхнула забастовка и рабочие потребовали увеличения заработной платы и прекращения вычетов, генерал-губернатор Закревский и Тимофей Прохоров так распорядились судьбой зачинщиков стачки:

«Мещанина за ложную жалобу посадить в смирительный дом на месяц, а двух крестьян на «фабрике при народе высечь розгами и отправить по этапу на родину на счет общества и помещика с воспрещением возвращаться в Москву».

С тех пор время от времени вспыхивали забастовки на московских фабриках.

Забастовщиков секли розгами, отправляли в Сибирь, держали годами в тюрьмах. На московские заводы и фабрики регулярно посылали жандармов в надежде, что «одно уже право появления там жандармских унтер-офицеров не преминет оказать нравственное влияние как на рабочих, так и на хозяев».

Но забастовки не унимались. Вся страна бурлила.

По деревням нарастала волна крестьянских восстаний.

Император Александр II не на шутку испугался. Он понял, что «лучше отменить крепостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно само собой начнет отменяться снизу».

И царским манифестом 1861 года крепостные получили «волю». Крестьянин вырвался из-под власти крепостника, но зато попал под власть денег, оказался в зависимости от нарождавшегося капитала.

Ограбленные и разоренные выкупными платежами крестьяне потянулись в Москву на заработки.

Для Москвы начинается новая жизнь. Город становится крупным железнодорожным узлом. Ширится торговля. Растут фабрики. Москва быстро превращается в крупнейший в стране торговый и промышленный центр.

Хозяином Москвы стал купец, фабрикант, промышленник — капиталист. С фронтонов московских особняков он снял дворянские гербы старых хозяев Москвы — князей Голицыных, Долгоруких, Шаховских, Щербатовых — и повесил аляповатые вывески купцов Солодовниковых, Голофтеевых, Шелапутиных, Хлудовых, Обидиных. Купцы скупали именья и дома разорившихся дворян, вытесняли князей и графов из их дедовских, насиженных гнезд, и только в тихих, кривых, поросших зеленой травой переулках Арбата, Пречистенки, Поварской в старых домах остались доживать свой век последние домовладельцы.

Москва дворянская стала Москвой купеческой.

КУПЕЧЕСКИЙ ГОРОД

Утром именитый московский купец уезжает в «город» — на центральные улицы, к своим магазинам, лавкам, лабазам, амбарам, в Гостиный и Охотный ряды, в Китай-город, в Пассаж, на Кузнецкий мост.

У подъезда его ждет отменно толстый кучер, подстриженный «в кружок», с бритым затылком, в архалуке, отороченном лисьим мехом. Он важно сидит на козлах, натянув вожжи, еле сдерживая горячих рысаков.

Купец любит дорогих лошадей, богатую упряжь, хорошие экипажи. Недаром в Москве шорной торговлей полон Балчуг, а экипажными заведениями — Каретный ряд.

Купец степенно выходит на крыльцо. Над воротами его дома прибит медный крест. Выезжая из ворот, купец обнажает голову и крестится. Подъезжая к лабазу, снова крестится — иначе не будет удачи...

В ясный день людской гомон стоит на Красной площади перед Торговыми рядами.

Бродят шарманщики, мальчишки продают «американского жителя», закупоренного в банку с водой. И на каждом шагу раздаются крики московских разносчиков:

— Подснежная манежная клюква!

— Вареная патока с имбирем!

— Арбузы моздокские, виноград астраханский!

Кто-то купил связку разноцветных шаров и выпустил их на свободу. Публика глазеет, задрав головы, охает, жалеет покупателя...

Неожиданно в толпе раздается крик:

— Батюшки, обокрали!

За ним второй, третий...

Красная площадь и Старые Торговые ряды.

Это шайка карманников разорилась на связку шаров, чтобы заставить прохожих зазеваться.

Тут же шмыгают в толпе мальчишки, держа в руках ботинки. Мальчишки пристают к прохожим, расхваливают товар, хватают за рукав — тащат в лавку хозяина.

Хозяин сидит у порога, играет с соседом в шашки. Рядом пляшет спившийся чиновник в надежде получить от купца двугривенный. В лавке торгуют приказчики и мальчики-ученики.

В морозные дни, когда в холодных помещениях рядов и Гостиного двора замерзает вода, хозяин почти весь день просиживает в трактире. Приказчики греются на «канате» — двумя партиями тянут за концы длинную толстую веревку. А неопытные лавочные мальчики (им особенно плохо приходится зимой: от хозяина полагается только летняя одежда) глотают на морозе горячий чай. На следующий день под подбородком вырастает большая болезненная опухоль. Ее зовут в Гостином дворе «чушкой».

В лавках строжайше запрещено курить и зажигать огонь — купцы досмерти боятся пожара...

Посредине широкой улицы стоит церковь Параскевы-Пятницы, покровительницы торговли. Рядом с нею теснятся рыбные лавки, а напротив — длинный двухэтажный Охотный ряд. Известные всей Москве охотнорядские купцы торгуют мясом, дичью, рыбой, соленьями, зеленью, фруктами и бакалеей.

Охотнорядские торговцы набирают служащих, руководствуясь двумя признаками: по ширине и откормленности физиономии и по тяжести кулаков. Ражие и горластые «молодцы» — живая реклама хозяина. Они громко зазывают покупателей, искусно порочат своих соседей-соперников и ядовито высмеивают чересчур придирчивых и экономных хозяек.

Позади лавок Охотного ряда лежит большой внутренний двор. Посреди двора — «рачья биржа» и «куриные бойни». Здесь ежедневно убивают тысячи кур, гусей, уток и мелкого скота.

Перед обжорными московскими днями — пасхой, рождеством, Новым годом, масленицей — к Охотному ряду на собственных рысаках подъезжают московские барыни. Приказчики грузят в ноги кучеру кульки с волжской рыбой, ветчинные окорока, колбасы.

Публика победнее покупает товар с лотков, в палатках и у разносчиков. Перед праздниками лотошники занимают весь широкий тротуар, переливаясь иногда на булыжную мостовую.

Грязь и смрад стоят в Охотном ряду. Даже привыкший к московской вони санитарный врач возмущенно пишет в своем протоколе:

«Посреди двора сорная яма, заваленная грудой животных и растительных гниющих отбросов, и несколько деревянных срубов, служащих вместо помойных ям и предназначенных для выливания помой со всего Охотного ряда. В них густой массой, почти в уровень с поверхностью земли, стоят зловонные нечистоты. Без разрешения управы нечистоты проведены в городскую трубу и без фильтра стекают по ней в Москва-реку...

Из сарая мясника Ивана Кузьмина Леонова сочится кровавая жидкость из сложенных в нем нескольких сот гнилых шкур...

Солонина вся в червях. Когда отворили дверь, стаи крыс выскакивали из ящиков с мясной тухлятиной, грузно шлепались и исчезали в подполье...»

Центральные торговые улицы — Кузнецкий мост и Петровка — пестрят иностранными фамилиями торговых фирм.

Сиу, Эйнем, Трамбле, Жорж Борман и Бартельс предлагают покупателям кондитерские товары. Фаберже славится ювелирными изделиями. Дациаро торгует картинами, Юлий-Генрих Циммерман —

Фасад старого Гостиного двора облеплен вывесками всех цветов и размеров.

Большой Суконный ряд в Старых Торговых рядах на Красной площади в конце XIX века. Неугасимые лампады горят перед иконами среди вывесок.

нотами и музыкальными инструментами, Брабец — хозяйственными вещами, Вольф и Готье — книгами, Поль Буре — часами. На углу Кузнецкого и Рождественки в монументальном здании помещается банк «Лионский кредит». Тут же — модные лавки «Город Лион» и Мипангуа. Трехэтажный английский магазин Шанкса предлагает мужские, дамские и детские верхние вещи, белье, сукна, пледы, обувь и парфюмерию — все с соответствующими пломбами, удостоверяющими заграничное происхождение товара.

Большинство иностранных магазинов обзавелось золочеными вывесками и нарядными витринами. Приказчики здесь вежливы и ловки. Магазины имеют своих постоянных клиентов: московская знать пользуется широким кредитом. Монументальные швейцары предупредительно распахивают двери перед нарядными посетителями и зорко следят, чтобы нога бедно одетого «простолюдина» не осквернила лакированного порога.

Копируя заграничные методы, русские купцы открывают на Тверской, на Сретенке и Лубянке «по-европейски» обставленные магазины. Грубоватые «молодцы» сменяются напомаженными приказчиками. Они со свистом разворачивают материи перед придирчивыми покупательницами и умеют навязать любую заваль, уверяя, что это — «самый модный товар».

По примеру иностранцев, московские купцы, галантерейщики и мануфактуристы, вводят дешевые распродажи остатков от сезона. Рьяные покупательницы локтями и зонтами пробивают себе дорогу к прилавкам. Случается, что в сутолоке барыни ставят друг другу синяки...

Бесчисленные деревянные балаганы, палатки, столы покрывают площади по обе стороны кирпичной Сухаревой башни.

Отставной обедневший чиновник за двугривенный танцует перед группой гостинодворских купцов и их приказчиков (первая половина XIX века).

По воскресеньям несмолкаемый шум висит над площадью. Здесь идет торговля мебелью и мясом, часами и овсом, старинными книгами и ломаными подковами. Рядом с дорогим хрусталем и саксонским фарфором лежат рваные опорки.

Старьевщики и кустари, пропившиеся чиновники и любители редкостей и старины, профессиональные воры, скупщики краденого и бедные вдовы коллежских асессоров и надворных советников целыми днями толкутся бок о бок, торгуясь, споря до хрипоты, воруя, сбывая, надувая и наживаясь.

Московские интенданты спускают здесь партии ворованных солдатских сапог. Проигравшиеся офицеры через денщиков продают портупеи и казенные полушубки.

Знатоки-антиквары выуживают на Сухаревке из грязной ветоши музейные ценности, старинные книги, редчайшие гравюры.

Здесь идет торговля заведомо крадеными вещами. Московская полиция открыто заявляет обворованным:

— Ищите свои вещи на Сухаревке.

Скупщики краденого держат на площади свои палатки и платят за них особо — полиции.

Вокруг Сухаревки создаются легенды. Из уст в уста передают рассказы о том, как некий бедный художник, купив по случаю с рук потертый пиджак, обнаружил зашитые в его подкладке бриллианты огромной цены. Показывают постоянно бродящую по рынку безумную старуху-генеральшу, чья прислуга по ошибке продала старьевщику подушку, набитую процентными бумагами.

Самые богатые московские толстосумы, купцы-миллионеры сидят в Китай-городе. Здесь — центр московской оптовой торговли, раскинувшей свои щупальцы по всей России.

В мрачных вместительных лабазах накоплены десятки тысяч пудов бакалеи, сотни тысяч кип хлопка, сукна, ситцевых и шелковых тканей.

«Во всех направлениях тянулись возы, дроги, целые обозы, — рассказывает о Китай-городе писатель П. Д. Боборыкин. — Между ними изнивались извозчичьи пролетки, изредка проезжала карета, выкидывал ногами серый жирный жеребец... Возы и обозы наполняли воздух всякими испарениями и запахами, — то отдаст москательным товаром, то спиртом, то конфетами. Или вдруг откуда-то дольется струя, вся переполненная постным маслом, или луком, или соленой рыбой... Нет конца телегам и дрогам. Везут ящики кантонского чая в зеленоватых рогожках с таинственными клеймами, везут распоровшиеся бурые, безобразно пузатые тюки бухарского хлопка, везут слитки олова и меди. Тянутся возы с бочками бакалеи, сахарных голов, кофе, и все это облито солнцем и укутано пылью... Кому нужен этот товар? Китай-город хранит его и распределяет по всей стране. Деньги, векселя, ценные бумаги точно реют промежду товара в этом рыночном воздухе, где все жаждет наживы, где дня нельзя продышать без того, чтобы не продать и не купить».

За конторками, в глубине лабазов, неторопливо идет купля-продажа. За пузатыми трактирными чайниками совершаются миллионные сделки.

По-разному развлекаются богатые купцы...

У братьев Ляпиных — особняк на Большой Дмитровке: анфилады высоких, просторных залов и маленькая спальня на антресолях, с

Ильинские ворота Китай-города во второй половине XIX века. На крутом спуске к Варварской площади (теперь площадь Ногина) — жалкие деревянные лавчонки, торгующие сырыми и сушеными фруктами.

Московский зоологический сад в конце XIX века.

низким потолком, с клопиными пятнами на стенах и удушливым запахом скипидара и деревянного масла. Братья-мильонщики живут в этой крохотной комнате. Парадные залы пустуют круглый год.

Днем Ляпины сидят у окна. К наружным стенам приделаны два зеркала — каждое отражает свою сторону улицы. Братья смотрят в зеркала и докладывают друг другу:

— Пожарные по Столешникову вниз поехали.

— Квартальный к подъезду подошел.

Любят старые купцы и петушиный бой.

В саду трактира устраивается арена. Вокруг арены амфитеатром располагаются скамейки для зрителей.

Охотники одновременно подходят с двух сторон, держа каждый по петуху: один петух — красного пера, другой — черного. Подойдя вплотную, охотники медленно раскачивают бойцов и ставят на арену.

Начинается жестокая петушиная схватка.

Летят перья, слышно хлопанье крыльев, сердитый птичий хрип.

— За красного десять! — кричит купец в первом ряду.

— Пошла! — отвечает сосед.

— За черного четвертак!

— Тридцать пять!

— Пошла!

Петухи бьют друг друга, кружатся, подпрыгивают, хрипят.

Черный, видимо, слабеет. Красный понимает это и бьет его сильнее, царапая грудь когтями. Черный поворачивается и позорно бежит.

Бой кончен. Петухов берут с арены. Охотники, обсуждая схватку, отправляются в трактир. Здесь за графином водки начинается расплата по закладам и новые вызовы на петушиный бой...

По большим праздникам вся купеческая Москва выезжает кататься к Девичьему полю, на Новинский бульвар, к Пресненским прудам, в Петровский парк, на Красную площадь, в Сокольники.

Собачий рынок на Трубной площади в конце XIX века.

Собиратель старых книг и картин на развале Сухаревского рынка (середина XIX века).

В балаганах, украшенных огромными картинами-плакатами, показывают необычайные вещи: теленка с двумя головами, «мумию египетского царя фараона», «дикого человека, привезенного из Африки», на глазах у публики съедающего живых голубей, и «человека с железным желудком» — он выпивает рюмку керосина и закусывает этой же рюмкой, разгрызая ее зубами.

По площадям и улицам идет катанье на тройках. Купцы показывают людям откормленных рысаков, дворяне — галунные ливреи выездных лакеев, купеческие мамаши — дочек-невест.

Невесты одеты в цветные бархатные салопы и ротонды. Они смешно наполовину заворачивают их мехом вверх, чтобы не помять дорогого бархата. Длиннополые женихи степенно прогуливаются около садовых скамеек, свахи в ярких шалях снуют между ними, расхваливая невест.

Деловой разговор свахи ведут только с отцами и матерями. Невесты и женихи в счет не идут.

Сваха начинает с того, что приносит в дом жениха роспись приданого за невестой. Каждая роспись начинается обычно словами:

«В первую очередь — божье благословение: иконостас красного дерева с тремя иконами в серебряных вызолоченных ризах, и к ним серебряная лампада...»

Дальше следует опись золотых, серебряных, бриллиантовых и жемчужных вещей, перечисление зимних шуб с подробным ука-

занием, на каком меху, с каким воротником и чем покрыта каждая шуба, сколько бархатных, шелковых, шерстяных и ситцевых платьев за невестой, какая мебель, сундуки, указывается точное число наволочек, простынь, одеял, сорочек, носовых платков.

Идет заправская торговля. Покупатель выторговывает, продавец твердо держит свою цену.

После торга отправляются на смотрины. Где-нибудь на балу или в театре жених знакомится с невестой.

Накануне венчания назначается прием приданого. В парадных комнатах невесты на веревках, на стульях, на столах развешано, разложено, расставлено приданое.

Всё на виду: шубы с отвернутыми полами, раскрытые коробки с золотыми и бриллиантовыми вещами.

Отец и мать жениха принимают вещи по списку, укладывают в деревянные сундуки, обитые жестью, запирают большими висячими замками и увозят в дом жениха.

Только после этого жених может быть спокоен: его не надули.

На следующий день происходит торжественное венчание в церкви.

После венчания — бал и ужин. На празднество семьи жениха и невесты приглашают самых знатных и почтенных родственников.

За столом важно сидят генералы. Они никогда не были родней ни жениху, ни невесте. Они даже незнакомы с ними. Но они все-таки приглашены «для солидности».

Купеческое семейство в театральной ложе (70-е годы XIX века).

Петушиный бой в московском трактире.

Генералы после сговора получают плату по особой таксе.

Купец любит покушать, и в Москве на каждом углу — сотни трактиров на любой вкус.

«Троицкий» трактир на Ильинке славится своими пирогами, поросятами и рыбными блюдами.

Трактир Егорова в Охотном ряду извёстен блинами и хорошими сортами чая. На потолке главного зала висят клетки с соловьями, чай подается только в чашках, и курить строжайше запрещено.

Загородный «Яр» славен цыганами, «Эрмитаж» на Трубной — роскошной обстановкой и дорогими европейскими блюдами. Зернистая икра подается почетным посетителям в серебряных ведрах, живых аршинных стерлядей на уху приносят прямо в кабинеты к гостям, и купцы сами закалывают рыбу кинжалами. По карте можно заказать руанских уток, доставленных из Франции, красных куропаток из Швейцарии, рыбу «соль» из Средиземного моря.

На рассвете лихачи отвозят захмелевших купцов в их старомодные дома, где пахнет деревянным маслом и кислой капустой.

Наутро купец жалуется знакомым:

— Ох, мученье, а не жизнь с деньгами! Иной раз я проснусь и давай на счетах прикидывать. В один день сто тысяч вышло. Десятки тысяч туда-сюда, не беспокоишься о них, знаешь, что на дело ушли, на удовольствие, — и не жаль. А вот мелочь! Вот что мучит! Примерно, привезет из моего именья приказчик продукты — масло, овес, муку. Примешь от него, а он, идол эдакий, стоит перед тобой и глядит в глаза. На-чай дожидается! Ну, вынешь из кармана кошелек, достанешь гривенник, думаешь дать, а потом мелькнет в голове: ведь я ему жалованье плачу, за что же еще сверх того давать? А потом опять думаешь: так заведено. Скрепя сердце и дашь, а ночью встанешь и мучаешься: за что даром гривенник пропал! Вот я и удумал, да так уж и начал делать: дам приказчику три копейки и скажу: «Вот тебе три копейки, добавь свои две, пойди в трактир, закажи чайку и пей в свое удовольствие, сколько хочешь!» Так и поступаю теперь...

Развитие промышленности и расширение тесных связей с заграницей постепенно меняют облик московского заправилы. Прежние бородатые замоскворецкие купцы-староверы постепенно вымирают. На их место приходит новый купец и промышленник. Он кончает высшие учебные заведения, годами живет за границей, интересуется искусствами, обзаводится автомобилями, библиотеками, европейскими конторами.

Сплошь и рядом он создает культурные учреждения, участвует в широкой благотворительности. Третьяков создает известную картинную галлерею, Щукин — прекрасную коллекцию картин, Солдатенков основывает издательство, большую больницу, ремесленное училище.

Некоторые делают это с широкой рекламой, так, чтобы весь мир знал об этом. Другие дают деньги, чтобы прославить свою купеческую династию. Но многие из них действительно любят живопись, музыку, книги.

Однако от этого не легче ни городу, ни московским рабочим. И старый замоскворецкий купец-фабрикант и новый лощеный промышленник одинаково эксплоатируют своих рабочих.

...Однажды рабочие попросили Прохорова, хозяина текстильной фабрики, прибавки жалованья. Шла речь о нескольких копейках.

Прохоров ответил ясно и коротко:

— Москва-реку деньгами запружу, а вам денег не дам...

Прием приданого в купеческой семье (вторая половина XIX века). Слева — придирчивая проверка по описи добротности платьев будущей жены. В комнату важно входит отец жениха.

От Прохорова не отстает Гужон, образованный французский промышленник, основатель и хозяин одного из крупнейших металлургических заводов старой Москвы. Во время забастовки 1908 года он предложил недовольным высказываться, тщательно записал фамилии ораторов на своей белоснежной манжете и в тот же день вышвырнул ораторов с завода. Потом подвел группу рабочих к иконе Николая-чудотворца и поклялся, что лучше уж золотом выстелит дорогу от Москвы до Петербурга, но рабочим ничего не прибавит.

«Московские ситцы, кумачи, сукна, шелковые материи, а также некоторые предметы народной роскоши — стеклярус, ленты, парча и пр. — пользуются известностью далеко за пределами России», хвастливо заявляли московские фабриканты.

Промышленность купеческой Москвы в основном была «ситцевой»: больше половины продукции всех предприятий составлял текстиль.

Однако текстильные фабрики Москвы, принадлежавшие русским купцам и промышленникам, оборудовались исключительно иностранными машинами. Главными поставщиками московских мануфактуристов были английские фирмы. Их представителем в России был немец Кнопп. В Москве ходила поговорка:

«Что ни церковь — то поп, что ни фабрика — то Кнопп».

Несмотря на хваленое заграничное оборудование фабрик, прославленные московские ситцы были весьма недобротны. Значительную часть их московские купцы сбывали в среднеазиатские окраины России и в полуколониальные страны того времени — Персию, Турцию, Западный Китай.

Гордясь своей текстильной промышленностью, московские капиталисты предпочитали молчать о своей металлообрабатывающей промышленности: ее изделия едва достигали одной десятой части продукции всех московских фабрик и заводов.

Но даже эта мизерная московская металлопромышленность фактически целиком принадлежала иностранцам...

Англичанин Бромлей строит в Замоскворечье маленький, захудалый заводик. Он выпускает топоры, колуны и прочий домашний инвентарь.

Немецкий промышленник Густав Лист владеет маленьким «заводом-универмагом» в Марьиной роще. Когда хозяину удается получить хороший заказ, его вербовщики рыскают по трактирам Марьиной рощи и Сущевского вала, нанимая сотни токарей, слесарей, фрезеровщиков. А когда заказы кончаются, хозяин безжалостно выбрасывает на улицу недавно нанятых рабочих.

Богатый француз Гужон строит у Рогожской заставы железоделательный завод. В списке изделий красуются болты, гайки, гвозди, проволока, чугунное литье.

Каждый день, с трех часов утра, к воротам московских фабрик стекались сотни безработных. В восемь часов к ним выходил десятник. Внимательно осматривая взволнованную толпу, он отбирал несколько десятков человек для поденной работы. Остальные понуро расходились, чтобы завтра снова притти к воротам и, как милость, вымаливать работу.

За двенадцать часов тяжелой поденки у Гужона платили меньше рубля. После работы десятник становился у расчетной кассы. Получив деньги, рабочие подходили к десятнику, низко кланялись и совали ему в руку гривенники.

Тех, кто был самолюбив или недогадлив, десятник запоминал надолго — у него была прекрасная память на лица. И тогда месяцами

Яуза в конце XIX века.

Московский дворик в конце XIX века.

напрасно простаивали они у заводских ворот под насмешливым взглядом всесильного десятника...

Не лучше жилось и постоянным рабочим.

На красильных фабриках Москвы рабочий день продолжался шестнадцать часов, у Гужона — двенадцать часов.

В горячих цехах Гужона не полагалось обеденного перерыва. Жены и дочери приносили рабочим обед в горшках и ставили горшки у входа в цех. Предполагалось, что рабочие урвут несколько свободных минут и пообедают. Но чаще всего рабочие, уходя домой, уносили с собой горшки с остывшим обедом.

Медицинской помощи на фабриках обычно не было. Правда, Прохоров, у которого каждый тридцатый рабочий ежегодно получал увечье, построил больницу: несколько коек, фельдшер и врач. Однако излюбленным средством лечения здесь все же были пиявки и глауберова соль.

У Гужона был приемный покой. Сюда приносили сталеваров, потерявших сознание от невыносимого зноя у мартеновских печей. Их встречал фельдшер: Гужон считал врача роскошью.

Фельдшер давал больному несколько капель валерианки, открывал окна и двери и клал пациента на сквозняке.

Если это средство не помогало, больного на телеге отвозили в больницу. Дальнейшая судьба рабочего не интересовала хозяина — у ворот завода всегда стояла толпа безработных.

Иногда, в виде особого благодеяния, хозяин принимал рабочего после болезни, «милостиво» прощая ему вынужденный прогул. И в бухгалтерских книгах Прохорова встречались иногда записи:

«Уступлено Ивану Васильеву за 21 день прогула (попал в машину рукой) 3 рубля 41 копейка».

Отец и мать приезжали в Москву из деревни проведать сына, работающего подмастерьем у московского кустаря.

Перед праздниками, когда бывали спешные заказы, хозяева заставляли работать круглые сутки. Перед белошвейками в мастерской ставили на столе блюдце с нашатырным спиртом: нашатырь щипал глаза и перебивал сон.

Платили гроши, штрафуя в среднем каждого рабочего три раза в год за то, что не принес мастеру водки, плохо угостил в трактире. На одном только Гужоне за один только 1904 год было наложено на рабочих 4678 штрафов.

У большинства рабочих не было своего жилья. Они ютились «черными жильцами» в коечно-каморочных квартирах.

Большая комната делилась перегородками на узкие клетушки. Обычно окно приходилось на две каморки. Иногда каморка упиралась в сплошную стену. Свет проникал от соседа — перегородка из тонкого теса не доходила до потолка. Вход в каморку отделялся от прохода ситцевой занавеской. Обстановка — стол, табуретка и две койки.

Койка — три голые доски, положенные на кирпичи. Никаких тюфяков не полагалось — коечный жилец спал на снятом с себя платье.

Койка не всегда предназначалась для одного человека. Обычно коечному жильцу «подкладывали» второго. Один спал днем, второй ночью. И койка не остывала круглые сутки.

Но для многих такая определенная койка — пусть даже вдвоем — была недостижимой роскошью. Эти еще более обездоленные рабочие, принадлежавшие к категории «черных жильцов», жили, не имея в квартире своего места, и ночевали по указанию хозяина: сегодня на освободившейся одиночке, завтра — на печке, послезавтра — на полу, в проходе, на покинутой половине двойной койки.

Иногда хозяева фабрики строили для своих рабочих казармы — многоэтажные здания со сплошными нарами в два этажа, с продольными и поперечными проходами.

Нара была похожа на гроб: в головах перегородка, с боков перегородка, в ногах ящик. В ящике — чай, сахар, грязное белье вперемежку с чистым. По нарам ползали клопы и вши.

Особенно плохо бывало тем, кто жил на нижнем ярусе: на них сверху сыпались грязь и сор...

Простынь не полагалось. На нарах лежал хозяйский матрац — мешковина, набитая соломой.

В спальнях на каждого рабочего в среднем приходилось полтора квадратных метра жилой площади.

«Когда я раз вернулся с фабрики в два часа ночи и вошел в свою казарму, — рассказывает рабочий Прохоровской фабрики, — я чуть не задохнулся от спертого воздуха. Глядя на спящих рабочих, мне показалось, что люди лежат мертвые, в гробах, издавая запах разлагающегося тела».

Не лучше было и в «парных» спальнях, где жили женатые. В тесной каморке четыре кровати стояли рядом друг с другом. На каждой кровати — муж и жена. Вдоль кроватей — узкий проход.

Детей рабочие отправляли на прокорм к родным в деревню или отдавали в Воспитательный дом.

В Воспитательном доме у матери брали ребенка и выдавали квитанцию. Мать давала обязательство явиться за ним не раньше как через десять лет. И в эти долгие десять лет — никакой справки, ни одного свидания, даже при тяжелой болезни, даже во время смертельной агонии ребенка.

Часто, явившись в назначенный срок, мать узнавала: ее ребенок умер, прожив в Воспитательном доме несколько месяцев. Это было в порядке вещей. Никто этому не удивлялся...

Столовых при фабриках не было. Столовались артелью у одной хозяйки.

Каждый покупал кусок мяса, завязывал в грязный узелок и, сделав на нем свою отметку, бросал в общий котел. Когда щи были готовы, хозяйка вылавливала узелки и по приметам определяла, чье мясо. Не обходилось без споров: один говорил, что его узелок завязан красной ниткой, другой узелок с красной ниткой тащил к себе.

В прохоровских спальнях на работу по утрам будил «хожалый».

«Придет бывало в три часа ночи с собакой, — вспоминают рабочие Трехгорки. — Раз дернет за ногу, не встанешь — он плеткой прой-

У дверей московской ночлежки (конец XIX века).

Уличный адвокат в Москве (конец XIX века).

дется. Тут уж хочешь не хочешь, а вскочишь. Несешься на фабрику, как угорелый, и долго еще в ушах звенит хохот хожалого...»

Не легче жилось в купеческой Москве и мелкому ремесленному люду.

Экономии ради во многих домах, построенных специально для сдачи внаем ремесленникам, для сокращения числа лестниц и входов с надворной части были устроены длинные галлереи. С этих галлереек в каждую квартиру вел только один ход.

В нижнем этаже такого дома обычно помещалась мастерская. Она начинала работать в пять часов утра.

Встав, мастера уходили в трактир пить чай, а мальчики-ученики убирали мастерскую: чая им не полагалось.

Мальчиков брали из деревни. Хозяин содержал ученика: харчи, пара сапог, белье, осенняя одежда. Зимнюю ученик должен был промыслить сам. Через пять-шесть лет ученик делался мастером и получая от хозяина двадцать рублей. А пока мальчик нянчил хозяйских детей, помогал кухарке полоскать белье на реке, бегал за водкой, закуской, табаком.

Мастера возвращались из трактира к шести часам и садились за работу.

В двенадцать часов — обед. После обеда опять работа до четырех, снова трактир для мастеров и ужин в десять часов.

После ужина — сон. Спали тут же, в мастерской, вповалку. Грязная подушка, войлочная подстилка, ситцевое одеяло.

Наутро все это свертывалось, завязывалось и пряталось под стол...

Еще страшнее была жизнь в ночлежках московского «дна» на знаменитой Хитровке — тесной и грязной площади, что лежала в десяти минутах ходьбы от Варварских ворот, между Солянкой и Покровкой.

Площадь была окружена мрачными домами Румянцева, Ярошенко, Кулакова. В домах помещались ночлежки, трактиры, притоны, водогрейни, мелкие лавчонки. Здесь ежедневно ночевало десять-двенадцать тысяч человек, мужчин и женщин.

В ночлежках была невыносимая грязь.

Зимой печи топились не часто, и в спертом воздухе клубился пар от дыхания и мокрых лохмотьев. Тускло горели лампы. В полутьме слышалась ругань пьяных, бред больных, плач избиваемых женщин и детей.

В хитровских чайнушках обделывались темные дела, хоронились концы самых мрачных преступлений.

Но даже на этом человеческом горе и беспросветной нищете ухитрялись богатеть «отцы города».

Иногда по вечерам к подъезду особняка рядом с Хитровкой подъезжала карета. В карету входил «штатский генерал» в белых штанах и расшитом мундире. Карета везла генерала на Тверскую, к дому московского губернатора.

Небрежно сбрасывая на руки швейцара дорогую соболью шубу, генерал еле кивал дежурному приставу. А тот вытягивался во фронт: это явился частый гость губернатора Москвы — казначей благотворительного общества, состоящего под высочайшим покровительством, Иван Кулаков, московский богач, содержатель ночлежек и трактира «Каторга» на Хитровом рынке...

Генерал-губернатор — верховный хозяин Москвы. Он — полномочный представитель российского императора в первопрестольной, посредник между Москвой и правительством.

Рядом с генерал-губернатором — Московская городская дума, ведающая хозяйством громадного города. О ней в официальных документах того времени обычно говорилось:

«В Москве — «общественное городское управление». Город сам из среды своих граждан выбирает лучших и достойнейших. И эти лучшие выборные от народа заседают в Московской городской думе».

Факты говорили о другом...

В шестидесятых годах прошлого столетия Москва получила право выбирать своих представителей в городскую думу. Но право выбора давалось далеко не всем. «Полноценными» гражданами считались только дворяне, купцы, промышленники, банкиры, хозяева мастерских и торговцы.

Но вскоре и это положение о выборах показалось царскому правительству слишком «демократичным». И с 1892 года право участия в выборах было предоставлено только тем, недвижимое имущество которых оценивалось не меньше чем в три тысячи рублей.

В 1912 году из миллиона с лишним населения Москвы к выборам были допущены лишь 9431 москвич. Другими словами, из каждой тысячи московских граждан 998 человек в выборах не участвовали.

Мелкие отставные чиновники.

Дом московского генерал-губернатора на Тверской (теперь Советской) площади в конце XIX века. Теперь в этом доме, построенном по проекту М. Ф. Казакова, работает Московский Совет депутатов трудящихся.

В городскую думу выбирали купцы, промышленники, банкиры, дворяне. И в городской думе заседали те же купцы, промышленники и дворяне.

Так выглядело «общественное городское управление» Москвы.

«Городские избранники» не утруждали себя заботами о хозяйстве громадного города...

В 1862 году англичане празднуют двухлетний юбилей лондонского метрополитена. А в Москве в этом году только впервые начинают поговаривать о конке: в городскую думу вносится проект конной железной дороги.

Десять лет обсуждают «отцы города» вопрос о конке в Москве. Говорят о том, что московские улицы слишком узки, что извозчичьим экипажам будет трудно переезжать через рельсовые пути. Городской голова вообще сомневается в необходимости конки для Москвы и даже ставит на разрешение думы принципиальный вопрос: следует ли допускать в первопрестольной сооружение городской железной дороги?

Наконец в 1872 году в связи с открытием в Москве Политехнической выставки начинает работать первая конка. В том же году право постройки новых конночных линий в городе предоставлено частной компании.

Построив конку, градоправители захлебываются от восторга.

«Конно-железная дорога поистине выдвигает первопрестольную на многие годы вперед, — восхищаются «Московские ведомости». — Движение вагонов много оживляет и украшает город...»

«Украшение города», однако, доставляет москвичам очень много хлопот.

На окраине, у лабазов, торгующих овсом и сеном, москвичи терпеливо дожидаются этого странного экипажа. Наконец подъезжает конка, и начинается посадка.

— Вагончик отправляется! — провозглашает бородатый кондуктор, и конка трогается с места.

Запряженная парой кляч, она останавливается перед каждым подъемом. К конке подъезжает с подмогой мальчишка-форейтор. Дополнительная пара лошадей прицепляется к конке. Начинается томительный подъем. Лошади с трудом втаскивают дребезжащий вагон на гору.

Снова остановка. Форейтор отцепляет своих кляч и трусит обратно, чтобы взять на буксир следующую конку.

А первая конка, простояв положенное время, тащится дальше. На ее империале (на крыше) терпеливо глотает пыль «простой народ»: нехватило двух копеек, чтобы занять места для «чистой» публики...

Население Москвы быстро растет: в 1883 году в Москве уже 769 тысяч человек. Жалкие коночные линии и московские извозчики уже не в силах справиться с громадными транспортными потоками, и городская дума выдает вторую концессию на постройку коночных линий частному бельгийскому обществу, разрешив ему применение не только конной, но и паровой тяги.

Первый «паровичок» идет от Бутырской заставы в Петровско-Разумовское. Выполняя приказ московского обер-полицеймейстера, перед паровичком, во избежание катастрофы, важно шествует по рельсам человек с красным флагом. Ночью он держит в руках красный фонарь.

В дождливые темные осенние вечера человек с красным фонарем спотыкается и падает. Паровичок останавливается перед распростер-

Московская конка у Серпуховских ворот (теперь Добрынинская площадь) в начале XX века. Впереди, на подножке, — кондуктор. За конкой — водоразборная будка.

Лубянская площадь в конце XIX века. У фонтана посреди булыжной площади толпятся водовозы. За фонтаном — стена и башня Китай-города и Никольские ворота. Направо круто спускается вниз Театральный проезд.

тым в грязи телом и терпеливо ждет. Пассажиры выскакивают в грязь. Они предпочитают продолжать путь пешком.

Наконец полицеймейстер идет на уступки. Он сажает человека с красным флагом верхом на клячу. Теперь паровичок пыхтит в хвосте у лошади, лениво трусящей по шпалам...

Жизнь движется вперед. В девяностых годах уже многие города России опередили Москву: в Киеве, Нижнем Новгороде, Екатеринославе и Риге появились трамваи. Лишь по булыжным улицам первопрестольной продолжают ползать, дребезжа звонками, тяжелые рыдваны двухъярусных конок, запряженных тощими клячами.

Полтора года обсуждает городская дума вопрос о том, нужен ли трамвай Москве. Еще полтора года дума глубокомысленно рассматривает технический проект первых трамвайных линий. Лишь в 1899 году после долгой проволочки заключается договор со вторым бельгийским обществом на электрификацию конночных линий. Городская дума включает в этот договор смехотворный пункт: по первому требованию полиции общество должно немедленно убрать все приспособления электрической тяги и восстановить конное движение...

2 сентября 1902 года большой белый зал городской думы переполнен. Сюда собрались именитые московские купцы, родовитые дворяне, крупнейшие инженеры, директора московских банков.

На кафедру поднимается инженер Балинский, представитель американского банкирского дома «Вернер и К°». Тема доклада — постройка «внеуличной железной дороги в Москве».

— Как воин, выступающий в первых рядах сражающегося войска, — говорит Балинский, — я знаю, что меня ожидает почти верная смерть, но я подставляю свою грудь под выстрел, ибо я отлично знаю, что своей жизнью отстаиваю высшие принципы.

Балинский говорит о громадных барышах, которые могли бы получить хозяева города от постройки внеуличной железной дороги.

Докладчик приводит точные расчеты. Он обещает миллионные доходы строителям, инженерам, домовладельцам.

В заключение инженер Балинский спрашивает городскую думу: благоволит ли городская дума приобрести у него, инженера Балинского, проект метрополитена для осуществления постройки внеуличной железной дороги собственными силами и средствами, или она предпочитает передать постройку московского метрополитена вышеупомянутому банкирскому дому «Вернер и К°»?

Предложение докладчика кажется заманчивым. Постройка сулит миллионные барыши тем, кто построит метрополитен и будет владеть им. Но беда в том, что у «отцов города» нехватает ни смелости, ни уменья, ни средств.

Остается единственный выход — передать это дело банкирскому дому «Вернер и К°». Но это никак не устраивает градоправителей.

Прежде всего обидно упускать из своих рук такой лакомый кусок. Кто знает, может быть, через несколько лет удастся собраться с силами и положить в карман миллионы?

Затем, купцы и промышленники имеют крупные владения в центре Москвы и боятся, как бы постройка внеуличной железной дороги не обезлюдила центра и не обесценила его владений.

Наконец, в «Известиях городской думы» сказано совершенно определенно:

«В случае осуществления проекта город лишился бы на многие годы доходного трамвайного передвижения».

Одним словом, благоразумнее провалить проект, и городская дума объявляет войну московскому метрополитену.

Газета «Русское слово» издевается над инженером Балинским:

«От его речей несло соблазном: как истинный демон, он обещал опустить Москву на дно морское и поднять за облака».

Пятницкая улица во время наводнения 1908 года.

Архиерей Сергий пишет московскому митрополиту:

«Возможно ли допустить эту греховную мечту? Не унизит ли себя человек, созданный по образу божию разумным созданием, спустившись в преисподнюю? А что там есть, ведает один бог, и грешному человеку ведать не надлежит».

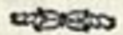
В довершение всего Троице-Сергиевская лавра выпускает книгу «Близ грядущий антихрист и царство диавола на земле». В книге «святые отцы» доказывают, что метрополитен — происки «слуг антихристовых», вредное, греховное, проклятое сооружение...

После предварительной обработки общественного мнения городская дума приступает к обсуждению проекта инженера Балинского, но решение подготовлено уже заранее:

«Господину Балинскому в его домогательствах отказать».

Через несколько дней после решения думы «отцы города» удовлетворенно пишут:

«Повидимому, теперь опасность постройки метрополитена для Москвы уже миновала, и этим последним мы всецело обязаны энергии представителей городского управления, затративших много сил и времени на защиту города в этом деле».

После долгих споров и пререканий Московская городская дума захватывает в свои руки доходное трамвайное хозяйство города. Электрические вагоны пущены по старым линиям конки.

В московском трамвае уже нет прежних коночных империалов. Но трамвайные вагоны все же не отличаются комфортом.

Летом 1907 года репортер одной из московских газет пишет:

«Положительно ничем не объяснима бесцеремонность трамвайной администрации, оставляющей по вечерам публику прицепных вагонов без освещения.

Постоялый двор — маленькая захудалая гостиница — в Москве конца XIX века.

Мне пришлось ехать в таком вагоне, битком набитом пассажирами и в совершенной темноте.

На одной из стенок вагона было сооружено из тонкой проволоки подобие самодельного подсвечника, где белелся стеариновый огарок, величиной около сантиметра. При желании кондуктора возжечь этот светильник близсидящая дама запротестовала, так как жидкий стеарин неминуемо попал бы ей на платье. Кондуктор, конечно, не мог не согласиться с резонностью протеста, и огарок остался у городской управы в экономии».

Московский извозчик с номерной бляхой на спине (80-е годы XIX века).

Не удовлетворяет москвичей и направление трамвайных линий. Трамвай обслуживает только центр, загородные увеселительные места и рынки. В рабочие окраины трамвай не заходит.

И все-таки, несмотря на плохую организацию этого дела, число поездок на трамвае неуклонно растет.

Трамвай прочно завоевывает симпатии москвичей — это наиболее быстрый и наиболее доступный способ передвижения.

Однако первой фигурой на московских улицах попрежнему остается извозчик.

В старой, купеческой Москве извозчика можно было встретить всюду: в заросших лопухом переулках Таганки и у лабазов Охотного ряда, у блестящего подъезда «Эрмитажа» и у скользких ступеней третьеразрядного трактира «Ад» на Трубе, в суетливых переулках Сретенки и у чугунных решеток старинных дворянских садов в Мертвом, Скатертном, Мерзляковском переулках.

День московского извозчика начинался в восемь часов утра. В этот час юристы отправляются в суды, купцы спешат в лавки, чиновники идут на службу.

Разгар уличного движения обычно наступает к полудню. К четырем часам Москва понемногу затихает. Извозчики едут обедать в трактиры.

Вечером извозчики снова появляются на московских улицах. Они едут к освещенным подъездам ресторанов, к Английскому клубу, к Благородному собранию, на Арбат, Поварскую, Пречистенку, где из окон старых особняков несутся звуки вальсов и полонезов.

Извозчики скромно останавливаются на перекрестках.

Они дремлют, сидя на козлах. Порой, завидя пешехода, бубнят:

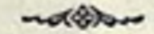
— Барин, подвезу...

Неожиданно вырывается из-за угла пожарная команда. На четверке — багры, на тройке — машины, на парах — бочки с водой. Впереди, трубя в медную трубу, мчится верховой с горящим факелом.

Пронеслись пожарные кони, и снова тихо и темно на московских улицах. И опять дремлют на облучках ночные извозчики, вздрагивают от мороза, бормочут:

— Барин, подвезу...

Они везут седоков на Болото, на Трубу, на Божедомку, Грачевку, Зацепу, Живодерку, Разгуляй. Спят дворники в подворотнях. Тускло желтеют фонари. В церковных садиках лежат высокие снежные сугробы. Городовой в башлыке невозмутимо красуется на перекрестке...

«Если бы домовладелец поставил на тротуаре стул, — возмущенно сказал один из гласных на заседании городской думы в 1903 году, — сел на него, протянул ноги и заставил проходящих спотыкаться, то это — детская забава по сравнению с той головоломкой, что представляют собой московские тротуары, их выступы, крыльца, и ямы, и рытвины, и многое другое».

Маленькими, незаметными островками попадались на московских улицах асфальт и брусчатка. Главным образом они красовались перед особняками первой гильдии московских купцов и именитых граждан.

Вокруг лежало море булыги. Но булыжником мостили только площади и переулки центра. А на московских окраинах, где жили ремесленники, мастеровые, рабочие, на немощеных улицах в сухие летние дни носились тучи едкой навозной пыли, а после дождя стояла непролазная грязь. И в московской газете за 1909 год можно было прочесть короткую, но страшную заметку:

«В дождливую осень и ранней весной грязь на Бутырском проезде настолько велика, что покойников приходится переносить через забор, минуя улицу».

Большим булыжным пустырем раскинулась Арбатская площадь (снимок сделан в 1901 году). В глубине — зелень Пречистенского (теперь Гоголевского) бульвара. Слева виден купол храма Христа-спасителя.

По старому московскому обычаю, где кто сел, там и строился. Сплошь и рядом крыльца, палисадники, а то и углы отдельных домов вылезали на мостовую, уродуя и без того кривые московские улицы. Борьба же с этим злом была не под силу городской думе.

...На углу Кузнецкого и Петровки, в центре города, рядом с Театральной площадью, стоял четырехэтажный каменный дом, принадлежавший гвардии поручику Хомякову. Перед домом лежал маленький палисадник и острым клином вылезал на середину Кузнецкого.

Городская дума обратилась с просьбой к Хомякову: не продаст ли он ненужный ему клин, чтобы за счет палисадника расширить улицу.

Гвардии поручик потребовал сто тысяч рублей. Дума не согласилась. Тогда Хомяков, издеваясь над городом, поставил железную кладбищенскую ограду вокруг своего клина и посадил на нем кусты сирени.

Фонарь в купеческой Москве.

Дума подала в суд. На суде гвардии поручик говорил уверенно и твердо:

— Моя земля и моя сирень. И ценю я их в сто тысяч рублей — ни копейкой меньше.

Суд отказал в иске городской думе: «частная собственность священна и неприкосновенна». И пятнадцать лет стояла ржавая решетка «хомяковской рощи» на углу Кузнецкого и Петровки, а в московских газетах печаталась баллада:

И многие годы неслышно прошли,
И подняли спор из-за этой земли
Владелец и город: о куще зеленой,
Железным забором кругом обнесенной,
Польются и льются, как звонкий ручей,
Каскады живых и горячих речей...

Так жила старая купеческая Москва, неся на себе печать варварского российского капитализма. Жила под властью купцов и промышленников, одинаково жестоких самодуров, будь то замоскворецкий купец, еле умеющий подписать свою фамилию, или просвещенный промышленник, меценат и глубокий знаток живописи.

Жила Москва, резко разделившись на два города, на два враждебных лагеря, на два «сорта» людей.

Старое здание Московского университета.

«Хомяковская роща» на углу Кузнецкого и Петровки.

У одних — старинные особняки в тихих дворянских переулках, лабазы в Замоскворечье, магазины на Кузнецком, автомобили, рысаки, рестораны, сокровища библиотек, музеев, картинных галлерей.

У других — нары, похожие на гроб, хожалый с плеткой, нашатырный спирт перед мастерицей, Воспитательный дом, щи с наваром из грязных тряпок и наглухо закрытые двери школ и высших учебных заведений.

Не легко открыть эти двери в науку. Каторжным, нечеловеческим трудом надо собрать деньги за право учения, на обязательную форму, на нужные книги, долгие годы отказывать себе в самом насущном и обладать редкой настойчивостью, умом и энергией, чтобы получить для своего ребенка возможность учиться.

Петр Ильич Чайковский.

Тяжелые сцены происходили в московских школах при осенних приемах.

«Одни родители плачут и валяются в ногах, прося о приеме сына, — вспоминает инспектор Басманного четырехклассного училища, — другие грозят жаловаться в думу, третьи сулят взятку, четвертые лезут с кулаками. В результате сотни родителей и детей со слезами идут за дверь».

А когда люди науки сами, по собственному желанию, шли на окраины, чтобы поделиться с рабочими хотя бы частицей своих знаний, посеять в народе хотя бы крупицы просвещения, это считалось преступлением и крамолой.

«В 1912 году я был приглашен рабочими завода «Дукс» и «Гужон» прилететь к ним на массовку, чтобы покатать их на аэроплане, — рассказывает заслуженный летчик СССР орденоносец Б. Россинский, один из первых русских авиаторов. — В Лефортове, около Анненгофской рощи, собралось несколько тысяч человек. Я прилетел на «Фармане» и был горячо встречен рабочими. Они заинтересовались машиной.

Во время объяснения устройства машины появилась полиция. Околоточный объявил, что я арестован. Тогда я шепнул на ухо своему ученику Володе Коровину (ныне он летчик и инженер), чтобы тот запустил мотор. В один миг это было выполнено. Мотор заработал. Тотчас же, подскочив к самолету, я крикнул:

— Дальше от мотора, а то взорвется!

Полицейские растерялись, а я спокойно сел в машину и быстро взлетел. Так закончилась моя первая лекция по авиации перед рабочей аудиторией».

Однако и в это тяжелое время в Москве живут и работают яркие народные таланты.

Художник А. М. Васнецов внимательно изучает историю и быт Москвы и в своих картинах впервые воспроизводит облик старой, боярской столицы.

В Москве пишет свои картины великий русский художник В. И. Суриков. На одном из лучших своих полотен, «Утро стрелецкой казни», мастер показывает боярскую Москву в ее предсмертные часы — перед петровскими реформами, когда друг против друга встают старая и новая Русь.

В маленьком домике на Кудринской площади живет великий композитор П. И. Чайковский. В Москве работают питомцы Московского университета: профессор К. А. Тимирязев — крупнейший биолог с мировой славой и профессор Н. Е. Жуковский — «дедушка русской авиации». В Москве учится и работает И. И. Левитан. На его полотнах оживает русская природа — тающий весенний снег, робкая северная весна и золотая осень с ее сияющими далями.

И, наконец, здесь, в Москве, рождается гордость русского народа — Художественный театр, основанный артистом-любителем К. С. Алексеевым-Станиславским и драматургом В. И. Немировичем-Данченко.

Первый спектакль нового театра состоялся осенью 1898 года в помещении театра «Эрмитаж» в Каретном ряду. Шел «Царь Федор Иоаннович» А. К. Толстого. В заглавной роли — Москвин.

С этого времени начался могучий рост этого замечательного театра.

Гувернантка приехала в купеческий дом. Ее встречает самодур-купец. Рядом с ним — откормленный купеческий сынок: его предстоит обучать и воспитывать. За отцом — купеческая семья. Слева в дверях — любопытная прислуга.

После «Ходынки». В груде мертвых тел москвичи ищут родных и близких. В глубине видны деревянные палатки, где лежали злополучные подарки.

Не раз Художественный театр переживал тяжелые минуты: нехватало денег на постановку пьес, на оплату помещения. Не раз перед театром вставала угроза закрытия. Но молодой театр пользовался горячей любовью студенческой молодежи, московской интеллигенции, ученых. На помощь приходили частные лица. И театр снова оживал. Снова на его сцене звучала правда жизни в пьесах А. П. Чехова и А. М. Горького.

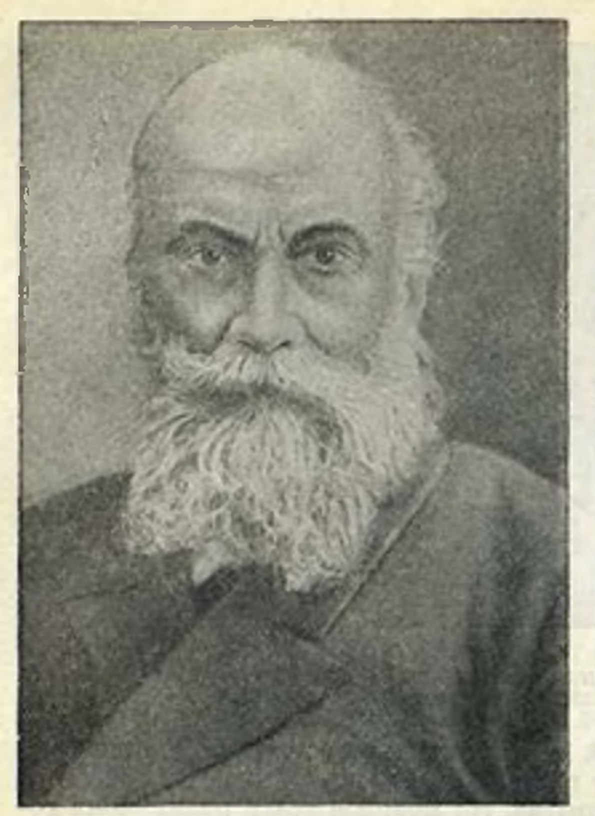

Иногда — к счастью, не слишком часто — в Москве устраивались праздники для «простого народа». Один праздник запомнился надолго: в мае 1896 года в ознаменование своей коронации Николай II решил устроить в Москве грандиозное народное гулянье.

Тысячеустая молва разнесла слух по всему городу, будто на Ходынском поле, за Тверской заставой, готовится что-то сказочное. Царь велел навезти горы сластей и гостинцев, выстроить бесконечные сараи с бочками пива и меда, заготовить фокусы и шутки, будет музыка и песни,— словом, разливанное море веселья и смеха. Говорили, будто на Ходынке будут бить фонтаны всяких вин, «какие только царь пьет». Народу будут показывать ученых попугаев, слонов, обезьян, диковинных птиц из Индии и Китая и раздавать выигравшим в лотерею лошадей и коров. А главное — все, чего ни захочешь, — бери, получай даром.

Сотни тысяч человек еще за день до назначенного торжества отправились на Ходынку занять места получше. Шли целыми семьями, с грудными младенцами, с седыми бабушками, захватив с собой провизии, вина, сладостей.

Шумным лагерем расположились москвичи на изрытом ямами и оврагами Ходынском поле. У наскоро сколоченных будок вспыхнули костры, зазвенели балалайки. Начались песни и танцы. Завтрашний день обещал быть веселым и праздничным.

Николай Егорович Жуковский.

Всю ночь шли люди на Ходынку. Шли не только москвичи: шел народ из ближних и дальних деревень, прослышавший о чудесном празднестве.

На рассвете толпа неудержимым потоком хлынула к будкам. Артельщики испугались. Они начали швырять в толпу узелки с гостинцами. Раздались дикие крики. Одни проталкивались за гостинцами, другие рвались прочь из толпы, в узкие проходы между будками.

«Прижатые к стенам люди валились скошенным сеном, — рассказывает очевидец. — Уже лежали мертвые, опрокинутые у самой стенки. За ними, упираясь в стенку руками, стояли и ждали своей участи следующие жертвы».

К полудню все было кончено. На Ходынке остались только сотни обезображенных трупов. Они лежали в рытвинах, в ямах, в овраге и у палаток. Многие утонули, провалившись в пивные бочки.

Тут же, на поле, валялись узелки с гостинцами — все, что было приготовлено для участников предполагавшегося праздника. В каждом узелке — эмалированная кружка с царским гербом, два-три пряника, пара пирожков и кусочек колбасы, все засохшее и старое. В Москве говорили: когда комендант Петровского дворца накормил этой колбасой свою любимую собачку, она немедля издохла...

В тот же день на не убранное от трупов поле при победном громе военных оркестров пожаловал сам царь со свитой. Рабочие встречали царский поезд криками:

— Поезжай на панихиду!

— Убери сначала мертвых!

День и ночь пожарные и полицейские свозили трупы во дворы больниц, участков, пожарных частей. Врачи и фельдшеры отыскивали живых в этих грудах мертвых тел. В ворота ломились обезумевшие люди, отыскивая своих близких.

На ближайшем к Ходынке Ваганьковском кладбище хоронили сотни погибших. Туда же привезли гробы с неопознанными покойниками. По завитку волос, по уцелевшим сережкам, по обрывкам цветной кофты москвичи пытались узнать родных.

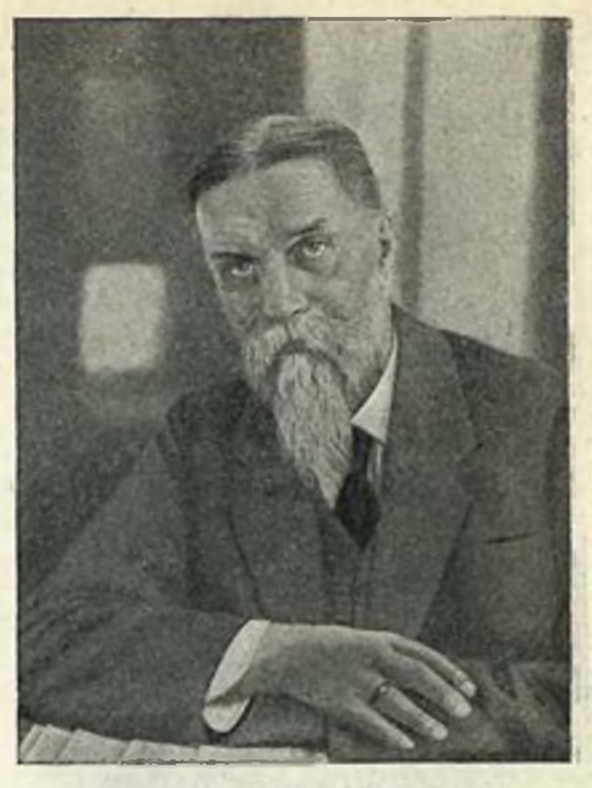
Судебное следствие определило число пострадавших на Ходынке в 2690 человек. Из них 1389 скончались.

«Он умер от Ходынки», говорили в Москве о таких покойниках.

В каморках рабочих казарм, в цехах закоптелых заводов с каждым годом росла ненависть. На московских фабриках все чаще вспыхивали забастовки. В 1870 году в Москве бастовали всего лишь 182 рабочих. В 1875 году число бастовавших выросло до 2868. В 1879 году их было уже 6430.

С каждым годом все больше агитаторов-революционеров приходило в рабочие казармы. Их арестовывали и судили, но новые борцы шли им на смену.

...В декабре 1874 года, ранним морозным утром, в полушубке и в огромном платке, с паспортом на имя солдатки Анны Зайцевой, приходит в контору суконной фабрики Лазарева, что стояла в Сыромятниках у Яузы, молодая веселая женщина.

Климентий Аркадьевич Тимирязев.

Приказчик тщательно осматривает ее паспорт, задает несколько вопросов и принимает на фабрику.

Так молодая смешливая солдатка Анна Зайцева становится работницей. И только маленькая группа людей в Москве знает, что с фальшивым паспортом солдатки Зайцевой на фабрику Лазарева поступила Софья Бардина, первая московская пропагандистка-революционерка, только что вернувшаяся из Швейцарии, где она кончила акушерские курсы.

Бардина решила итти в гущу рабочих и для этого поступила на фабрику. Здесь, у станков и в казармах, легче подойти к рабочим, сблизиться с ними, поднять на борьбу.

В женской мастерской работницы почти сплошь неграмотные. Больше всего их интересуют новые ситцевые платья, гаданье на картах, сплетни, любовные дела. Напрасно Бардина пытается читать им книги — надоедливую солдатку поднимают насмех, отмахиваются от нее, как от назойливой мухи.

Тогда Бардина пробирается в мужской барак и тут вечером, прячась от приказчика, при свете тусклой керосиновой лампы, читает рабочим нелегальную «Сказку о четырех братьях».

С тех пор почти каждый вечер Бардина тайком приходит на мужскую половину.

Иногда вместо казармы ее кружок собирается в ближайшем трактире, и здесь под пьяный говор, в клубах махорочного дыма она читает своим новым друзьям нелегальные брошюры: «Емелька Пугачев», «История одного крестьянина», «О мученике Николае», «Крестьянские выборы», «Хитрая механика».

Антон Павлович Чехов.

Так продолжается пять недель. Днем — тяжелая работа, от которой ломит руки и ноги и мучительно хочется спать. Вечером — чтение и разговоры с рабочими. А ночью — тощий сенной тюфяк, соломенная подушка, клопы и спертый воздух, от которого кружится голова. Бардиной это вдвое тяжелее: она воспитывалась в барских условиях, привыкла к известному комфорту. Но Бардина не сдается...

В 1875 году ее арестовывают. На предварительном следствии она называет себя буквой «А» и отказывается давать какие-либо показания. Но на судебном процессе Бардина выступает. Она не защищается, она нападает.

— Я убеждена в том,— говорит Бардина,— что наступит день, когда даже и наше сонное и ленивое общество проснется, и стыдно ему станет, что оно так долго позволяло безнаказанно топтать себя ногами. И тогда оно отомстит за нашу гибель... Преследуйте же нас — за вами пока материальная сила, господа, но за нами — сила нравственная, сила исторического прогресса, сила идеи, а идея, увы, на штыки не улавливается!

Рядом с Бардиной на скамье подсудимых сидит московский ткач Петр Алексеев.

«Некрасивое, немного рябоватое, бледное лицо, обрамленное густыми, несколько волнистыми черными волосами, с блестящими черными глазами, — рисует его портрет современник, — производило впечатление большой силы и смекалистости. Крепкая, широкая фигура, изрядно большие, мускулистые руки, кулак — как хороший булыжник, и весь — крупный, сильный богатырь русского эпоса».

Петр Алексеев получил революционную закалку в петербургских кружках. Приехав в Москву, он широко развернул агитационную работу на московских фабриках, втянув в нее своих братьев — Власа, Игната и Никифора.

Петр Алексеев — талантливый организатор и прекрасный агитатор. Его популярность на московских предприятиях обращает на себя внимание полиции, и жандармы арестовывают его одновременно с Бардиной.

На суде он говорит:

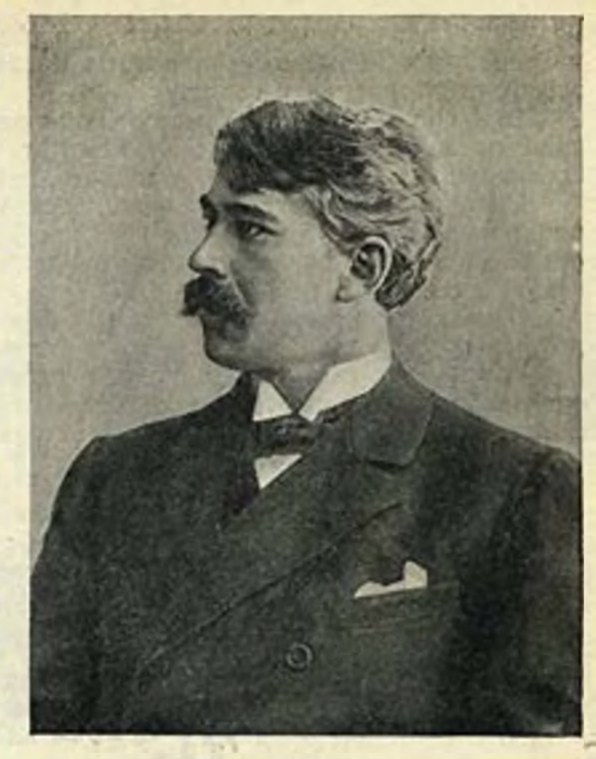
— Неужели мы не можем сообразить и понять, почему это мы так дешево ценимся и куда девается наш невыносимый труд? Отчего это другие роскошествуют, не трудясь, и откуда берется ихнее богат-

ство?.. Ни сырые подвалы, куда загнан рабочий, ни голод, ни водка, ни карты, ни ужасы каторги и тюрьмы не в состоянии убить в рабочих чувство протеста и понимания своего положения... Поднимается мускулистая рука миллионов рабочих, и ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится впрах!

Речь Алексеева на суде Ленин назвал «великим пророчеством русского рабочего-революционера»...

Бардину и Алексеева отправляют на каторгу. С ними вместе уходят в Сибирь десятки московских агитаторов.

Но их дело не умирает. В Москве возникают рабочие кружки. Появляется тайная типография, где печатаются нелегальные издания работ Маркса и Энгельса.

Константин Сергеевич Станиславский.

В январе 1894 года в Москву приезжает В. И. Ленин.

В том же году он пишет в Москве брошюру «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?»

Живая связь В. И. Ленина с московским рабочим движением оказывает решающее влияние на работу революционных организаций. В Москве создается первый марксистский социал-демократический кружок «Московский рабочий союз». Союз руководит революционным движением, пишет и печатает прокламации, ведет пропаганду, сносится с заграницей.

С этого момента начинается славная боевая жизнь московской организации большевистской партии.

В 1894 году в «Московский рабочий союз» входят рабочие социал-демократы всего лишь от десятка фабрик и заводов: от Гужона, Бромлея, Листа, Брестских и Казанских железнодорожных мастерских.

В 1895 году московские рабочие празднуют свою первую маевку.

В феврале 1896 года, по случаю 25-летия Парижской коммуны, «Московский рабочий союз» посылает французским пролетариям приветствие, подписанное 605 рабочими двадцати восьми крупных предприятий.

Теперь это уже в полном смысле массовая рабочая организация: с «Московским рабочим союзом» уже связаны две тысячи рабочих свыше сорока предприятий Москвы.

В начале XX века в России разразился тяжелый экономический кризис. В 1904 году в Москве и Московской губернии закрываются пятьдесят фабрик. Свыше двадцати пяти тысяч рабочих выброшены

на улицу. Безработные голодают. А в Москву из деревень стекаются на заработки новые тысячи крестьян, спасаясь от непосильных платежей, от разорения и голода.

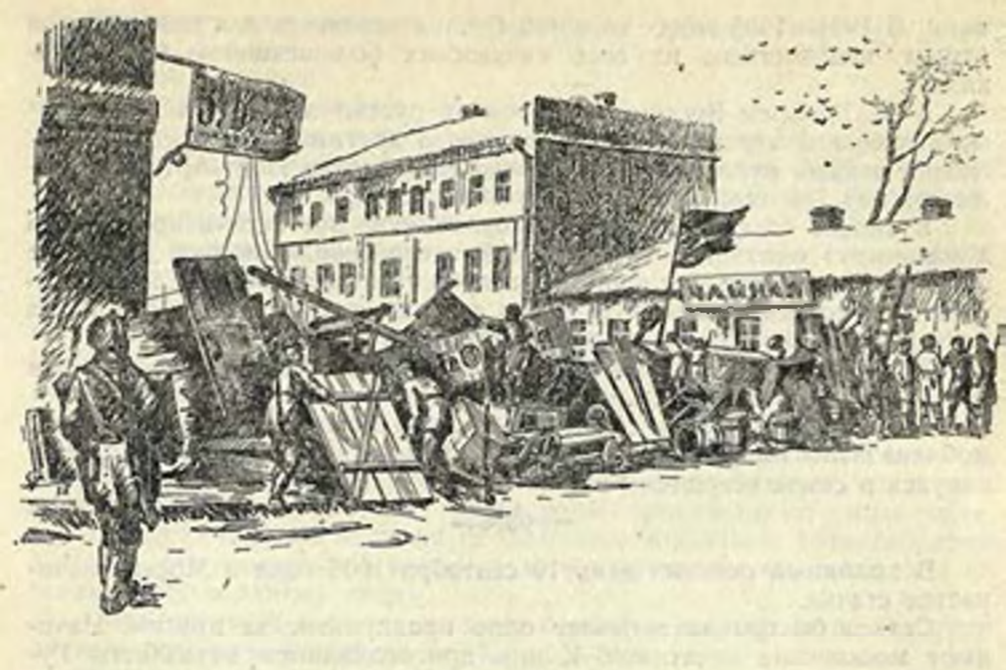
1904 год — особенно тяжелый год в жизни московской большевистской организации. Московский комитет разгромлен полицией. Лучшие люди большевистского подполья Москвы брошены в тюрьмы.

Но проходит и эта тяжелая полоса. В Москву съезжаются товарищи из-за границы и других городов. Крепнет и растет московская организация. В тяжелых условиях она подготовляет пролетариат к великим событиям революции 1905 года.

В цехах московских заводов из рук в руки переходят зачитанные до дыр прокламации:

«Пусть же скорее под живым напором революционной волны организованного пролетариата разлетится впрах как трон тирана-самодержца, так и основанный на эксплоатации буржуазный мир...»

1905 ГОД

Девятого января 1905 года в Петербурге, на Дворцовой площади, перед Зимним дворцом, по царскому приказу расстреляна мирная демонстрация рабочих. Убито тысяча двести человек, ранено несколько тысяч.

Лишь только в Москву доходят первые известия о «Кровавом воскресенье», Московский комитет Российской социал-демократической рабочей партии обращается к рабочим и трудящимся с призывом:

«Настал час расплаты с врагами. Довольно голода, довольно полицейских цепей, довольно кровопролитной бойни — войны... В Петербурге бросили работу на всех фабриках и заводах, наши петербургские товарищи вышли на политическую демонстрацию. Пролилась кровь... прольется кровь и еще, пока не будет низвергнуто самодержавие. Товарищи, бросайте и вы все работу и на улицу с криком: «Жить в свободе или умереть в борьбе!»

Призыв Московского комитета услышан: на кровавую царскую расправу рабочие отвечают забастовкой — в январе в Москве бастует свыше сорока тысяч рабочих.

Волна стачек и волнений катится по стране.

Бастуют служащие и рабочие Московско-Казанской и Виндавской железных дорог. Стали предприятия Донецкого бассейна и Юга. Прекратили работу текстильные фабрики Орехово-Зуева и Иваново-Вознесенска. В июне вспыхивает восстание на броненосце «Потемкин» на Черном море.

В Грузии не покладая рук работает товарищ Сталин. К этому времени он уже бежал из царской ссылки. Жандармы охотятся за ним, вынюхивают, ловят. Товарищ Сталин вторично бежит из ссылки, редактирует нелегальный большевистский орган «Борьба пролетариата», агитирует и ведет яростную борьбу с предателями-меньшеви-

ками. В 1904—1905 годах товарищ Сталин «является для меньшевиков самым ненавистным из всех кавказских большевиков» (Орджоникидзе).

А на Дальнем Востоке, на фронтах русско-японской войны, царские генералы терпят одно поражение за другим. Под Мукденом погибают тысячи русских солдат. Предательски сдан Порт-Артур. В сражении под Цусимой потоплена русская эскадра.

В апреле бастуют московские булочники. Все лето непрерывно в Москве идут массовки на окраинах. К осени революционное движение рабочих развертывается вширь и вглубь. Не только заводы, но и аудитории московских высших учебных заведений превращаются в места постоянных митингов и рабочих собраний...

Товарищ Ленин внимательно следит из Швейцарии за каждым выступлением московских рабочих. Владимир Ильич пишет:

«Движение началось с Питера, обошло по окраинам всю Россию, мобилизовало Ригу, Польшу, Одессу, Кавказ, и теперь пожар перекинулся в самое «сердце» России».

В холодный осенний день 19 сентября 1905 года в Москве начинается стачка.

Стачка быстро захватывает одно предприятие за другим. Начинают московские печатники. К ним присоединяются металлисты Гужона, табачные фабрики «Габай» и «Дукат». Прекращают работу столярные и деревообделочные мастерские. Рабочие городского водопровода присылают в городскую управу свои требования с угрозой стачки.

Московский комитет большевиков зовет рабочих на борьбу:

«От стачки к стачке, от стачки к вооруженному восстанию, от восстания к победе — таков наш путь, путь рабочего класса».

Московские меньшевики выносят трусливое решение:

«Не поднимать рабочих, действовать митингами, выбирать депутатов для переговоров».

В четыре часа дня 23 сентября на Страстной (теперь Пушкинской) площади собирается группа забастовщиков. Со стороны дома генерал-губернатора в толпу врезается полуэскадрон конных жандармов. Сытые жандармские лошади теснят рабочих. Сверкают шашки. Раздается пронзительный крик: кого-то подмяла под себя жандармская лошадь.

В жандармов летят булыжники, вывернутые из мостовой. Щелкает револьверный выстрел. Раненый жандарм падает с лошади.

Неожиданно со стороны Тверского бульвара на площадь влетают казаки. Свистят нагайки. Льется кровь. Площадь пустеет.

Московские большевики выпускают листовку:

«Товарищи рабочие, собирайте силы, вооружайтесь, подготовляйтесь нанести смертельный удар старому порядку».

24 сентября к московскому булочнику Филиппову является депутация от его пекарей и заявляет о решении начать стачку...

Утро 25 сентября туманное и сырое.

Как всегда, филипповские пекари мирно стоят кучками около ворот главной филипповской булочной на углу Тверской (теперь улицы Горького) и Глинищевского переулка.

Неожиданно отряд полицейских с обнаженными шашками, быстро пройдя через парадный ход, входит во двор, пытаясь проникнуть во внутренний фабричный корпус.

Входная дверь закрыта. Околоточный требует ключи. В ответ раздаются крики:

— Вон полицию!

— Долой жандармов!

Из окна пекарни летят кирпичи, камни. Городовые разбегаются.

Через час у булочной появляется полицеймейстер, казаки и жандармы. Спешившись в Глинищевском переулке, они без предупреждения дают два залпа по верхним этажам.

Пули попадают в окна частных квартир. Дребезжат стекла. Сыплется штукатурка. Мирные обыватели мечутся в ужасе.

Полицеймейстер ждет десять минут. Разбитые окна молчат. Тогда он храбро вводит роту солдат в филипповскую кофейню и требует у дворников топоры и ломы — разбирать баррикады на фабричном дворе.

Но никаких баррикад нет...

Окончательно осмелев, полицеймейстер велит созвать к нему во двор пекарей. Городовые обходят мастерскую, столовую, спальни и гонят всех вниз — рабочих, дворников, метельщиков, мальчишек.

На верхний этаж полиция не решается подняться, хотя дворники божатся, что там никого нет. Для верности жандармы дают залп по безлюдному верхнему этажу.

Снова мечутся в ужасе жильцы соседних квартир, и дождь стеклянных осколков падает на асфальт двора...

Двести филипповских булочников под усиленным конвоем отведены в Гнездниковский переулок, в московскую охранку.

В четыре часа дня из охранки выходит группа молодых пекарей. Их головы забинтованы. На бинтах кровь.

Они рассказывают:

— Городовые жестоко избили филипповцев. Некоторых увезли в больницы. Другим сделали перевязки и отпустили домой.

В этот вечер во всех районах Москвы идут горячие стычки рабочих с полицией...

Забастовщики проникают в аудитории Инженерного и Межевого институтов, в университет, в Политехнический музей, в Высшее техническое училище. Здесь идут оживленные митинги. Между рядами стульев ходят студенты, собирая в потрепанные фуражки деньги на оружие. В проходах стоят молодые девушки. У них на красных лентах через плечо висят кружки с надписью:

«На бомбы».

Из рук в руки передаются большевистские прокламации:

«На посты, товарищи! Да здравствует всеобщая стачка! Да здравствует вооруженное восстание!»

7 октября бастует весь московский железнодорожный узел. Беспомощно стоят на путях задержанные поезда. Валяются спиленные телеграфные столбы. Гаснут электрические фонари. Воинские патрули ходят по мертвым путям.

Москва отрезана от всей страны. Забастовка широкой волной разливается по городу.

Окончательно останавливаются конки и трамваи. Не выходят газеты. Прекращается подача воды из Мытищинского водопровода. Цены на базарах растут с каждым днем. Нехватает муки и хлеба. У магазинов стоят очереди.

14 октября гаснет электричество. Закрываются магазины, лавки, банкирские конторы, государственный банк, почтовые отделения, сберегательные кассы.

В Москве готовится восстание. Рабочие вооружаются. В подвалах домов члены рабочих дружин учатся стрельбе из маузеров и винтовок.

Генерал Трепов, тогдашний министр внутренних дел, присылает в Москву свой знаменитый приказ:

«Холостых залпов не давать, патронов не жалеть».

Рабочая Москва принимает бой.

Московский комитет большевиков требует от городской думы сложить полномочия и вместо думы создать временный революционный комитет.

Новые предприятия примыкают к стачке.

Замирает миллионный город. Друг против друга во весь рост встают два непримиримых врага, готовых к решительной, кровавой схватке...

***

Восстание разгорается. От Ревеля до Одессы, от Польши до Сибири народ бьется на баррикадах.

Царь пробует обмануть рабочих.

В Москву летят из Петербурга телеграммы министра внутренних дел, и хозяева московских заводов неожиданно «добреют». Они щедро обещают сокращение рабочего дня, прибавку к заработной плате, уничтожение вычетов и штрафов.

В окраинных кварталах провокаторы уверенно говорят, что победа уже в руках рабочих, что хозяева готовы на все уступки, что завтра наступит рай на земле, — надо только сегодня отказаться от всякой борьбы и прекратить забастовку. Тут же мимоходом пугают всех непокорных полчищами солдат, орудиями, пулеметами, сибирской каторгой, черной сотней. И отдельные группы рабочих начинают ломать стачку.

Выходят газеты. Военные машинисты из солдат пускают пригородные и товарные поезда по Казанской дороге. Жизнь постепенно начинает входить в свою обычную колею.

18 октября в Москве получен царский манифест. В нем царь обещает конституцию, свободу слова, совести, собраний, союзов, неприкосновенность личности.

Манифест окончательно решает судьбу московской стачки.

Многим он кажется прекрасной, увлекающей победой. Стачечный комитет под напором меньшевиков (в комитете большевики в меньшинстве) обращается с призывом кончать всеобщую стачку.

Истомленные борьбой, сбитые с толку манифестом, под нажимом полиции и черной сотни московские предприятия встают на работу.

Ленин предупреждает:

«Неприятель отступил, оставив за революционым народом поле сражения, — отступил на новую позицию, которая кажется ему лучше укрепленной и на которой он надеется собрать более надежные силы, сплотить и ободрить их, выбрать лучший момент для нападения».

Ленин оказался прав.

Рабочая демонстрация идет к Таганской тюрьме освобождать политических заключенных.

По Немецкой улице едет на извозчике с развевающимся красным знаменем сияющий радостью «дядя Коля» — товарищ Н. Э. Бауман, один из руководителей московских большевиков, недавно освобожденный из тюрьмы.

Неожиданно наперерез Бауману выбегает из-за угла черносотенец. Он ударяет Баумана обрезком газовой трубы по голове. «Дядя Коля» падает мертвым. С ним вместе падает красное знамя...

Николай Эрнестович Бауман.

Еще ни разу старая Москва не видала таких величественных похорон, какие были 20 октября 1905 года.

Впервые на улицы выходят стройными рядами десятки тысяч рабочих с бесчисленными красными флагами и плакатами. Процессия растягивается на несколько километров.

Оркестра нет, но тысячи голосов неумолчно поют «Вы жертвою пали в борьбе роковой», и печальный похоронный марш превращается в грозный гимн борьбы, в торжествующий гимн первой победы...

У полиции нехватает смелости разогнать эту замечательную демонстрацию. Но полиция мстит за свою трусость по-своему — жестоко и подло.

Вечером боевая дружина, возвращаясь с похорон, подходит к университету, чтобы оставить здесь свои знамена. Засевшие в Манеже казаки в упор расстреливают дружинников. Казаки ничем не рискуют — они под защитой толстых каменных стен. На булыжной мостовой остаются четырнадцать убитых и двести раненых.

Первые же дни «свободы» залиты кровью.

В Москве ходит по рукам четверостишие:

Царь испугался —
Издал манифест:
Мертвым — свободу,
Живых — под арест.

Обманув лживым манифестом и добившись прекращения стачки, царское правительство решает разгромить революцию. Начинаются аресты, ссылки, расстрелы.

Московский пролетариат переходит в контратаку.

21 ноября в Москве вслед за Петербургом организован Совет рабочих депутатов — собрание выборных от всех фабрик и заводов, — невиданная в мире массовая политическая организация рабочего класса, прообраз советской власти. В отличие от Петербурга, в Москве, по призыву большевиков, рядом с Советом рабочих депутатов возникает Совет солдатских депутатов. И Московский совет становится органом вооруженного восстания.

5 декабря Московский комитет большевистской партии предлагает Московскому совету объявить общеполитическую забастовку, с тем чтобы в ходе борьбы превратить ее в восстание. Собрания рабочих на заводах и фабриках поддерживают это решение.

7 декабря выходит в свет первый номер «Известий Московского Совета рабочих депутатов». В нем напечатан призыв «объявить в Москве со среды 7 декабря, с 12 часов дня, всеобщую политическую забастовку и стремиться перевести ее в вооруженное восстание».

Ровно в двенадцать часов замирают все железнодорожные линии московского узла, кроме Николаевской железной дороги. На фабриках прекращают работу сто тысяч человек. В цехах металлических заводов рабочие с раннего утра готовят себе холодное оружие. На улице дружинники останавливают и обезоруживают полицию, жандармов, офицеров. С красными флагами, с пением революционных песен проходят манифестации. На перекрестках стоят усиленные воинские патрули. Кое-где слышатся выстрелы.

Начинается декабрьское восстание московского пролетариата.

В ночь на 10 декабря первый орудийный выстрел гулким эхом проносится над уснувшими московскими улицами: батарея трехдюймовых орудий обстреливает училище Фидлера близ Чистых прудов, где собрались на митинг рабочие, железнодорожники, студенты, ученики старших классов.

Снаряды рвутся в темных классах, ломают парты, разбивают классные доски в мелкие щепы.

В промежутках между артиллерийскими выстрелами звенит торопливая дробь ружейной стрельбы. Шальные пули попадают в окна соседних квартир. Морозный ветер врывается в сонные комнаты. По темным коридорам испуганно мечутся поднятые с постели жильцы.

На училище ведут наступление три роты гренадер Самогитского полка, эскадрон драгун, полиция, жандармы и батарея трехдюймовок.

У дружинников — только несколько маузеров и старые револьверы. Их выстрелы тонут в залпах гренадер и взрывах артиллерийских снарядов.

Лишь изредка громыхнет брошенная из училища бомба, разбросает грязный снег на мостовой и швырнет комьями мерзлой земли в стены соседних домов. А потом опять редкая револьверная дробь из темных окон осажденного дома, грохот орудийных выстрелов и размеренные, методические залпы гренадер.

Всю ночь держатся дружинники. До рассвета жалобно дрожат ставни, сыплется штукатурка, и мелкая желтая пыль поднимается над училищем, оседая на крышах соседних домов.

Утром становится ясно: сопротивление бесполезно. Осажденные выбрасывают белый флаг. Один за другим сто восемнадцать дружинников выходят из здания училища, оставив револьверы в разрушенных классах.

Неожиданно из переулка вылетает эскадрон драгун. Кавалеристы наотмашь рубят шашками безоружных, как рубят на ученье соломенные чучела во дворе казармы. Скрыться некуда — ворота и парадные закрыты наглухо. Через несколько минут на снегу лежат трупы дружинников. Уцелевших под усиленным конвоем отправляют в тюрьму...

За взятие Фидлеровского училища гренадерами и за лихую драгунскую атаку император Николай II посылает войскам благодарственную телеграмму:

«По удостоверению генерал-губернатора о безупречном поведении войск поручаю вам объявить им мое сердечное спасибо».

Ружейные залпы гренадер по училищу Фидлера поднимают всю Москву. На заводах и фабриках идут массовые собрания. По городу проносится большевистский призыв:

— На баррикады!

Поперек улицы валят все, что попадается под руку: телеграфные столбы, бочки, ящики, заборы, доски, вывески, решетки, поленья...

Уже к двум часам дня 10 декабря сотни баррикад перегораживают Садовую, Тверскую, Бронную, Грузинскую. Триумфальная площадь окружена со всех сторон поваленными столбами, кронштейнами, сорванными с петель воротами, кулями с углем и опутана трамвайной проволокой. У Миусского парка и Бутырской заставы вырастают баррикады из поваленных трамвайных вагонов. Тут же нагромождены в кучу извозчичьи пролетки. У типографий лежат поперек улицы громадные рулоны бумаги.

Войска брошены на штурм баррикад.

Начинается жестокий бой московских рабочих и полутора тысяч дружинников против жандармов, казаков и императорской гвардии, вооруженных пушками, винтовками, пулеметами.

Бой разгорается по всей Москве. Трещат ружейные залпы. Тяжело ухают пушки. Рвется шрапнель над толпами рабочих. Баррикады, изрешеченные пулями, переходят из рук в руки.

С каждым часом борьба становится ожесточеннее. Орудия бьют по Тверской, Цветному бульвару, Сухаревой башне. Горят баррикады, взятые войсками у Триумфальных ворот. Но через час рядом вырастают новые, и опять пачками стреляют гренадеры по грудам бочек, поленьев и заснят окна домов от орудийных залпов.

Вечером в переулках Сретенки вспыхивает пожар. Красное зарево полыхает над Москвой. Тяжело ухают пушки у Триумфальных ворот. Ярко горят подожженные гренадерами баррикады на Цветном бульваре. На грязном навозном снегу лежат трупы убитых.

С церковных колоколен бьют полицейские пулеметы, расстреливая засевших на баррикадах дружинников.

По Москве рассыпались отряды боевиков. Они дерутся под руководством московской большевистской боевой организации.

Из проходных ворот, из-за садовых оград, из чердачных окон боевики неожиданно осыпают войска градом револьверных пуль и исчезают так же быстро, как появляются. Солдаты стреляют наугад по верхним этажам, по крышам домов, по купам садовых деревьев, а дружинники уже появляются в тылу, и в лабиринте московских переулков начинается охота за маленькой группой неуловимых боевиков...

В вооруженной борьбе с царизмом московские рабочие показывают немало образцов отваги и героизма. От старых кадровых рабочих не отстают молодежь и женщины.

...10 декабря на Пресне казаки с обнаженными шашками мчатся на безоружную рабочую демонстрацию. Из толпы бросаются навстречу казакам две девушки-работницы с красным знаменем в руках:

— Убейте нас! Живыми мы знамя не отдадим!

Казаки поворачивают назад...

В Миусском трамвайном парке тринадцать боевиков. У каждого

из них — обычный дневной запас патронов. Против дружинников кольцом вокруг парка располагаются шестьсот солдат, три орудия, два пулемета и конвойная команда пересыльной тюрьмы.

Трое дружинников охраняют баррикаду на Лесной. Десять остальных занимают основную позицию во втором этаже над мастерскими парка.

Вначале войска не могут понять, откуда бьют дружинники, на выбор снимая прислугу у пулеметов и орудий, и снаряды, отыскивая неприятеля, ложатся на большом пространстве, зажигая маленькие деревянные домишки Лесной улицы и Миусского проезда.

Наконец боевики нащупаны, и артиллерийский огонь сосредоточен на мастерских.

Сорок снарядов разрывается на территории трамвайного парка. Дружинники метко отстреливаются из винчестеров, несколько раз отгоняя солдат от пулеметов.

Батарея трехдюймовок стреляет методически, стараясь нащупать боевиков в здании мастерских.

Орудия начинают искать врагов с правого угла здания. Снаряды, пробивая сквозную брешь в стене, рвутся в правом крыле. Дружинники занимают левую часть, упорно отстреливаясь из окон от наседающего противника.

Орудия громят левое крыло. Боевики перебегают в правую часть и продолжают стрелять через бреши в стене.

Несколько раз артиллеристы меняют прицел орудия, и несколько раз перебегают боевики от бреши к бреши, сбивая с толку неприятеля.

Бой длится четыре часа. У дружинников выходят все патроны. Они прячут винтовки на дворе парка и все до одного — из них не пострадал никто — уходят по Миусскому проезду на железнодорожные пути Брестской дороги.

Артиллерия продолжает обстреливать трамвайный парк. Только через полтора часа после ухода дружинников пехота занимает оставленные мастерские...

На помощь Москве спешат боевые дружины из других городов. Из Иваново-Вознесенска приезжает боевая дружина, возглавляемая большевиком М. В. Фрунзе.

Подмосковные крестьяне привозят рабочим хлеб и картофель и сплошь и рядом сами становятся на баррикады.

Геройство дружинников не на шутку пугает московского губернатора Дубасова. Ему чудятся за баррикадами десятки и сотни тысяч врагов. Только большими вооруженными силами можно подавить восстание. А он, генерал Дубасов, не уверен даже в своем гарнизоне. Некоторые воинские части разоружены и заперты в казармах: офицеры не отвечают за поведение солдат. Из пятнадцатитысячного гарнизона можно поручиться только за пять тысяч.

Дубасов требует подкрепления из Петербурга. Петербург отказывает: правительство боится оставить столицу без вооруженной защиты.

Тогда Дубасов обращается с докладом лично к Николаю II: если не будут немедленно высланы подкрепления в Москву, он, московский генерал-губернатор, снимает с себя всякую ответственность за целость самодержавия.

Император испуган.

14 декабря, по личному приказу Николая II, в Москву отправлен Семеновский полк — один из лучших полков императорской гвардии.

На баррикаде.

Московский боевик.

Но еще до его приезда становится ясно, что на этот раз рабочие проиграли.

Московский комитет большевиков арестован, и восстание лишено руководства.

Во время декабрьского восстания В. И. Ленин работает в Петербурге. Центральный комитет большевиков призывает питерских рабочих начать восстание и поддержать своих московских товарищей. Но Троцкий, засевший вместе с меньшевиками и эсерами в Петербургском совете, предает революцию. Начавшаяся в Петербурге декабрьская стачка заканчивается, так и не перейдя в вооруженное восстание.

И борьба в Москве идет на убыль.

Некоторые районы города уже целиком в руках жандармов. На улицах появляются вооруженные черносотенцы. Начинают ходить трамваи. Открываются магазины, конторы, банки, биржа. Все понимают, что баррикадная борьба кончилась.

16 декабря Московский совет выпускает воззвание, призывая рабочих 19 декабря прекратить забастовку и приступить к работе.

Дубасов шлет в Петербург торжествующую телеграмму.

И все-таки борьба еще не кончается! Рабочие Пресни решают драться до последнего человека.

В те дни Пресня — пролетарская крепость в разгромленной, побежденной Москве. Здесь власть принадлежит восставшим рабочим. На Трехгорной мануфактуре и мебельной фабрике Шмидта, цитаделях Пресни, — свои законы.

Здесь строго-настрого запрещена продажа водки. На Пресне работает свой, рабочий суд. Разбираются дела по подозрению в шпионаже и попытках пробраться на территорию восстания без пароля. По приговору рабочего суда восставшей Пресни расстреляны околоточный Сахаров — за шпионаж и начальник сыскного отделения Войлошников — за участие в раскрытии политических дел...

Против пресненских рабочих выступает полковник Мин во главе лейб-гвардии Семеновского полка, артиллерии, полиции, жандармов, гренадер, казаков и пехоты.

17 декабря в семь часов утра полковник Мин приказывает начать обстрел Пресни.

Один за другим ложатся снаряды в кривых пресненских переулках. Над белыми сугробами рвется шрапнель.

Горят подожженные артиллерией дома. Пылает фабрика Шмидта, бани, спальный флигель Прохоровки. В клубах черного дыма мечутся женщины. А орудия попрежнему бьют по Пресне, по ее домам, фабрикам, рабочим казармам...

Ночь на 19 декабря была тихой и темной. Лишь кое-где красными огоньками мелькают на Пресне тлеющие головешки. Темной громадой стоит корпус Прохоровской мануфактуры. Сотнями глаз смотрят на Пресню сторожевые посты полковника Мина.

Неожиданно пугливо залаяла собака, ей отозвалась вторая, третья...

Лай не смолкает, назойливый и упорный. И вдруг, перекинувшись от заставы вправо, ползет от квартала к кварталу, кольцом окружая Пресню.

На Пресне порядок восстановлен. По безлюдным улицам, среди тлеющих домов, разъезжают патрули казаков.

Пустынными улицами вдоль снежных сугробов медленно движутся темносерые шеренги в барашковых шапках и с красными погонами. Царская гвардия идет на приступ.

Дружинники, захватив оружие, им одним знакомыми проулками уходят через реку, через железнодорожные пути за город — в лес, на явочные партийные квартиры, в тихую уездную глушь.

19 декабря Пресня переходит в руки семеновцев.

Прохоровская фабрика становится местом расстрела пресненских рабочих...

На фабричный двор выводят группы арестованных и выстраивают в ряд. На крыльце — сам полковник Мин и группа офицеров. Один из них подходит к заключенным. С ним вместе городовой. Он что-то шепчет. Офицер сортирует арестованных: одни должны встать направо, другие налево.

На левой стороне — пятнадцать человек. Им приказано итти к часовне. Вслед им раздается залп. Все падают. Через минуту из груды тел поднимается раненая курсистка. Снова залп. Девушка падает мертвой.

Офицер обходит стрелявших солдат и каждого целует в губы:

— Спасибо, братцы! Постарались для меня...

Несколько дней побежденная Пресня наводнена войсками. Всюду шныряют шпики. Идут повальные обыски в домах. На перекрестках стоят пикеты вооруженных винтовками городовых, казаков, семеновцев. Останавливают прохожих, ощупывают, бьют. При малейшем подозрении расстреливают на месте.

На разгромленной Пресне родные справляются об участи своих пропавших близких.

Группа дружинников уходит из разгромленной Москвы на Казанскую дорогу.

На дороге во время восстания действует отряд боевиков-железнодорожников. Их главная база — мастерские Казанской дороги. Их операционная линия — участок от Москвы до станции Голутвин.

Поезд дружинников на станциях обезоруживает полицейских и жандармов. Дружинники останавливают воинские эшелоны и захватывают оружие для московских товарищей. Весь пригородный участок Казанской дороги поддерживает восставший поезд.

Для расправы с казанцами из Москвы на линию отправлен отряд Семеновского полка под начальством Римана.

У Римана строгий приказ от полковника Мина:

«Арестованных не иметь и действовать беспощадно. Каждый дом, из которого будет произведен выстрел, уничтожить огнем или артиллерией».

Риман останавливается на каждой станции между Москвой и Голутвиным. Он ходит из дома в дом, по заранее заготовленному списку разыскивая отмеченных лиц. С каждой станции в Москву летят однообразные рапорты:

«Расстреляно 22 человека».

«Казнено 30 человек».

«Расстреляно 15 человек».

...На станции Сортировочная семеновцы обыскивают дома рабочих. В одноэтажном деревянном домике на окраине живет старик-железнодорожник с женой. Старик глуховат на оба уха. Жена только недавно выписалась из психиатрической больницы.

Входная дверь закрыта — старики боятся грабителей. Семеновцы стучат. Старики не слышат.

— Ломай двери!

Прикладом сшибают дверь с петель.

Шум пугает старика. Решает — ломятся грабители. Старик вынимает револьвер. Он готов защищаться.

Расправа семеновцев на станции Люберцы Казанской железной дороги.

На пороге он видит солдат и офицера. Старик изумлен. Наконец он понимает, в чем дело, смеется (он никогда не был революционером) и спешит навстречу гостям:

— Добро пожа...

— В штыки!

Тут же, в прихожей, гвардейцы закалывают старика. Офицер рукояткой револьвера разбивает ему череп.

В этот момент раздается безумный вопль старухи — она снова теряет рассудок.

---

21 декабря московский генерал-губернатор Дубасов объявляет населению Москвы:

«Доблестными действиями войск и самоотверженной работой чинов полиции сопротивление мятежников сломлено и беспорядочные толпы их в настоящее время рассеяны».

Полковник Мин отправляет министру счет о расходах лейб-гвардии Семеновского полка:

«Стоимость довольствия нижних чинов:
Харчи . . . . 5917 р. 62 коп.
Кроме того, израсходовано:
На солому для подстилки нижним чинам 400 р.
Похороны погибших при усмирении
мятежа . . . . 863 р. 60 коп.»

Революция 1905 года разгромлена. У рабочих еще нет прочного союза с крестьянством. Многие крестьяне, поднявшиеся на борьбу против помещиков, еще не понимают, что царь действует заодно с помещиками. Поэтому и большинство солдат — крестьян, одетых в солдатские шинели, — помогало царю подавить восстание рабочих. К тому же, и сам рабочий класс, передовая сила революции, пока еще не стал настоящим вождем революции: в социал-демократическую рабо-

чую партию вместе с большевиками входят меньшевики — соглашатели и предатели революции.

Царское правительство жестоко расправляется с восставшими. По всей стране действуют военно-полевые суды.

Свыше пяти тысяч человек приговорено к смертной казни. Десятки тысяч революционеров брошены в тюрьмы и сосланы в Сибирь. По стране катится волна кровавых черносотенных погромов. Свирепствует «Союз русского народа» — сброд монархистов и провокаторов.

И снова на перекрестках московских улиц стоят городовые в черных шинелях. По улицам бродят сыщики. Ярко сияют огни ресторанов. Бойко торгуют охотнорядские купцы. С московских колоколен плывет тягучий вечерний благовест.

В назначенный час пронзительно гудят заводские сирены, объявляя начало работы. Мастер берет взятки водкой, деньгами, натурой. Мигают и тухнут подслеповатые фонари.

Купеческая Москва как будто живет своей прежней, обычной жизнью.

Но кое-где нелепой грудой топорщатся телеграфные столбы, под корень срезанные кривым, торопливым срезом. Обрывками проволоки окручен фонарь. Штукатурка домов покрыта белой оспой шрапнельных разрывов.

Большевики знают: городовые по углам, сыщики перед генерал-губернаторским домом и вечерний благовест, все это внешнее благополучие «первопрестольной» — только временная передышка, только антракт перед новыми, решающими боями...

Борьба рабочего класса продолжается. Бок о бок с Лениным борется Сталин, его верный друг и соратник.

В 1910 году Сталина арестовывают. Но уже в 1911 году он бежит из ссылки и появляется в Петербурге. Его снова ловят и ссылают в Вологду. Но он опять бежит, возвращается в Петербург, борется против меньшевиков и прежде всего — против иуды Троцкого.

В январе 1912 года в Праге заседает Пражская конференция. Ленин организует самостоятельную большевистскую партию. Членом Центрального комитета большевистской партии избран товарищ Сталин.

Сталин — всюду. Он объезжает партийные организации России, редактирует «Звезду», является одним из основателей петербургской «Правды». Его снова арестовывают и ссылают, но он снова бежит и работает не покладая рук, скрываясь от жандармов, без паспорта, загримированный, изо дня в день меняя пристанища.

В апреле 1912 года в Сибири царские войска стреляют в безоружную толпу рабочих Ленских приисков и убивают пятьсот человек.

Ленский расстрел поднимает страну.

По призыву большевиков, в Москве бастуют пятьдесят четыре тысячи рабочих. Застрельщики забастовки — рабочие-металлисты больших заводов: Гужона, Бромлея, Листа и Мытищинского вагоностроительного завода.

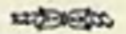
В августе 1912 года Московский комитет большевиков начинает выпускать в Москве свою легальную газету «Наш путь». Московским большевикам удается связаться с товарищем Лениным, живущим в то время в Галиции, около австро-венгерской границы, в деревне Поронино. Ленин живо интересуется изданием московской большевистской газеты. В своем письме к А. М. Горькому Ленин пишет:

«Сборы на московскую газету обрадовали нас зело... У нас есть план постановки московской «Правды».

Газета «Наш путь» живет всего лишь восемнадцать дней. В сентябре 1912 года газета закрыта полицией, а редакция ее арестована.

Московские рабочие отвечают на закрытие своей газеты мощной забастовкой. В Москве бастуют девяносто тысяч рабочих. По призыву большевиков, рабочие выходят на улицу. Около Страстного монастыря происходит столкновение с полицией...

В июне 1913 года арестован товарищ Сталин. Его ссылают в Сибирь, в зимовье Курейку, в двадцати километрах от Полярного круга.

19 июля 1914 года Россия вступает в империалистическую войну.

Московские купцы и промышленники посылают в Петроград на имя Николая II приветственные телеграммы. На торжественных заседаниях городской думы и купеческих обществ звучат восторженные речи. Оркестры играют гимн. Меньшевики и эсеры клянутся в своих верноподданнических чувствах. И только большевики выступают против империалистической бойни...

Под колокольный звон с московских вокзалов отправляются на запад эшелоны мобилизованных. Навстречу нескончаемой вереницей тянутся поезда с ранеными, искалеченными, больными. И с ними приходят безрадостные вести.

Продажные интенданты срывают доставку на фронт снарядов, патронов, обмундирования. Бездарные царские генералы бессильны руководить громадными армиями, и первые успехи сменяются позорными поражениями. На железных дорогах бесконечные пробки. Продовольственные грузы месяцами лежат на станциях под открытым небом. На Москву надвигается голод.

У продовольственных лавок выстраиваются очереди. Голодные уже не раз громят булочные.

В заводских цехах и рабочих кварталах появляются большевистские прокламации:

«Довольно терпеть и молчать! Чтобы устранить дороговизну и спастись от надвигающегося голода, вы должны бороться против войны, против всей системы насилия и хищничества».

На заводах вспыхивают забастовки. Забастовщиков сажают в тюрьмы, отправляют на передовые позиции. Рабочие отвечают новыми забастовками. И начальник московской охраны пишет:

«Напряжение масс доходит в Москве до такой степени, что приходится ожидать, что это напряжение может вылиться в ряд тяжелых эксцессов».

9 января 1917 года, в годовщину «Кровавого воскресенья», в Москве бастует треть рабочих. Московский комитет большевиков организует двухтысячную демонстрацию на Тверском бульваре. Конная полиция разгоняет собравшихся.

К трем часам дня группа рабочих появляется на Театральной площади. Высоко над толпой реют красные плакаты:

«Долой войну!»

Демонстрация двигается к Охотному ряду. Конная полиция с обнаженными шашками врезается в толпу. Льется кровь. Десятки рабочих арестованы. Но через несколько дней стачка возобновляется.

Забастовки вспыхивают по всей стране. В январе бастуют десятки тысяч рабочих. Поднимается деревенская беднота. По широким просторам Российской империи бушует шквал нарастающей революции.

25 февраля в Москве стало известно, что по призыву большевистской партии в Петрограде вспыхнула всеобщая забастовка. Через два дня забастовка перекинулась в Москву. А телеграф с каждым днем приносил из Петрограда все более ошеломляющие вести.

Из далеких фабричных районов столицы тысячные массы рабочих, возглавляемые большевиками, шли к центру города на штурм самодержавия. Их встретили ружейными залпами и пулеметным огнем. Сотни рабочих обагрили своей кровью мосты через Неву, невский лед, мостовые петроградских застав. Десятки испытанных большевиков были брошены в тюрьмы. Но рабочие хорошо помнили уроки 1905 года.

Работницы тесным кольцом окружали солдат и страстно убеждали не топить революцию в крови рабочих. Большевики создавали ячейки в полках петроградского гарнизона. И солдаты, измученные войной, недоеданием, грубостью офицеров, поднимали восстание. Во главе восставших солдат стояли вооруженные рабочие.

В феврале в Москве и других городах Российской империи создаются Советы рабочих и солдатских депутатов.

В марте 1917 года в Москве получена телеграмма: Николай II отрекся от престола, и в Петрограде организовано Временное правительство под председательством князя Львова...

Самодержавие пало. Место царя заняло Временное правительство — правительство буржуазии. Однако власть в стране уже не принадлежала безраздельно Временному правительству. Рядом с ним существовала другая власть — Советы рабочих и солдатских депутатов.

Но в Советах сидели меньшевики и эсеры. Пока большевики дрались на улицах, ведя бой с самодержавием, меньшевики и эсеры пробрались в Советы, пользуясь тем, что большинство лидеров большевистской партии томилось в тюрьмах и ссылках. И Советы добровольно отдали власть Временному правительству. А Временное правительство, в угоду капиталистам, решило продолжать войну «до победного конца».

Из Нарыма и Женевы, из глухих деревушек Сибири и с берегов швейцарских озер — из ссылки и эмиграции — в Москву и Петроград съезжаются большевики. 12 марта 1917 года возвращается в Петроград товарищ Сталин. 3 апреля приезжает из Швейцарии товарищ Ленин.

24 апреля в Петрограде собирается Апрельская конференция большевистской партии. По докладу Ленина и Сталина конференция разрабатывает план борьбы с буржуазией и ее союзниками.

«Временное правительство должно быть свергнуто, — решают большевики. — Но Временное правительство опирается на Советы рабочих и солдатских депутатов, и свергнуть его можно, только завоевав в Советах большинство. Тогда власть из рук Временного правительства перейдет к Советам. Поэтому — «Вся власть Советам!»

Вся партия, кроме нескольких одиночек вроде Каменева, Рыкова, Пятакова, с огромным удовлетворением принимает решение конференции.

Апрельская конференция еще не начала своей работы, а в Москве уже получены сведения, что в Петрограде, по приказу генерала Корнилова, бывшего тогда главнокомандующим петроградского гарнизона, офицеры стреляли в рабочую демонстрацию.

Пролетарская Москва горячо откликается на петроградские события. Народные толпы заполняют площадь перед зданием Московского

совета. Среди рабочих-демонстрантов — 55-й полк в полном составе. В воздухе реют плакаты:

«Долой министров-капиталистов!»

Красные полотнища протягиваются из толпы к высокому балкону здания, и едкими насмешками отвечают демонстранты на призыв меньшевистских ораторов разойтись по домам.

В Москве, как и во всех крупных промышленных центрах страны, быстро растет влияние большевиков. В Москве уже семь тысяч членов большевистской партии. Тираж московской большевистской газеты «Социал-демократ» вырос до пятидесяти тысяч экземпляров.

По всей стране начинается организация пролетарской милиции — будущего ядра Красной гвардии.

В Москве еще со времен Февральской революции часть оружия была перевезена на заводы. На рабочих окраинах организованы боевые дружины. Рабочие завода Михельсона (теперь завода имени Владимира Ильича) в марте завладели винтовками и револьверами варшавской полиции, лежавшими в московских складах Сибирского банка. На всех крупнейших заводах Москвы широко развернулось военное обучение. Там, где нехватало винтовок, рабочие учились ружейным приемам с палками. И все это — несмотря на преследование правительства, аресты, провокацию.

Хозяйство страны трещало по всем швам. Железные дороги не справлялись с перевозками. Нехватало топлива, хлеба, продовольствия.

Буржуазия решила, что пришло время для наступления. Промышленники начали закрывать свои заводы и фабрики. Рабочие выбрасывались на улицу. В рабочих районах начался голод.

Московский промышленник миллионер Рябушинский, заранее торжествуя победу, говорил, что скоро наступит момент, когда «костлявая рука голода, народная нищета схватит за горло демократические советы и комитеты».

Волна возмущений катится по стране. Бастуют фабрики, горят помещичьи именья, полки и батальоны самовольно оставляют фронт...

3—4 июля громадные народные массы выходят на улицы Петрограда и Москвы. Сотни тысяч человек выступают под большевистским лозунгом: «Вся власть Советам!»

В Москве тысячи рабочих и солдат идут из районов и казарм на Скобелевскую (теперь Советскую) площадь. Гигантский митинг открывается перед зданием Московского комитета большевиков. Сюда же внушительным отрядом с винтовками подходят сотни солдат с Ходынки.

Господа в котелках, гимназисты, офицеры и даже разряженные дамы всячески провоцируют столкновение, смешиваясь с колонной демонстрантов и пытаясь вырвать из рук плакаты.

В Петрограде офицеры, юнкера, казаки открывают стрельбу по безоружным демонстрантам. Полиция громит типографию большевистской «Правды». По городу идут повальные аресты. На фронте восстановлена смертная казнь. Введены военно-полевые суды для расправы с революционными солдатами. Опубликован правительственный приказ об аресте Ленина.

Большевики уходят в подполье. После июльских дней меньшевики и эсеры, составляющие большинство в Московском совете, запрещают большевикам доступ в казармы. Но каждый день в Военное бюро при Московском комитете большевиков приходят солдаты и сообщают, что полки требуют большевистских ораторов. Солдатский клуб, орга-

низованный московскими большевиками, каждый вечер битком набит внимательными слушателями в солдатских шинелях.

Большевистская партия растет. Военная организация большевиков Москвы насчитывает уже свыше двух тысяч человек. И за один месяц к московским большевикам приезжают сто семьдесят солдатских депутатов с фронта за литературой, хотя за чтение запрещенных большевистских листовок правительство грозит всевозможными карами.

Шестой съезд большевистской партии работает полулегально: каждую минуту можно ждать ареста. Ленин не участвует в работах съезда. Он скрывается сначала в сторожке на заводе Рено, затем в сарае в окрестностях Сестрорецка и, наконец, в шалаше, на сенокосе, в нескольких километрах от станции Разлив.

С политическим отчетом Центрального комитета большевиков и с докладом о политическом положении выступает товарищ Сталин.

Этот исторический съезд определяет новую тактику большевистской партии.

Эсеры и меньшевики в Советах не захотели взять власть в свои руки. Советы стали безвластными. Вся власть сосредоточилась в руках Временного правительства. И буржуазное правительство продолжало разоружать революцию и громить партию большевиков.

«Мирный период революции кончился, — говорил товарищ Сталин. — наступил период не-мирный, период схваток и взрывов».

Буржуазия переходит в наступление.

12 августа в Москве, в Большом театре, Временное правительство для мобилизации сил буржуазии и помещиков открывает Государственное совещание. На совещание съезжаются генералы, офицеры, банкиры, купцы, промышленники, помещики. От Советов сюда являются меньшевики и эсеры.

Эсер Керенский в своей речи на совещании грозит «железом и кровью» подавить всякое революционное движение. Генерал Корнилов требует «упразднить комитет и советы». Буржуазия носит генерала на руках и за кулисами Государственного совещания ведет переговоры с генералом о захвате власти.

Контрреволюция просчиталась. 12 августа, в день созыва Государственного совещания, в Москве не дымит ни одна фабрика. Останавливается все движение на улицах. Шоферы отказываются возить участников совещания. Повара в «Метрополе» и официанты московских ресторанов отказываются их кормить. Понуро бредут с заседаний по притихшим московским улицам «государственные деятели». Лишь у Большого театра раздается постукивание винтовочных прикладов о мостовую. Это юнкера несут караул у здания театра.

После Государственного совещания в ставку (так назывался тогда штаб главнокомандующего) к генералу Корнилову едут фабриканты, купцы, банкиры. Они обещают деньги и поддержку, лишь бы генерал ликвидировал Советы и создал правительство военной диктатуры.

Корнилов открыто подготовляет заговор. О своем мятеже он сговаривается с Керенским. Однако в последнюю минуту Керенский начинает понимать, что революционная волна сметет вместе с Корниловым самого Керенского. Не выгоднее ли выступить против мятежного генерала и этим уверить рабочих и крестьян, что меньшевики и эсеры — «защитники революции»?

Но единственные люди, которые действительно дали сокрушительный отпор Корнилову, были большевики.

На зов Московского комитета большевиков поднимается вся рабочая Москва. «К оружию!» — этот большевистский лозунг с быстротой молнии передается из цеха в цех, из казармы в казарму. Товарищ Киров, находившийся в то время в Москве, посылает в «дикую» дивизию Корнилова, куда входили горские части, делегацию горцев-мусульман. Агитаторы не покладая рук работают в корниловских частях. По призыву большевиков, железнодорожники разбирают пути, задерживая движение эшелонов мятежного генерала. И корниловщина разваливается, как карточный домик.

Большевики нанесли поражение Корнилову. Но власть в стране попрежнему оставалась в руках буржуазии: эсеры и меньшевики после провала корниловского мятежа снова открыто перешли на сторону буржуазии.

Потерпев поражение в вооруженной схватке, буржуазия решает сломить рабочих голодом.

Рабочие Москвы получают в октябре 1917 года меньше полуфунта хлеба в день. В некоторых районах рабочие просто голодают. Начинается саботаж капиталистов. Нефтяное общество «Нобель» отказывается отправлять нефть в Москву. Заводчики один за другим закрывают свои предприятия, рассчитывая рабочих.

Но ни голод, ни аресты, ни безработица не могут сломить волю рабочих. Влияние большевиков растет. В апреле в Московской области было всего лишь восемнадцать тысяч членов большевистской партии; к октябрю число большевиков вырастает до семидесяти тысяч. Перевыборы в Московский совет 19 сентября впервые дают перевес большевикам. И московские большевики энергично ведут организацию Красной гвардии. Ячейки и заводские комитеты московских предприятий организуют обучение красногвардейцев военному искусству. Солдаты-большевики прикомандировываются районными комитетами большевиков к отрядам Красной гвардии. Тульские рабочие отправляют в Москву оружие. На заводе Михельсона рабочие-большевики по ночам изготовляют бомбы.

Но не дремлют и враги. Московский городской голова, эсер Руднев, тайком снабжает оружием домовые комитеты буржуазных кварталов Москвы. Офицеры увозят в юнкерские училища пулеметы из казарм революционных полков. Москва наводняется офицерами: они приезжают сюда для «излечения ран» или под видом «увольнения в краткосрочный отпуск».

Приближается развязка.

В начале октября, получив решение Центрального комитета о вызове в Петроград, Ленин ночью добирается до пригородной станции Удельная и оттуда пешком идет в город, на Выборгскую сторону. Здесь Владимир Ильич долго беседует с товарищем Сталиным.

10 октября Ленин выступает на заседании Центрального комитета. Он неузнаваем: без бороды и усов, в каком-то седеньком парике.

Центральный комитет решает в ближайшие дни начать вооруженное восстание.

Резолюция проходит десятью голосами против двух. Два подлых предателя выступают против Ленина — Каменев и Зиновьев. В решаю-

щий момент они оказываются грязными ренегатами. Скоро они скатятся еще ниже — они станут врагами народа, гнусными наймитами фашизма.

По указанию Центрального комитета партии, создан Военно-революционный комитет при Петроградском совете и выбран партийный центр по руководству восстанием во главе с товарищем Сталиным...

Разбитые в Центральном комитете большевиков, Каменев и Зиновьев решаются на неслыханное в истории партии дело. 17 октября они обращаются в меньшевистскую газету «Новая жизнь» с заявлением о своих разногласиях с Центральным комитетом, тем самым разглашая секретное решение штаба большевистской партии. Их вдохновитель и соратник по предательству иуда Троцкий на открытом заседании Петроградского совета изменнически выбалтывает, что восстание должно произойти в течение ближайших дней.

Узнав из заявления Троцкого, что восстание назначено на 25 октября, враги решают начать свое выступление на день раньше большевистского.

Усиливается охрана Зимнего дворца, где заседает Временное правительство. Юнкера занимают мосты через Неву и правительственные учреждения. 24 октября Временное правительство ждет прибытия в Петроград войск с фронта. В тот же день намечено атаковать и занять большевистский штаб — Смольный институт...

Ленин пишет письмо членам Центрального комитета большевиков:

«...Я пишу эти строки вечером 24-го, положение до-нельзя критическое. Яснее ясного, что теперь, уже поистине, промедление в восстании смерти подобно...

...Надо, во что бы то ни стало, сегодня вечером, сегодня ночью арестовать правительство, обезоружив (победив, если будут сопротивляться) юнкеров и т. д.

Нельзя ждать!! Можно потерять все!!»

В ночь на 25 октября крейсер «Аврора» обстреливает Зимний. Отряды рабочих, солдат и матросов занимают дворец. Министры Временного правительства арестованы. На политическую арену выступает новый хозяин страны — Советы.

МОСКВА В ОКТЯБРЕ

Днем 25 октября (7 ноября по новому стилю) 1917 года в Москве получена телеграмма из Петрограда:

«Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов — Военно-революционного комитета, ставшего во главе Петроградского пролетариата и гарнизона.

Дело, за которое боролся народ: немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством, создание советского правительства — это дело обеспечено.

Да здравствует революция рабочих, солдат и крестьян!»

Московский комитет большевистской партии тотчас же передает приказ по районам Москвы:

«Немедленно на местах поставить на ноги боевые отряды».

В районы Московской области летят условные шифрованные телеграммы с призывом к захвату власти.

Через полтора часа после получения телеграммы из Петрограда две роты 56-го запасного полка, руководимые большевиками, занимают междугородную телефонную станцию, телеграф и почту. На телеграфе введена большевистская цензура. У зданий Московского совета и Политехнического музея выставлены караулы самокатчиков.

В этот день сумерки в Москве наступили рано. Серые тучи низко ползли над городом. Моросил мелкий осенний дождь. Холодный ветер гнал желтые листья по дорожкам бульваров.

У продовольственных магазинов и булочных стояли очереди. Суетливо дребезжали трамваи. На облучках потрепанных пролеток

дремали извозчики. Яркие огни сияли в подъездах кино и ресторанов.

Москва как будто жила своей обычной жизнью. Но у подъездов телефонной станции и Центрального телеграфа, у входов в Московский совет и Политехнический музей стояли суровые солдатские караулы. На рабочих окраинах у заводских ворот группами собирались вооруженные красногвардейцы. В казармах шли бурные митинги...

В этот вечер в Москве заседают два штаба.

В генерал-губернаторском доме на Тверской улице собрался пленум Московского совета. Меньшевики и эсеры призывают к «единому фронту» против восставшего и победившего Петрограда.

— От чьего имени вы явились на телеграф? От чьего имени требовали цензуры? — вопят меньшевики.

— Мы действовали от имени Московского комитета большевистской партии, — звучит твердый, спокойный ответ.

Поздно вечером объединенный пленум Советов рабочих и солдатских депутатов избирает орган вооруженного восстания — Московский военно-революционный комитет...

Второй штаб — белогвардейский — собрался в здании Московской городской думы на Воскресенской площади. Здесь представители городской управы, военного округа и железнодорожного союза — офицеры, те же эсеры, меньшевики, кадеты.

К вечеру того же дня в Московской думе избран Комитет общественной безопасности. Полковнику Рябцову предложено вооруженной силой подавить восстание большевиков.

Ночь на 26 октября проходит тревожно. На заводах — необычное оживление. В заводских комитетах идет запись в отряды Красной гвардии.

В одном из цехов завода Михельсона рабочие разбирают стену: в ней еще с мартовских дней замуровано полтораста винтовок. На перекрестках стоят красногвардейские патрули. Кое-где рабочие разоружают офицеров. По ночным московским улицам то и дело проносятся грузовики. На грузовиках плечом к плечу стоят юнкера. Когда грузовик попадает в полосу света, в кабине рядом с шофером чуть поблескивают офицерские погоны. Из-за борта автомобильного кузова смотрят в темноту пулеметные дула...

В четыре часа утра 26 октября в Петрограде Второй Съезд Советов принимает воззвание «К рабочим, солдатам и крестьянам», написанное В. И. Лениным. В воззвании говорится:

«Съезд постановляет: вся власть на местах переходит к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, которые и должны обеспечить подлинный революционный порядок».

В тот же час в Москве белые поднимают восстание против советской власти: занимают Манеж и здание городской думы.

На рассвете тревожно гудят заводские сирены, призывая рабочих на борьбу.

К своим райкомам заводы подходят один за другим — мужчины, женщины, старики, молодежь... В сыром тумане тускло мерцают факелы. Слышится возбужденный говор, отдаленные выстрелы.

В райкоме — вооруженный лагерь. В коридорах, на лестницах, на подоконниках, на столах — серые шинели солдат, темные куртки рабочих. Рабочие требуют назначения на баррикады, в окопы, в бой.

Оружия хватает далеко не всем. Большевики посылают за винтовками в кремлевский арсенал. Кремль занят батальоном 56-го и ротой 193-го полков, преданных большевикам.

Грузовики свободно въезжают в Кремль. Начальник арсенала выдает посланным полторы тысячи винтовок. Автомобили, доверху нагруженные оружием, подъезжают к кремлевским воротам. Но здесь их неожиданно встречают пулеметы: юнкера кольцом окружили кремлевские стены.

Только трем грузовикам удается прорваться из Кремля. Остальные возвращаются обратно.

Белые занимают центр города. Их штаб — в Николаевском кремлевском дворце. Юнкерские части оцепили Кремль. В распоряжении белых — здания военных училищ и школа прапорщиков.

Однако полковник Рябцов не решается начать бой. Он обращается в ставку за помощью. Ставка приказывает отправить в Москву артиллерию и крупные кавалерийские части. По расчету белых, воинские эшелоны должны прибыть в Москву 28 октября. И полковник Рябцов решает выиграть время.

Неожиданно белые становятся миролюбивыми. «Во избежание напрасного кровопролития» они предлагают начать переговоры. Полковник Рябцов щедр на обещания. Он даже готов предоставить в распоряжение рабочих оружие кремлевского арсенала. Он только просит взамен вывести из Кремля роту 193-го полка.

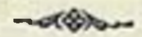
Предатели, пробравшиеся в ряды большевистской партии и впоследствии разоблаченные как враги народа и фашистские наймиты, идут на поводу у белых.

Вопреки воле военного партийного центра, они отдают распоряжение роте 193-го полка покинуть Кремль и освобождают телеграф, почту и центральную телефонную станцию.

Снова большевистские грузовики въезжают в Кремль. Снова начальник арсенала выдает винтовки. И снова у кремлевских ворот их встречают дула белых пулеметов...

Рябцов добился своего: в Кремле остался лишь батальон 56-го полка; почта, телеграф и телефон — в распоряжении белых...

В ночь на 27 октября Московский комитет большевистской партии принимает постановление прекратить всякие переговоры с врагом и немедленно начать наступление.

Утром 27 октября в Москве попрежнему моросил холодный, мелкий, пронизывающий дождь. Грязные лужи стояли в колдобинах булыжной мостовой. Ветер гудел в кривых московских переулках. У дымных костров стояли на перекрестках красногвардейские патрули — проверяли документы редких прохожих. Большинство магазинов в центре было закрыто. Не ходили трамваи. Только извозчики упрямо продолжали свою работу, предпочитая, однако, кружить по глухим переулкам и не заглядывать в центр.

К Московскому совету непрестанно прибывали все новые отряды рабочих. Но оружия попрежнему мало. Грузовики, посланные в казармы, чаще всего возвращались пустыми: офицеры успели вывезти винтовки и пулеметы на свои опорные базы. Но даже те из рабочих, кому выпало счастье получить оружие, сплошь и рядом первый раз в жизни держали в руках винтовку.

Тут же, на дворе, фронтовики учили рабочих обращению с оружием. Учеба длилась пятнадцать-двадцать минут — каждая минута дорога! — и рабочие отправлялись через переулки Тверской, Большой Дмитровки и Петровки и развертывались широким фронтом к опор-

ным базам белых — Александровскому военному училищу, городской думе. Манежу.

Полковник Рябцов уверен, что завтра на рассвете в Москву вступят артиллерия и кавалерийские части, посланные ставкой. Огнем и мечом пройдут они по рабочим окраинам. И вечером 27 октября белые окончательно сбрасывают маску.

Военно-революционный комитет получает ультиматум:

«1. Немедленная ликвидация всех действий Военно-революционного комитета и его упразднение. 2. Немедленный отзыв из Кремля караульного батальона 56-го полка. 3. Немедленный возврат вывезенного из арсенала оружия».

Белые дают на размышление 15 минут. Через четверть часа они грозят артиллерийскими залпами разгромить Московский совет.

Большевики отвечают отказом на ультиматум полковника и поднимают рабочих на борьбу.

Методически, настойчиво, упорно районы очищают свои тылы от белой гвардии. В Замоскворечье красногвардейцы разоружают контрреволюционный отряд Коммерческого института. У мостов через Москва-реку и водоотводный канал то выплывает, то снова затихает ружейная перестрелка. Красная гвардия занимает комиссариаты милиции.

Первая кровь октябрьских битв льется холодным дождливым вечером 27 октября.

На помощь большевикам к Московскому совету идет из Замоскворечья отряд «двинцев». В августе 1917 года за революционную пропаганду эти солдаты были арестованы на двинском фронте и сидели в Двинской и Бутырской тюрьмах. Недавно их освободили большевики. Теперь они идут к своему штабу.

На Красной площади юнкера встречают двинцев огнем. Сорок пять человек остаются на мостовой. Их начальник, товарищ Сапунов, заколот штыками. Остатки отряда с трудом прорываются к Московскому штабу.

Юнкера еще тесней окружают Кремль. Теперь Кремль отрезан от Тверской, от районов, от всей Москвы.

В ночь на 28-е белые переходят в наступление: с минуты на минуту с западного фронта должна прибыть желанная артиллерия и кавалерийские полки.

В эту дождливую ночь в Москве вспыхивают бои.

Юнкера нападают на 1-ю запасную артиллерийскую бригаду, увозят два орудия и приводят в негодность несколько пушек.

Отряды юнкеров громят помещение самокатчиков в Петровском парке и здании Дорогомиловского совета.

Белые прорываются в Симонову слободу, захватывают два грузовика и увозят с симоновских пороховых складов ящики с патронами.

И, наконец, крупными силами белые ведут наступление на большевистскую цитадель — Московский совет.

На рассвете юнкера почти вплотную подходят к совету. На крышах соседних зданий они установили пулеметы и пулеметным огнем поливают все подходы к зданию.

И вот тогда-то на помощь большевикам выступает красная артиллерия с Ходынки. На Петроградском шоссе она громит здание ресторана «Яр», занятое белыми, в шесть часов утра развертывается на Скобелевской и Страстной площадях и вскоре заставляет замолчать пулеметы белых, установленные на крыше гостиницы «Националь».

В это утро в Кремле разыгрывается трагедия.

Расстрел в Кремле войсками Временного правительства солдат 56-го полка в октябре 1917 года.

В центре Кремля, в Николаевском дворце, — белый штаб полковника Рябцова.

Кремлевские стены занимают солдаты 56-го полка, преданного большевикам. Снаружи Кремль оцеплен юнкерами.

Телефонная станция в руках белых, и батальон 56-го полка отрезан от мира. Жадно прислушиваются солдаты на кремлевских стенах к пулеметным залпам, что вспыхивают и опять замолкают на улицах ночной Москвы. По звукам выстрелов солдаты стараются разобраться в сложной обстановке уличных схваток.

Наступает рассвет.

В этот ранний утренний час шум ночного боя у Московского совета затих, а батареи большевистской артиллерии еще развертывались на Страстной и Скобелевской площадях.

Почему же так тихо в Москве? Почему не приходят товарищи на выручку? Или, может быть, уже все кончено и Москва — в руках белых?

В этот момент к большевистским солдатам являются офицеры — парламентеры из Николаевского дворца. Заверяя честным словом, они утверждают, что бои в Москве прекращены, что юнкерам поручена охрана кремлевских учреждений и что батальону остается только сложить оружие и разойтись.

Вопреки воле солдат, начальник батальона приказывает снять караул у кремлевских ворот.

В Кремль врываются юнкерские части. Их встречают ружейные залпы с кремлевских стен. Из казарм в одном белье выбегает дневная смена караула 56-го полка. На помощь солдатам приходят рабочие арсенала.

На Сенатской площади Кремля закипает бой. Горсточка храбрецов решает биться до последнего патрона. Когда кончаются патроны, солдаты бросаются в штыки. Но через кремлевские стены врываются все новые и новые колонны юнкеров. Два орудия белых бьют по Кремлю со стороны Арбата. Юнкера сбрасывают солдат с кремлевских стен, закалывают штыками, добивают раненых прикладами.

Неравный бой заканчивается быстро. На Сенатской площади — пятьдесят солдатских трупов.

Юнкера ведут пленных к арсеналу. Их выстраивают на площади.

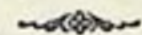
— Смирно! Руки по швам!

Томительно тянутся долгие минуты ожидания. Неожиданно раздается ураганная трескотня пулеметов. Люди падают, как подкошенные. Уцелевшие бросаются к воротам арсенала. Ворота заперты. Оставлена лишь маленькая дверь. В нее с трудом могут протиснуться два человека.

Около узкой двери — гора барахтающихся тел. Пулеметная дробь не стихает. Совсем рядом ударяют три орудийных выстрела. Это белые подвезли свои пушки, и шрапнель рвется в людской гуще...

1 ноября в Московский военно-революционный комитет пришел солдат 56-го полка, чудом уцелевший в этой страшной бойне. Солдат говорил:

— Убитых осталось на площади около трехсот человек...

С утра 28 октября перестали работать все московские заводы. Десятки тысяч рабочих шли в райкомы партии, в штабы Красной гвардии.

Весь центр — в руках белых. У них броневики, пулеметы, санитарные линейки, походные кухни. Каждый занятый ими дом — крепость: его можно взять только с бою.

Широким кольцом окружают красные центр.

Вдоль стен, от дома к дому, от переулка к переулку, неотвратимо сжимая кольцо, медленно движутся рабочие отряды от окраин, пустырей, огородов — к улицам центра, Китай-городу, Кремлевской стене.

Это уже не 1905 год, когда в красных отрядах сражались только рабочие-боевики. Теперь войска перешли на сторону восставшего народа. А там, на той стороне фронта, — офицеры, юнкера, белогвардейское студенчество.

Друг против друга стоят заклятые враги.

Трудно красным вести бой с противником. Белые хорошо вооружены. Во главе их отрядов стоят опытные офицеры. Юнкера захватили все опорные пункты на центральных улицах. Спрятавшись в безопасные места, белые метко стреляют из слуховых окон, с колоколен, из узких щелей ворот.

Под залпами юнкеров рабочим отрядам приходится лезть на крыши по пожарным лестницам; перебрасывая доски между окнами, под огнем переходить в квартиры соседних домов; с берданкой штурмовать церкви, где на колокольнях установлены пулеметы белых; первый раз в жизни взяв в руки винтовку, отражать атаки кадровых офицеров.

Вместе с вооруженными идут в бой безоружные. Для них единственная возможность — с бою взять винтовку у неприятеля. И рабочие разоружают пленных, снимают револьверы с убитых.

Все новые тысячи бойцов собираются у районных комитетов большевиков. Работницы организуют санитарные отряды, приносят в штаб и лазареты продовольствие, махорку, папиросы.

Тринадцатилетние ребята бесстрашно выходят на разведку. Узнав, что белые задумали глубокий обход на Пречистенке, школьники, рискуя жизнью, пробираются под огнем к большевистскому штабу и предупреждают красных.

...В ревком Басманного района мальчик приводит трех вооруженных офицеров. В руках у мальчика солдатская винтовка.

— Сколько у тебя патронов в винтовке? — спрашивают мальчика.

— Ни одного...

К вечеру 28 октября Москва преображается. На Алексеевской улице и у Краснохолмского моста рабочие роют окопы, устанавливают проволочные заграждения. По опустевшим улицам один за другим движутся к центру вооруженные рабочие. За ними идут обозы с продовольствием, дымятся походные кухни. Из окон и с чердаков, из-за углов, из парадных гремят воровские выстрелы белых.

Потеряв надежду нанести решительный удар красным со стороны Большой Никитской, Охотного ряда, Театральной площади, белые пытаются замкнуть кольцо в тылу: юнкера ведут наступление со стороны Тверского бульвара, надеясь соединиться с офицерскими и юнкерскими отрядами на Мясницкой улице, на Неглинном, на Петровке.

Опорный пункт белых — в здании градоначальства, занятом несколькими сотнями юнкеров с пулеметами.

Белые энергично ведут нажим. Военно-революционный комитет в Московском совете почти отрезан от районов. Конные связисты и мотоциклетчики под непрерывным обстрелом белых с трудом прорываются через узкую щель на Тверской у Триумфальных ворот и долго кружат по Садовой, чтобы доставить распоряжения ревкома большевистским отрядам на окраинах.

Красные решают во что бы то ни стало разорвать кольцо и выбить противника из здания градоначальства.

Тремя колоннами ведут красные наступление. Уже на колокольне Страстного монастыря установлен большевистский пулемет, который бьет по градоначальству. Заработали пулеметы в Большом Гнездниковском переулке, на крыше дома Ниризее — самого высокого дома тогдашней Москвы. Батарея красной артиллерии развернулась против памятника Пушкину и шрапнелью отбивает атаки белых со стороны Никитских ворот. И в сумерки красные гранатометчики подкрадываются вплотную к зданию градоначальства и забрасывают его гранатами.

Белым предложено сдаться. Но полковник Рябцов все еще надеется на подкрепление из ставки и отвечает решительным отказом.

Ночь на 29 октября проходит в горячих схватках. Белые делают вылазки. Крупный юнкерский отряд, прорвав красное окружение, приходит на помощь осажденным.

Наутро назначен штурм здания градоначальства. Тяжело ухают орудия на Страстной, и три колонны красногвардейцев под непрерывным пулеметным обстрелом белых бросаются в атаку...

К полудню здание градоначальства взято. Около двухсот пленных юнкеров под конвоем понуро бредут к зданию Московского совета.

Теперь инициатива — в руках у красных. С каждым часом стягивается кольцо вокруг Кремля. А долгожданные подкрепления из ставки не прибывают. И белые, желая выиграть время, снова предлагают перемирие.

Но напрасно белые ждут подкреплений...

Железнодорожный телеграф выстукивает:

«В Лихоборах пытается высадиться белая гвардия».

«В Малоярославец прибыл эшелон казаков».

«Близ Серпухова остановился состав сербских добровольцев».

«Через Смоленск проследовали поезда с кавалерией».

Но в Смоленск и Малоярославец, в Серпухов и Лихоборы летят ответные телеграммы, подписанные ревкомами железных дорог:

«Загонять белые составы в тупики, разбирать полотно, кружить на путях подальше от Москвы, слать агитаторов для разъяснений».

И машинисты отводят воинские эшелоны в тупики, кружат по запасным путям, заставляют часами простаивать на полустанках, а в теплушках уже появляются агитаторы — и войска поворачивают обратно на фронт или отдают себя в распоряжение Военно-революционного комитета.

Солдаты, высланные на подавление красных, отправляются в Москву на поддержку большевиков. С ними вместе едут отряды Красной гвардии из Серпухова и Подольска, из Кимр и Клина, из Мытищ и Шуи.

Народ грозно встает на защиту революции.

В царском павильоне Николаевского (теперь Октябрьского) вокзала заседает комиссия, вырабатывающая условия перемирия. Здесь представители Военно-революционного комитета и командования белых.

Жалкая кучка капитулянтов из Военно-революционного комитета, впоследствии ставших грязными троцкистско-бухаринскими агентами и шпионами германо-японского фашизма, готова итти на все уступки белым и соглашается на перемирие. Но основное ядро Московского комитета большевиков, парализуя тактику предателей, смело ведет солдат и рабочих в бой.

Единственная надежда белых — подкрепления с фронта. Значит, надо захватить вокзалы, куда прибудут эти долгожданные спасители. И группа белых, воспользовавшись «перемирием» и выдавая себя за солдат 193-го полка, пытается прорваться к Брянскому (теперь Киевскому) вокзалу. На Бородинском мосту юнкера неожиданно нападают на красногвардейцев, закалывают их штыками, сбрасывают в реку и громят Хамовнический комиссариат милиции, занятый красными.

Одновременно к Брянскому вокзалу, занятому красными частями, подходит поезд. Группа сестер милосердия с небольшими чемоданчиками в руках просит пропуска в город. Но чемоданы кажутся подозрительными. Их вскрывают. Чемоданы доверху наполнены патронами и бомбами.

На Таганке, на Бронной улице, на Чистых прудах, на Смоленском и Хитровом рынках, как по команде, появляются какие-то темные личности. Они подходят к группам красногвардейцев, они шныряют среди солдат, они проникают в чайные и всюду ведут агитацию против евреев, призывая к погрому. Агитаторов задерживают. Они оказываются членами «Союза русского народа» и переодетыми городовыми.

Бой на Кудринской площади в октябре 1917 года.

Белые наконец понимают: затея с «перемирием» проваливается, подкреплений нет, восстание юнкеров против советской власти обречено на гибель. И белые срывают злобу на безоружных пленных...

На Арбатской площади группа юнкеров привязывает к грузовику пленного солдата. Под дикое улюлюканье белых автомобиль волочит красного бойца по булыге, пока он не превращается в кровавую бесформенную массу.

В районе Поварской (теперь улица Воровского) на крыше дома белые берут в плен двух молодых рабочих. Юнкера хватают их за руки и за ноги, долго раскачивают и с высоты четвертого этажа швыряют на мостовую...

На северо-восточной окраине Москвы, в Лефортове, глубоко в тылу красных, попрежнему держится крупная опорная база противника — Алексеевское военное училище. Здесь заперлось восемьсот вооруженных до зубов юнкеров, офицеров, кадетов. Училище окружено сетью окопов и проволочных заграждений. В распоряжении белых — десятки пулеметов и бомбометов. В саду залегли цепи белых гранатометчиков. К тому же, здание училища стоит на холме и господствует над окружающей местностью.

Московский комитет большевиков отдает распоряжение ликвидировать это белое гнездо.

Штурм назначен на утро 30 октября.

...Светает. Училище со всех сторон окружено окопами и баррикадами красных. Седая пелена тумана поднимается над Яузой. Льет холодный дождь. В окопах вода доходит почти до колен, но красные терпеливо ждут выстрела сигнальной пушки.

Неожиданно для белых из окопов поднимается группа красногвардейцев и с винтовками наперевес бросается в атаку. Часть бойцов проникает через забор в сад училища. Начинается штурм белой крепости.

Осажденные отвечают ураганным огнем. Вступают в бой бомбометы. Белые гранатометчики забрасывают гранатами храбрецов, прорвавшихся в сад. Из слуховых окон соседних домов белые предательски стреляют по атакующим.

Но уже гремит красная артиллерия. Здание училища окутано дымом разрывов. И все теснее сжимается кольцо красных.

Осажденные выкидывают белый флаг. Их парламентеры просят начать переговоры. Но, когда представители военно-революционного штаба входят внутрь здания, белые встречают их в штыки.

И снова гремит артиллерия, снова идут в атаку красногвардейцы, ни на минуту не прекращается пулеметная трескотня, и с резким, характерным шумом рвутся ручные гранаты...

В полночь 30 октября над Алексеевским училищем взвивается красный флаг.

Пало Алексеевское училище, но в Симоновой слободе, в глубоком тылу, все еще держится 6-я школа прапорщиков, укрепившаяся в Крутицких казармах. По соседству с казармами — пороховые склады красных.

В ночь на 28 октября белые, пользуясь темнотой, увезли из склада два грузовика патронов. Каждую ночь можно ожидать новой вылазки белых. Тем более, что в эти дождливые ночи вокруг складов — непроглядная тьма.

Октябрьские бои у Кремля. Впереди — старый Москворецкий мост. Слева, в глубине, — Кремль.

В тот вечер, когда красные шли на последний приступ Алексеевского училища, в райком большевистской партии на Симоновке приходит группа старых рабочих завода «Динамо». Они предлагают осветить подступы к пороховым складам и обезопасить их от ночных вылазок противника.

Всю ночь под проливным дождем работают старики-монтеры. К четырем часам утра на Симоновской улице, на этой забытой и заброшенной московской окраине, впервые вспыхивает электрический свет.

Ленин и Сталин внимательно следят за событиями в Москве. Штаб Великого Октября — военно-революционный центр, возглавляемый товарищем Сталиным, — отправляет в Москву подкрепления. По его поручению, на помощь москвичам выезжает крупный отряд петроградских рабочих и матросов.

Утром 31 октября отряд высаживается на Николаевском вокзале и отправляется в штаб ревкома Городского района, на Сухаревскую площадь.

В это холодное, пасмурное утро над Москвой парит красный самолет.

Летчику строго запрещено сбрасывать авиабомбы: большевики не хотят ненужных жертв и разрушений. Советский самолет — только разведчик. Он корректирует стрельбу красной артиллерии и доносит в штаб о скоплениях неприятеля.

Весь день 31 октября в Москве идут бои.

Белые решаются на безрассудную, дерзкую авантюру: неожиданным налетом они хотят прорваться к Московскому совету и захватить штаб красных.

Белый броневик прорывается почти к самому зданию и открывает огонь. Но здесь операциями непосредственно руководят члены Московского комитета большевиков, и красная артиллерия быстро заставляет броневик отступить.

Ожесточенные бои идут на Мясницкой (теперь Кировской) улице. В богатых квартирах и торговых конторах прочно укрепились белые. Каждый дом превращен в крепость. Мостовая изрыта окопами.

Двое суток штурмуют красные неприятельские позиции на этой узкой, извилистой улице. Наконец Красная гвардия овладевает Почтамтом и Главным телеграфом.

Рабочие тотчас же наводят порядок — убирают тела убитых юнкеров, очищают здание от следов боя, и на Почтамте и Главном телеграфе восстанавливается работа.

В ночь на 1 ноября ожесточенные схватки разыгрываются на подступах к Каменному мосту через Москва-реку.

Мост занимают красные. Расположенное на правом берегу реки здание электрической станции находится в руках большевиков. Монтеры выключили свет в районе опорных пунктов белых — в Кремле, в Александровском училище, в городской думе, в «Метрополе». Ночью позиции неприятеля погружены в тьму, и только мощные советские прожекторы нащупывают противника и открывают цели для красных пулеметов.

По ночным улицам идут трамваи: с далеких рабочих окраин, с вокзалов и военных складов они перевозят к центру города оружие, снаряды, продовольствие.

Белые решают во что бы то ни стало завладеть электрической станцией, чтобы прекратить трамвайное движение и самим регулировать подачу энергии в районы города. Легче всего прорваться к электростанции через Каменный мост. И белые обстреливают подступы к мосту с кремлевской башни и от храма Христа.

Белые стреляют разрывными пулями: две работницы-санитарки падают на мосту с огромными рваными ранами.

Но красные попрежнему уверенно удерживают мост в своих руках, и большевистские пулеметы, установленные на башне трамвайной электрической станции, ведут губительный огонь по Кремлю.

1 ноября бои в Москве разгораются с новой силой.

Около полудня красные после ряда кровопролитных стычек захватывают городскую телефонную станцию. На плечах отступающих юнкеров красногвардейцы прорываются на Ильинку и Никольскую улицу и со здания Торговых рядов ведут огонь по Кремлю.

Теперь белые сосредоточились на небольшой площади в центре города. В их руках — только Александровское военное училище, Кремль, городская дума, Манеж, Никитские ворота, Арбат.

Особенно ожесточенные бои идут у Никитских ворот.

По всем правилам военного искусства белые соорудили на площади блиндаж, далеко вперед выдвинули проволочные заграждения, установили пулеметы и бомбометы на крышах зданий.

Красные наступают с Поварской, Большой Никитской, Бронной и от Страстной площади по Тверскому бульвару. Бок о бок с московскими красногвардейцами здесь сражаются рабочие Подольска и солдаты и большевики с броневика «Ахтырец» из Кимр.

Белый разведчик, участник боев у Никитских ворот, рассказывает:

«Грохочут пушки, неумолчно и назойливо барабанят пулеметы, резко бьют ружья... Стреляют по прямому прицелу с Никольской ули-

Перед взятием Кремля у Троицких ворот.

цы; стреляют из-за Москва-реки, от фабрики Эйнем, со Страстной площади, со Швивой горки. Около полудня загорелся дом Ярославской Большой мануфактуры на Тверском бульваре. Пожар начался с угловой квартиры верхнего, седьмого, этажа, над которой красовалась башня с орлом. Огненная стихия, не сдерживаемая пожарными командами, которые не могли тушить пожар в полосе обстрела, яростно бушевала, разрушая все на своем пути. Звонко лопались зеркальные стекла в окнах, таяла и лилась, как масло, цинковая крыша, разноцветными огнями вспыхивали горевшие электрические провода, рушились расплавившиеся водопроводные трубы, выпуская воду фонтанами...»

Юнкера, занимавшие дом Ярославской Большой мануфактуры, панически бегут. Красногвардейцы и солдаты бросаются спасать жильцов горящего дома — выносят из огня женщин, детей, стариков. Белые открывают по ним убийственный пулеметный огонь.

К вечеру 2 ноября после долгих кровопролитных боев красные занимают район Никитских ворот.

1 ноября Военно-революционный комитет приказывает начать артиллерийский обстрел Кремля.

Батарея стоит у церкви Никиты-мученика, что на Швивой горке. Оттуда прекрасно виден Кремль — Николаевский дворец, где помещается штаб белых, Спасские ворота, башня с часами, купол здания Окружного суда, Василий Блаженный.

Первая шрапнель рвется над Красной площадью. Потом огонь переносится на башню, на Николаевский дворец, на Окружной суд.

Снаряды рвутся в часах Спасской башни, сбивают пулеметы на Кремлевской стене, заставляют замолчать батарею юнкеров, спрятанную в Кремле...

Днем 1 ноября заговорила тяжелая артиллерия красных, расположенная на Воробьевых горах. Огонь шестидюймовых орудий сделал свое дело: противник начинает отступление по всему фронту.

Юнкера укрепились в «Метрополе» и городской думе.

Против белых выслана артиллерия.

В ночь на 2 ноября артиллерийский взвод идет с Ходынки к Театральной площади. Льет проливной дождь. Лошади скользят на мокром гладком камне.

У Большого театра быстро устанавливаются орудия, и на рассвете начинается обстрел думы и «Метрополя».

Юнкера отвечают. Они на выбор бьют наводчиков. Особенно трудно подносить снаряды — надо пробежать десять шагов под обстрелом неприятеля. Но орудия, ни на минуту не замолкая, ведут обстрел.

«Метрополь» стоит весь окутанный дымом и пылью от разрывов. На тротуар летят кирпичи, железо, стекло.

Утром к Малому театру подходит пехота и отряд рабочих и солдат, только что прибывший из Шуи во главе с товарищем Фрунзе.

Через несколько часов «Метрополь» взят.

Обойдя с тыла, красные выбивают юнкеров из здания думы.

Кольцо окончательно смыкается на Красной площади. Бои идут у Кремлевской стены. Советское орудие прямой наводкой бьет по Никольским воротам...

2 ноября в пять часов вечера отряд замоскворецких красногвардейцев и солдат 56-го полка подходит к Спасским воротам Кремля.

Взламывают ворота. С кремлевских колоколен тикают пулеметы.

Отряд входит в Кремль. Вокруг кучи винтовок, револьверов, кортиков разбросаны ручные гранаты, бомбы, пироксилиновые шашки. Валяются груды битого кирпича — обломки стен, разрушенных обстрелом.

Красногвардейцы и солдаты подходят к Николаевскому дворцу.

Неожиданно из часовни выбегают несколько десятков священников и монахов. В руках иконы.

— Не убивайте!

Из дворца выходят офицеры, юнкера, студенты.

Пленных под усиленным конвоем отправляют в тюрьмы.

Через Троицкие и Никольские ворота непрерывным потоком входят новые отряды красногвардейцев.

Кремль взят!

В девять часов вечера Военно-революционный комитет отдает приказ по красным войскам:

«Революционные войска победили. Юнкера и белая гвардия сдают оружие. Все силы буржуазии разбиты наголову и сдаются, приняв наши требования. Вся власть — в руках Военно-революционного комитета. Московские рабочие и солдаты дорогой ценой завоевали власть в Москве. Все на охрану завоеваний новой рабочей, солдатской и крестьянской революции.

Взятие Кремля 2 ноября 1917 года. Красногвардейцы и вооруженные рабочие входят в Никольские ворота Кремля.

Враг сдался. Военно-революционный комитет приказывает прекратить всякие военные действия (ружейный, пулеметный и орудийный огонь). С прекращением военных действий войска советов остаются на своих местах до сдачи оружия юнкерами и белой гвардией. Войскам не расходиться до особого приказа Военно-революционного комитета».

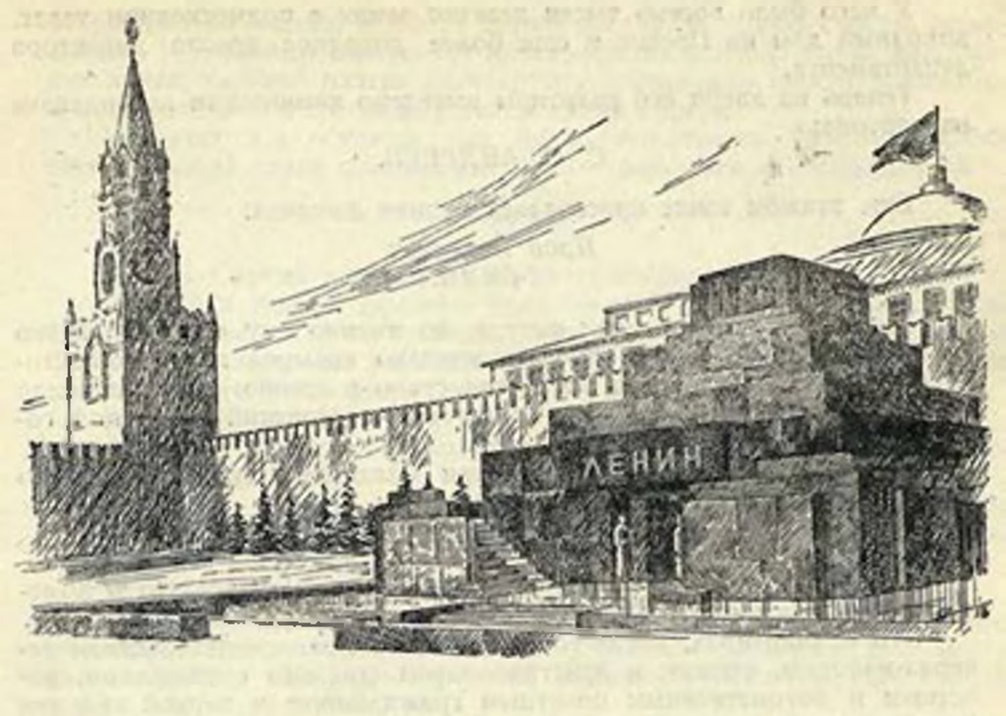
Ночью Военно-революционный комитет приказывает городской электрической станции «осветить всю Москву до рассвета».

Осенний ветер гудит в кривых московских переулках. Накрапывает дождь. Плотно задернуты шторы на окнах особняков. Еще крепче закрыты засовы на железных дверях лабазов. Но у каменных львов на подъездах, вдоль узорных решеток старинных дворянских садов, перед витринами магазинов, у ворот старой Кремлевской стены спокойно и уверенно проходят патрули московских рабочих.

Это новый хозяин вступил во владение городом.

МОСКВА — СТОЛИЦА СТРАНЫ СОВЕТОВ

Снаружи все осталось как будто по-старому.

Те же старинные особняки дремлют в тихих московских переулках, те же гордые львы красуются у подъездов. Как всегда, протяжно гудят заводские сирены на Пресне, в Хамовниках, в Замоскворечье.

Снаружи — все по-старому. Но с парадных лестниц домов в переулках Арбата, Пречистенки, Поварской, в Староконюшенном, Скатертном, Мерзляковском исчезли медные дощечки. Еще недавно на двери из мореного дуба красовалась надпись витиеватым елизаветинским шрифтом:

Его превосходительство
генерал-майор
Владимир Панкратович
ВАСИЛЬЕВ.

Здесь жил отставной генерал. На стене его кабинета в тяжелой золоченой раме висел портрет великого князя Николая Николаевича, дяди государя. На портрете внизу стояло размашистым почерком:

«За преданность и дружбу — Николай Романов».

Сейчас на двери из мореного дуба появился скромный картонный квадратик, а на квадратике — фамилия без громкого титула. Даже вообще без всякого титула. Просто —

А. П. НИКОЛЬСКИЙ.

Этажом выше раньше жил

Тайный советник
Густав Леопольдович
ФОН-ДИТРИХСОН.

У него было восемь тысяч десятин земли в подмосковном уезде, доходный дом на Пресне и еще более доходное кресло директора департамента.

Теперь на двери его квартиры выведено химическим карандашом на картоне:

С. *М. АНДРЕЕВ.*

Еще этажом выше красовалась медная дощечка:

Пров Иванович
ФЕНИН.

Пров Иванович не имел титула, но именно ему особенно низко кланялся швейцар и особенно почтительно козырял городовой, стоявший у подъезда. Фенин поставлял сукно в армию. Это приносило миллионы, и у него запросто бывал сам московский городской голова.

Теперь на месте медной дощечки миллионера-суконщика прямо на мореном дубе широкой двери написано:

ИВАН НОЖЕВЩИКОВ.

Все фамилии новых жильцов без титулов и звания. Но в домовой книге десятки раз повторяется одно и то же слово: рабочий.

Это в квартирах, когда-то занятых его превосходительством генерал-майором, тайным и действительным статским советниками, почетным и потомственным почетным гражданином и первой гильдии московским купцом, поселились токари и фрезеровщики, столяры и плотники, ткачи и сталевары — хозяева новой Москвы.

Из коечно-каморочных квартир, из рабочих казарм и ночлежных домов десятки тысяч семей московских рабочих перебрались в аристократические переулки Арбата, в Скатертный, Мертвый, Столовый, на Волхонку, Остоженку, на зеленое кольцо «А» — в буржуазные квартиры и особняки центра.

Московские именитые купцы и праздные люди, занимавшие лучшие дома города, были навсегда выброшены из Москвы.

После Октябрьской социалистической революции произошло великое переселение московских «черных жильцов». Своим переселением в барские особняки они впервые за все время существования города стерли грань между центром и окраиной.

Городом владел теперь новый хозяин.

Еще вчера Москвой распоряжалась городская дума: фабриканты, заводчики, промышленники, дворяне, купцы.

Хозяином новой Москвы стал Московский совет: сталевары, плотники, профессора, старые революционеры, ученые, красноармейцы, слесаря, фрезеровщики. Их выбирали товарищи по классу и работе: рабочие, солдаты, люди науки, соратники по революционной борьбе, подполью, ссылке.

Депутатский билет под № 1 получил Владимир Ильич Ленин...

Москва хорошо знала своих избранников. И новые хозяева города хорошо знали своих избирателей. Москва была разбита на отдельные районы, и в каждом районе работал свой районный совет. Ему были близки нужды, чаяния и заботы своих избирателей.

Еще недавно каждым московским домом полновластно и своевольно распоряжался его хозяин. В любой момент он мог выселить своих жильцов, не подписавших с ним особых условий, и повысить квартирную плату. Теперь хозяином дома стал домовый комитет,

избранный жильцами. Комитет зорко следит за справедливым расселением. И декретом советского правительства введена новая квартирная плата: каждый платит за квартиру соразмерно своему заработку и получает жилую площадь установленной нормы.

Снаружи все осталось как будто по-старому. Но внутренняя жизнь города стала совершенно иной — разумной и справедливой.

Тяжелое время переживала тогда советская столица.

Сжатая в кольце фронтов гражданской войны, Москва задыхалась. Железные дороги забыли, что такое расписание. Паровозы больше чинились, чем работали. Многие заводы стояли с выбитыми стеклами. Ветер свободно гулял по заводским цехам.

В Москве не было топлива.

Деникин отрезал от Москвы Донбасс. Кавказской нефтью завладели англичане.

Москвичи ломали заборы. В дымных «буржуйках» тлели сырые щепки, подобранные на улице, и потрескивала сухая спинка только что разломанного кресла.

Москва замерзала.

В нетопленных квартирах лопались канализационные трубы. Водопровод действовал только в нижних этажах. Электрическую лампу часто заменяли лампадки и фитили. Длинные хвосты очередей стояли у хлебных лавок.

Москва голодала.

На воротах московских заводов, на улицах и площадях были расклеены белые листы объявлений:

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Для успешной борьбы с голодом необходимо привлечь широкие массы пролетариата, чтобы подвезти продовольственные грузы из местностей, освобожденных от белогвардейских банд. Для этих работ организуется добровольческая запись в продовольственные отряды при каждой фабрике.

Тысячи московских рабочих ушли искать хлеб для голодающей республики.

На стенах московских домов, на кремлевских башнях, на памятниках и колокольнях церквей зияли следы недавних боев.

На Гоголевском бульваре на пьедестале памятника, под барельефом, где Тарас Вульба беседует с сыновьями Остапом и Андрием, осталась метка от шальной пули. Без стекол, в пробоинах и трещинах, словно безглазая морщинистая старуха, стояла гостиница «Метрополь». В Москве шныряли шпионы, авантюристы, белогвардейцы.

В Петрограде положение было еще более тревожным. 1 января 1918 года офицеры-заговорщики пытались убить Ленина. Немецкий военный флот появился в водах Финского залива. Подозрительно зашевелились на границе финские белогвардейцы.

Враги готовили удар на Петроград. Их цель была ясна: завладеть столицей, уничтожить правительство и залить кровью рабочих молодую советскую республику.

Правительство решило перенести столицу в Москву. Здесь, в центре страны, легче защитить революцию, отсюда быстрее и удобнее руководить операциями на фронтах гражданской войны.

Вечером 11 марта 1918 года Ленин приехал в Москву. Владимиру Ильичу были отведены две комнаты в гостинице «Националь», на углу Тверской улицы и Охотного ряда.

...День 12 марта был весенним и радостным.

В полдень автомобиль Владимира Ильича подъезжает к Троицким воротам Кремля. Путь преграждают часовые.

— Кто едет?

— Председатель Совета народных комиссаров Владимир Ильич Ленин.

Часовые салютуют. Владимир Ильич, ласково улыбаясь, прикладывает руку к круглой барашковой шапочке и отдает честь.

— Вот и Кремль... Как давно я его не видел! — тихо говорит он.

Машина подъезжает к будущей квартире Владимира Ильича: три небольшие комнаты с кухней, маленькая передняя, ванная и комната для домработницы.

Рядом с кабинетом, в коридоре, установлен телеграфный аппарат. Не раз в глухие ночные часы Ленин будет говорить по этому аппарату, руководя обороной Советской страны от нападения иноземных и белогвардейских полчищ...

В тот же день Ленин осматривает Кремль. Древние кремлевские стены усеяны тысячами мелких впадинок от ружейных и пулеметных пуль. На дворах, у подножья стен и башен, свалены охапки соломы, конский навоз, исковерканные пушки, мешки, кули, рогожа — все, что осталось от хозяйничанья белогвардейцев в Кремле.

Владимир Ильич, волнуясь, расспрашивает, удалось ли сохранить ценности Грановитой и Оружейной палат, знаменитую патриаршую ризницу и библиотеку с ее древними рукописями. И, когда старые кремлевские гренадеры рассказывают Владимиру Ильичу, как иногда по двое суток подряд они дежурили на своих постах, охраняя народные богатства, у Ленина радостно блестят глаза, он весело смеется и тут же отдает распоряжение еще раз проверить посты, еще бережнее хранить древние сокровища Кремля...

12 марта 1918 года Москва становится столицей великой Советской страны.

Столица кишит врагами.

В ночь на 12 апреля 1918 года в Москве гремят орудийные выстрелы: большевики ликвидируют группу анархистов, засевших в здании бывшего Купеческого клуба на Малой Дмитровке.

Анархисты разгромлены. Но вслед за ними в Москве поднимают открытый контрреволюционный мятеж эсеры. И гнусные предатели, грязные изменники родины, будущие шпионы фашизма Троцкий и Бухарин, блокируясь с эсерами, замышляют чудовищное злодейство: свержение советского правительства, арест и убийство товарищей Ленина, Сталина, Свердлова.

Враги просчитались: московские рабочие и Красная гвардия быстро ликвидируют контрреволюционный мятеж. Но предатель Бухарин уже задумал новое преступление — покушение на Ленина...

Выступление В. И. Ленина на заводе б. Михельсона 30 августа 1918 года.

Это было 30 августа 1918 года.

На заводе Михельсона, в Замоскворечье, идет обычный районный митинг.

Неожиданно по залу проносится весть:

— Кто-то приехал из Кремля... Кажется, товарищ Ленин.

И гром аплодисментов потрясает зал.

Владимир Ильич торопливо поднимается на эстраду. Он говорит о кознях врагов Советской страны, о неизбежных трудностях предстоящей борьбы, он призывает рабочих к поддержке советской власти...

Митинг окончен. Стихают аплодисменты, и Ленин, прощаясь, пробирается к выходу.

Трудно пройти через толпу рабочих. Каждому хочется взглянуть в чуть раскосые ленинские глаза, спросить о том, что наболело, что неясно, что тревожит в это суровое время, или хотя бы просто лишний раз прикоснуться к любимому человеку...

Ленин выходит во двор, идет к автомобилю. Неожиданно раздается резкий револьверный выстрел.

Владимир Ильич падает. Стрелявшая женщина бросается в сторону, пытаясь скрыться.

Ленина поднимают, вносят в автомобиль. Машина трогается.

Полулежа, с закрытыми глазами, Владимир Ильич стонет:

— Страшно больно... Нельзя ли посмотреть, что с рукой...

С него снимают пальто, пиджак. Из раны сочится кровь. Случайно в кармане одного из спутников находится обрывок бечевки. Бечевкой перетягивают руку чуть выше раны...

Покушение на В. И. Ленина. За автомобилем — убегает стрелявшая в Ленина эсерка Каплан.

А на заводе возмущенные рабочие ищут ту, что посмела покуситься на жизнь Ленина. Но она уже смешалась с толпой... Неужели исчезла?..

На помощь приходят ребята:

— Та, что стреляла, побежала к стрелке, к трамваю!..

На суде эсерка Фанни Каплан ни словом не обмолвилась о Бухарине. И только почти через двадцать лет, в 1938 году, на процессе антисоветского «право-троцкистского блока» стало известно, что покушение на великого Ленина было делом рук иезуита и лицемера, предателя и фашиста Николая Бухарина.

7 ноября 1918 года Москва справляла первую годовщину Великой Октябрьской социалистической революции.

Красная площадь заполнена народом. Впереди колонн — Ленин. Перед братской могилой — высокая трибуна. Здесь — депутация со знаменами, оркестр, хор. Громадный атласный полог прислонен к стене...

Колонны приближаются, склоняя знамена. Оркестры играют траурный марш.

Ленин поднимается на трибуну. Еще нет радио, и Ленина слышат только те, кто стоит рядом.

Над Красной площадью пролетает единственный самолет-разведчик — остальные на фронте. Вся площадь с восторгом и гордостью следит за маленьким самолетом.

Идут колонны демонстрантов: красногвардейцы, химики, конница, грузчики, Красная Пресня, заводы. Многие из демонстрантов только что вернулись с фронта, другие тотчас же после праздника отправ-

ляются на фронт: на востоке высадились японцы, на Украине — немцы.

Но и в самой Москве тревожно. Агитируют попы, меньшевики ведут подрывную работу, офицеры прячут оружие. Хлебные области отрезаны. Нехватает угля и нефти. Паек — полфунта хлеба в день. Магазины забиты досками. В школах ученики сидят в пальто. И все-таки на Красной площади в первую годовщину Октября проходит автомобиль, наполненный детьми. Дети смеются. Ласково улыбаясь, Ленин кричит им с трибуны:

— Детям революции привет!..

1 мая 1919 года... По Красной площади движется единственный танк, отбитый на южном фронте у интервентов. Газета пишет:

«Рабочие с большим интересом следили за быстрыми движениями невиданной диковины...»

Уже давно в южных степях сражается луганский слесарь Ворошилов. Первая Конная армия уже не раз била офицерские полки. На юго-востоке бьется с врагами легендарный Чапаев. И всюду, «где в силу целого ряда причин трещали красные армии, — вспоминает Ворошилов, — где контрреволюционные силы, развивая свои успехи, грозили самому существованию советской власти, где смятение и паника могли в любую минуту превратиться в беспомощность, катастрофу, — там появлялся товарищ Сталин. Он не спал ночей, он организовывал, он брал в свои твердые руки руководство, он ломал, был беспощаден и — создавал перелом...

В период 1918—1920 гг. товарищ Сталин являлся, пожалуй, единственным человеком, которого Центральный комитет бросал с одного боевого фронта на другой, выбирая наиболее опасные, наиболее страшные для революции места...»

Во главе армий, одетых и вооруженных англичанами и французами, Деникин переходит в новое наступление. Его конница под командованием генерала Мамонтова прорывает фронт и быстрым пря-

Московские красногвардейцы уходят на фронт.

мым ударом на Орел и Воронеж идет на Москву. Враги уже заранее торжествуют, ожидая, как с колокольным звоном въедет белая рать в столицу и в крови рабочих и крестьян утопит и растопчет Великую социалистическую революцию. Наступает решающий, переломный момент всей гражданской войны.

И снова на ответственный южный фронт Центральный комитет партии посылает товарища Сталина, решительно отвергнув вредительский план Троцкого.

Деникинские полчища опрокинуты. Черное море, Украина и Северный Кавказ освобождены от белогвардейцев. Но враги не складывают оружия.

25 сентября 1919 года в помещении Московского комитета партии большевиков, в Леонтьевском переулке, во время заседания, на которое ожидался Ленин, раздается страшный взрыв. Это эсеры бросили бомбу огромной разрушительной силы.

От взрыва в Леонтьевском переулке погибают многие из руководителей московской организации большевиков. Но на место погибших встают сотни и тысячи новых коммунистов. И в Москве за одну неделю вступают в большевистскую партию 13 600 человек, прекрасно отдавая себе отчет в том, как тяжело и ответственно в такое время звание коммуниста.

В Москве рождается идея «субботников» — великий почин бескорыстной, самоотверженной помощи любимой родине.

7 мая 1919 года коммунисты-рабочие Московско-Казанской железной дороги предлагают «пришпорить себя и вырвать из своего отдыха еще час работы, то есть увеличить свой рабочий день на час, суммировать его и в субботу сразу отработать шесть часов физическим трудом... Считая, что коммунисты не должны щадить своего здоровья и жизни для завоевания революции, работу производить бесплатно».

На субботники выходят тысячи москвичей. Они работают горячо и вдохновенно, лишь иногда получая право вторично пообедать за деньги; к обеду за деньги же им выдают по полфунта хлеба.

В субботниках участвуют рабочие, учителя, служащие, красные командиры, только что окончившие московские военные курсы.

Краскомам предстоят тяжелые дни. Их встретят горячие туркестанские пески и лютые сибирские морозы, болота Белоруссии и кручи Кавказских гор. Но курсанты уверенно идут по Красной площади, чтобы сразу же после производства отправиться на субботник — чинить улицы, разгружать поезда, рубить лес. И бодростью и горячей верой в победу звучит голос величайшего советского поэта Владимира Маяковского. Он организует «окна Роста» — страстные политические агитационные плакаты, он выступает на рабочих собраниях, он пишет свои искренние, правдивые стихи и зовет в бой за власть Советов...

1 мая 1920 года страна празднует всероссийским субботником.

В Москве очищают Кремль от мусора и строительных материалов. На работе заняты слушатели военных курсов.

Неожиданно к комиссару курсов подходит Владимир Ильич. Он тоже хочет принять участие в субботнике.

Курсанты таскают тяжелые бревна. Комиссар становится в пару с Лениным.

Первые минуты между ними идет безмолвная борьба. Комиссар, щадя возраст и силы Владимира Ильича, берет бревно за толстый конец; Ленин, не желая отставать, старается предупредить его.

В. И. Ленин на всероссийском субботнике в Кремле 1 мая 1920 года.

Наконец Ленин не выдерживает:

— Вы, товарищ, подводите меня с работой. Я работаю меньше вас.

— Это только справедливо, Владимир Ильич: вам — пятьдесят лет, мне — двадцать восемь.

Зима выдалась снежная и холодная. Заносы останавливали трамваи. Москва питалась мерзлым картофелем. Вобла была праздничным кушаньем. Конина считалась роскошью.

Нехватало внутригородского транспорта. Скудные пайки распределялись прямо со складов, прилегавших к железнодорожным путям. Все перевозочные средства были брошены на фронт. По улицам, заваленным сугробами, мимо заколоченных, пустующих лавок, мимо пассажей, обращенных в жилые квартиры и советские учреждения, тянулись вереницы рабочих и служащих, волоча на детских салазках мерзлую картошку, поленья дров, пайковый хлеб.

Это было то время, о котором вспоминал товарищ Сталин на съезде колхозников-ударников в феврале 1933 года.

«Я мог бы вам рассказать некоторые факты из жизни рабочих в 1918 году, когда целыми неделями не выдавали рабочим ни куска хлеба, не говоря уже о мясе и прочих продуктах питания... И это продолжалось не месяц и не полгода, а целые два года».

Кольцо врагов вокруг Советской страны то растягивалось, то снова сжималось. Деникин разгромлен, но польские паны уже готовят свое наступление на Украину. Расстрелян Колчак, но Врангель уже рвется к Москве, пытаясь захватить Донбасс и Дон.

«Москва умирает», злорадно пишут иностранные газеты.

«Пришел конец первопрестольной матушке Москве», шепчут московские кумушки.

И снова Центральный комитет большевистской партии решает:

«...Поручить товарищу Сталину сформировать Реввоенсовет, целиком сосредоточить свои силы на врангелевском фронте...»

Ленин пишет Сталину:

«Только что провели в Политбюро разделение фронтов, чтобы вы исключительно занялись Врангелем».

В эти тревожные дни в прокуренных коридорах Московского совета металлисты и ткачи, учителя и сталевары мечтали о будущей Москве.

— Нам мало переселения пролетариата в купеческие и дворянские особняки. Мы скоро начнем строить новый город. На месте старой купеческой Москвы мы создадим первую в мире столицу — ту лабораторию, куда будут приезжать учиться воздвигать новые города социализма.

Многим московским обывателям эти мечты кажутся беспочвенными фантазиями. Обыватели брюзжат:

— Где тут мечтать о социализме, когда хочется съесть кусок простого черного хлеба? Разве можно говорить о каком-то сказочном неведомом социалистическом городе, когда в квартирах по ночам замерзает вода и коптящий примус кажется недосягаемой роскошью?

Но большевики хорошо помнили слова Ленина о том, что социализм нельзя построить без фантазии.

И в эти тяжелые голодные годы в окопах, на фронте, в продовольственных отрядах, в органах ЧК, в коридорах Моссовета московские большевики мечтали о будущей прекрасной Москве.

Пока это были лишь общие расплывчатые мечтания. Никто еще твердо не знал, как пройдут магистрали этого замечательного города, как будут выглядеть его площади, парки, набережные и как расселятся люди в его домах. Но все были уверены: это будет прекрасный город, равного которому еще не видал мир.

И твердо знали московские большевики: надо прежде всего пустить в ход советские заводы.

Только имея вдоволь цемента и стали, кирпича и чугуна, автомобилей и станков, тракторов и хлеба, можно вплотную приступить к строительству нового города.

Это бесконечно трудно — отодвинуть в будущее осуществление своих мечтаний о прекрасном городе. Быть может, долго придется голодать, отказывать себе в самом необходимом и попрежнему жить в холодных старых домах. Может быть, многие не доживут, не дождутся этого солнечного города. Но другого выбора нет.

Владимир Владимирович Маяковский.

Прежде всего — промышленность. Потом — все остальное.

Это большевики знали твердо, и они смело взялись за тяжелую задачу: восстановить старые московские заводы, создать новые промышленные комбинаты, постигнуть капризный нрав сложных механизмов, научиться управлять промышленными гигантами.

И по-новому уже звучит голос Маяковского. Поэт прославляет труд:

Кто герой?
Тот, кто лучше других.
Кто за рудой
Пошел горой,
Тот — герой.

Покинутый, темный, молчаливый стоял у Рогожской заставы старый «Гужон».

Вскоре после бурных Октябрьских дней хозяин «Гужона» бежал за границу. Разбрелись в разные стороны и старые рабочие-гужоновцы. Некоторые ушли в продовольственные отряды — искать хлеб для голодающей республики. Другие дрались на бесчисленных фронтах гражданской войны. Кое-кто уехал в деревню, спасаясь от московского голода.

В разбитые окна завода хлестал дождь. Грунтовая вода залила прокатный и мартеновский цехи. Станки ржавели в лужах грязной воды, среди груды пережженных кирпичей, старых «козлов», разбросанных моделей, слитков металлического лома.

Зимой замерзали и лопались водопроводные трубы — на заводе не было топлива. Ночью заводские корпуса стояли темные, неприветливые — заводу прекратили подачу электрического тока.

Месяцами «Гужон» не выдавал ни одного килограмма металла..

Выбывший из строя завод неожиданно получил срочное задание от правительства:

«Дать болты и гайки для железнодорожных путей и литье для машин, добывающих торф».

Кто возьмется вылечить залитые водой холодные цехи, когда нет топлива, электричества, сырья, когда вместо четырех тысяч в Москве осталось только двести тридцать рабочих-гужоновцев?

Но республика настойчиво требует металла. Надо хоть как-нибудь залечить паровозы, поправить железнодорожные пути и вагоны и перебросить хлеб, снаряды, войска. Надо во что бы то ни стало дать заводам торф — единственное топливо замерзающей страны.

Двадцать пять большевиков-гужоновцев с маленькой группой беспартийных рабочих идут в покинутые цехи выполнять приказ республики.

Надо прежде всего пустить мартены. Хотя бы для начала самый маленький из них — четырехтонный № 7.

Нет огнеупорного кирпича для ремонта. Но разве нельзя по кирпичику собрать необходимое со всего завода и даже в крайнем случае разобрать старый, все равно мертвый мартен № 6?

Нет топлива. Но почему не раскопать сугробы на дворе? Наверняка в куче хлама и железного лома найдутся доски и бревна.

Нет квалифицированных мастеров. Но разве печник Мешков не может руководить ремонтом? У него ревматизм. Его ноги не переносят сырости и холода. Но он уже месяц ходит на завод, работает на пронизывающем, сыром сквозняке и уверяет, будто ноги перестали болеть.

Его товарищ, печник Червяков, забрался в еще не остывшую печь. Горячий воздух, как на морозе, колючими иглами обжигает тело. Кровь в висках стучит так громко, так часто, что кажется — снаружи товарищи слышат этот резкий, отчетливый стук. Но разве можно ждать, когда остынет эта проклятая печь?

К старым печникам приходит на помощь мастер Прусинский. Он работал на «Гужоне» с 1890 года и был на хорошем счету у француза-директора: знающий, требовательный, строгий. Сейчас он снова в своем цехе — единственный из всех старых мастеров-гужоновцев.

Старик ворчит. Он недоволен советской властью. Но, когда в цехе неполадки, старик сутками не выходит с завода и горой стоит за свои мартены...

Маленькая горсточка старых рабочих начала борьбу за металл для республики.

Старики знали: потом будет легче. Когда снова загорятся в цехах электрические огни, загудят моторы, когда исчезнут лужи и раскаленная проволока, как огненная змея, поползет по прокатному цеху, тогда на завод придут сотни и тысячи рабочих. А пока надо самим ставить на ноги полумертвые цехи.

Каждое утро старики-мартенщики проходили контрольную будку. Они работали в холодных, залитых водой корпусах, без инструментов.

материала, электрического света. В обеденный перерыв они получали паек: каждому на два дня по восьмушке хлеба со жмыхом и желудями. Иногда вместо хлеба давали овес.

А рядом с заводом, в маленькой механической мастерской у заставы, их старый товарищ готовил зажигалки. Он отправлял их в деревню. Ему давали вдоволь черного хлеба — настоящего вкусного хлеба.

Иногда у старых гужоновцев мелькала мысль:

«Может быть, стать «зажигальщиками»?»

Вечером автомобиль привозил на завод мороженую картошку. Ее откалывали ломами — она вся смерзалась в твердую массу. Старики бережно несли картошку домой. Дома встречала замерзшая вода в кухне и едкий чад от вонючей «буржуйки». А на столе лежало письмо из деревни. Земляки звали на родину. Там ждала просторная теплая изба, широкая русская печь, корова, молоко...

Но республике нужен металл, и старики не бросают работы.

Наконец наступает долгожданный день: один за другим вступают в строй мартены «Гужона».

Начинается плавка. Но разве плавка легче ремонта?

В стране нет чугуна. Мартенам приходится работать исключительно на металлическом ломе. Но где его взять?

Сталевары ходили по заводскому двору и среди металлического хлама искали подходящий металл для плавки.

В печь попадало все, что угодно: металлические части снарядов, бомб, винтовок. В первые годы никого не удивляло, когда в печи слышались глухие взрывы. Это рвались патроны, случайно попавшие в плавку вместе с металлическим ломом.

У сталевара под рукой ничего не было. Все приходилось делать самому.

Нет скребка в цехе — и сталевар принимался делать скребок. Нет воронки для форсунки — сталевар сам сгибал воронку. Нет масленки — и мастер сам делал ее из бутылочки, в которой продавался в те годы сироп для чая.

В фасонном цехе не было электричества. Фасонщики работали с керосиновыми коптилками. Через два часа работы их лица чернели, покрывались керосиновой копотью, и фасонный цех становился похожим на собрание трубочистов.

Надо было отделить от этого керосинного чада хотя бы самых ответственных рабочих — формовщиков. Но завод не мог найти досок, чтобы соорудить самую простую деревянную перегородку площадью в двадцать пять квадратных метров.

Печи для подогревания болванок дышали жаром на прокатные станы. Здесь новички выдерживали считанные минуты. Работать могли только старые, опытные прокатчики. Несколько раз в смену их обливали холодной водой.

Но старики не уступали. Они гнали весеннюю воду обратно в грунт, зажигали электрические огни в грязных цехах, скоблили закоптелые стены и бережно ухаживали за каждым новым ожившим станком, внимательно прислушиваясь к его говору.

Завод медленно выздоравливал. Один за другим вступали в строй старые корпуса. И новую продукцию завода знали уже миллионы людей Советской страны.

Мало-помалу московские заводы вступали в строй, но жизнь города все еще не вошла в привычную колею. Столица сидит без дров, и нет возможности подвезти их по железным дорогам. Московския

совет мобилизует всех жителей Москвы на самозаготовку дров в тридцативерстной полосе вокруг столицы.

В Москве — шестнадцать тысяч разрушенных квартир. В домах протекают крыши, разбиты окна. Сотни деревянных домов разобраны на дрова. Каждый день в Москве вспыхивают пожары от неумелого пользования «буржуйками». Электричество выключается целыми районами и подается лишь на короткое время. Редкие трамваи берутся с бою. Большинство вагонов исковеркано. На улицах прочно вошел в быт новый вид транспорта — ручные санки и тележки.

Город полон мешочников и спекулянтов. Цены на продукты фантастически растут. Счет идет уже на сотни тысяч рублей. Деньги фактически теряют свою покупательную способность. В Москве начинается меновая торговля.

Хлеб меняют на ситец и гвозди, картошку — на сапоги. За фунт свинины идет граммофон. За кружку молока дают кофту, юбку, шторы.

Спекулянты возят деньги в мешках. Цены на некоторые продукты вырастают в сотни тысяч раз.

Основная задача, стоящая перед правительством, — во что бы то ни стало увеличить количество продуктов и предметов широкого потребления и этому на время подчинить все. И вот тогда, по гениальному замыслу Ленина, страна переходит к новой экономической политике — к нэпу. Это было отступлением, это было разбегом, чтобы тем увереннее, тем победоноснее закончить построение социализма в нашей стране.

В Москве поднимает голову частная торговля. Мелкие мастерские и фабрички переходят в руки частных владельцев. И понемногу внешность московских улиц начинает изменяться.

За зеркальными витринами воскресших магазинов появились меха, шелка, свиное сало, пирожные, белые булки. Нарядные нэпманы кутили в ресторанах. На углах стояли извозчики-лихачи. Тротуары были заполнены уличными продавцами. Мальчишки шныряли под ногами, навязывая «Иру», «Яву», рассыпные папиросы.

Но торговля была какого-то бивуачного типа. Редкий магазин принадлежал одному владельцу. Нарядные шляпы были выставлены в половине окна. Другую половину занимала кондитерская. Меха и шелка теснились к одному углу, чтобы дать место мастерской по починке портфелей и примусов.

Внимательному наблюдателю было ясно: все это лишь временное отступление, лишь передышка перед новым гигантским прыжком. И 20 ноября 1922 года Ленин говорит на пленуме Московского совета:

«Социализм уже теперь не есть вопрос отдаленного будущего... Мы социализм протащили в повседневную жизнь... все мы вместе, не завтра, а в несколько лет, все мы вместе решим эту задачу во что бы то ни стало, так что из России нэповской будет Россия социалистическая».

Владимир Ильич внимательно следит за восстановлением хозяйства Москвы. А впереди — непочатый край работы...

Столица замерзала. Надо было срочно найти топливо для Москвы, и, по указанию Ленина, десятки изыскательских партий отправились в окрестности Москвы искать топливо на бывших землях графа Бобринского.

«Земля моя будто проклята. Деревни мои невежественны, люди в них серы и скудоумны. Поля изрыты канавами, заросли сорными тра-

Торг на Сухаревской площади.

вами непотребными», писал граф Бобринский о своих московских и тульских угодьях в шестидесятых годах прошлого столетия.

На «проклятой» графской земле стояли жалкие дудочные угольные шахты.

Худая слава шла про уголь графских шахт:

«Четверть его — зола, четверть — вода, половина — угольный мусор».

Купеческая Москва предпочитала не пользоваться «мусорным» графским углем и сжигала дорогой донецкий антрацит, кавказский мазут и дрова в котельных своих несовершенных электростанций, в котлах центрального отопления, в топках голландских печей и кухонных плит...

Изыскательские партии, посланные Лениным, открыли в «проклятых» владениях графа Бобринского, у самого сердца страны, в районе Сухиничей, Тулы и Ряжска, новые, неразведанные месторождения: на площади в двадцать пять тысяч квадратных километров были обнаружены запасы в восемь миллиардов тонн каменного угля.

В Подмосковный бассейн послали рабочих, инженеров, ученых, завезли продовольствие, и новая угольная земля своим «мусором» начала поддерживать дыхание застывавшей столицы.

В те суровые годы подмосковный уголь горел почти во всех котельных московских заводов. Он согревал десятки тысяч замерзавших домов в Москве, Туле, в Подольске. Его возили, как величайшую драгоценность, в ближайшие промышленные города.

В это героическое время по инициативе Ленина было принято решение приступить к постройке московской районной станции на новом топливе Подмосковного бассейна. Это была Каширская ГЭС —

первая советская районная электростанция, построенная по ленинскому плану ГОЭЛРО.

Об этой необыкновенной стройке в архивах сохранилась пачка интересных документов. В большинстве — это маленькие, короткие записки.

Одна из них помечена 30 октября 1921 года. Это текст телеграммы, посланной заводоуправлению Симбирского завода:

«...За личной ответственностью председателя заводоуправления откомандировать в трехдневный срок на постройку Каширской электростанции электромонтера Федора и электротехника Василия Зубановых. Об исполнении донести.

Председатель Совнаркома — *Ленин*».

Так под непосредственным руководством Владимира Ильича создавалась первая районная московская электростанция.

В июне 1922 года Каширская станция дала свой первый ток Москве.

Вслед за Каширской ГЭС вступила в строй Шатурская электростанция. Она родилась в ста двадцати пяти километрах от Москвы, на берегу Черного озера. На многие километры вокруг лежала непроходимая болотная топь. Среди болот были разбросаны небольшие возвышенности. На них лепились деревеньки с нерадостными названиями: Чертовиха, Блохи, Черная Грива. Даже в жаркие июльские дни в пяти шагах от дороги болото могло затянуть и лошадь, и седока, и телегу. На суходолах крестьяне по старинке ковыряли сохой и деревянной бороной. Картошка рождалась мягкая и водянистая. Деревья не жили на берегу озера больше двадцати лет: быстро становились трухлявыми, заболевали неизлечимой болезнью и бессильно оседали вниз. Кругом стояло молчаливое болото, дышало гнилью, жужжало несметными полчищами комаров, отравляло приезжих людей малярией.

На месте этих торфяных болот, по указанию Ленина, родилась гордость советской электрификации, одна из крупнейших торфяных электростанций мира — Шатурская ГЭС имени В. И. Ленина.

Вместе с электростанциями рождались в Москве новые заводы. И их строительство также было неразрывно связано с именем Владимира Ильича.

...За год до Октябрьской революции недалеко от того места, где когда-то была кочковатая и болотистая Тюфелева роща, московские богачи братья Рябушинские начали строить автомобильную мастерскую «АМО».

В 1917 году Рябушинские бежали за границу. После них остались недостроенные корпуса мастерской и груда ящиков с оборудованием, в беспорядке разбросанных под открытым небом.

Значительная часть нужных станков застряла в портах Архангельска, Мурманска, Владивостока и была захвачена белогвардейцами.

Рабочие Москвы, получив в наследство недостроенный завод, кое-как расставили по цехам валявшееся во дворе оборудование.

Первое время завод выпускал все, что угодно, но только не автомобили: керосиновые лампы, ткацкие крючки, зажигалки.

В 1921 году Ленин пригласил к себе амовцев:

— Я надеюсь, что скоро мы увидим первую советскую машину, выпущенную заводом «АМО».

Осенью следующего года родился первый советский автомобиль.

Многим не верилось, что в 1922 году, когда только что отзвучали залпы гражданской войны, когда у страны не было материалов,

Дом в Горках, в котором умер В. И. Ленин.

опыта, квалифицированных рабочих, амовцы могли наладить производство автомобилей, неведомое старой России.

И все-таки советский автомобиль родился! «АМО-Ф-15» — таково было его официальное имя.

Холодный январь 1924 года принес нестерпимое горе стране.

Умер Ленин...

В морозную январскую ночь загорелись костры на улицах заледеневшей столицы, и сотни тысяч людей непрерывной чередой потянулись в залы Дома союзов.

Ленин во френче. На груди — орден Красного Знамени. У гроба — застывшие часовые.

В почетном карауле юные комсомольцы беззвучно сменяют старых большевиков. Нескончаемой вереницей проходят рабочие, крестьяне, интеллигенты, представители коммунистических партий всех стран.

Они проходят мимо гроба, засыпанные снегом, заиндевевшие, простоявшие долгие часы на двадцатишестиградусном морозе, на северном пронизывающем ветру. Торжественно и печально звучит шопеновский марш.

У изголовья стоит Надежда Константиновна Крупская.

В эту ночь Москва не спит. У Дома союзов — нескончаемые ленты очередей. В морозной мгле горят костры. Сестры милосердия ходят вдоль рядов с баночками вазелина. Сердито воет северный ве-

тер, срывая с крыш колючие снежинки. А по улицам идут и идут сотни, тысячи людей из далеких окраин, из подмосковных сел и деревень проститься с вождем, учителем и другом...

К гробу подходит старик-военный. В 1920 году он брал Перекоп. Он видел тысячи смертей в болотах Сиваша, в степях Сибири, на подступах к Петрограду... Неожиданно задрожала нижняя губа. Потекли слезы. Командир зарыдал и в обмороке упал у гроба...

И снова течет непрерывный людской поток. Проходят старики, женщины, красноармейцы, рабочие, молодежь. Школьники несут венки из елок и картонных листьев.

...Неподвижно стоит у гроба часовой-кавалерист. Лицо бледнеет. Дрожит винтовка. Нечеловеческим усилием воли он снова застывает на посту. Но слезы неудержимо текут по щекам. Подходит командир и платком вытирает слезы...

Людской поток непрерывно течет через Колонный зал. На Красной площади, у Кремлевской стены, торопливо стучат топоры, визжат пилы, глухо ухают взрывы. Это саперы готовят могилу. А людской поток все течет и течет к Дому союзов.

Так было ночь и день, день и ночь...

В день похорон сотни тысяч людей идут на площадь последний раз проводить Ленина.

Ряды воинских частей стоят в карауле. Мимо них на руках плывет гроб с телом Ильича.

Ровно в 9 часов 30 минут утра люди, несущие венки, вступают на Красную площадь.

Гроб поднимают на пьедестал и покрывают его знаменами Центрального комитета славной большевистской партии.

Траурные колонны проходят мимо гроба. Руки дрожат, опуская флаги. Слезы замерзают на щеках. Ветер свистит и воет в узких переулках Китай-города.

В 3 часа 55 минут с гроба снимают знамена. Колонны останавливаются.

— Смирно!

Войска берут на-караул. К гробу подходит Сталин. Впереди идут знаменосцы.

Величественно гремит артиллерийский салют.

Вся Красная площадь поет: «Вы жертвою пали в борьбе роковой...» Речей нет.

На несколько минут замирает жизнь всей страны. Сотни поездов на железных дорогах останавливают свой бег.

Ленин умер. Но над страной и над всем миром гремят огненные слова сталинской клятвы:

«Уходя от нас, товарищ Ленин завещал нам держать высоко и хранить в чистоте великое звание члена партии. Клянемся тебе, товарищ Ленин, что мы с честью выполним эту твою заповедь!..

Уходя от нас, товарищ Ленин завещал нам хранить единство нашей партии, как зеницу ока. Клянемся тебе, товарищ Ленин, что мы с честью выполним и эту твою заповедь!..

Уходя от нас, товарищ Ленин завещал нам хранить и укреплять диктатуру пролетариата. Клянемся тебе, товарищ Ленин, что мы не пощадим своих сил для того, чтобы выполнить с честью и эту твою заповедь!..

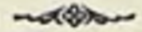
Уходя от нас, товарищ Ленин завещал нам укреплять всеми силами союз рабочих и крестьян. Клянемся тебе, товарищ Ленин, что мы с честью выполним и эту твою заповедь!..

У Дома союзов.

Уходя от нас, товарищ Ленин завещал нам укреплять и расширять Союз Республик. Клянемся тебе, товарищ Ленин, что мы выполним с честью и эту твою заповедь!..

Уходя от нас, товарищ Ленин завещал нам верность принципам Коммунистического Интернационала. Клянемся тебе, товарищ Ленин, что мы не пощадим своей жизни для того, чтобы укреплять и расширять союз трудящихся всего мира — Коммунистический Интернационал!»

В празднично убранном помещении корпуса малых моторов завода «Динамо» — море голов. Помещение гудит тысячами голосов. По рядам проносится:

— Приехал!

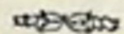
На трибуне появляется характерная фигура Сталина.

Все взоры жадно впиваются в оратора. Что скажет он, вождь революции, лучший ученик и соратник Ленина, тот, кого родина поставила у руля в ответственнейший момент, когда презренный предатель Троцкий пытался расшатать единство партии?..

Уезжая с завода, товарищ Сталин записывает в «Красную книгу» «Динамо»:

«Желаю рабочим «Динамо», как и рабочим всей России, того, чтобы промышленность пошла в гору, чтобы число пролетариев в России поднялось в ближайший период до 20—30 миллионов, чтобы коллективное хозяйство в деревне расцвело и подчинило своему влиянию частное хозяйство, чтобы высокая индустрия и коллективное хозяйство в деревне сплотили окончательно пролетариев фабрик и тружеников земли в одну социалистическую армию; чтобы победа в России увенчалась победой во всем мире.

7 ноября 1924 г. *И. Сталин*».

Страна уже научилась строить свои тракторы, автомобили, самолеты. Ей нужна высококачественная нержавеющая сталь.

Старики-гужоновцы рапортовали стране:

— Железный «Гужон» восстановлен.

Молодая страна ответила им новым заданием:

— Превратить железный «Гужон» в стальной «Серп и молот».

И снова началась борьба.

По Москве поползли разговоры:

— Сто́ит ли расширять эту старую, тысячу раз залатанную калошу? Завод стар. Он прожил почти полстолетия. Зачем возиться с этим больным стариком? Не лучше ли построить в новом месте новый завод? А старый «Гужон» пусть медленно умирает. Грязному металлическому заводу не место в Москве.

Так говорил главный инженер завода, руководитель мартеновского цеха, так говорили крупные специалисты из Машинотреста. Это было мнение группы старых инженеров.

Как будто в подтверждение их слов, на заводе начались аварии. В прокатном цехе неожиданно остановился большой стан. Его чинили долго и неохотно. Наконец стан пошел. Но через несколько дней подшипники снова лопнули.

Потом началась серия пожаров. Загоралось то в одном, то в другом цехе. Казалось, старый завод старался доказать, что он устал и

не в силах больше работать. В заграничной белогвардейской газете даже появилось сообщение:

«Завод бывший Гужон сгорел дотла».

Главный инженер продолжал утверждать:

— Старую калошу пора выбросить в помойную яму.

Над «Гужоном» нависала угроза ликвидации.

В самый разгар споров в Москве была раскрыта крупная вредительская организация. В нее входил главный инженер «Гужона». Он сознался:

— Мы хотели разрушить восстановленный завод и помешать его реконструкции.

Врагам не удалось остановить победоносное строительство социализма. Правительство отдало приказ немедленно начать стройку новых цехов...

С каждым месяцем завод захватывал все новые и новые территории.

На землях бывшего Всехсвятского женского монастыря, на Проломной улице, строились модельный, калибровочный и фасонно-литейный цехи. У стен Андроньева монастыря вырастал новый корпус завода. У берегов речушки Золотого Рожка воздвигался пятиэтажный Дом ударника.

Вся территория завода оделась в строительные леса. И старые гужоновцы — те, кто на своих плечах вынес всю громадную работу по восстановлению завода, — зорко следили за новой стройкой.

Когда срывались сроки или нехватало строителей, рабочие устраивали субботники. Случалась заминка с деньгами — рабочие снова организовывали субботники, отрабатывали лишние часы.

Наконец завод был построен. Его новые корпуса — чистые, светлые, все в стекле и бетоне — раскинулись на громадной территории в восемьдесят два гектара. Грязные, закоптелые, темные цехи старого «Гужона» занимали только двенадцать гектаров.

Родился новый завод — новый прежде всего потому, что высококачественная сталь звенела иначе, чем ржавое железо.

Молодой «Серп и молот» уже в 1926 году поставил свою марку на фермах железнодорожных мостов, на мачтах электропередач и металлических скелетах новых заводских гигантов.

Ее видели на стальных канатах: они поднимали на-гора блестящий черный уголь из глубоких шахт Донбасса и вели за буксирами тяжелые волжские баржи.

Она стояла на металлических фермах железнодорожных мостов в Закавказье, в Сибири, в Белоруссии, на эстонской границе.

Ее прекрасно знали строители Балахны: железный скелет Балахнинской бумажной фабрики отлили и выковали в обновленных цехах старого «Гужона».

И новая марка гордо красовалась на металлических мачтах Шатурской станции. Мачты электропередачи передавали в Москву электрический ток с болотистого Черного озера.

Подобно «Гужону», росли и обновлялись другие московские заводы, и над Красной площадью в ноябре 1925 года летели уже тридцать восемь самолетов. Эскадрильи плавно пронеслись над мавзолеем и выстроились в воздухе в виде красноармейской звезды.

На крыле мавзолея уже был установлен радиоусилитель. Михаил Иванович Калинин упорно забывал об этом и обменивался с товарищем Фрунзе шутливыми замечаниями. Площадь весело хохотала над этими шутками.

Товарищ Сталин выступает на заводе «Динамо» 7 ноября 1924 года

1 мая 1926 года парад впервые принимает товарищ Ворошилов. Мимо мавзолея проходят новые советские танки и советская артиллерия. Над Красной площадью реют десятки советских самолетов.

В 1928 году в Москву окончательно переезжает великий русский писатель А. М. Горький. Ему холодно и тоскливо на далеком средиземноморском юге. Ему скучно в чужом краю, вдали от родины, от ее гигантской стройки, от новой, бурно растущей молодежи. И он чувствует в себе достаточно силы, энергии, страсти, чтобы перебороть свой старый тяжелый недуг и принять непосредственное участие в грандиозной переделке своей страны.

Горького чествуют в Москве, в Доме Красной армии и флота. Высокий, прямой, он крепко сжимает в руках винтовку и револьвер. И никому не кажется странным, что Горький, этот великий гуманист и, казалось бы, противник всяких войн, вытянулся по-военному у стола президиума. Каждый знает: Горький первый возьмет в руки винтовку, если жестокий, озверелый враг осмелится покуситься на счастье прекрасной Советской страны...

Горький живет в Москве. Он много пишет. И все же он выкраивает время читать и править множество чужих рукописей, редактировать десятки книг и журналов, беседовать с сотнями людей. В его московском доме вечная толчея. Сюда приходят писатели, художники, рабочие, путешественники, инженеры, колхозники, ученые. И сплошь и рядом далеко за полночь засиживаются у Горького товарищи Сталин, Молотов, Ворошилов, Калинин...

В 1932 году вся страна радостно празднует сорокалетие со дня появления в печати первого рассказа Горького «Макар Чудра».

Товарищ Сталин пишет Горькому:

«Дорогой Алексей Максимович!

От всей души приветствую Вас и крепко жму руку. Желаю Вам долгих лет жизни и работы на радость всем трудящимся, на страх врагам рабочего класса.

И. Сталин».

Горячей, неукротимой ненавистью ненавидит Горький презренных врагов народа, злобную троцкистско-бухаринскую банду. Он говорит и пишет о своем презрении к Троцкому, к его приспешникам, к его хозяевам — фашистам.

«Если враг не сдается — его уничтожают», твердо говорит Горький.

Слова Горького разносятся по всему миру. К ним чутко прислушиваются все, кто еще не разучился слушать и понимать горячие, искренние, правдивые слова. Горький открывает глаза тем, кто еще вчера колебался. А в затхлом фашистском подполье уже куется заговор на жизнь великого русского писателя, друга Ленина и Сталина, друга всего передового человечества...

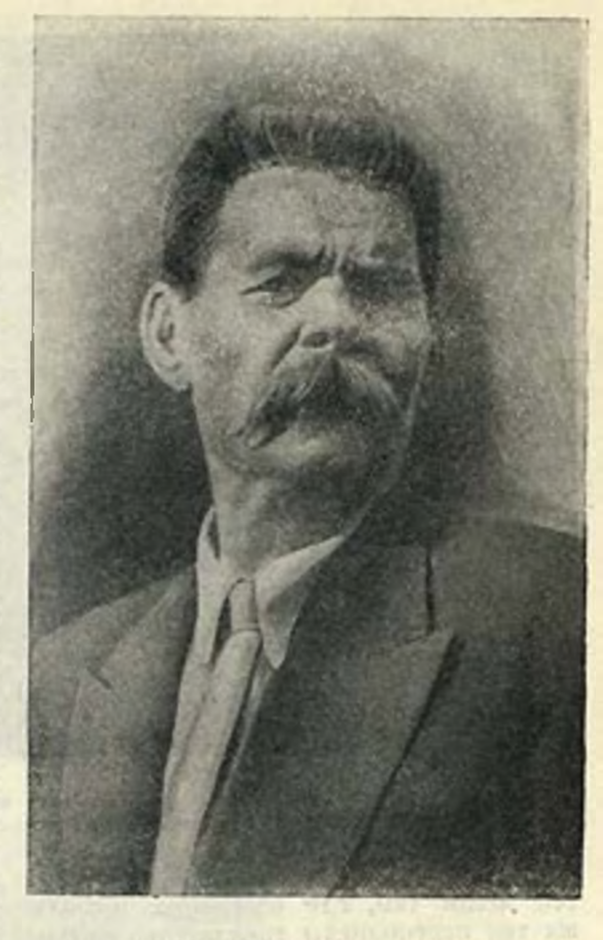
Страна уже имеет цемент и сталь, кирпич и чугун, автомобили и станки, тракторы и хлеб. Теперь она вплотную может приступить к переделке своей столицы. И Москва начинает расти, чиститься, хорошеть. Асфальт сменяет булыгу.

Укрепляются берега реки. Разбиваются скверы. Электрифицируются окраины. Строятся новые дома.

За короткое время — с 1923 по 1931 год — в Москве выросло пять тысяч новых домов. Почти полмиллиона москвичей переехало в новые, благоустроенные квартиры на центральных улицах.

Десятки километров новых трамвайных линий стали обслуживать отдаленные окраины. На помощь трамваям по московским улицам пошли автобусы.

Старые заводы продолжали обрастать новыми цехами, на окраинах возникали новые промышленные гиганты, в Москве рождались новые научные институты, учреждения, высшие учебные заведения, школы. Они требовали десятков и сотен тысяч рабочих, лаборантов, техников, инженеров, ученых, педагогов — и каждый месяц в домовые книги Москвы вписывалось двадцать тысяч новых москвичей.

Алексей Максимович Горький.

Переполненная столица перехлестнулась через свои границы. Подмосковные поселки стали превышать по своему населению прежние уездные города Российской империи.

В Москве стало тесно.

21 октября 1930 года на перекрестках самой оживленной московской магистрали Сокольники — Мясницкая — Арбат — Смоленская площадь появились десятки счетчиков. Они подсчитали: в этот день трамваи останавливались сто четырнадцать раз. Виной были перевернутая пролетка, упавшая лошадь, застрявший извозчик и просто невообразимая уличная сутолока.

День 21 октября был обыкновенным московским осенним днем 1930 года. Москвичи привычно дежурили на трамвайных остановках, штурмовали подножки, иногда уезжали, уцепившись за поручни, но чаще шли пешком, ругая московский трамвай.

Трамвай кичился тем, будто он — мировой чемпион: ни в одной столице мира трамвайный вагон не перевозил так много пассажиров, как в Москве.

Старые, исконные москвичи недоумевали:

— Что за притча? За последние годы сотни новых трамвайных вагонов побежали по улицам города. Десятки километров новых пу-

На Усачевке, прежней окраине старой Москвы, выросли кварталы новых домов. В глубине направо видны Новодевичий монастырь и лента Москва-реки.

тей легли там, где еще вчера стояла непролазная грязь. Почему же так переполнены трамвайные вагоны? Правда, население Москвы выросло. Но откуда эти миллионы новых пассажиров?

В трамвай действительно вошел новый пассажир. Не так давно он жил у московских застав, рядом со свалками. Одиннадцать часов в сутки он работал на фабрике, тачал сапоги на липке, шил пиджаки и брюки, стряпал ваксу, копеечные пряники, яблочный квас. У него не было ни времени, ни денег разъезжать на трамваях. Да и некуда было ехать. За бульварным кольцом лежал чужой, враждебный город: дворянские особняки, львы у подъездов, купеческие лабазы, рестораны, рысаки. Сегодняшний пассажир еще совсем недавно знал только свой грязный двор и пыльную улицу, на которой прожил много лет.

Теперь рабочий стал хозяином Москвы. И новый хозяин хотел учиться в университете, танцовать в парке культуры, слушать концерты в Консерватории, читать книги в Ленинской библиотеке.

Новому москвичу стало тесно на своей улице — ему понадобился весь город. И на земном шаре не было ни одной столицы, жители которой ездили бы так много и так часто, как в советской Москве. Не было потому, что до сих пор в мире не существовало ни одной страны, которая жила бы такой большой, полной, творческой жизнью.

Старая Москва задыхалась в кривых и узких тупичках. Трамвай медленно колесил по тесным переулкам, часами стоял в очередях, застревая в бесчисленных пробках.

Но в Москве было тесно не только на улицах. В столице оказалось мало жилья, воды, электричества, зелени. В Москве нехватало театров, кино, концертных залов, библиотек, школ, университетов.

Причина была все та же: новый хозяин был требователен. Он не желал жить в подвальной каморке. Он не мирился с керосиновой лампой. Он хотел иметь вдоволь вкусной, чистой, прозрачной воды. Он страстно рвался к учению — к школе, книге, театру, музею. И Москва с ее куцым хозяйством, оставленным в наследство старым купеческим городом, где все лучшее — светлые квартиры и чистая вода, школа и театр, зелень парков и картинные галлереи — было рассчитано на ничтожную кучку «хозяев», людей сплошь и рядом ленивых и нелюбопытных, — теперь эта Москва оказалась для новых хозяев города тесной, неуклюжей, бедной.

Казалось, молодого, здорового, жизнерадостного парня поместили в комнату с низким потолком, с подслеповатыми окнами, со слоем пыли на колченогой мебели, на пузатых, железом кованных сундуках, с тараканами, шуршащими под грязными, выцветшими обоями.

Парню душно. Он хочет прежде всего пробить в стене широкое глазастое окно и впустить в комнату солнце и воздух. Потом, засучив рукава, очистить комнату от пыли, тараканов, хлама. И, раскрыв сундуки, вынуть оттуда то, что ценно и красиво, отряхнуть от нафталина и заставить это веками собранное богатство служить себе, служить всему народу.

Так почувствовал себя новый хозяин в старой Москве...

Древний город надо было переделывать немедленно, решительно и смело.

ПЛАН НОВОГО ГОРОДА

Как перестроить старую Москву? Где взять примеры? У кого заимствовать опыт?

В столицах буржуазного мира не раз делались попытки перепланировки. Пробовали сносить старые, полуразвалившиеся хибарки, раздвигать узкие улицы, широкими проспектами прорезать города и на пустырях и свалках создавать дворцы и парки.

Может быть, взять пример с прославленных столиц капиталистического мира?

...Лондон.

Улицы старого города, расположенные вдоль набережной Темзы, задыхаются от зловония и грязи. Высокие средневековые дома от подвалов до чердаков заселены рабочими, мелкими торговыми служащими, ремесленниками. На узких мостовых — постоянная толчея проезжих и прохожих.

И вот правители города составляют смелый проект: снести старые дома, расчистить переулки и прорезать грязные кварталы широким и чистым проспектом.

«Этот план, требующий огромных затрат, — писал Карл Маркс, — одним махом убивает несколько мух: благоустройство Лондона, очищение Темзы, улучшение санитарных условий, великолепный проспект и, наконец, новое русло уличного движения, что освободило бы Стренд, Флит-стрит и другие параллельные Темзе улицы от перегруженности экипажами и т. п. — перегруженности, которая становится с каждым днем все более и более опасной и напоминает нам сатиру Ювенала о римлянине, пишущем перед выходом из дома свое завещание, потому что он имеет все шансы быть раздавленным или погибнуть от обвала».

Новая проектируемая магистраль должна пройти мимо владений герцога Беклей, срезав часть его сада.

Герцог возмущен. Как смеет Лондон рассчитывать, что он, герцог Беклей, согласится видеть из своих окон не старые липы и цветы любимого парка, а грубые лица черни, идущей на работу?

Герцог пускает в ход свои связи и деньги, и парламент отклоняет проект новой магистрали.

На узких улочках близ набережной Темзы — все та же теснота, болезни, вонь и грязь. Но под окнами дворца герцога Беклей попрежнему цветут акации и липы старого парка...

...Париж.

Префект столицы Франции барон Жорж-Эжен Осман решительно и смело берется за перестройку города. Он чертит на плане Парижа прямые линии новых магистралей, которые должны будут прорезать узкие, кривые рабочие кварталы.

По этим линиям инженеры безжалостно сносят дома. На развалинах разбивают прекрасные широкие и зеленые проспекты — Большие Бульвары. Бульвары обходятся Парижу почти в миллиард франков.

Перестройка продолжается шестнадцать лет. Осману кажется, что он достиг своей цели. Он надеется: теперь французские рабочие не так легко построят баррикады, как строили их в былые годы. Широкие перспективы новых магистралей — не прежние кривые и узкие переулки. Осман думает, что теперь в случае уличных беспорядков их шутя очистит от бунтовщиков горсточка полицейских.

На Больших Бульварах быстро выросли дорогие гостиницы, роскошные рестораны, кафе, бары. Сюда переселился центр буржуазного Парижа.

Рабочие — жильцы снесенных домов — остались без крова: у города не было средств построить им новые дома. И в то же время в кассе Парижа нашлись миллионы франков, чтобы приобрести в собственность города никому не нужную «Безделушку» — усадьбу герцога Артуа со старинным дворцом и глубокими сырыми подвалами для слуг, вырытыми под кустами роз и белых акаций, чтобы жилища челяди не портили красивого вида из окон герцогского дворца...

Нет! Новой Москве нечему учиться у истории городов капитализма. Столицы мира никогда не излечивали и не могли излечить своих болезней. Потому что их главной заповедью была старая английская поговорка: «Мой дом — моя крепость».

Любой палисадник превращался в неприступную стену, если речь заходила об общем благе. Каждый думал о своем доме, и все вместе были равнодушны к городу...

Москва решила сама составить план перестройки.

Шли горячие споры о плане новой Москвы.

— Бросьте в мусорную кучу неразбериху московских домишек и церквей, тупиков, переулков, — говорили одни. — Взорвите и сройте до основания старую Москву. Сотрите, как резинкой, весь нынешний город. На развалинах Москвы постройте башни-небоскребы. Плоские крыши гигантских домов покройте толстыми стальными плитами для защиты от неприятельских воздушных атак. На широких площадях между башнями соорудите фонтаны. В страшные годы войны их водяная завеса спасет город от волн удушливых газов... Новая Москва

должна быть городом башен, гигантских, невиданных небоскребов-крепостей.

— Город небоскребов — это город капитализма, — говорили другие. — Нет, новая Москва должна стать городом-садом. Она вытянется вдоль асфальтированных шоссе на сто километров, а одноэтажные домики-коттеджи затеряются среди зелени. Она перестанет быть городом в нашем смысле этого слова, а старую тесную каменную Москву мы превратим в музей: безлюдная, заброшенная, пусть она медленно доживает свой век.

— Значит, долой всю Москву без остатка? — спросили советчиков московские большевики. — А как же быть с добротными домами старой Москвы? Как поступить с громадным человеческим трудом, который вложен в хозяйство города — в его водопроводные трубы, в электрические провода, в скверы, наконец, в осушенную и выровненную площадь старого города? Или все это тоже можно выбросить в мусорную кучу?

Конечно, кое-что придется ломать. Москва — не музей. Но что означает снос Зарядья, Хитровки, Охотного ряда? Этот снос и перепланировка таких районов означает освобождение города от гнусной сутолоки домишек и лабазов, которые будто нарочно строились для того, чтобы было побольше подвалов, крыс, болезней и горя... Но памятники искусства, говорящие о прошлом великого народа, будут сохранены.

Нет, мы не будем разрушать Москвы. Мы поступим со старым городом так же, как поступает внимательный врач с больным человеком, или, вернее, как поступает строитель с рекой, создавая гидростанцию.

Инженер не срывает чрезмерно высоких берегов и не выравнивает течения реки. Он использует островки для плотины, опирает фундамент на скалу — он старается разрушать как можно меньше, старается взять от природы все, что она может дать для будущей станции...

Московские большевики не пожелали взрывать динамитом многомиллионный город. Они не захотели иметь столицей Союза груду башен-крепостей или гигантскую, стокилометровую деревню. Но они не желали почтительно мириться и со старыми московскими тупичками.

Московские большевики вместе с лучшими советскими архитекторами и инженерами засели за новый проект Большой Москвы.

Путь перестройки Москвы указал Сталин. И о чем бы он ни говорил — о будущих домах или новых магистралях, о набережных или парках, о школе или трамвае, — он заставлял всех понять одно:

Главное — забота о человеке, о том простом, честном советском человеке, который будет жить в новой Москве и для которого его столица должна быть прекрасным, солнечным городом, где радостно работать, легко учиться, весело отдыхать.

И заповедью строителей новой Москвы стало: «Наш город — наша гордость».

План реконструкции был грандиозен. Его создатели, московские большевики, говорили о нем:

— Мы вылечили старые московские заводы. Мы создали новые комбинаты, научились управлять ими, узнали нрав сложных механизмов. И теперь, опираясь на сотни новых заводов, мы построим себе новую столицу.

Мы расширим узкие, кривые переулки, выровняем ухабы улиц и

Товарищи Сталин и Ворошилов в Кремле.

проложим десятки широких магистралей. Некоторые из них пройдут через всю Москву, пересекаясь в центре. Другие замкнутыми кругами лягут вокруг Кремля.

Новые проспекты перережут город и пройдут по тем местам, где раньше лежали пустыри и свалки. Создавая магистрали, мы снесем ветхие, безобразные домишки старой Москвы и переселим их жильцов в новые и светлые здания. А если на пути магистрали встретятся дома, которые не стыдно оставить в новой Москве, мы переселим их в глубину улицы, во дворы соседних домов, в ближайшие переулки.

Мы переоденем булыжную, пыльную, грязную Москву в асфальт и брусчатку. Мы уложим под землей сотни километров труб и отправим по ним тепло в дома, на заводы, в бани и прачечные из новых районных теплоэлектроцентралей.

И в нашем городе не будет старого, веками освященного деления на грязные окраины и благоустроенный центр. Весь город, окруженный кольцом тенистых парков, будет одинаково залит блестящим асфальтом, и перспективы новых домов будут одинаково прекрасны и на бывшем Сукином болоте и на площади Свердлова, в Тюфелевой роще и на улице Горького.

В столице нехватает воды. Но как напоить Москву? Откуда взять воду?

Конечно, из Москва-реки!

Но тут запротестовали ученые. Они занялись арифметикой. Они сказали:

— Каждые сутки Москва-река проносит мимо Кремля шестьдесят миллионов ведер воды. Наша столица растет. И в 1937 году она потребует каждый день тоже шестьдесят миллионов ведер воды.

$$60 - 60 = 0.$$

Это значит: в 1937 году водопроводные станции до последнего ведра высосут Москва-реку. Водопроводу неоткуда будет брать нужную Москве воду. И на столицу надвинется городская засуха...

Разве можно допустить, чтобы Москва осталась без воды?..

Воду надо было достать немедленно и во что бы то ни стало, чтобы бесперебойно работали заводы, фабрики, столовые, больницы, электрические станции, чтобы быстро растущая Москва могла умываться, готовить обед, стирать белье.

Москве нужна была вода, чтобы новые машины могли мыть улицы, чтобы на площадях били красивые фонтаны, чтобы спокойные широкие озера появились в новых тенистых парках.

Столица требовала воды, чтобы напоить свою худосочную реку и у гранитных причалов принимать суда, идущие в Москву из союзных республик.

Вода была нужна Москве, чтобы сделать город богатым, культурным, благоустроенным — достойной столицей Страны Советов.

Но где взять этот мощный водяной поток, если в распоряжении города лишь жалкая речушка?

— Мы запрудим Истру, Рузу и Москва-реку, — предложил кое-кто из московских инженеров. — Мы создадим три водохранилища и водой этих водохранилищ напоим столицу.

Но это не решало основного вопроса: кое-как залатав в своем проекте явные дыры в водопроводном хозяйстве города, проектиров-

щики забыли о главном — о Москва-реке. Единственная водяная магистраль столицы оставалась бы попрежнему жалкой речушкой. Облик сухой, безводной, пыльной Москвы сохранился бы неизменным.

И вот тогда-то товарищ Сталин предложил гениальную идею канала Москва — Волга: надо повернуть Волгу в Москву, влить в Москва-реку миллионы ведер новой воды и сделать из Москвы порт, у набережной которого будут швартоваться суда, идущие из Белого, Балтийского и Каспийского морей.

Тесно на улицах Москвы. Но как уничтожить транспортные пробки на старых и новых магистралях столицы? Как отрегулировать и направить миллиардные пассажирские потоки в будущей Москве?

— Самолеты! — решительно заявили те, кто стоял раньше за башни-небоскребы. — Десятки и сотни тысяч самолетов! Техника идет гигантскими шагами вперед. Когда закончится перестройка Москвы, в городах не останется другого сообщения, кроме воздушного...

Любители московских тупичков говорили иначе:

— Были в старой Москве тысячи извозчиков и сотни трамвайных вагонов. И ничего — хватало. Сейчас, правда, тесновато немного. Что же — пустим новую тысячу трамваев и автобусов. Авось справятся. В крайнем случае, пересядем на извозчичью пролетку.

И снова большевики не согласились с этими предложениями:

— Мы сделаем иначе. Мы расширим улицы прежней Москвы и по асфальтовым магистралям недавних окраин пустим быстрые трамвайные поезда, мощные автобусы, вместительные троллейбусы. Ленты центральных улиц мы освободим для автомобилей. Мы снимем с мостовой трамвайные пути, запретим лошадиной ноге ступать на асфальт центра — наши машины будут свободно мчаться по просторным асфальтовым проспектам.

— А миллиарды обычных, ежедневных массовых пассажиров — куда их деть? Посадить на автомобили? Но для этого пришлось бы пустить через центр десятки тысяч машин. А это снова создаст толчею на улицах, и снова пробки закупорят магистрали.

— Но разве мало простора под улицей? Разве не свободны московские недра? — сказали московские большевики. — Мы построим под землей новый город — город московского метрополитена. По улицам нашей подземки пойдут быстрые, вместительные электрические поезда. Они перевезут втрое больше пассажиров, чем московский трамвай. Пассажирский поток столицы мы спустим под землю, в просторные тоннели советского метрополитена...

Так родился грандиозный и величественный сталинский план реконструкции Москвы. Его докладывал Л. М. Каганович пленуму Центрального комитета большевиков в июле 1931 года. И этот план стал боевой программой работ московских большевиков.

СТАЛИНСКИЙ ПЛАН ВЫПОЛНЯЕТСЯ

Первыми вышли на разведку блестящие наконечники буровых инструментов. Наконечники были похожи на острие копья и на растопыренный рыбий хвост. Быстро и неуклонно они врезались в московскую землю.

Буры легко прошли первый метр. На их пути не встретилось ничего интересного — мусор, обломки кирпича, щепки, обрывки тряпок, мелкие кости, черепки разбитой посуды — все, что обычно накапливается около человеческого жилья за много лет.

Неожиданно среди мусора и щепок бур наткнулся на блестящую серебряную монету. На ней был выбит знакомый профиль императора Наполеона. Сто с лишним лет назад какой-нибудь французский офицер обронил ее на пожарище Москвы.

Буры неуклонно продолжали двигаться вперед. Они встретились с печными изразцами. Незнакомый затейливый розовый узор был разбросан по синему полю.

На пути попались старая махотка для молока из черной глины и узкогорлые пузырьки. По рецептам иностранных лекарей в такой посуде выдавал свои лекарства московский аптекарь Мейер, что жил в XVIII веке на Лубянской площади.

Глубже опускались буры, и все дальше уходили они в прошлое старой Москвы.

Вот маленькая чашечка из глины — в стародавние времена ее наполняли маслом и ставили в гроб покойнику... Старый серебряный светильник... Опять печные изразцы.

Рядом буровые инструменты наткнулись на склеп. В нем — две большие колоды, выдолбленные из лиственницы. В колодах лежали

женские трупы. На ногах у них надеты остроносые зеленые замшевые туфли с высоким лакированным каблуком.

Буры на своем пути встречают толстые полусгнившие, старые бревна. Бревна уложены ровным рядом, вплотную одно к другому. Это мостовая древней Москвы. Сотни лет назад, стуча и громыхая, проезжали по ней неуклюжие боярские колымаги.

В щели между бревнами старинной мостовой застряла персидская печать. На ней вырезано двустишие:

Когда я изложу свое страстное стремление,
То загорится тростник моего пера.

Тут же, рядом, — поломанный клинок польской сабли. В смутные годы правления Дмитрия Самозванца ее потерял какой-то польский пан в битве с русскими войсками.

Наконечники буровых инструментов легко прошли трухлявую сердцевину бревен и спустились ниже. Здесь лежали старое каменное ядро, черепки древней глиняной посуды и старинный шлем. В битве с татарским ханом Тохтамышем он защищал русского воина.

Еще глубже уходили буры. Они встретили чистые, смоченные водой песчинки. В песке лежали рыбьи кости, украшения из пожелтевших звериных зубов и остатки обуглившихся веток. Много тысячелетий назад здесь горел костер доисторического человека.

Инструменты продолжали вскрывать все новые глубины. Наконечники легко входили в плывун — песок и глину, размоченные водой. Плывун был похож на кисель, на жидкую сметану. В плывуне бур наткнулся на камень. Поверхность камня была отполирована, и казалось — кто-то долго трудился, чтобы так искусно придать ему эту закругленную форму.

Кончился плывун, и началась черная глина. А в глине — позвонки незнакомого животного, острый, чуть изогнутый зуб давным-давно вымершей акулы, ствол обуглившегося дерева и груды раковин.

Наконец буровые инструменты миновали черную глину и врезались в твердый известняк.

Тяжело было инструментам итти в этом слое. Уже не два метра, а двадцать сантиметров в смену прогрызали наконечники в твердом известняке.

Буры прошли первый, второй, третий метр. Дальше им итти нечего: известняки иногда тянутся вглубь на десятки метров.

Буровые инструменты подняты на поверхность. Каждый из них прошел в среднем по двадцать пять метров.

За буровыми инструментами шли объемистые металлические ложки и длинные узкие желонки. Через каждые полметра, а иногда и чаще, они вытаскивали на поверхность образцы грунтов. Тут же, на месте, геологи определяли влажность грунта и его возраст, а затем грунт отправляли в Ветошный переулок.

Там во дворе, в небольшом флигеле, были когда-то склады московских оптовиков. Теперь на воротах появилась скромная вывеска:

ГЕОЛОГИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ МЕТРОСТРОЯ

Внутри, в длинных сводчатых комнатах, стояли на полках деревянные ящики. Низкие перегородки делили их на тысячи мелких сотов. В каждом отделении лежали щепотки земли — глина, песок, извест-

няк. Все они были разных оттенков, разной влажности, и каждая имела свой порядковый номер, свою характеристику, свою фамилию: Q, I, C...

По этим щепоткам земли, будто перелистывая страницы замечательной книги, геологи читали древнюю историю московской земли.

Желтый известняк рассказывал...

Это было сотни миллионов лет назад.

Шумели морские волны над теперешней Москвой. В море жили маленькие корненожки. Скорлупки корненожек содержали в себе известь.

Крошечные существа умирали. Трупы падали на дно моря. Сверху их покрывали слои песка, глины, ила. За сотни тысячелетий под давлением верхних слоев скорлупки умерших корненожек превратились в желтый известняк.

В каждом килограмме московского известняка содержится пятьдесят миллионов таких скорлупок.

Потом море ушло. На его оголенном дне началась новая жизнь. Появились хвощи величиной с сосну, папоротники ростом с дуб и деревья с чешуйчатой корой и жесткими щетинистыми листьями, похожими на щетки для чистки стекол керосиновых ламп.

В лесу жил полуящер-полуптица — археоптерикс. Он был величиной с крупного голубя. Его длинные челюсти были усажены острыми зубами, глаза окружены кольцом из костяных пластинок, хвост походил на лист финиковой пальмы. На крыльях торчали три пальца с загнутыми когтями.

Умирали звери и деревья этого удивительного леса. Их заносило песками и глиной. Миллионы лет лежали они под землей...

Во второй раз пришло море. Снова зашумели волны над холмами теперешней Москвы. Об этом море рассказывала черная глина в сотах деревянных ящиков Геологического отдела.

Десятки миллионов лет назад эта глина была дном древнего моря.

Море покрывало бо́льшую половину Европейской части СССР, соединяя Ледовитый океан с Кавказом и Малой Азией.

В море жили каракатицы белемниты. Их окаменелые хвостовые образования — «чортовы пальцы» — разместились теперь в ящиках Ветошного переулка.

В море плавали рыбы — прапрадеды наших осетров. Страшные ихтиозавры вели между собой извечную борьбу. У них были морда дельфина, зубы крокодила, голова ящерицы, плавники кита и хвост рыбы.

Прошло много миллионов лет. Опять исчезло море. Прошли тысячелетия, и на Москву надвинулся ледник с далеких Скандинавских гор. Об этом гигантском леднике, покрывшем почти всю Европу, рассказывали валуны с гладко отполированной поверхностью.

Это было около двухсот пятидесяти тысяч лет назад. Ледник полз громадной лавиной толщиной в сотни метров и площадью в десятки и сотни тысяч квадратных километров. Он срезáл по дороге холмы и пригорки, отгрызая от них камни, и волочил их вместе с собой. Камни терлись друг о друга, их полировал своей тысячетонной тяжестью громадный ледник, и после далекого и долгого путешествия камни превратились в гладкие и аккуратные валуны.

Как гигантский утюг, ледник сглаживал поверхность земного шара, слизывал горы и тащил на своем горбу оторванные камни, песок, глину.

Наконец ледяное поле легло на Москву.

Этот ледяной покров был чудовищно толст. Его лазурно-голубая поверхность блестела на солнце, глубокие трещины рассекали ледяное тело.

Потом ледник начал таять. Он таял медленно, километр за километром отступая на север. Наконец ледник отошел за Москву и на московских холмах, как память о себе, оставил принесенную с далеких гор «морену» — отшлифованные валуны и размолотые в порошок песок и глину.

Далеко на севере стояла стена синеватого льда. Ледник таял, и многоводные реки, вытекая из ущелий тающего ледника, размывали плотную черную глину и заносили ее сыпучими песками.

За полосой песков тянулись леса. Сосна и ель постепенно поднимались на склоны холмов из красно-бурого валунного суглинка.

В лесу бродили мамонты, покрытые буро-рыжей шерстью, гигантские туры, шерстистые носороги.

Наконец на высоких песчаных берегах Москва-реки появился человек.

Здесь геологи поставили точку.

Они узнали происхождение, возраст, степень влажности и мощность земных слоев, глубоко лежащих под улицами и площадями Москвы. На основании десятков тысяч образцов московского грунта, собранных под московскими улицами, геологи начали чертить разноцветную карту подземной Москвы. И на карте отчетливо видно, где лежит известняк, как расположились на нем слои плотной черной глины и где водяные потоки, хлынувшие с отступающего ледника, размыли черную глину и прямо на известняк насыпали толстый слой желтого песка. На карте отмечены плывунные болота под улицами Москвы, подземные реки, ручейки, озера.

Так родился геологический разрез по направлению (по трассе) будущего метрополитена.

Для строителей метро было недостаточно одной геологической разведки. Ведь подземные коридоры пройдут на месте древнего города. В Москве протекла многовековая жизнь человека, и за эти столетия человек многое изменил в топографии подземной Москвы.

Много веков подряд человек строил дома, стены, крепости, колодцы. Старые постройки давно исчезли с поверхности. Но остатки древнего города продолжают жить в земле своими фундаментами, обломками, развалинами.

Кто может поручиться, что буровые инструменты не прошли мимо крепостных стен, глубоких рвов и остатков старых мостов, переброшенных через исчезнувшие реки? Кто может утверждать, что буровые инструменты заметили каждый колодец, каждую сваю, каждый бастион забытых укреплений?

Тогда принялись за работу историки. Они рылись в архивах, в старых, пожелтевших от времени документах и до мельчайших подробностей изучили историю тех мест, по которым должны были пройти тоннели метрополитена.

Историки тщательно нанесли свои заметки на карту подземной Москвы, отметив старые, не существующие ныне московские дома, стены, крепости, колодцы, еще живущие в недрах земли своими фундаментами, обломками, развалинами.

Товарищи И. В. Сталин и Л. М. Каганович в Кремле.

Затем карта попала к инженерам сегодняшней подземной Москвы. Инженеры начертили на карты расположение газовых труб, электрических и телефонных проводов, водопроводных и канализационных магистралей.

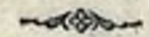
Наконец карта подземной Москвы была готова.

Длинные полосы пестро раскрашенных чертежей говорили о том, что еще ни разу, ни в одном городе мира строителям метрополитена не приходилось встречаться с такими трудностями, с какими приходится иметь дело москвичам.

При строительстве берлинского метро инженеры наткнулись на водоносные грунты, в Париже им мешала пересеченная поверхность, в Лондоне — хаос подземного хозяйства, в Мадриде — средневековая планировка и кривизна улиц.

В Москве все трудности соединились вместе: кривые улицы, густая сеть подземных сооружений, остатки древнего города, поверхность, изрезанная холмами и долинами подземных рек, и предательский водоносный грунт.

Предстояла тяжелая, жестокая, напряженная борьба.

Товарищ Л. М. Каганович звал смелых людей в забои московской подземки:

«Метрополитен столицы должна строить вся страна!»

Страна горячо откликнулась на призыв. В постройке метро приняли участие фабрики и заводы всей страны. В Москву пришли тысячи людей с необъятных просторов Союза, чтобы принять участие в невиданной стройке.

В забоях метро работали донецкие шахтеры и знаменитые юховские землекопы, прославленные строители Магнитки, Днепрогэса, Турксиба и рабочие московских заводов.

Но квалифицированных рабочих — проходчиков, шахтеров, землекопов — нехватало. Тогда московские большевики позвали на стройку десять тысяч московских комсомольцев.

В те дни заводы и фабрики Москвы жили необычной жизнью. Комитеты комсомола превратились в мобилизационные пункты: здесь и медицинская и отборочная комиссии и техпропаганда метро...

С первой тысячей комсомольцев решила итти на метро Нина Маслова.

Она работала на игрушечной фабрике — изготовляла из целлулоида рыжеволосых голых пупсиков. В свободное время Нина занималась спортом. Прыгала с парашютом. Метко стреляла.

Весной, когда по асфальту московских улиц текли веселые ручейки и в воздухе пахло набухшими почками, Нина с белым подснежником в петлице пришла на шахту.

Нине дали метлу и пустое ведро.

— Я хочу вниз, в забой, под землю!

Нину не пустили. Коллективный договор запрещал использовать труд женщин на подземных работах. К тому же, начальник шахты, старый инженер-горняк, искренне верил, что женщина под землей и на море приносит несчастье.

Что ж, если надо убирать пути, Нина будет убирать.

Но мимо шли проходчики. Они несли кирку, топор, отбойный молоток.

Нина слышала их разговоры.

Под землей плывун ломал крепи, каждую минуту угрожая прорывом. Нехватало рабочих. Нужна была спешная, неотложная помощь.

Нина решилась. В обеденный перерыв она собрала трех девушек, работавших с ней вместе на поверхности. Одна из них еще вчера была шоколадницей, вторая работала на текстильной фабрике, третья была машинисткой.

После перерыва девушки явились к начальнику шахты:

— Мы пришли сюда строить метро. Сейчас главное — тоннель. Пустите нас под землю.

— Не пущу. Это вам не шоколадное тесто месить. Там плывун, девушки. Он, как спички, ломает толстые бревна. Внизу — по колено воды. Шахта — наше, мужское дело.

Комсомольцы-метростроевцы.

— Скажите, товарищ начальник, стрелять из винтовки тоже мужское дело? А я вчера в тире выбила девяносто восемь из ста возможных. Прыгать с парашютом — тоже, может быть, ваше, мужское дело? Этой зимой я прыгала три раза. Или, по-вашему, спуститься в шахту гораздо страшнее, чем лететь с самолета?

Начальник шахты никогда не прыгал с парашютом. Он даже ни разу не летал на самолете. Но шахту он знал тридцать лет и под землей чувствовал себя как дома: легко и просто.

Строго говоря, инженер не видел в шахте ничего страшного. Даже для девушки. Тем более, если она прыгала с парашютом.

К тому же, ему были нужны люди. Нужны именно такие — молодые и смелые.

— Хорошо. Ступайте вниз.

В широких штанах, спрятав волосы под кепи, с веселой песней спустились под землю машинистка, текстильщица, шоколадница и Нина Маслова, будущий бригадир метро.

Шестьдесят тысяч человек смело надели брезентовые комбинезоны и резиновые сапоги, взяли лопату, лом, отбойный молоток и спустились вниз, под землю.

Метростроевская армия широким фронтом перешла в наступление.

Деревянные вышки метростроевских шахт жались к стенам домов, уходили в переулки, прятались за высоким дощатым забором.

Наземный вестибюль станции метро первой очереди «Дворец Советов».

Они казались тихими и безлюдными. Лишь изредка открывались большие, широкие ворота, пропуская внутрь грузовик. Иногда слышался глухой шум высыпаемой породы, и ручей холодной воды вырывался из-под деревянного забора. Ручей бежал десятки метров по асфальту мостовой и пропадал в решетке колодца. А потом снова наступали тишина и безлюдье.

Днем, в сутолоке московской улицы, казалось, что там, за высоким забором, все заглохло и замерло. Только поздно ночью, когда засыпал большой город, в ночной тишине отчетливо слышался шум под землей. Измазанные глиной грузовики быстро проносились по уснувшей Москве. Трамвайные поезда перевозили доски, бревна, металл и песок для Метростроя.

Юноши и девушки в резиновых сапогах и широкополых шляпах были настоящими хозяевами ночного города.

Завладев уснувшими улицами, они штурмовали в глубоких шахтах плывуны, известняк и подземные реки.

Особенно трудно пришлось метростроевцам на Комсомольской площади.

Наверху стояли три вокзала столицы — Октябрьский, Ярославский, Казанский. Каждый день вокзалы выбрасывали на площадь шестьдесят тысяч пассажиров, и шумный поток трамваев, автобусов, таксомоторов не затихал ни на минуту.

Внизу, в сплошном плывунном болоте, лежала запутанная сеть проводов, труб, электрических кабелей. Ниже, заключенный в ветхую трубу, протекал через болото подземный ручей Ольховец.

Под этой шумной вокзальной площадью предстояло построить одну из крупнейших подземных станций мира. Лишь тонкая прослойка должна была отделять потолок будущей станции от поверхности площади.

Метростроевцы заключили площадь в железную клетку. Семь тысяч квадратных метров они окружили железной стеной шпунта. Через разрытую площадь от вокзала к вокзалу перебросили прочные деревянные мосты. Поймали Ольховец и в гигантском деревянном коробе подвесили на металлических сваях. Ручей висел над головами метростроевцев.

Наверху, по новым деревянным мостам, попрежнему непрерывной лентой шли грузовики, трамваи, автобусы. Внизу, под мостовой,

в деревянном коробе, послушно протекал Ольховец, а еще ниже сотни метростроевцев вели упорную борьбу с подземным болотом, запертым в железную клетку...

Авария произошла летом 1934 года.

Несколько дней подряд шел дождь. Он хлестал по крышам московских домов, вода шумным потоком неслась по улицам. В переулках мальчишки разъезжали на самодельных плотах. На низких площадях вода разливалась широкими озерами. На перекрестках беспомощно застревали автомобили. Пожарные машины откачивали воду из залитых подвалов.

Ночью в густой пелене ливня прожекторы на Комсомольской площади казались жалкими светляками. Слова команды терялись в шуме дождя.

Метростроевцы работали по колено в воде. Над ними в деревянном коробе грозно шумел набухший Ольховец. С каждым часом все тревожнее скрипели доски в пазах. Подземный ручей уже не помещался в искусственном ложе. Он рвался на волю, стараясь сломать свой тесный короб.

Неожиданно, покрывая шум дождя и гул широкой площади, жалобно треснула доска и шлепнулась в жидкое месиво котлована. За ней со страшным грохотом, неся обломки досок, балки, железные скобы, бурным водопадом рухнул в котлован победивший Ольховец.

В несколько мгновений он отбросил в сторону песок, бревна, камни — все, что лежало на его пути, — и всей своей многотонной тяжестью обрушился на железную стену шпунта.

Освобожденный ручей забурлил белой пеной у подножья стены, завертелся водоворотом и в несколько секунд вырыл глубокую воронку шириною в восемь метров.

Металл не выдержал. Железная стена начала медленно расползаться по швам, прогибаясь внутрь котлована. В щели между сваями ворвалась вода, и по ту сторону шпунта, между котлованом и вокзалом, на мостовой появилась широкая трещина. Ревел Ольховец в завоеванном котловане, шумел ливень, все ниже опускалась побежденная стена, и трещина неуклонно ползла к вокзалу.

Пятьдесят метростроевцев бросились к прорыву. И в белую пену водоворота, в глубокую воронку у подножья поврежденной стены полетели сверху крупные бетонные камни.

Это был настоящий каменный град. Лавина камней сплошной серой массой обрушилась в котлован, и вдоль стены быстро начал расти каменный вал.

Шло состязание на скорость.

Ползла к вокзалу широкая трещина. Поднимался каменный вал. От исхода этого состязания зависела судьба подземной станции метро и Казанского вокзала.

В густой пелене ливня трудно было различить движения пятидесяти смельчаков. Их руки мелькали с какой-то кинематографической быстротой. Тяжелые камни ударялись друг о друга и с грохотом летели вниз.

Каменный вал поднимался все выше и выше.

Гибельная трещина извилистой змейкой попрежнему ползла к вокзалу.

А рядом, по деревянному мосту, переброшенному через котлован, как ни в чем не бывало, бежали трамвайные вагоны. Их перегоняли автобусы, грузовики, таксомоторы. Милиционер невозмутимо руководил этим шумным потоком.

Борьба длилась десять минут. Три вагона серых камней легли в прорыв. Камни заткнули все щели в железной стене. И Ольховец наконец отступил. Как затравленный зверь, он беспомощно метался теперь по котловану, со всех сторон сжатый железными стенами.

Грозная трещина на мостовой остановилась в нескольких метрах от вокзальной стены...

К платформе Казанского вокзала подошел поезд. Пассажиры высыпали на площадь. Сквозь щели в заборе, окружавшем место работ, они видели, как метростроевцы приготовляли какой-то новый громадный деревянный короб. Мерно гудели моторы насосов, качавших воду из котлована. Юноши и девушки в серых, испачканных глиной комбинезонах деловито проходили через контрольную будку.

Начальник дистанции сообщал по телефону главному инженеру Метростроя о ликвидации аварии.

Шли обычные, рабочие метростроевские будни.

Все лучшее из того, чем гордилась советская техника, все было послано в шахты метро.

Громадные металлические щиты — подземные комбайны, — похожие на чудовищных допотопных животных и закованные в стальную броню, прогрызали широкие тоннели под улицами столицы. Пневматические отбойные молотки сотрясались от частых ударов. Метростроевцы мобилизовали искусственный мороз — и подземное плывунное болото превращалось в ледяной массив. Строители впрыскивали в грунт хлористый кальций — и жидкий песок становился прочной скалой...

На стене в кабинете главного инженера Метростроя висела большая карта СССР. На карте были вколоты флажки. Они пестрели в далекой холодной Сибири, на знойном Кавказе, по берегам Волги, в горах Урала, в Ленинграде, Карелии, на Украине.

Как главнокомандующий, сидящий в боевом штабе, главный инженер каждый день получал сводку: пятьсот сорок советских заводов сообщали ему, как идет выполнение заказов Метростроя.

Весь Советский Союз строил метро.

Кузнецкий завод имени Сталина в далекой Сибири делал рельсы — такие тяжелые и прочные, каких еще никогда не изготовляли советские заводы.

Карелия, Кавказ, Крым и Урал посылали мрамор. Чувашия и Северный край снабжали лесом. Волга и Северный Кавказ отправляли цемент, из Баку шел битум для изоляции. Москва, Харьков, Ленинград делали электрические моторы и невиданную раньше сложную аппаратуру.

А в тяжелые минуты, когда трещали крепи, рушились потолки штолен и неудержимой лавиной врывался в подземные коридоры жидкий плывун, когда самые отважные опускали руки, вниз, в шахты, в глубокие подземные штольни приходили руководители стройки. И впереди всех — Лазарь Моисеевич Каганович.

Сколько раз на самых трудных и тяжелых участках строительства он бродил по колено в воде, забираясь в недоступные, непроходимые, непролазные закоулки шахт и штолен! И метростроевцы часто спрашивали себя: когда же отдыхает Лазарь Моисеевич? Они его видели под землей и в девять часов утра, и в три часа дня, и в четыре часа ночи.

Под землей Кагановича знали все. И он тоже знал всех под землей. И не только ответственных работников, руководителей участков, начальников шахт и отделов. Он знал на метро сотни и тысячи рядовых работников, знал не только по фамилии, но знал все достоинства и недостатки каждого, участок его работы, чем он дышит и чем живет.

Товарища Кагановича интересовали не только основные вопросы строительства.

Очень часто его интересовали мелочи, детали, быт. Он заходил в рабочие столовые, проверяя, достаточно ли масла в каше, не дымят ли печи в бараках, хорошо ли снабжаются рабочие, нет ли каких-нибудь неполадок в семейной жизни работников. И когда на отдельных участках даже горячая, беззаветно храбрая метростроевская молодежь колебалась, во главе самых отважных неизменно шел вперед товарищ Каганович.

Так было и тогда, когда неожиданно поплыла площадь Дзержинского.

Карта подземной Москвы предупреждала строителей: под брусчаткой площади, под тонкой коркой плотного поверхностного грунта, лежит топкое болото.

Эскалатор московского метро.

Карта не обманула: древнее болото обрушилось на строителей. Оно сжимало широкие штольни, превращая их в узкие щели, и легко ломало толстые бревна.

Комсомольцы боролись, забывая о сменах, о времени, об усталости. Но с каждым днем крепчал натиск потревоженного болота. Подземная топь волновалась уже на громадном пространстве.

Посредине площади Дзержинского образовалась глубокая воронка. За ней появились вторая, третья, четвертая... В воронки проваливалась тяжелая гранитная брусчатка и прогибались трамвайные рельсы.

Площадь Дзержинского медленно сползала вниз, в глубокую долину Неглинки.

Невозможно было предугадать, где кончится движение грунта. Быть может, оно ограничится серединой площади и изуродует только проезжую часть. Но кто может поручиться, что ожившее болото не потащит за собой дома, обрамляющие площадь?

Надо срочно прекратить работы под площадью или, применив какой-то новый, еще неведомый способ, немедленно сдержать внизу натиск плывуна и спешно возвести под землей бетонные стены вокзала. Иначе каждый новый обвал грунта, каждая новая разрушенная штольня вызовут новую воронку на поверхности, новую передвижку площади.

В первую же ночь после катастрофы кабинет товарища Кагановича превратился в инженерный штаб.

До утра шли горячие споры.

На рассвете стало ясно: надо отступать. Техника не знает способа удержать штольни под страшным давлением разбушевавшегося болота. Остается одно: спасая здание, отказаться от сооружения станции и обойти болото кружным путем.

Но товарищ Каганович не согласился.

Отступить — это значит переделать значительную часть тоннеля, на долгие месяцы отложить пуск метро, а главное — лишить москвичей удобной станции на одной из оживленнейших площадей столицы.

Лазарь Моисеевич просит комсомольцев продержаться хотя бы сутки в узких болотистых штольнях. Инженерам придется еще раз подумать и попытаться найти способ победить плывун.

Станция должна быть под площадью Дзержинского. Этого требуют интересы будущих пассажиров метро...

Вторую ночь шло совещание в кабинете товарища Кагановича.

Инженеры говорили, что плывун наступает с новой силой, что исковерканную штольню спасти невозможно, что ее надо немедленно заложить породой.

Решение должно быть принято немедленно.

Тогда поднялся товарищ Каганович. Он попросил инженеров обсудить его предложение.

— Старую штольню спасти невозможно. Но почему не проложить новую штольню, на два-три метра ниже первой? От этого будущая станция ляжет чуть глубже, чем мы предполагали до сих пор. Но разве это так уж существенно? Вы возражаете? Вы говорите, что плывун ворвется и в новую штольню и, как щепки, сломает ее деревянные крепи? Но почему мы должны крепить нашу новую штольню только деревом? Другого крепления, говорите, не знает мировая техника? Нельзя ли отказаться от старых традиций и укрепить нашу штольню... ну, хотя бы железобетоном?

Молодежь горячо подхватила мысль товарища Кагановича. С новыми силами комсомольцы повели наступление на глубокое болото.

Станция метро первой очереди «Киевский вокзал».

Вторая штольня легла под старым разрушенным коридором. Дерево заменил железобетон.

О железобетонное кольцо сломился натиск подземного болота. Воронки уже не карежили брусчатку площади. Движение грунта прекратилось.

Опираясь на новую крепь, комсомольцы смело возводили своды и стены станции.

Подземный вокзал вырастал именно там, где его ждали миллионы будущих пассажиров...

Молодой инженер предложил соорудить третий свод на станции «Красные ворота».

Это должен быть широкий, просторный вестибюль. Он встанет между двумя сводами-тоннелями, по которым пойдут поезда, и даст двенадцать выходов на перрон вместо обычных двух.

Иметь десять лишних выходов — громадное удобство для будущего пассажира.

Проект третьего свода очень смел. Станция должна быть глубоко под землей, на границе крутого спуска к Комсомольской площади, среди плывунов, речек и подземной топи.

Ознакомившись с проектом, американская консультация дала резкое заключение:

— Подобного сооружения не знает мировая техника. Американцы не ручаются за безопасность станции и соседних зданий во время ее сооружения. Тем более, что в этих условиях два свода — уже огромное богатство. Зачем ненужный риск и неизбежная авария?

Инженер боролся. Со своими товарищами он десятки раз проверял расчеты. Он уверен в успехе.

Однако окончательную судьбу третьего свода должно решить совещание в Московском комитете партии.

Когда инженер уехал защищать свой проект, вся шахта волновалась. Построить третий свод молодежь считала делом чести.

Инженер вернулся в три часа утра. Совещание отклонило проект. Третий свод строить не разрешили.

Ехать домой было поздно. Инженер остался в конторе. Надо было перестроить весь план работ и без особой ломки перейти на два свода.

Неожиданно в пять часов утра раздался телефонный звонок.

Звонил товарищ Каганович. Он просил инженера немедленно приехать в Московский комитет партии.

Разговор в кабинете был короток:

— Ночью я еще раз пересмотрел проект... Если молодежь настаивает и уверена, что не сорвет и третий свод построит, надо дать ей возможность работать...

Когда через несколько месяцев инженер укладывал мрамором стены готовой трехсводчатой станции, его вызвали к телефону.

Звонил американский консультант. Он поздравлял коллегу с блестящей победой. Американский консультант приветствовал энергию и дарование советского инженера, а также выражал свое восхищение умным, бережным и глубоким руководством такого исключительного политического деятеля, как мистер Каганович.

Строительство подходило к концу.

Мраморные плиты спускались под землю.

В высоких подземных залах шла последняя отделочная и монтажная работа.

Тысячи проходчиков одевали благородным камнем шершавое серое бетонное тело подземных вокзалов. Монтеры подвешивали к потолку молочные шары фонарей, похожие на какие-то фантастические фрукты. Черный полированный марблит обрамлял стены подземных вестибюлей. Розовый и серый гранит ложился на ступени лестниц. Голубые изразцы и фарфоровые шашки причудливым узором украшали стены вокзалов.

В тоннеле стоял грохот молотков и носилась серая каменная пыль. Часто приезжал Лазарь Моисеевич Каганович. Собственной рулеткой он проверял размеры, внимательно подбирая оттенки мрамора, гранита, метлахских плит, менял узоры бронзовой арматуры и не уставал повторять:

— Мы строим наше метро на века. Наши тоннели, наши станции должны быть безупречны!

Метростроевцы уверяли, что даже кусочки различных сортов мрамора Лазарь Моисеевич носил у себя в кармане...

Каждый день метр за метром из строительного хаоса возникали блестящие стены подземных станций.

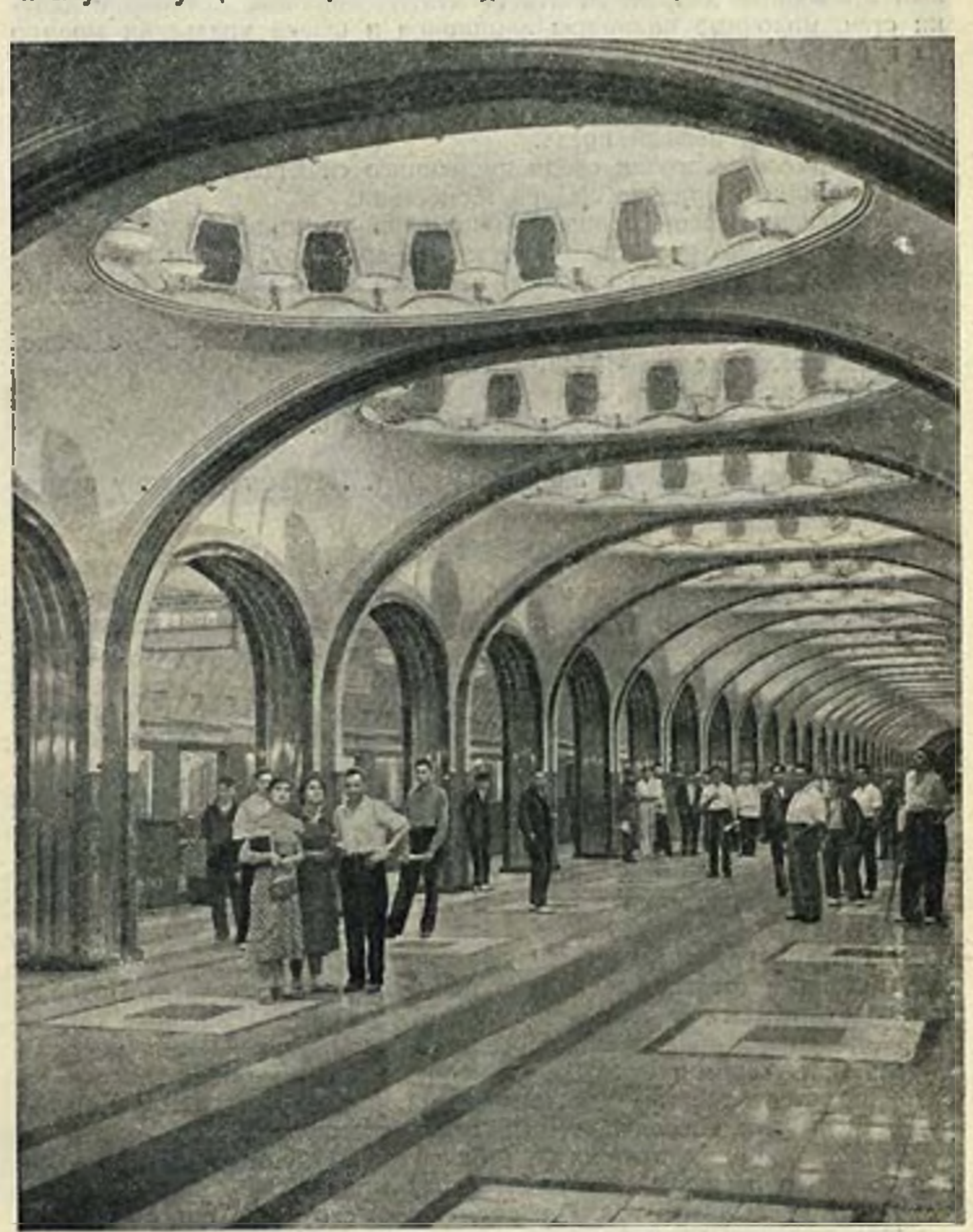
Последние дни бригады мраморщиков не уходили с работы. Молодежь невозможно было прогнать домой. Каждому хотелось во что бы то ни стало увидеть готовой всю станцию...

На станции «Крымская площадь» оставалось доделать последние два мостика, переброшенные над путями и перроном вокзала.

Первый мостик кончили в час ночи.

Это показалось неожиданным, хотя этого ожидали с минуты на минуту. Перед комсомольцами стоял совершенно готовый прекрасный мост, и в гладкой, отполированной мраморной поверхности отражались матовые цилиндры люстр.

Полетели вверх кепки, затрепетали в воздухе красные платочки. Комсомольцы плясали вокруг тяжелых четырехугольных мраморных колонн, у подножья гранитной лестницы, на гладком асфальте платформы, — плясали в прекрасном мраморном дворце, с боем отвоеванном у плывуна, болота, топкой подземной жижи.

Станция метро второй очереди «Площадь Маяковского».

— Итти домой?

Посмотрели на соседний мостик. Он был еще не готов. Его спешно доделывали. И он портил весь вид.

— Домой? Нет!

Молодежь кинулась помогать товарищам.

Вода хлестала из ведер, промывая пыльный мрамор. С сухим треском падали на пол доски лесов. Мелькали мокрые швабры. Электромонтер, переходя от выключателя к выключателю, зажигал молочные шары, шестигранники, цилиндры. И наконец появился на свет готовый мраморный дворец: золотисто-желтые колонны, блестящие плитки стен, молочные цилиндры лампионов и белый уральский мрамор на поручнях лестниц...

Над Москвой в розовой дымке поднималось солнце.

Итти спать было невозможно: важнее сна, важнее всего на свете было встретить первый поезд.

Комсомольцы стояли среди пустынного сияющего дворца.

На станцию приехал Лазарь Моисеевич.

Хозяйским шагом прошел он по перрону, поднялся на мостики, внимательно осмотрел мрамор, лестницы, арматуру. Потом подошел к комсомольцам и увидел красные, воспаленные, оживленно блестящие глаза.

— Что вы тут делаете? Вам больше нечего делать. Все сделано. Все замечательно сделано! Идите спать.

— Мы ждем поезда.

— Все-таки надо итти домой. Идите спать.

— Спать? Хорошо.

Комсомольцы сделали вид, что уходят. Потом по одному вернулись обратно...

Блестящий поезд начал медленно спускаться под землю. Из четырех вагонов три были пустыми. Только в переднем тесно уселись руководители стройки — инженеры Метростроя и директоры заводов, создавших вагоны, моторы, оборудование.

В вагоне было тихо. Первые пассажиры молчали. Но широко раскрытые сияющие глаза, порывистые движения и нетерпеливое постукивание ног выдавали волнение и радость.

Осторожно прощупывая путь, поезд вошел в тоннель. Люди внутри вагона, не говоря ни слова, подали друг другу руки. Кто-то перехваченным от волнения голосом еле слышно произнес: «Ура...» И этот шопот прозвучал громче оваций.

В будке управления моторного вагона стоял Лазарь Моисеевич Каганович.

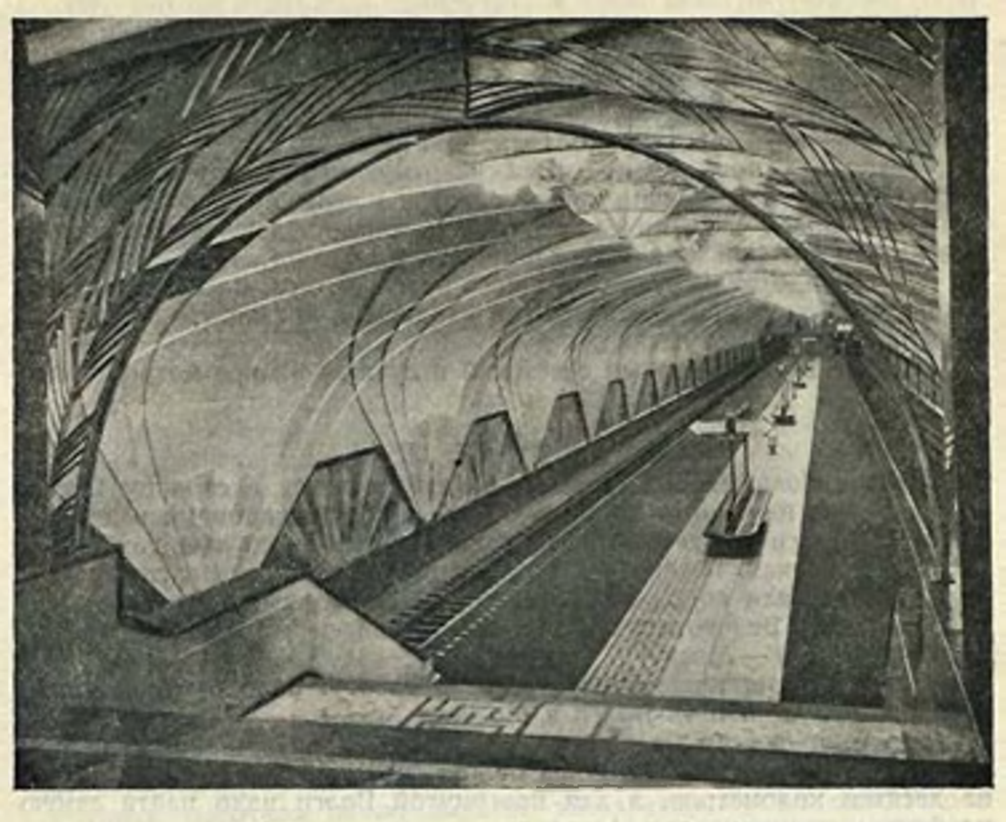
Из будки управления были ясно видны серая полутемная галлерея, бетонные стены, щебенка на полотне, темные рельсы. Потолок тоннеля скрывался в темноте: путевые фонари, затемненные сверху непроницаемыми абажурами, бросали свет только вниз — на полотно и рельсы. В сером полумраке черными змеиными телами висели на бетонной стене толстые электрические провода. Драгоценным изумрудом вспыхнул впереди зеленый огонь светофора...

На станционной платформе стояла толпа строителей. В подземном зале царила какая-то торжественная тишина.

Вдруг послышался гул. Гул рос, словно его несло ветром.

Толпа зашевелилась.

Гул нарастал, приближался.

Станция метро второй очереди «Аэропорт».

Неожиданно, будто его вырвали из темноты, у платформы появился поезд.

Гулкое «ура» прокатилось по мраморному дворцу, мелькнули кепи, красные платки, серые спецовки, горящие восторженные глаза.

Поезд, не останавливаясь, шел дальше гладким, стремительным бегом.

Будто всегда существовал этот легкий, светлый и широкий путь. Будто не пробивали его с большевистским упорством эти удивительные люди в серых спецовках!

Поезд набирал скорость. Гудели рельсы под колесами вагонов. Гудели толстые бетонные стены.

Каганович жадно всматривался в освещенный путь. Он помнил, знал, чувствовал каждый метр пути. Здесь прорвалась вода, чуть дальше проходчики провалились по пояс в топкий серо-зеленый плывун, совсем рядом, за бетонной стеной, течет подземная река. Где-то здесь нашли человеческие кости и желтый острый зуб акулы...

Поезд плавно бежал по рельсам. Мелькали огни светофоров, мрамор колонн, серые, тусклые стены тоннеля.

Станция. Поезд остановился. На платформе — дежурный в красной фуражке, строгий, как изваяние. Чуть дальше — группа строителей. И снова радостный гул голосов, блестящие глаза, восхищенные лица.

Неожиданно от толпы отделилась девушка в брезентовом комбинезоне. Девушка подбежала к поезду и носовым платком начала вытирать сияющую поверхность зеркального окна.

Дежурный торжественно, как на параде, поднял зеленый диск. Поезд мягко тронулся с места.

Девушка, стиравшая платком несуществующую пыль, бросилась вслед за поездом. Девушка радостно кричала. С ней вместе бежали строители — инженеры, проходчики, мраморщики.

Дежурный попрежнему стоял невозмутимый и строгий. Потом углы его губ неожиданно дрогнули, глаза вспыхнули веселым блеском, он сорвал свою красную шапку и, схватив девушку за руку, с ней вместе впереди всех побежал за поездом.

На секунду мелькнули два ярких красных огня последнего вагона. Из темного тоннеля донесся гул уходящего поезда. На платформе неожиданно грянула песня...

Так начал жить первый советский и лучший в мире метрополитен Москвы.

Партия большевиков приказала Волге явиться в столицу Советского Союза, наполнить водопроводные трубы миллионами ведер воды, взметнуться фонтанами на площадях и в скверах, лечь глубокими озерами в парках, превратить набережные Москва-реки в самые красивые магистрали города, проложить глубоководный путь из туманной Балтики и Белого моря в далекий Каспий, через самое сердце Советского Союза — Москву.

И вот тысячи инженеров засели за работу: надо было наметить на карте будущий путь Волги в Москву.

Это было совсем не просто. Между Москва-рекой и Волгой широкой полосой легли леса, поля, болота, холмы, овраги. Они тянутся на десятки километров, а для повернутой Волги надо найти самую удобную и самую короткую дорогу.

Десятки раз инженеры чертили на карте красную линию — будущий путь миллионов ведер волжской воды. Десятки раз красная линия перемещалась с запада на восток и с востока на запад, огибала высокие холмы, пересекала болота, разрезала пополам встречные реки.

Наконец был найден кратчайший водный путь от Волги к столице. Но надо еще проверить эту карту, осмотреть каждый овражек, подробно познакомиться с каждой речушкой.

Летом 1931 года молодой инженер надевает высокие охотничьи сапоги и отправляется пешком искать дорогу для волжской воды.

Инженер берет с собой карту. На ней красной линией нарисован будущий путь Волги.

Старая карта обманывает. Там, где тонкой синей штриховкой помечено на ней болото, инженер вдруг находит густой сосновый лес. На месте указанной на карте зеленой лужайки лежит глубокий овраг. Многие речки и ручьи текут иначе, чем на карте.

Инженер кружит, возвращается обратно, проваливается в болото, с трудом пробираясь сквозь густую чащу. Чем дальше от Москвы, тем глуше места. С резким шумом из-под ног поднимаются тетерева. Испуганный лось, ломая ветки, торопливо уходит в густой орешник.

С каждым километром все труднее находить дорогу среди торфяных болот и глинистых оврагов. Но на помощь приходят пастухи. Они хорошо знают речные броды и еле заметными тропинками выводят инженера из лесной чащи.

Инженер любопытен. Он расспрашивает, широко ли разливаются веснами встречные речушки, не болеют ли малярией по деревням и нет ли поблизости подземных ключей, выходящих на поверхность.

Все это он аккуратно записывает в свою толстую тетрадь. А по вечерам, сидя у костра, рассказывает о том, что скоро Волга повернет и потечет по тому самому оврагу, где прошлой осенью волк задрал теленка тетки Аниськи. И у околицы соседней деревушки можно будет сесть на большой белый теплоход и плыть прямо в Москву...

Так проходит инженер десятки километров. Он проверяет карту, узнает тайны леса, знакомится с капризным нравом многочисленных мелких речушек и все время высматривает, как удобнее и легче проложить дорогу для повернутой Волги.

И снова красная линия на его карте переселяется с места на место.

Наконец инженер возвращается в Москву. Теперь по его пути отправляются уже целые группы топографов с точными инструментами и красно-белыми рейками. Топографы прорубают просеки, замеряют высоту холмов, ширину оврагов, глубину рек.

Красная линия будущей водной дороги наконец находит свое настоящее направление и уже уверенно ложится на точную, проверенную карту. Начинаясь на Волге, красная линия пересекает добрый десяток речушек, змейкой вьется по оврагам, перешагивает через высокие холмы, проходит через села и деревни и наконец спускается в Москва-реку.

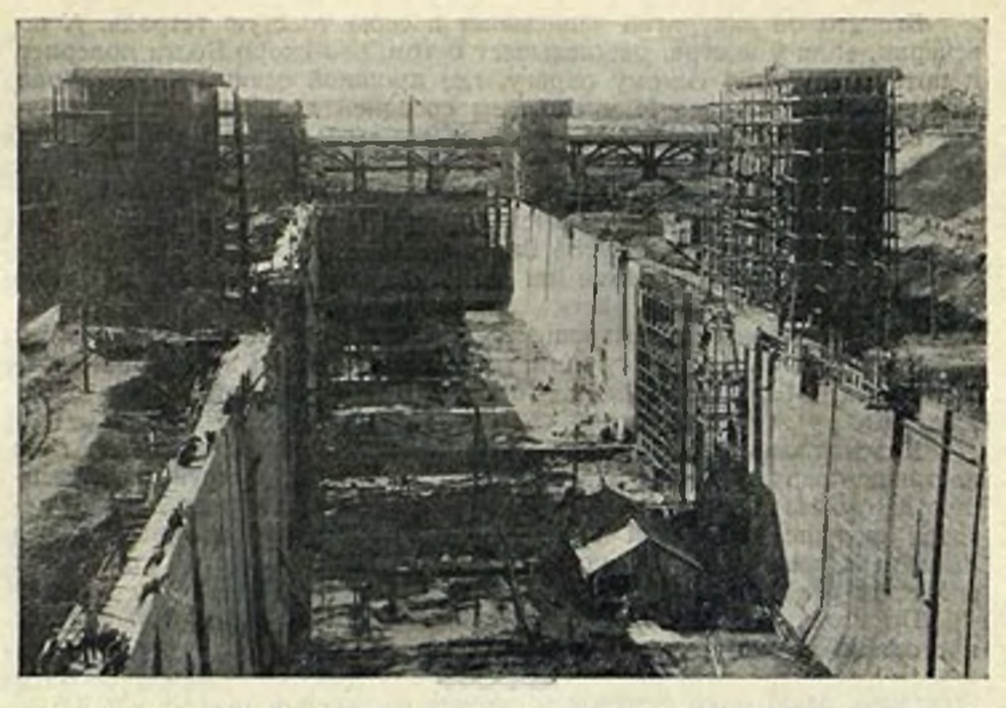
По этой длинной извилистой дороге Волга должна будет явиться в столицу.

Прошел год с тех пор, как молодой инженер искал дорогу для волжской воды, и там, где еще недавно он вспугивал тетеревиные выводки, теперь гремела стройка.

Здесь работало около двухсот экскаваторов — ни одно строительство мира не имело такого экскаваторного парка. На железных

На стройке канала Москва — Волга. Мощные экскаваторы прорезают гряду холмов.

На стройке канала Москва — Волга. Рабочие заканчивают бетонировку шлюза. Шлюз так велик, что большой сарай, стоящий на железобетонном дне шлюза, кажется крошечной избушкой.

дорогах канала поезда могли увезти за один раз почти пятьдесят тысяч тонн груза. Весь фронт работ из конца в конец опутала паутина телефонных и телеграфных проводов. От Волги до Москва-реки по новым дорогам носились тысячи грузовиков, и по ночам над стройкой в небе сияло электрическое зарево.

И все-таки победа давалась не легко.

Особенно трудным был штурм Глубокой выемки под Москвой. Здесь строителям предстояло перерезать гору.

Строители бросили на штурм Глубокой мощный механизированный отряд: экскаваторы, паровозы, вагоны, электричество, телефон, телеграф...

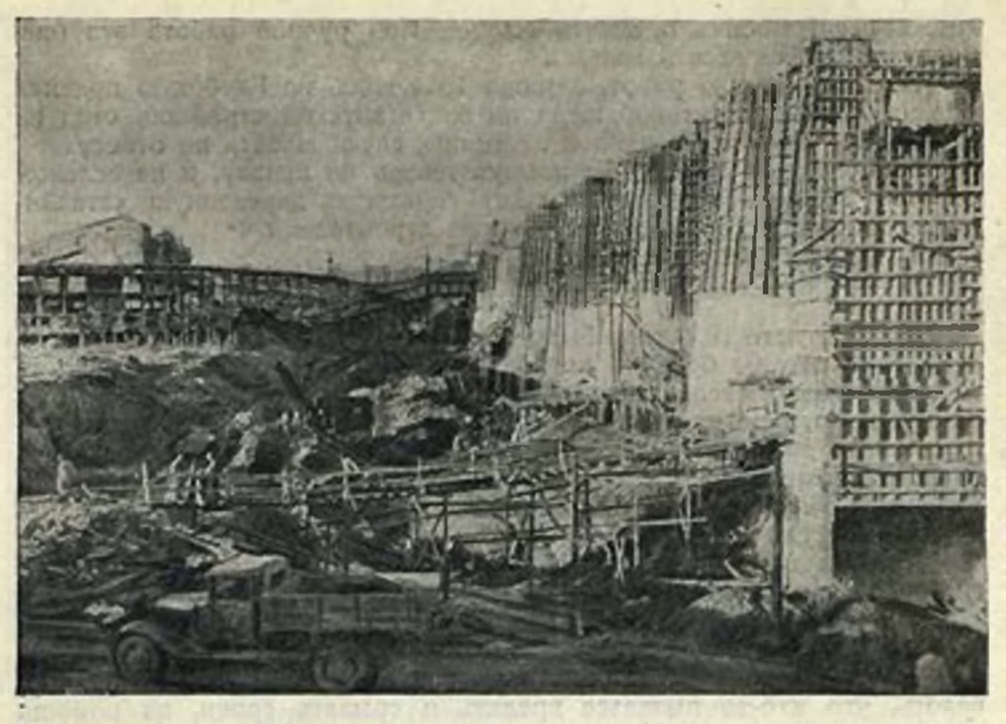
Осенью на Глубокую неожиданно налетел ураган. Ветер гнул вербы к земле, срывая железные крыши. При ослепительных вспышках молний хлынул неистовый ливень.

Откосы Глубокой начали ползти, железнодорожные пути покрылись наносным песком. Ураган рвал телефонные и электрические провода. От ударов молнии плавились изоляторы на столбах электролиний. Соседняя Клязьма вздулась и почернела.

Казалось, вокруг не было ни земли, ни неба, ни воздуха — один обезумевший ливень. Потоки воды били в лицо, мешали дышать.

Тяжелые экскаваторы проваливались в трясину. Они зарывались в кисельный плывун на полтора метра. Мосты для экскаваторов — переправы на клетках из шпал — сами не могли удержаться на поверхности. Клетки в двенадцать рядов шпал целиком исчезали в болоте.

И все-таки строители не отступили ни на шаг. Осеннее сражение было выиграно...

На стройке канала Москва — Волга. Сооружение гигантской железобетонной Волжской плотины.

Зимой мороз сковал жидкий плывун. Плывун приходилось рвать аммоналом, но под замерзшим плывуном лежал жидкий песок и поглощал силу взрыва, как подушка.

Тысячи взрывов гремели на Глубокой. Взрывы обрывали осветительные и телефонные провода, густой сетью окутавшие место работ. Аварийным бригадам электромонтеров приходилось дежурить, чтобы в случае необходимости быстро восстанавливать свет и связь.

В эти дни на Глубокой все руководящие работники района, все инженеры и техники, все коммунисты и комсомольцы были прикреплены к экскаваторам и паровозам и переехали жить непосредственно на канал — в палатки и вагоны...

Десятки паровозов и сотни железнодорожных платформ отвозили вынутый грунт на свалку, на низкую пойму Клязьмы. На прежней болотистой пойме вырастали горы земли. Свалочные пути беспрерывно переносились с места на место. Громадная рабочая армия была занята разгрузкой железнодорожных платформ и перекладкой пути.

...Поезд, груженный землей, подходил к деревянному помосту. На помосте стояла батарея из шести мониторов — орудий, стреляющих водяной струей. Жерла водяных пушек направлены на платформы.

Короткие слова команды — и батарея мониторов в упор расстреливала поезд. Несколько мгновений на платформе творился хаос — водяные брызги, взбаламученный грунт. Через полторы минуты платформа была пуста. Мониторы сбили землю на большой деревянный короб и по длинному жолобу погнали ее дальше, на свалку. Лязг буферов — и под разгрузку становилась вторая платформа. А тут же, рядом, водяные пушки били по грузовикам и грабаркам. Вода раз-

гружала автомобиль в десять секунд. При ручной работе эта операция занимала десять минут...

В самый разгар работ, 4 июня 1934 года, на Глубокую приехал Сталин. Сорок минут наблюдал он за гигантской стройкой, стоя на ступеньках крутой деревянной лестницы, спускавшейся по откосу...

Белоснежные теплоходы плывут теперь по каналу, и на зеленом откосе Глубокой пассажиры видят скромную деревянную «сталинскую» лестницу, бережно сохраненную строителями.

Знойное лето 1936 года было последним горячим летом строительства. Экскаваторы брали в котлованах последние тысячи кубических метров грунта. Ревели водяные пушки, и послушные струи воды разносили горы, намывали высокие плотины, разгружали железнодорожные платформы, автомобили, грабарки. Покрытые пылью, носились грузовики. Размеренно и деловито двигалась по транспортерам бетонная масса. Над стройкой летали самолеты, разбрасывая листовки. Вечерние выпуски газет сообщали итоги дневных трудов.

Десятки заводов отправляли изготовленные ими механизмы на трассу канала. Огромные карты великой стройки висели в цехах этих заводов. Каждый рабочий мог подробно рассказать о канале. Рабочие считали за большую честь участие в строительстве сталинского канала. А когда случались заминки, нехватало материалов, когда чувствовалось, что кто-то пытается вредить и срывать сроки, на помощь тотчас же приходили Центральный комитет большевистской партии и лично товарищ Сталин.

Катер «Слепнев» выходит из шлюза № 2

Флотилия теплоходов, впервые пройдя канал Москва — Волга, пришвартовалась у Кремлевской набережной 2 мая 1937 года.

Каждый день на железнодорожных станциях строительства выгружались ящики и оборудование. На ящиках можно было прочесть адреса заводов, которые изготовляли эти машины: Москва, Ленинград, Харьков, Краматорск, Днепропетровск, Ковров, Вольск. И среди этих заводов не было ни одного иностранного.

Скоро на всем фронте работ — от Волги до Москвы — экскаваторщиков и бетонщиков сменили монтажники, архитекторы, художники, садоводы.

В архитектурной мастерской строительства на подоконниках, на столах, на диванах лежали образцы камня для облицовки сооружений канала, свезенные сюда со всех концов страны.

В оранжереях строительства уже зеленели растения, в теплицах выращивались тысячи красивых цветов.

В бывших помещичьих имениях садовники нашли туи и серебристые ели. Деревья были бережно выкопаны и направлены в питомники.

Художники работали над узорами чугунных решеток, над скульптурными группами и формой дверных ручек...

Статистики подсчитывали проделанную работу: если бы весь грунт, вынутый из канала, и все строительные материалы, что пошли на его постройку, погрузить в железнодорожные вагоны, гигантский поезд мог бы пять раз опоясать земной шар по экватору.

...2 мая 1937 года флотилия теплоходов и катеров впервые прошла по готовому каналу от Волги до Химкинского речного вокзала в Москве. Волга явилась в столицу. Москва встала в центре величайшей водной дороги, соединяющей Белое, Балтийское и Каспийское моря.

Сталинский план переделки Москвы неуклонно выполнялся.

Охотный ряд после реконструкции. Направо — гостиница «Москва», налево — дом Совнаркома СССР.

Москва менялась буквально в одну ночь...

Еще совсем недавно в центре старой Москвы, между Красной площадью и Большим театром, нелепо вылезала на середину булыжной пыльной улицы церковь Параскевы-Пятницы, покровительницы торговли. Напротив нее стояло длинное одноэтажное здание Охотного ряда.

Окрашенные в желтую краску — цвет царских казарм и сумасшедших домов — лавки были облеплены вывесками всех цветов и размеров, зияли провалами своих грязных дворов, воняли мусорными ямами.

Летом 1932 года большевики взорвали грязные лавки Охотного ряда. В эти дни стаи разжиревших крыс в панике покидали свои насиженные норы, и тучи мелкой желтой пыли поднимались над разрушенными домами.

На развалинах Охотного ряда большевики построили великолепную гостиницу «Москва».

Против нее выросло строгое здание Совнаркома, отделанное белым камнем. А между ними лег новый широкий проспект, залитый асфальтом. В летние вечера на том месте, где когда-то стояла церковь Параскевы-Пятницы, на асфальте проспекта, как на глади тихого озера, отражаются залитые электрическим светом новые дома молодой столицы.

В октябре 1934 года исчезли северная и восточная части старой стены Китай-города.

Работы по сносу стены шли круглые сутки. По ночам лучи прожекторов освещали колонны пятитонных грузовиков и стальные ковши экскаваторов. Старая стена рушилась и исчезала на глазах.

За экскаваторами и грузовиками шли тяжелые катки. И в несколько дней на месте старых крепостных укреплений боярской Москвы, над подвалами купеческих складов лег просторный асфальтовый проспект.

На новом проспекте стоят здания Центрального и Московского комитетов партии и Центрального комитета ленинского комсомола. Аллея тенистых лип тянется вдоль широких тротуаров. Гранитная лестница полого спускается к площади Ногина — к штабу тяжелой промышленности Союза.

Вся Москва оделась в строительные леса: стройка жилых домов шла и на прежних рабочих окраинах, и на далеких пустырях, и на центральных улицах столицы.

Рядом со старыми хибарками вырастали многоэтажные громады жилых корпусов. Они вытягивались в кварталы, кварталы строились в улицы, улицы обрастали школами, банями, клубами, яслями. А рядом ломались унылые коридоры и темные каморки старых рабочих казарм, и на их месте появлялись светлые, чистые квартиры.

Москва строилась. Гудели грузовики, подвозя кирпич, цемент, доски. Землекопы рыли глубокие траншеи, подводя к еще не родившемуся дому телефонные кабели, водопроводные трубы, канализационные магистрали. Розовая пыль стояла в воздухе. На шатких деревянных настилах мелькали фигуры в измазанных глиной спецовках.

Здание орденоносной Всесоюзной военной академии имени Фрунзе.

И старый каменщик с треугольной лопаткой в руке быстро укладывал кирпичи, напевая какой-то простой, бесхитростный мотив.

Десятки домов строил он и в старой Москве. Строил, но никогда не жил в них. Ему приходилось ютиться в низком деревянном бараке рядом со свалкой, дырявом, холодном и тесном. И даже в парадный подъезд выстроенного им самим дома не смел войти старый каменщик: у дверей стоял толстый, важный, неумолимый швейцар.

А теперь старый каменщик живет в новом доме, построенном своими руками. Он — строитель новой Москвы, депутат Московского совета. И в центре Москвы, на Кропоткинской улице, в вестибюле новой, солнечной школы, он видел скульптуру: добродушно, по-свойски улыбающийся человек в кепке, в кургузом пиджачке, с маленькой треугольной лопаткой в правой руке. Это — статуя каменщика, чья бригада возвела просторную новую школу. Ее вылепил скульптор по просьбе ребят.

...Только за четыре года — с 1931 по 1934 — в Москве было выстроено две тысячи триста новых жилых домов. В них поселилось около полумиллиона человек.

Над Москвой стояла холодная дождливая осенняя ночь. На Новослободской улице шли асфальтовые работы. Тяжелые катки укатывали дымящийся асфальт. Лучи мощных прожекторов еле прорывались сквозь густую сетку дождя.

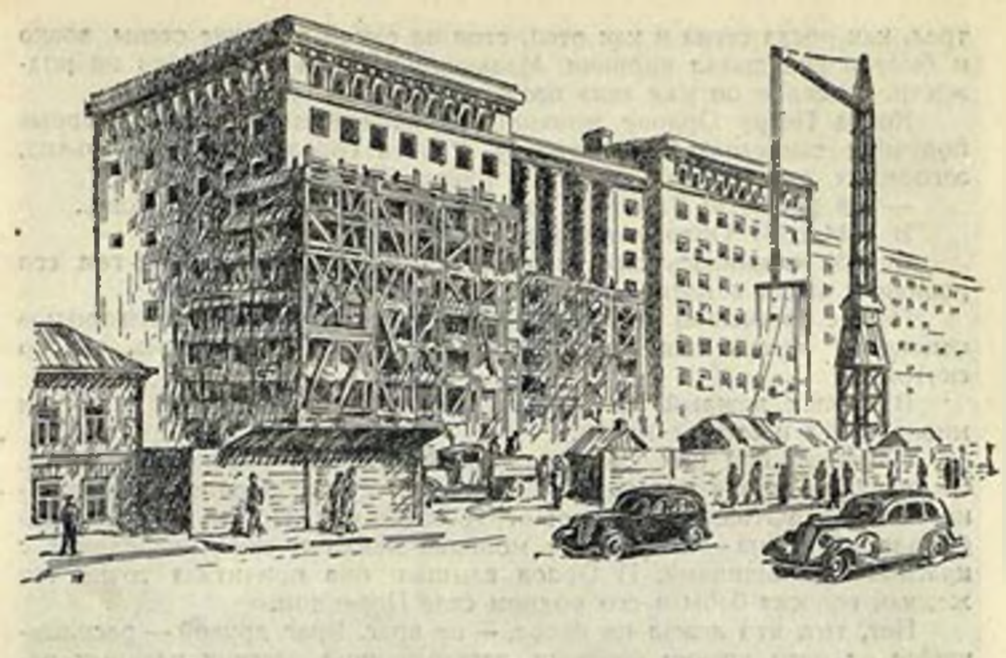
В этот глухой ночной час на широкой улице было тихо и пустынно. Только сердито урчали грузовики, подвозя асфальтовую массу, слышались отрывистые распоряжения прораба, и одинокие запоздалые пешеходы, высоко подняв воротники пальто, спешили домой...

У одного из прожекторов пешеходы неожиданно останавливаются: посредине улицы, среди тяжелых катков, под проливным дождем стоит Иосиф Виссарионович Сталин. Рядом с ним — группа инженеров.

Товарищ Сталин по-хозяйски осматривает работу, дает указания. Потом неторопливо садится в автомобиль и едет... но не домой, а на противоположный конец Москвы, на Калужскую улицу, чтобы лично осмотреть, как рождаются новые магистрали столицы, чтобы лично проверить, как выполняют строители решения большевистской партии...

Сталинский план перестройки Москвы неуклонно выполнялся. И за его выполнением зорко следил сам великий Сталин.

МОСКОВСКИЕ СУТКИ

Наступающее утро встречает Петра Семеновича на лесах нового, строящегося дома.

В кургузом пиджачке, в кепке, небрежно сдвинутой на затылок, он расставляет людей, внимательно приглядывается к работе новичков, следит за доставкой материалов. А когда он видит, что у молодого каменщика выступает пот на лбу и руки делают ненужные движения, он берет маленькую треугольную лопаточку и сам начинает класть кирпичи. Его руки движутся легко и ритмично. Со стороны кажется — это фокусник виртуозно жонглирует красными кирпичами. Недаром кто-то прозвал его «колдуном» за эту несравненную быстроту и легкость кладки. И новичок-хронометражист по нескольку раз проверяет свои наблюдения, прежде чем удостоверится, сколько этот добродушный, веселый человек кладет кирпичей в день.

Показав молодому каменщику свой простой и умный метод, Орлов идет дальше. На самом верху растущего дома, на сумасшедшей высоте, где голая красная стена упирается в горячую голубизну неба, Орлов останавливается и смотрит на Москву. И если бы у него были нечеловечески зоркие глаза, если бы дома не загораживали друг друга, он увидел бы среди них больше сорока зданий, выложенных его собственными руками, — заводы, учреждения, школы, жилые дома...

В 1899 году голубоглазым, вихрастым десятилетним пареньком, смышленым и любопытным, Орлов пришел с отцом-каменщиком в Москву.

Ему еще рано было класть кирпичи, и его определили судомойкой при кашеваре.

Он мыл посуду, варил кашу, бегал за водкой, чистил приказчику сапоги. В свободное время он приходил на стройку. Разинув рот, смо-

трел, как росла стена и как отец, стоя на самой вершине стены, ловко и быстро укладывал кирпичи. Мальчику не терпелось войти на подмости, и вскоре он уже сеял песок и мешал цемент.

Когда Петру Орлову исполнилось пятнадцать лет, ему впервые поручили самостоятельную работу. Работа горела в его маленьких, загорелых, вымазанных известкой руках. Земляки удивлялись:

— Ай да Петр! Талант! Сразу видно — кровь каменщицкая!..

В 1914 году Орлова отправили на войну.

Судьба сложилась для него незадачливо: в первый же год его ранили и взяли в плен.

Пять с половиной лет продержали Орлова за колючей изгородью немецкого лагеря для военнопленных. С ним обращались, как со скотом.

В окопах каждый немец был для него врагом. Но в плену он много видел и многое понял.

Однажды при нем упал в обморок молодой немецкий рабочий. Он лежал на дворе маленькой фабрички — худой, бледный, с распухшими от ревматизма суставами огрубевших рук. Потом на двор прибежала его жена — аккуратная, молодая немка в синем переднике с красными горошинами. И Орлов слышал: она причитала точно так же, как голосят бабы в его родном селе Порецком.

Нет, тот, кто лежал на дворе, — не враг. Враг другой — расплывшийся от пива хозяин фабрики, заставляющий русских пленных работать до тяжелой, дурманящей тошноты...

Орлов мечтал о родине. Ему хотелось как можно скорее ощутить в руках шершавую поверхность кирпича и влажную податливую известку. Он видел во сне, как растет красивая, аккуратная стена, как он выкладывает затейливые арки и как у него под руками рождается прекрасное, светлое, радостное здание, которое он воздвигает не для подрядчика, не для хозяина, а для себя, для своего народа, для своей родины.

В 1923 году, впервые после долгого перерыва, Орлов взял в руки треугольную лопатку и начал выкладывать стены нового московского дома.

Он волновался. Ему было страшно, что руки забыли нужные движения.

Но работа попрежнему спорилась. И бригада Орлова быстро опередила другие и начала ставить рекорды.

Но Орлов был недоволен: все же он работал по-старинке, как работали его отец и дед.

Бесспорно, он работает проворнее их, но проворство — это далеко еще не все. Важнее другое: надо очистить свою работу от бесконечного количества ненужных, бессмысленных, утомляющих движений, надо иначе расставить людей, надо освободить нервы и мускулы от лишней нагрузки. И тогда работа пойдет по-новому.

Так в бригаде Орлова родился новый метод кладки кирпича — «метод Орлова».

Бригада была молодая и жадная к труду. Она быстро усвоила новый метод — сухой и точный расчет движений. И новая прочная и быстрая кладка завоевала признание.

Имя Орлова прославилось среди московских строителей. Его скульптуру — добродушный человек в кепке и кургузом пиджаке с треугольной лопаткой в правой руке — поставили в вестибюле новой школы, рекордно быстро выложенной орловцами. К Орлову приходили старые немецкие каменщики и удивлялись. Американцы — артисты

Колонны демонстрантов проходят через Красную площадь 7 ноября 1939 года.

по части кладки — пожимали плечами. Из Ленинграда, Киева, Владивостока приезжали техники, инженеры, рабочие учиться у Орлова. А он, широко разводя руками, говорил:

— Пожалуйста, смотрите. У меня нет секретов.

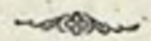
Однажды какой-то иностранец подошел к Орлову. Долго следил за его работой. Смотрел на часы, потом опять на руки знаменитого каменщика, которые делали такие простые, такие четкие и легкие движения. Наконец вежливо улыбнулся и сказал:

— Разрешите снять шляпу перед вашей работой. То, что вы сделали, непостижимо!

В Москве уже появились дома, на боковом фасаде которых кладкой из побеленного кирпича было выложено:

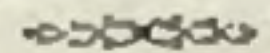
«Орловцы. Месяц и год такой-то».

А Орлов во главе своей бригады попрежнему переходил со стройки на стройку. Он любил брать в свою бригаду новичков. Ему нравилось передавать свой метод товарищам по работе, ему доставляло большое удовольствие сознавать, что новый отряд орловцев, отбросив в сторону старые, прадедовские навыки, легко, прочно и быстро возводит прекрасные дома.

3 апреля 1936 года ЦИК СССР наградил П. С. Орлова орденом Ленина.

26 июня 1938 года жители Коминтерновского округа Москвы избрали каменщика П. С. Орлова депутатом Верховного Совета РСФСР.

И вот сейчас, ярким солнечным утром, он стоит на вершине нового строящегося дома-гиганта на улице Горького, что занимает целый квартал — от Охотного ряда до проезда Художественного театра.

На проектных чертежах этого дома — карандашные пометки товарища Сталина. Кирпичи этого дома выложены руками каменщика Орлова. Он вместе со Сталиным строил этот дом. И сейчас в большом, просторном и светлом Кремлевском зале, на сессии Верховного Совета, они вместе будут строить жизнь и хозяйство своей родины.

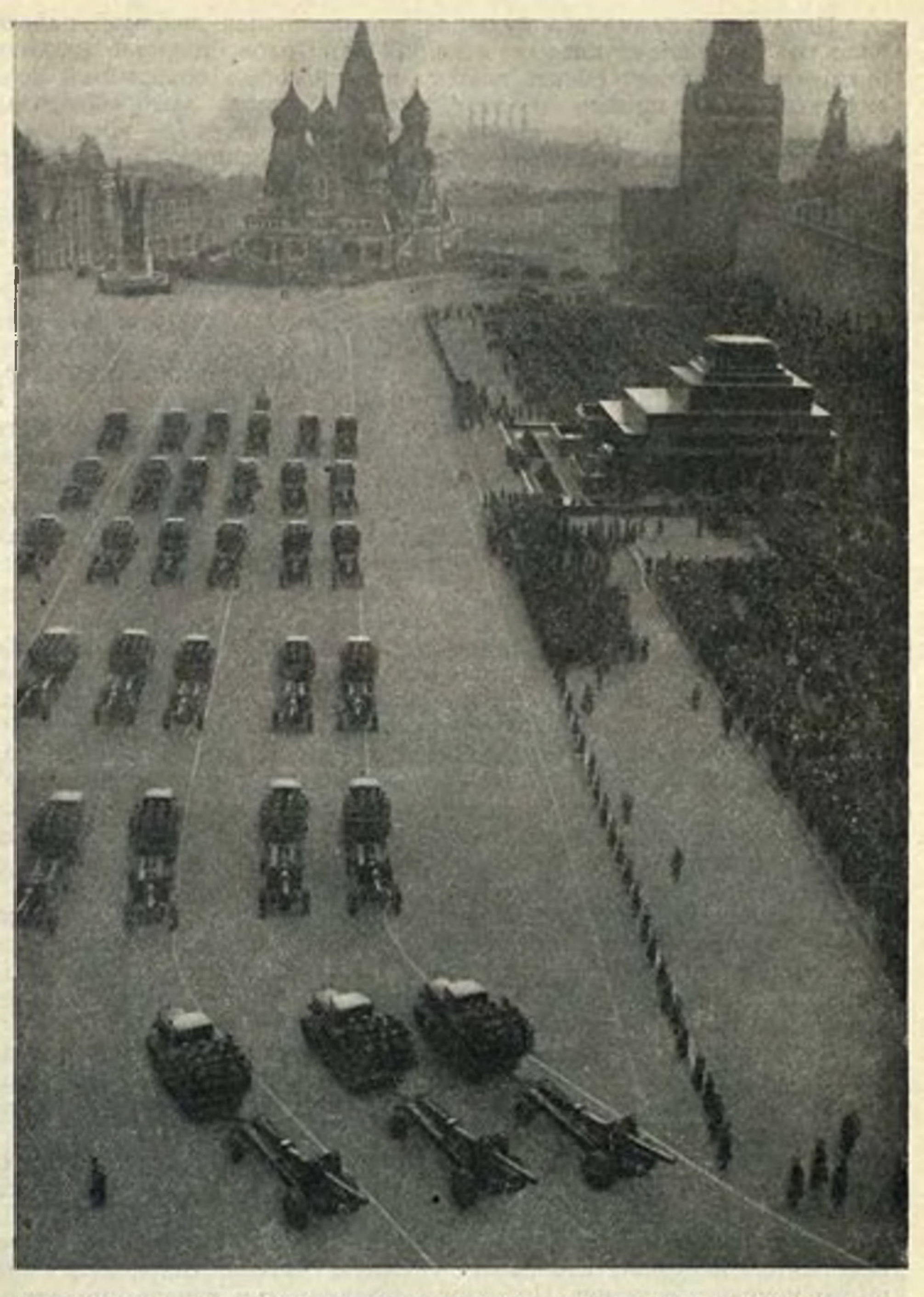
С вышины нового дома каменщик смотрит на великий древний город, и невольно ему приходит на память страшная судьба многих поколений московских зодчих.

...Жалкие шалаши у кремлевского рва. В шалашах на гнилой соломе умирают от «огневицы» первые строители прекрасных стен Кремля. Челобитная государю всея Руси: «Не убивати и работой не томити». И дьяк, бесстрастно выводящий гусиным пером государев указ: утопить в Москва-реке зачинщиков бунта — строителей Ваську Варварина и Илейку Проходца...

...Плотницкий сын Федор Конь, талантливый создатель стен Белого города. Страшные рубцы от батогов — единственная награда за творческие искания. Сырые подвалы Соловецкого монастыря. И, наконец, смерть в болотах непроходимых вологодских лесов.

...Село Порецкое, где «тыща душ, и все каменщики». Деревянные бараки на московской окраине, нары, похожие на гроб, безграничный произвол подрядчика, нищета и бесправие...

А теперь он, Петр Семенович Орлов, московский каменщик, — член правительства великой страны.

Военный парад на Красной площади 7 ноября 1936 года. Через площадь проходят артиллерийские части.

Перед ним лежит его будущая жизнь, полная любимой работы, радости творчества, смелых исканий. И Орлов, широко раскинув руки, кажется, хочет обнять и этот древний город, который он украсил новыми зданиями, и этот великий народ, который создал прекрасный город и радостную, счастливую, солнечную жизнь.

Потом, бережно поправив на груди орден Ленина, Орлов быстро сбегает вниз: он идет на сессию Верховного Совета.

Орлов выходит на Красную площадь. За свою многовековую жизнь она всегда была зеркалом истории великого народа. Она осталась этим зеркалом и сейчас. Орлов видел, как широко разливается счастье трудового народа по Красной площади, когда в мае и ноябре миллионы демонстрантов проходят мимо Кремлевской стены.

Идут дети, веселые, возбужденные, сияющие. Несут плакаты, цветы, портреты. Они рассказывают о том, как хороши и солнечны новые школы, как много среди ребят снайперов и какие увлекательные и сложные модели мастерят пионеры в своем Центральном доме.

Проходят колонны седых академиков, молодых ученых, артистов, художников, писателей. Они говорят о том, что нигде, ни в какой другой стране земного шара, не работается так легко, радостно, творчески.

Красная площадь заполняется многотысячными шеренгами рабочих. Они идут с недавних пригородных пустырей, где теперь построены огромные заводы. Они идут из бывших церковных и монастырских оград, где теперь выросли ясли, школы, библиотеки, институты. Рабочие несут макеты своих изделий, лозунги, диаграммы и гордо поднимают кверху портреты своих знатных людей, стахановцев-рекордсменов. Москва — столица единственного государства, где нет ужасов безработицы и где труд стал делом чести и геройства. И рабочие колонны говорят о том, что они никому не позволят посягнуть на счастье своей великой родины...

Церемониальным маршем проходит по площади Красная армия. Шагает пехота в стальных шлемах, с винтовками наперевес. Карьером проносятся тачанки и кавалерия. Ползут тяжелые самоходные пушки. В железном громе мчатся танки. И сотни истребителей, быстрых, как мысль, проносятся над площадью.

Видел каменщик Орлов, как расцветала Красная площадь красочным узором физкультурных парадов, когда народы необъятной Страны Советов посылали в Москву своих юношей и девушек — загорелых, ловких и сильных.

...Первым появляется знамя Киргизской ССР. Из белых узорчатых шатров на площадь выбегают двести молодых киргизов, и против мавзолея из юношеских тел вырастает высокая пирамида.

Неожиданно тучи покрывают небо. С белыми шарфами вихрем проносятся девушки, изображая снежную метель. Шарфы ледяным полем покрывают камни. Но казахи с ледорубами и канатами отважно идут на штурм недоступной вершины и возвращаются с победной песней в честь товарища Сталина.

...В глубине площади незаметно появляются огромные плоды — апельсины, мандарины, лимоны и виноградные гроздья высотой в человеческий рост. И среди этого изобилия — исторический дом, где родился товарищ Сталин. Грузинские спортсмены разбегаются во все стороны одиннадцатью солнечными лучами. Одиннадцать девушек —

Всесоюзный физкультурный парад на Красной площади в Москве.

Физкультурники в «рейнском колесе» катаются по Красной площади.

одиннадцать республик СССР — украшают розами любимый дом. Золоченые мячи летят в воздух. Острые копья поднимаются ввысь...

Тревога! Враг покушается на дорогой дом. И в мгновенье ока вокруг вырастает неприступная стена копьеносцев.

...Гигантский поезд из синих васильков останавливается у трибуны, и около цветочного экспресса раскидывается оживленный физкультурный лагерь белорусских спортсменов: пляска, прыжки, утренняя зарядка.

Пронзительно ревет сирена: враг у ворот! В неуловимый миг поезд из цветов превращается в грозный бронепоезд «Клим Ворошилов». Сверкают штыки. Вооруженный народ кидается на врага...

...И снова на площади мир и покой. По зеленому ковру идут украинские спортсмены. Они расставляют корзины пышных цветов перед мавзолеем. Из цветов слагается любимое слово: «Сталин».

Высокая красная стена с полосатыми пограничными столбами охраняет украинские сады, раскинувшиеся на Красной площади. В них заливчато свищут соловьи и в задорной пляске кружатся пары.

Неожиданно из-за пограничной стены высовывается чудище я

фашистской каске. Черная, костлявая рука тянется к богатству Страны Советов.

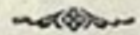
Снова пронзительный рев сирены — и к границе несутся бойцы, орудия, самолеты. Чудище падает. Бойцы легко перелетают через стену, и за границу летят ядра, которые, разрываясь, оставляют за собой огненный след из красных лент.

И опять в цветущем украинском саду заливается соловей и кружатся молодые пары...

Это был парад счастливой юности. Но это было и грозное предостережение нашим врагам. По первому зову страны десятки тысяч юных патриотов готовы отдать свою выносливость, свою силу, свою молодую жизнь, чтобы защитить от всех посягательств свою прекрасную родину...

Помнит каменщик Орлов и те незабываемые дни на Красной площади, когда, казалось, все московские оранжереи переселились к Кремлевской стене, когда розы, лилии, махровые гвоздики засыпали трибуну, брусчатку, автомобили. Это было в то время, когда Москва встречала героев-полярников и гордых соколов нашей страны.

Но помнит каменщик Орлов и другие дни — когда горе и гнев миллионов заливали древнюю площадь: страна хоронила пламенного сына родины — незабвенного товарища Кирова, убитого руками предателей, шпионов, диверсантов, отравителей, наймитов иностранного фашизма. Это была незабываемая демонстрация единства великого народа со своим вождем товарищем Сталиным и большевистским ленинским Центральным комитетом.

Орлов идет по Красной площади. На вершинах кремлевских башен сияют прекрасные рубиновые звезды. Их знают и любят во всех уголках нашей родины. Эти звезды — символ новой Москвы.

В далекой Арктике, в холодные вьюжные северные ночи, радисты жадно ловят Москву. Бесстрашно идут экспедиции в ледяные пустыни, летят над необъятными мертвыми просторами Ледовитого океана гигантские воздушные корабли. И все полярники знают: там, на Большой земле, Москва зорко наблюдает за ними, радуется их победам и вместе с ними тяжело переживает их неудачи. И что бы ни случилось с ними, где бы ни потерпели аварию их корабли и самолеты, Москва немедленно пошлет им на помощь людей, ледоколы, эскадрильи воздушных судов. Потому что для Москвы, для страны, для Сталина нет большей ценности, чем жизнь честного гражданина нашей великой родины.

Знают и любят Москву и на далеком знойном юге. Когда однажды строителям оросительного канала в песках Узбекистана понадобилось послать срочное сообщение в Москву, а радиоустановка не работала, узбеки охотно отправились за двести километров на соседнюю радиостанцию. Они шли по песчаным холмам, по безводным степям и от колодца к колодцу, из кишлака в кишлак, из рук в руки передавали, как драгоценность, записку с текстом радиограммы:

— Это надо в Москву.

Москва — сердце великого Советского Союза.

Сюда приезжают лучшие люди страны рапортовать о своих успехах и вместе с товарищем Сталиным наметить пути дальнейшего наступления.

В Москву съезжаются счастливые и радостные герои-пограничники, моряки, летчики, рабочие, инженеры, ученые, артисты, писатели.

Колонна физкультурников спортивного ордена Ленина общества «Динамо» на всесоюзном физкультурном параде в 1939 году.

колхозники, чтобы из рук Михаила Ивановича Калинина получить высокую награду — ордена Советского Союза.

Наконец, здесь, в Москве, под сенью рубиновых звезд древнего Кремля, работает мозг и сердце страны — Центральный комитет большевистской партии, Совет народных комиссаров и Президиум Верховного Совета.

Но Москва — не только столица Советской страны. Ее рубиновые звезды светят над всем миром.

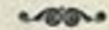
Москва — сердце мировой революции. И когда фашизм грубым солдатским сапогом топчет все живое, в темноту фашистского бескультурья ярким маяком проникает свет рубиновых звезд Кремля.

«Нам тяжело живется, но есть на свете Москва», написали немецкие пионеры товарищу Димитрову в берлинскую тюрьму...

Каменщик и депутат Орлов принимает участие в заседании Верховного Совета. Он возвращается оттуда поздно вечером. Дома его ждет пачка писем: избиратели пишут своему депутату. Они спрашивают у него совета, они делятся с ним горем и радостью, они возмущаются уцелевшим еще кое-где бюрократизмом и волокитой, просят помощи.

Орлов отвечает, звонит по телефону, назначает встречи, наводит справки.

Так проходит день московского каменщика и депутата Петра Семеновича Орлова.

В утро того же дня в Москве, за Измайловским парком имени Сталина, чуть побелел горизонт.

Никогда не бывает так тихо в Москве, как в этот ранний предутренний час: замирает ночная жизнь, не родился еще бурный и радостный московский день.

Шурша шинами по асфальту, проносится ночной автобус. Перегоняя его, последние запоздавшие грузовики ночной смены спешат с вокзалов, холодильников, хлебозаводов. Блестящие машины — «механические дворники», — малиновые, синие, черные, зеленые, похожие на громадных лакированных майских жуков, торопятся убрать, подмести, вымыть последние запыленные участки асфальта. Величественно проезжает посередине улицы поливочная цистерна, и мириады тонких водяных струй, взметнувшись гигантским веером, падают на мостовую.

В просторной квартире третьего этажа нового дома просыпается сухонькая, морщинистая старушка. Она широко открывает оконные створки. Солнечные лучи врываются в комнату.

Перед домом, разбросав далеко в стороны могучие ветви, стоит благоухающая цветущая липа. Старушка улыбается своей знакомой: сорок лет назад молодую липку посадил муж в крошечном палисаднике их дома.

Это был маленький покосившийся, дряхлый деревянный домишко на забытой московской окраине. Вокруг, как кочки на болоте, стояли такие же дома — кособокие, почерневшие, будто вросшие в землю. Чуть поодаль тянулась широкая канава. Через канаву был переброшен шаткий деревянный мост. У моста горел единственный на округу электрический фонарь. Под фонарем дежурил городовой.

Старушка вдыхает знакомый липовый запах и вспоминает...

Товарищ Сталин на празднике авиации под Москвой.

Четверть века назад теплой летней ночью стояла она у цветущей липы и смотрела туда, где в полосе электрического света поблескивали лужи у моста через канаву. Она ждала мужа. Он ушел в трактир угощать мастера: месяц назад его рассчитали на заводе, и теперь надо было во что бы то ни стало снова получить работу: дома оставались последние два рубля.

Как внимательно вглядывалась она в толстое, заплывшее лицо мастера, когда, икая и покачиваясь, он осторожно переходил по шаткому деревянному настилу!

Доволен ли? Примет ли? Или, небрежно кивнув, скажет обидное и злое о голодранцах и попрошайках?..

Как ненавидела она эту самодовольную усатую рожу! Как ненавидела и этот большой, мрачный, закоптелый завод, что горел по ночам страшными полыхающими огнями своих мартенов.

Ненавидела за свою тяжелую, безотрадную жизнь, за каторжный труд мужа, за эту вечную тревогу остаться без работы и снова дежурить у заводских ворот в ожидании поденки, и снова унизительно угощать водкой усатого мастера в трактире...

Сейчас старушка смотрит на липу, которая видела так много слез и горя. Эта липа — единственное, что осталось от старого.

Нет хибарок, нет канавы, нет городового. На месте старой халупы стоит большой светлый каменный дом с водопроводом и газом, с электричеством и паркетом. На асфальте мостовой уборочная машина своими круглыми щетками деловито вылизывает черную гладкую поверхность. И знакомый завод так возмужал, так вырос, так разросся ввысь и вширь, что узнать его невозможно.

Все изменилось на старой московской окраине. И прежде всего и больше всего изменились люди.

Казалось бы, что может вытравить из ее сердца ненависть к проклятому заводу? А вот сегодня она поднялась так рано только потому, что волнуется за честь своего завода и за честь своей дочери. Сегодня в ее сознании дочь и завод слились воедино. Потому что успех ее дочери будет победой завода, вырастившего и воспитавшего ее...

Пора будить дочь. Но старушка медлит несколько минут. Вчера далеко за полночь слышала она горячий разговор в комнате Наташи. Там говорили о быстроте резанья, о толщине стружки, о числе оборотов. И разошлись совсем недавно, взволнованные и возбужденные...

Это началось тогда, когда на московских заводах стихийно вспыхнули митинги. Они шли без регламента. Люди выходили на трибуну и, сменяя друг друга, говорили, что нужно немедленно, сейчас же ответить делом на рекорд Алексея Стаханова.

Тогда скромная молчаливая девушка Наташа, с толстой белокурой косой, собранной в тугой узел на затылке, дала себе слово выжать из своего станка все, что он может дать.

И когда она шла домой, она думала: а что, если посягнуть на конструкцию станка, этого большого, сложного заграничного станка-автомата? Так ли уж идеален этот «иностранец»? Недавно она лишь слегка изменила быстроту его хода, и станок теперь дает больше, чем сказано в паспорте. Почему же не пойти дальше? Пойти смело, решительно, отбросив в сторону слепое преклонение перед его непревзойденным совершенством?..

Товарищ Сталин в президиуме совещания колхозников-ударников в Кремле.

Не легко выполнить то, что задумала Наташа. Надо предварительно сделать сложные вычисления и чертежи. У Наташи нехватало знаний. Но у девушки был крутой, упрямый отцовский подбородок, она была комсомолкой, она не желала так быстро сдаваться — и она добилась своего: ее предложением заинтересовались.

Наташа начала учиться. Она не скрывала от товарищей своей мечты. Она охотно делилась с ними результатами своих работ. И у нее появился «конкурент» — Маруся, подруга и соседка по цеху. Они обе стремились к одному и тому же — увеличить производительность

В ложе ударников в Большом театре.

своих станков. Но шли к этому разными путями. И на заводе горячо спорили, на чьей стороне будет победа.

И вот сегодня — решающий день. Оба переоборудованных станка — ее и подруги — начнут работать.

Сплошным непрерывным потоком несутся по улице автомобили. Толстый троллейбус недовольно гудит, прогоняя с дороги нетороплнвый грузовик. Рукой, одетой в блестящую серебристую перчатку с широким раструбом, похожую на стальную перчатку средневековых рыцарей, милиционер властно руководит движением.

Над улицей в голубом небе гудит самолет. Из-под земли, сквозь решетку вентилятора метро, доносится мерный шум моторов.

Москва проснулась...

Весь завод знает о соревновании двух подруг. Молодежь разделилась на два «враждующих лагеря». «Противники» спорят и обсуждают методы обоих «конкурентов».

Наташа не видит, что происходит на соседнем станке ее подруги. Она вся поглощена четкой, как часы, работой своего станка и спокойными движениями членов своей бригады.

В столовой уборщицы готовят стол для победителей, и он превращается в яркую цветочную клумбу...

К обеденному перерыву становится ясно: Наташа победила. Она поставила рекорд, о котором завтра сообщат газеты, о котором через час радиоволны разнесут весть по всему Союзу.

На площади Свердлова.

Возбужденная, радостная, Наташа идет в столовую. Ее встречают аплодисментами, ей жмут руку.

Ее бригада садится за празднично украшенный стол.

Но где же Маруся? Неужели она будет обедать отдельно? Нет, этого не должно быть!

И обе бригады усаживаются вместе. Тесно, очень тесно. Но зато дружно и весело. Ведь обе девушки — союзницы и друзья: они делают одно большое и любимое дело.

Рядом с Наташей сидит ее старушка-мать. Когда она шла в клуб, она хотела рассказать молодежи, как жили они с отцом в маленькой хибарке, как она боялась и ненавидела этот страшный, закоптелый, жестокий завод.

Но сейчас ей не хочется бередить прошлое. И она поднимает тост за молодежь, за родину, за партию, за великого Сталина...

Так проходит день на одном из заводов столицы.

Если собрать всю ежедневную продукцию московских предприятий, это будет замечательная выставка великих достижений нашей родины.

И если бы на карте Советской страны мы начертили линии, соединяющие Москву с теми городами, куда идет продукция московских предприятий, густой сеткой этих линий пришлось бы покрыть всю нашу карту.

Изделия московских заводов расходятся по всему Союзу. Их знают в угольных шахтах Донбасса и на нефтяных вышках Баку, на доменных шахтах Урала и на электрических станциях Закавказья, в пограничных частях Красной армии, расположенных на Дальнем Востоке, и в совхозах Узбекистана.

Замечательные новые заводы выросли в советской Москве.

На Сукином болоте, куда во времена Екатерины колодники и рабочие сваливали в братские могилы чумные трупы, вырос «Шарикоподшипник» имени Л. М. Кагановича. Он вырабатывает миллионы блестящих стальных шариков — больших, как спелое антоновское яблоко, и маленьких, как горошинка. И на этих шариках работают тракторы, станки, комбайны, автомобили, самолеты, экскаваторы, велосипеды.

В цехах, светлых и высоких, скорее похожих на ангары для дирижаблей (в кузнице может поместиться трехэтажный дом), царит непревзойденная точность. Здесь так тщательно обрабатывают стальной шарик, что летом приходится аккуратно занавешивать шторами окна, чтобы солнце не слишком припекало идеально изготовленный шарик. Здесь внимательно следят, чтобы нечаянно не взять готовый шарик потными руками. Иначе через два часа начнется окисление металла и на стальной полированной поверхности шарика появится ржавчина. И если один из шариков окажется больше или меньше образца на толщину стенки мыльного пузыря, шарик безжалостно бракуют...

Автомобильный завод имени Сталина превратился в одно из крупнейших автомобильных предприятий мира. Кузница завода — самая мощная в Европе. В литейную ковкого чугуна, к его замечательному конвейеру, приезжают учиться иностранные инженеры. И каждый день завод имени Сталина выпускает сотни тяжелых грузовиков и десятки комфортабельных легковых автомобилей...

Супdвой и соусный цех в комбинате питания при заводе имени Фрунзе в Москве.

В Ленинской слободе, бок о бок с автомобильным заводом имени Сталина, на месте плохонького кустарного заводика вырос «Динамо» — всесоюзный центр советского электромоторостроения. Он дает электровозы нашим железным дорогам, он создает моторы для троллейбусов, и когда были пущены первые поезда лучшего в мире московского метрополитена, они шли на моторах «Динамо».

На пустопорожних землях Карачарова поля раскинулся инструментальный завод «Фрезер» — один из

крупнейших инструментальных заводов Европы.

На старой московской захолустной окраине родился «Калибр» — завод изумительной точности, вырабатывающий самые совершенные измерительные приборы для заводов Союза.

На месте старого «завода-универмага» Листа вырос новый завод — «Борец». Из его ворот вышло оборудование для Магнитостроя, Кузнецкстроя, Днепростроя. И величайшие в мире насосы канала Москва — Волга изготовлены в цехах «Борца»...

Уголок кафетерия при заводе имени Фрунзе.

Завод «Красный пролетарий», вставший на месте старого «Бромлея», каждый год дает стране тысячи токарных станков. Создать на месте завода, изготовлявшего топоры, колуны и прочий нехитрый домашний инвентарь, одно из крупнейших станкостроительных предприятий мира, — это не меньше, чем построить новый гигантский завод.

Так поступили большевики со всей тяжелой промышленностью старой Москвы, и советская Москва стала центром станкостроения Союза. Та самая Москва, которая наперечет знала свои маленькие заводики, выстроенные иностранцами Гужоном, Бромлеем, Листом. Та самая Москва, промышленность которой была только «ситцевой».

Промышленность новой Москвы, почти в полтора раза превышающая промышленность всей царской России, — прежде всего индустрия стали и машин. И, когда советской столице минуло двадцать лет, продукция ее металлообрабатывающих и машиностроительных заводов выросла в шестьдесят пять раз.

Но советская Москва не забыла и о ситце. Возле старых прядильных фабрик выросли ткацкие, около ткацких — прядильные. Десятки мелких мастерских объединились в крупные промышленные комбинаты. И на месте прежней Прохоровки встала новая «Трехгорная мануфактура» — прекрасная фабрика с обновленными цехами и совершенными машинами.

Миллионы метров мануфактуры выпускают каждый день текстильные фабрики Москвы — в три раза больше, чем давала старая «ситцевая» Москва.

Советская Москва — в вечном неустанном движении. Сегодня заводы столицы вырабатывают больше, чем вырабатывали вчера, и завтра дадут больше, чем давали сегодня.

На маневрах под Москвой.

Москва — в строительных лесах: строятся заводы, школы, больницы, театры, жилые дома.

У заводских ворот, на заборах строек, у подъездов учреждений висят объявления, где наверху крупно выведено слово «требуются», а внизу стоит перечень всех профессий, которые только знает мир: инженеры и машинистки, бухгалтеры и артисты, уборщицы и учителя, фрезеровщики и портные, пожарные и кассиры. Каждый день Москва впитывает в себя сотни, тысячи новых работников. Слово «безработица» — чуждое, незнакомое Москве слово. И каждый день вся Москва, начиная от октябрят и кончая убеленными сединой профессорами, растет, совершенствуется, учится.

И каждый следующий день прибавляет что-нибудь новое к нашим представлениям о жизни, о природе, о мире. Советская страна ни минуты не стоит на месте. Она непрерывно движется вперед, вписывая новые блестящие страницы в золотую книгу науки.

Всесоюзная Академия наук. Седые академики, прославленные ученые, люди, двигающие вперед науку.

Ежедневно в адрес Академии приходят радиограммы, письма, толстые, объемистые рукописи.

Пишут корреспонденты Академии, присылают отчеты ее экспедиции, научные станции, пишут колхозники, капитаны судов, красноармейцы, рабочие, студенты, пионеры.

...В далекой Сибири найдены новые залежи металла. На белом пятне Арктики открыты новые острова. Управление строительством Дворца Советов просит дать указание, как уничтожить эхо в Большом зале дворца. Биологическая экспедиция сообщает из Казахстана о новых каучуконосах. Телеграмма из Днепропетровска говорит о новых рекордах выплавки стали в мартенах. Коломенский завод просит дать заключение о проекте скоростного локомотива.

Со всех концов необъятной страны каждый день приходят в Москву десятки сообщений, и Академия наук посылает новые экспедиции, вносит изменения в карты Арктики, пересматривает научные принципы плавки металла, созывает совещания специалистов, выдвигает новые темы для работы научных институтов.

Подготовка стратостата к подъему.

Промышленность и сельское хозяйство, история и философия, математика и медицина, авиация и геология — над всем этим работают советские ученые.

В лабораториях Всесоюзного электротехнического института инженеры бьются над тем, как впервые в истории техники передать электрическую энергию на тысячу километров — от волжской Куйбышевской станции в Москву, Свердловск и Магнитогорск.

Маневры Красной армии. Танки и штурмовая авиация идут в атаку.

В Институте имени Карпова химики работают над получением искусственного каучука из картошки, над новыми пластическими массами, над искусственным волокном.

В просторных лабораториях Центрального аэрогидродинамического института рождаются проекты неуловимых истребителей, стремительных штурмовиков, тяжелых бомбовозов и модели новых машин, на которых наши герои-летчики завоевывают мировые рекорды.

В Институте охраны труда создается искусственный климат, разрабатываются водяные и воздушные завесы для горячих цехов металлургических заводов и новые системы вентиляции.

Около пятнадцати тысяч научных работников Москвы изучают математику и механику, астрономию и микробиологию, ботанику и физиологию, геологию и транспорт, сельское хозяйство и кино. Наряду с седыми профессорами в научных институтах столицы работают молодые ученые — те самые «кухаркины дети», перед которыми в старой Москве были наглухо закрыты двери школ и университетов. И каждый день в Москве рождаются новые идеи, новые проекты, новые конструкции.

Каждое утро трамваи, автобусы, поезда метро развозят веселых юношей и девушек к подъездам высших учебных заведений столицы.

Студентов встречает горьковатый запах химических лабораторий, шелест кальки и ватмана в архитектурных институтах и шум машин в мастерских механических факультетов. Растения всех республик Советской страны ждут студентов в гербариях Ботанического института. Угли Сибири и Подмосковья, Урала и Донбасса лежат в лабораториях Горного института.

Торф и мука, металл и цветы, пластмасса и хлопок, история и философия всех времен и народов, свойства токов высокого напряжения — все это изучают студенты столицы Советской страны.

В Москву приезжают учиться с гор Кавказа и с пастбищ Казахстана, из лесов Марийской области и степей Башкирии. Курд, узбек, осетин, якут, татарин, русский, украинец, кабардинец, грузин работают рядом в лабораториях, аудиториях, кабинетах.

Не богатенькие папы и мамы и не гроши, сэкономленные тяжелым, рабским трудом, а Советская страна широко и гостеприимно открывает двери учебных заведений для советской молодежи.

Москва дает своим студентам все: лекции мировых ученых, солнечные аудитории, стипендии, просторные общежития, сокровищницы своих книжных хранилищ, музеи, театры, выставки, опытные цехи фабрик и заводов.

Неразрывные нити связывают московских студентов со всей страной. Каждый год с вокзалов столицы уезжают на юг и на север, на восток и на запад тысячи вчерашних питомцев московских вузов — сегодняшних инженеров, агрономов, журналистов, философов, врачей, педагогов, чтобы выращивать новые культуры, изменять течение рек, орошать пустыни, строить новые машины, заводы, города и готовить новые тысячи студентов — будущих инженеров, врачей, агрономов, философов...

Каждое утро свыше шестисот тысяч школьников идут в Москве на учебу.

Столица построила для них сотни прекрасных школ, о которых и мечтать не могла старая, капиталистическая Москва.

— У нас нет таких школ, — откровенно сознались французские учителя, посетившие советскую столицу.

— Я восхищен! — заявил английский профессор, побывав в одной из московских школ.

И как много нового, интересного, неожиданного узнают каждый день эти шестьсот тысяч московских ребят!

Парашютный прыжок на Московском аэродроме.

Экскурсия школьников в музее Ленина у скульптуры «Ленин четырех лет».

Им становятся понятны тайны дробей и бинома Ньютона, они заглядывают внутрь человеческого организма, они учатся ценить прекрасный стих Пушкина, чеканную поэзию Маяковского, прозу Горького, они узнают, как дышит цветок, как живет морское дно и как бесконечно интересен и велик мир.

Каждый день тысячи москвичей входят в подъезды московских музеев.

Сосредоточенные, молчаливые, они проходят по залам музея Ленина — и вся жизнь величайшего гения человечества раскрывается перед ними в фотографиях, документах, картинах. Детство, юношеские годы, первые шаги на революционном поприще, горячие споры с предателями-меньшевиками, мужественная революционная борьба, ссылка, эмиграция. Ленин рука об руку со своим любимым учеником Сталиным руководит в Петрограде Великой социалистической революцией. Ленин в Москве — столице Советской страны. Борьба с голодом, разрухой, интервенцией. Предательский выстрел эсерки Каплан, направленный презренными изменниками Троцким и Бухариным. И снова Ленин на своем посту — неутомимый, мудрый, беспощадный к врагам.

И, наконец, морозный январский день 1924 года. На леденящем ветру нескончаемый людской поток движется на Красную площадь, чтобы в последний раз проводить Ленина. На несколько минут замирает жизнь всей страны. Поезда на железных дорогах останавливают свой бег. И над страной несутся слова сталинской клятвы...

На улице Горького, в старом здании Английского клуба, расположился Музей Революции. В музее хранятся богатейшие коллекции: фотографии, документы, картины, старые книги, пожелтевшие газетные листы. Вся история борьбы народа против рабства, крепостничества, эксплоатации собрана в этих просторных залах... Иван Болотников, Степан Разин, Емельян Пугачев. Первые крестьянские восста-

яня и первые стачки рабочих, борьба матросов броненосца «Потемкин» и героическая оборона Пресни. Образование и рост славной большевистской партии. Непреклонная борьба Ленина и Сталина с изменниками и предателями. И наконец — Великая Октябрьская социалистическая революция...

В тихом переулке Замоскворечья приютилась Третьяковская галлерея. Здесь собраны творения великих мастеров русского народа. Загорелые, мускулистые запорожцы пишут письмо турецкому султану. В предутреннем тумане стоят белые березки на полотнах Левитана. В ярком хороводе несутся малявинские бабы. И непреклонный Петр изваянием замер на Красной площади в день стрелецкой казни...

Каждый день тысячи человек стекаются к Ленинской библиотеке. Рядом с новыми корпусами теряется старое здание бывшего Румянцевского музея — крупнейшего книгохранилища купеческой Москвы.

До 1917 года на полках Румянцевской публичной библиотеки стояло миллион шестьсот тысяч книг. Прошло двадцать лет, и ее книжный фонд вырос в семь раз.

Даже в тяжелые годы гражданской войны, когда Москва голодала, когда по улицам столицы не ходили трамваи и в домах коптили «буржуйки», большевики упорно, настойчиво, любовно собирали книги. В 1922 году в Ленинской библиотеке уже было два миллиона семьсот тысяч книг — за пять лет советской власти прибавилось столько же книг, сколько было собрано в Румянцевской за все время ее существования.

Ленинская библиотека в Москве — одна из крупнейших библиотек мира. И не только по количеству книг. Она имеет читателей во всех странах земного шара, и книги со штампом Ленинской библиотеки лежат на столах французского ученого, английского моряка и американского инженера.

Каждый день абоненты библиотеки уносят к себе домой семь тысяч книг. Ежегодно читальный зал библиотеки обслуживает полмиллиона человек. Полмиллиона самых различных людей — студентов

В школе.

В Третьяковской галлерее, на выставке картин Репина.

и стахановцев, лейтенантов и профессоров, врачей и актеров, — людей всех возрастов — от подростков до глубоких стариков.

В Москве наступает вечер. Шоферы включают фары автомобилей. Загораются разноцветные трамвайные фонари. Узором неоновых трубок вспыхивают витрины магазинов, фасады кино и театров. Сияют матовые шары уличных фонарей. Но жизнь в Москве ни на минуту не замирает.

Музей Революции на улице Горького. В этом здании до Октябрьской революции помещался Английский клуб.

Десятки тысяч московских рабочих, отдохнув после смены, отправились учиться в свой учебный комбинат...

В старой Москве фабрикант подозрительно относился к каждому из рабочих, кто «пытался прыгнуть выше носа», кто обнаруживал производственную инициативу, технический талант.

— Мне гении не нужны,—говорил фабрикант: — гении политикой занимаются. В моем деле один имеется гений — я сам!

И любознательных рабочих безжалостно выбрасывали с завода, не принимали на работу: подозрительный, дескать, элемент— сегодня с изобретением возится, а завтра забастовку устроит.

Волчьим паспортом награждали московские заводчики технически одаренного рабочего. А такому дорога одна: некоторое время человек крепился, пытался бороться, что-то доказывать, а потом спивался и сходил с круга.

Главный читальный зал Всесоюзной библиотеки имени Ленина.

Так было в старой Москве...

В советской столице за годы революции родилось небывалое в мире учебное заведение, существование которого возможно только у нас, в Стране Советов.

«Первой стрелой, пущенной в лагерь наших врагов, в лагерь производственной рутины и технической отсталости» назвал товарищ Сталин первый выпуск Промышленной академии. Проверенные большевики, прославленные стахановцы, талантливые рабочие получают здесь знания, необходимые для руководства огромными и сложными предприятиями Советской страны.

При каждом крупном московском заводе — свой учебный комбинат: институт, техникум, курсы для мастеров, школа ФЗУ, рабочий факультет, библиотека.

В институте рабочие слушают лекции по математике и технологии, по истории и литературе, по физике и сопротивлению материалов. Проходит три года, и рабочие без отрыва от производства становятся инженерами.

Сотни рабочих каждый вечер посещают свою заводскую библиотеку. На многоэтажных полированных полках тесно, корешок к корешку, длинными рядами вытянулись тысячи книг современных и

классических авторов: русских, украинских, еврейских, французских, английских писателей. И слово «библиотека» — «собрание книг» — не подходит к этим книгохранилищам. Это скорее советчики и помощники читателя: в комнатах, соседних с читальным залом, идут диспуты, лекции, оживленные споры о прочитанном...

После окончания рабочего дня тысячи московских рабочих — слесарей, сталеваров, ткачей, монтеров, фрезеровщиков — спешат на аэродромы своих аэроклубов, чтобы в упорной, настойчивой учебе постичь тайну самолета и, не переставая быть слесарями, сталеварами, ткачами и монтерами, стать летчиками.

Под потолком двухсветного зала Дворца спорта летает волейбольный мяч. На широком ковре тренируются тяжелоатлеты. В соседнем зале скрестили рапиры фехтовальщики. В спортивных бассейнах, где даже в зимние вечера изумрудная вода тепла, как в Сухуми, тренируются красноармейцы, студенты, рабочие, служащие.

И в сотнях клубов столицы отдыхающие москвичи читают книги, слушают музыку, смотрят спектакли, состязаются в шахматы, танцуют.

В ребячьих клубах Москвы кипит разнообразная и веселая жизнь. Будущие музыканты учатся играть на фортепиано и постигают тонкое искусство Страдивариуса — делают скрипки, на которых скоро начнут играть сами. Будущие инженеры собирают мотор для маленького автомобиля и по собственным чертежам мастерят паровую машину. В соседних комнатах любители решают кроссворды, слушают лекцию о Куликовской битве, юные поэты читают свои стихи, маленькие шахматисты состязаются с Левенфишем. А в большом зале Центрального дома пионеров прославленные мастера пришли в гости к ребятам, и веселый Иван Иванович Неунывающий в своем ярком костюме знакомит ребят с артистами, поет песенки, шутит, смеется...

Центральный дом пионеров и октябрят в Москве.

Часы бьют половину восьмого. Взвиваются занавесы московских театров, и семьдесят тысяч зрителей волнуются, плачут и смеются, глядя на сцену.

В Большом театре идет «Иван Сусанин». Незаметный герой жертвует своей жизнью за родину. На сцене дважды орденоносного Художественного театра, как затравленный волк, обреченно мечется среди моря золотистой пшеницы кулак и бандит Петр Сторожев. В Малом театре оживают бородатые замоскворецкие Тит Титычи в пьесе Островского. Умирает Дездемона в Камерном театре. В театре имени Вахтангова Владимир Ильич Ленин, чуть склонив голову набок, оживленно беседует с фронтовиком в коридоре Смольного института.

«Комната путешествий» в Центральном доме пионеров и октябрят.

А на берегу Москва-реки, у подножья Ленинских гор, в Центральном парке культуры и отдыха имени Горького, — море огней. В небе рвутся ракеты и рассыпаются снопами разноцветных звезд. Медленно падают на землю полосатые зонты парашютов. Быстро вертится «чортово колесо», разбрасывая в стороны веселых пассажиров. На сумасшедшей высоте по тонкой проволоке легко скользят канатоходцы. В библиотеке заядлые читатели углубились в страницы Пушкина и Горького, Золя и Диккенса. А в Зеленом театре на открытой сцене, где вокруг теснятся старые липы и над головой сияют звезды, идет «Кавказский пленник».

На Спасской башне Кремля куранты торжественно играют полночь.

Мягко шурша, падают занавесы московских театров. Гаснут огни на Аллее ландышей в Парке культуры. «Красная стрела» на Октябрьском вокзале принимает последних пассажиров.

Стрелка часов на Спасской башне медленно ползет по освещенному циферблату. Куранты бьют час.

Последний поезд метро проносится мимо мраморных станций и выходит из тоннеля на поверхность, в депо. Радиолюбители ловят Париж, Стокгольм, Амстердам, Лондон. В телефонных будках, плотно обитых звуконепроницаемой обшивкой, москвичи разговаривают с

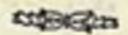
На катке в Центральном парке культуры и отдыха имени Горького.

Европой. В тихой радиостудии, затянутой серой материей, взволнованные люди стоят у маленького ящика микрофона. Спеша и волнуясь, они говорят со своими мужьями, отцами, братьями на острове Диксон, на мысе Челюскин, в бухте Тикси. Столица перекликается с Арктикой.

Ночь течет над Москвой.

Кончился бал стахановцев в белом мраморном зале Дома союзов. Из широких дверей выходят профессора, сталевары, каменщики, летчики, метростроевцы, плотники, лейтенанты, уборщицы, артисты. Разноцветные кружочки конфетти блестят в волосах молодых парашютисток. Ленты серпантина висят на рукавах слесарей и седых академиков.

На перекрестках потухли цветные глаза светофоров. Замолчали радиоаппараты. Погасли огни в окнах домов. Москва наконец легла спать.

Москва спит. А под Москвой, под ее улицами и площадями, в эти глухие ночные часы идет напряженная жизнь.

Под землей путешествует кипяток. Он рождается в светлых, высоких залах теплоэлектроцентрали. В ее цехах стоят блестящие черные машины. На белых мраморных досках шевелятся золотые усики стрелок измерительных приборов. Мелкой дрожью вздрагивает пол машинного зала.

Здесь изготовляются горячая вода, белый упругий пар и электрический ток.

По широкой магистральной трубе горячая вода идет под улицами и площадями Москвы. Перед домами от основной магистрали отделяются узкие трубы.

Первая труба подает горячую воду к радиаторам водяного отопления. Вода долго путешествует в их извилинах, отдавая радиаторам свое тепло и нагревая комнату. А маленький кран управляет издалека пришедшим теплом, то пропуская большой поток воды, то почти прекращая ее подачу.

Вторая труба приводит горячую воду в ванную комнату и кухню. Но вода грязна. Воду никто не очищал, когда насосы сосали ее из Москва-реки, и вода еще больше загрязнилась, пройдя тысячи метров по своей подземной магистрали. Ее нельзя пускать ни в кухню, ни в

ванную комнату. И пришедший в дом грязный кипяток служит только «грелкой».

Воду направляют в бойлер — большой цилиндр, лежащий в подвале дома. В бойлере — очищенная водопроводная вода. Кипяток, пришедший из ТЭЦ, отдает водопроводной воде свое тепло. Он нагревает ее до семидесяти градусов, и эта горячая вода идет в кухни и ванные комнаты.

А остывший кипяток по второй трубе направляется обратно в свою ТЭЦ, чтобы, нагревшись здесь, снова пойти на работу.

Так круглые сутки путешествует вода под Москвой — сначала кипятком из ТЭЦ в дома, а потом чуть теплой водой обратно в ТЭЦ.

Рядом с кипятком под землей странствует бесцветный газ.

На газовом заводе — гигантские печи, выложенные из огнеупорного кирпича, тяжелые чугунные двери, сложное переплетение труб, хрупкие стеклянные реторты и громадные металлические сигары — газгольдеры.

В заводской печи — десятки камер, наглухо закрытых чугунными подъемными дверцами. В камерах — каменный уголь. Несколько часов томится уголь в этой раскаленной докрасна каменной тюрьме и наконец разлагается на газ и твердый кокс.

Газ ловят в трубу и заставляют проходить через сложную систему аппаратов. Здесь от газа отделяют примеси: темные, маслянистые, пахучие жидкости. Впоследствии химики приготовят из них нашатырный спирт и сельскохозяйственное удобрение, нафталин и карболку, духи и лекарства, взрывчатые вещества и красивые яркие краски для тканей.

Герой Советского Союза В. П. Чкалов среди испанских пионеров в Москве.

«Горе от ума» на сцене художественного театра.

Чистый газ собирается в газгольдерах. Отсюда газ отправляется в путь. Под Москвой для него проложены подземные дороги: в земле лежат металлические трубы длиною в сотни километров. И по этим подземным дорогам газ круглые сутки странствует под Москвой, прежде чем попасть в горелки газовых кухонь и ванных комнат, в цехи заводов, в залы лабораторий.

Тихо в уснувшей Москве.

По густой паутине подземных чугунных труб бесшумно проходят миллионы ведер холодной чистой воды...

В нескольких десятках километров от Москвы, на берегу канала Москва — Волга, стоит небольшое здание. Оно носит необычное имя: «Дом РУ» («Дом распределительного устройства»).

В «Доме РУ» много разноцветных лампочек, светящихся планов, электрических кнопок. Отсюда главный диспетчер распоряжается повернутой Волгой.

Диспетчер нажимает кнопку. Электрический сигнал мгновенно пробегает десятки километров, достигает насосных станций канала и приказывает электрическим моторам начать работу. И насосы перебрасывают к Москве миллионы ведер волжской воды.

А в «Доме РУ» уже знают об этом. Разноцветные лампочки и светящиеся планы докладывают диспетчеру о работе насосных станций. И что бы ни случилось с любым из двадцати насосов, диспетчер тотчас же узнает об этом по световым сигналам: о малейшей аварии лампочки доложат диспетчеру через четыре секунды.

Волжская вода попадает в полноводное Учинское водохранилище, что лежит в десятках километров к северо-востоку от Москвы, окруженное земляными плотинами.

По Учинскому озеру не плавают корабли. Здесь строго запрещено ловить рыбу, купаться, поить скот. На берегах нет селений. Это — заповедные воды московского водопровода.

В Учинском озере «отдыхают» миллиарды ведер волжской воды. Здесь грязь и муть оседают на дно. Отсюда по специальному каналу очищенная вода течет в цехи Сталинской водопроводной станции.

Двадцать восемь километров тянется железобетонный канал среди подмосковных лесов. Подходя к деревням, канал ныряет в подземную железобетонную трубу. Она так широка, что в нее свободно мог бы въехать тяжелый грузовик.

У станции канал впадает в громадный резервуар. Отсюда мощные насосы гонят воду в цехи станции. Здесь идет борьба с грязью и миллиардами вредных бактерий — этих крошечных, невидимых простым глазом существ, несущих с собой заразу.

В сборный резервуар Сталинской станции попадает уже совершенно чистая вода. Отсюда по широким подземным трубам миллионы ведер очищенной волжской воды текут в столицу, смешиваясь с водой других водопроводных станций Москвы — Рублевской, Черепковской, Мытищинской.

Каждые сутки свыше семидесяти миллионов ведер воды потребляет столица, и днем и ночью под улицами и площадями Москвы бесшумно странствует вода в подземных трубах.

Москва спит, а на окраинных улицах столицы ярко сияют широкие окна хлебозаводов.

У мраморной распределительной доски в центре большого круглого зала стоит человек в белоснежном халате. Вокруг него на полу уложены ролики. На роликах — рельсы. На рельсах — кольцевые конвейеры.

Человек в белом халате включает рубильники, поворачивает рычаги, нажимает кнопки. И вокруг него непрерывно движутся машины, печи, цехи...

Пьерро на карнавальном гулянье в Центральном парке культуры и отдыха имени Горького.

Фейерверк в карнавальную ночь над Москва-рекой.

Человек включил рубильники, и конвейер начинает свое путешествие. На конвейере стоят дежи — громадные овальные чаши.

Сверху в дежу сыплется отмеренная порция муки. За мукой льется смесь воды и дрожжей.

Конвейер движется дальше.

Заработала тестомешалка. Она замешивает опару, сгоняя муку от краев к центру. У тестомешалки — металлические руки. Они работают проворнее, чем руки человека.

Дежа приподнимается на конвейере и медленно вращается, будто облегчая металлическим рукам сложную операцию замеса. Наконец опара готова.

Конвейер медленно несет дежу дальше.

Снова сыплется сверху мука, льется вода с сахаром, и опять металлические руки замешивают тесто.

Конвейер попрежнему движется дальше.

Но вот дежа поднимается и сама вываливает тесто в ковш делительной машины. Машина делит тесто на куски одинакового веса и бросает на второй конвейер. На новом конвейере полотняные люльки. Тесто «отдыхает», лежа в люльках. Через несколько минут люльки опрокидываются, и тесто по желобам падает вниз, в закаточную машину.

Здесь специальные механизмы раскатывают его в лист, свивают спиралью, придают ему форму батонов и бросают на люльки нового конвейера.

Снова короткий отдых в люльках, и батоны плавно опускаются на последний конвейер. Он устлан железными листами. Его движение плавно и медленно.

Красная площадь ночью. Впереди — темный силуэт Исторического музея. Направо — Никольские ворота Кремля. Вдали видны храм Василия Блаженного и Спасская башня.

Этот конвейер — печь хлебозавода. Сверху и снизу — над конвейером и под ним — расположились стальные трубки. В трубках — горячий пар. Он создает на конвейере точную, раз навсегда установленную температуру.

Батоны медленно путешествуют по этому печному конвейеру. Горячий пар в трубах печет хлеб, но хлеб ни на минуту не останавливается, продолжая двигаться на конвейере.

Через точно определенные промежутки времени горячие, румяные батоны падают на ленточные транспортеры. Ленты уносят их в остывочное отделение. Отсюда по лоткам хлеб попадает на разборный стол.

Так каждую ночь конвейеры московских хлебозаводов выпекают тысячи тонн хлеба. Автомобили развозят горячий хлеб по магазинам столицы.

Навстречу хлебным машинам из ворот элеваторов, холодильников, складов, с товарных перронов московских вокзалов по сонным улицам мчатся вереницы тяжелых грузовых автомобилей. Они везут горы конфет и сливочных тортов, миллионы розовых сосисок, мясные туши, золотистые яблоки, тяжелые ящики консервов, сахар, макароны, живую рыбу и нежные янтарные кексы.

Где-то на далекой окраине города вспыхнул пожар.

Жильцы бросаются к телефонам. И лишь только в телефонную трубку сказано слово «пожар», абонент тотчас же соединяется с центральной телефонной станцией пожарной охраны Москвы.

Небольшая светлая комната. Материя мягкими складками покрывает потолок и стены. Пол устлан ковром. Звуки приглушены. В этой

Новогодняя елка на площади Свердлова. Сзади виден Большой театр.

комнате не повышают голоса и не делают лишних движений. Здесь говорят почти шопотом: принимают сообщения о пожарах, передают информацию о борьбе с огнем, отдают приказания о выезде пожарных команд. Здесь время выполнения отдельных операций рассчитано по секундам...

Телефон сообщает о пожаре. Тотчас же абонент попадает в распоряжение дежурной телефонистки. Спокойный голос спрашивает адрес пожара. И абонент может назвать любой крошечный переулок Москвы, любой старый тупичок за московской заставой, но этим ни в коей мере не смутит телефонистку. В этой комнате, завешенной сукнами, знают Москву так, как, быть может, не знает ее никто: телефонистка безошибочно определит район пожара и номер соответствующей пожарной команды.

Получив адрес пожара, телефонистка нажимает три кнопки. Тотчас же на ее пульте вспыхивают двадцать семь маленьких красных лампочек. Это значит: вызваны к аппарату телефонисты всех двадцати семи пожарных частей столицы. И лишь только загорелись красные лампочки вызова, одна за другой вспыхивают рядом с ними двадцать семь зеленых горошинок: они докладывают о том, что телефонисты пожарных частей — у аппаратов.

Спокойным, четким голосом диспетчер говорит адрес пожара и приказывает выехать ближайшей команде. И этот размеренный голос слышат телефонисты всех двадцати семи пожарных команд Москвы.

За минуту до вызова в здании пожарной части обычные будни. В первом этаже стоят в полной боевой готовности автомашины — чистые, блестящие, аккуратные, будто только что полученные с завода, еще ни разу не побывавшие на пожаре.

В верхнем этаже — дежурная смена бойцов. Каждый занят своим делом.

Идут занятия по русскому языку. Несколько человек дремлют в удобных креслах. За шахматным столиком два яростных шахматиста разыгрывают очередную партию матча. Обстановка спокойной клубной комнаты. И всюду идеальная чистота...

Тревога!

Без паники и суеты, но в то же время не тратя ни одной лишней секунды, бойцы устремляются к люкам и по вертикальным

Центральный парк культуры и отдыха имени Горького.

Зимний сад в детском городке Сокольнического парка культуры и отдыха оформлен ледяными скульптурами «Тридцать три богатыря» из пушкинской «Сказки о царе Салтане».

деревянным столбам скатываются в нижний этаж. Каждый точно знает свое место. Нет ни одного лишнего жеста. Все продумано и проверено до мельчайших деталей: даже способ надевания брюк боевой брезентовой одежды, даже застегивание пряжки пояса.

С тревожным характерным гудком и звоном колокола машины выезжают из ворот.

С момента подачи тревоги до выезда пожарной части прошло всего лишь тридцать-сорок секунд.

Ночь стоит над Москвой, а под улицами и переулками Москвы бегут по проводам телефонные разговоры. Говорят вокзалы и торговые склады, магазины и холодильники. Электрическая станция на Москва-реке перекликается со своими подстанциями. Разговаривают трамвайные парки, автобусные гаражи, вокзалы метрополитена.

Все разговоры идут через громадное коричневое здание телефонной станции. В высоких светлых залах шуршат провода на столах ручных телефонисток. Чуть слышно шевелятся рычаги автоматов. Разноцветными огнями вспыхивают сигнальные электрические лампы.

Ночь подходит к концу. Столица готовится к встрече утра.

Последние влажные газетные листы выходят из ротационных машин.

Сумрачно светится широкое поле аэродрома. Дежурный радист принимает последние метеорологические сводки. Поднимается первый самолет и пропадает в предутреннем тумане.

Москвичи начинают вставать. В окнах загораются разноцветные шары абажуров.

Наступает радостное, бодрое московское утро.

СТОЛИЦА МИРА

Москве вошел в быт хороший обычай.

Каждый год в первых числах ноября преображаются витрины магазинов на улице Горького. Исчезают кексы и шелка, фрукты и музыкальные инструменты, книги и готовые костюмы. Вместо них появляются картины. Улица превращается в гигантскую картинную галлерею.

Все картины посвящены одной теме — будущий сказочный город: дома, похожие на дворцы, улицы, широкие, как площади, мраморные залы под землей, полноводная река, обрамленная гранитом, а над водой — величественные мосты.

Под картинами — лаконичные, простые, знакомые подписи:

Площадь Пушкина.

Улица Горького.

Дорогомиловская набережная.

Перед картинами останавливаются группы москвичей. Они смотрят на эти широкие магистрали незнакомого им города и подолгу не могут узнать улиц, с которыми сроднились с детства.

Наконец они находят какую-нибудь знакомую деталь — дом, сквер, зелень бульвара. Тогда шаг за шагом они начинают отыскивать на красочном полотне свою старую улицу.

Обычно это бывает нелегко.

Площадь Коммуны, пожалуй, проще всего узнать: все тот же Центральный дом Красной армии, те же пушки у подъезда и старые тенистые липы Екатерининского парка. Но на листе ватмана вместо прежнего пустыря высится белая пятиконечная громада нового теат-

ра Красной армии. Кривые переулки неожиданно распрямились, улицы расширились. Старые деревянные дома превратились в новые высокие и красивые здания. Гладкий асфальт лег на сегодняшнюю булыгу. Белые статуи появились в аллеях Екатерининского парка.

Один за другим на больших разноцветных полотнах проходят перед глазами москвичей проспекты нового города. И этот сказочный город — Москва, которой предстоит родиться по сталинскому плану реконструкции, принятому Центральным комитетом большевистской партии в июле 1935 года.

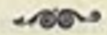
Уже к 1935 году Москва стала неузнаваемой.

Под улицами и площадями столицы проносились сияющие поезда метро. Новые магистрали, залитые асфальтом, прорезали старую Москву. Советская столица уже потребляла столько же электрической энергии, сколько вся Российская империя в 1913 году. Асфальт, электричество, газ, телефон протянулись из центра на окраины. И товарищ Сталин говорил:

«Изменился облик наших крупных городов и промышленных центров. Неизбежным признаком крупных городов буржуазных стран являются трущобы, так называемые рабочие кварталы на окраинах города, представляющие груду темных, сырых, большей частью подвальных, полуразрушенных помещений, где обычно ютится неимущий люд, копошась в грязи и проклиная судьбу. Революция в СССР привела к тому, что эти трущобы исчезли у нас. Они заменены вновь отстроенными хорошими и светлыми рабочими кварталами, причем во многих случаях рабочие кварталы выглядят у нас лучше, чем центры города».

План переделки Москвы, принятый в июне 1931 года пленумом Центрального комитета большевистской партии, был выполнен. Как же быть дальше? Где проводить новые магистрали? Какие строить дома? Куда вести новые линии метро? И какой должна быть будущая Москва? Ведь не могла же Советская страна предоставить свою столицу самой себе и дать ей развиваться стихийно, как растут столицы капиталистических стран. Нужен был новый план переделки Москвы, новая программа великой стройки.

И опять, как это было в 1931 году, вокруг плана будущей Москвы разгорелись горячие споры. Опять появились на свет нелепые предложения превратить Москву во второй Нью-Йорк или в гигантское разлапистое село. И снова московские большевики засели за разработку этого плана. И снова этой работой лично руководил товарищ Сталин.

Так родился в 1935 году генеральный план реконструкции Москвы, который получил имя своего гениального создателя — Сталина.

Большевики еще раз повторили: Москве никогда не быть ни городом небоскребов, ни гигантской деревней. И никто не позволит взрывать древнюю Москву динамитом, чтобы на ее развалинах создать какой-то другой, никому неведомый, чужой город.

За основу будет взята старая Москва — ее радиальные и кольцевые магистрали, но они будут перепланированы, упорядочены, расширены.

Новые дома на шоссе Энтузиастов, построенные для рабочих Прожекторного завода имени Л. М. Кагановича.

Москве тесно на ее площади в двадцать восемь тысяч гектаров. Ее придется расширить вдвое, заселив самые здоровые и красивые окрестности старой Москвы. Но это не значит, что на новой гигантской территории население города будет расти безгранично. Пять миллионов человек — вот тот предел, которого через десять лет достигнет население будущей Москвы: в советской столице не должно быть тесноты, скученности, сутолоки.

Железнодорожные линии, глубоко входя в город, разрезают его на части. Значит — надо вынести железнодорожные пути за город, а некоторые из них спрятать в просторные и светлые тоннели.

В Москве остались от старого мелкие мастерские, фабрички, заводики — грязные, закоптелые, дымные. Их надо убрать из нового города и запретить строить новые промышленные предприятия на территории будущей прекрасной столицы.

Москва скоро станет портом пяти морей. Москва-река, закованная в гранит, превратится в широкую полноводную магистраль. На ее берегах много простора, солнца, воздуха. И прекрасные набережные Москва-реки станут основным проспектом столицы.

На огромной юго-западной территории, за лесистыми склонами Ленинских гор, на пустынном и заброшенном месте вырастет самый красивый и самый здоровый район новой Москвы. По высоким холмам, среди дубовых рощ пройдут широкие улицы. Кружевные фермы мостов повиснут над глубокими оврагами. Пологие гранитные лестницы поведут москвичей к пассажирским пристаням и водно-спортивным

базам яхт-клубов. Внизу будет лежать глубокая Москва-река с ее мостами, украшенными бронзой, нержавеющей сталью и скульптурными группами. А дальше, за извилинами реки, раскинется помолодевший город: Красная площадь, расширенная вдвое, сотни новых школ, театров, клубов, новые асфальтовые магистрали, а на них — густой поток троллейбусов и автомобилей.

Рядом с тоннелями метрополитена под улицами и площадями столицы лягут тоннели коммунальных сооружений. Здесь будут газовые магистрали: в них каждый год потечет на заводы и фабрики в дома и лаборатории шестьсот миллионов кубических метров газа. Здесь будут водопроводные трубы: они дадут Москве ежедневно сто восемьдесят миллионов ведер чистой воды — сто восемьдесят миллионов вместо сорока восьми миллионов в 1934 году. Рядом расположатся телефонные и электрические кабели, канализационные трубы и магистрали теплоцентралей, несущие в предприятия и дома столицы горячую воду, пар и тепло.

Раньше старую Москву окружало кольцо грязных свалок. Теперь за чертой города встанет десятикилометровая полоса зеленых массивов, тенистых парков, искусственных озер, стадионов и водных станций.

Инженеры нанесли на план древней столицы направление новых магистралей. Стройный узор красных линий лег на карту старого города. И план Москвы преобразился. Это был план помолодевшего города — с широкими улицами и просторными площадями, с зелеными парками и гигантскими водными просторами.

Дополнением к этому плану должны были послужить перспективы новых зданий, спроектированных лучшими советскими архитекторами.

Архитекторы столицы трудились не покладая рук. Генеральный план намечал гигантскую программу жилищного строительства: надо было дать столице столько же жилой площади, сколько она имела в 1935 году. За десять лет в Москве, прожившей восемь столетий, предстояло построить вторую Москву.

Таков был размах сталинского плана.

Шли годы. В витринах улицы Горького попрежнему выставлялись проекты будущей Москвы. Но каждый год отдельные архитектурные фантазии сходили с витрин на землю, обрастали асфальтом, металлом, гранитом, розовым туфом, и в Москве с невиданной быстротой рождались новые улицы, новые набережные, мосты, подземные тоннели метрополитена...

Москвичи хорошо помнят строительство набережных.

Громыхая и урча, падала двухтонная «баба» на окованные металлом торцы деревянных свай. Вдоль набережной росла двойная цепь толстых столбов, глубоко вколоченных в землю. Бетонщики закрепляли на сваях железную арматуру. Тесаные плиты гранита осторожно ползли на канатах вниз по береговому откосу. Каменщики заглаживали цементом швы, мыли и протирали шершавый гранит.

Над излучинами Москва-реки медленно и низко летел самолет. В кабине самолета сидели архитекторы, художники, инженеры, скульпторы. Они изучали каждый поворот реки, каждую неровность берегов. Фотограф, спустив вниз объектив аппарата, снимал извилистую серебряную ленту реки.

На Кремлевской набережной лег широкий асфальтовый проспект

Вечером пассажиры самолета собрались в кабинете секретаря Московского комитета большевиков.

На столах рядом с еще не просохшими фотографиями реки лежали серые, голубые, золотистые, розовые гранитные плиты. На стенах висели проекты будущего города: гранитные набережные, фонтаны, парки, фасады высоких мраморных домов, смелые арки мостов и цветы, цветы без конца.

В просторном кабинете шли горячие споры о бронзе и нержавеющей стали новых мостов, о скульптуре фонтанов, о цвете гранита, об узоре чугунной решетки и об аллее красных роз вдоль асфальтовой магистрали.

Поздно ночью разъезжались по домам участники заседания. А на реке попрежнему тяжело ухали паровые молоты и в ярком свете прожекторов из темноты возникали строгие линии гранитной набережной.

...В тот год, когда пленум Центрального комитета большевистской партии утверждал генеральный план реконструкции столицы, в нескольких километрах от Москвы, за обочиной Ленинградского шоссе, на берегу маленькой речушки Химки, рос лопух и мирно паслись коровы.

Через два года здесь со сказочной быстротой вырос молодой парк. На клумбах зацвели тысячи цветов. А в глубине парка появилось прекрасное здание из гранита и мрамора невиданной архитектуры.

Издали оно напоминает гигантский двухпалубный пароход. В центре — капитанский мостик, увенчанный высоким шпилем из не-

ржавеющей стали. На высоте восьмидесяти метров сияет на шпиле золотая пятиконечная звезда.

Главный вход украшен фарфоровыми дисками с изображениями Кремля, Дворца Советов, мавзолея Ленина, театра Красной армии, Днепрогэса. Со стороны Ленинградского шоссе на фарфоровых дисках изображены прославленные корабли: «Аврора», «Красин», «Товарищ», каравелла Колумба.

Пологая гранитная лестница ведет на бетонную пристань. У каменных причалов пристани плещутся воды широкого Химкинского озера.

Это здание называется Северным речным портом Москвы. На его фасаде можно было бы выбить надпись:

«Порт трех морей — Белого, Балтийского, Каспийского».

Отсюда корабли могут плыть в Сороку на Белом море, в Ленинград на Балтике, в Астрахань на Каспии.

Башня управления шлюзом № 3 на канале Москва — Волга. На вершине башни стоит модель каравеллы Колумба.

Белоснежный двухпалубный теплоход «Иосиф Сталин», флагман нового флота канала Москва — Волга, отчалив от пристани порта, берет курс в столицу.

Флагман плывет по обновленной полноводной реке, мимо зеленых Ленинских гор, мимо Центрального парка культуры, мимо древнего Кремля. Гранитные набережные обрамляют реку. И многоэтажные громады новых зданий стоят на этой основной магистрали будущей Москвы.

«Иосиф Сталин» плывет под арками новых мостов, повисших над рекой.

Лишь немногие мосты земного шара могут поспорить с новыми московскими мостами по длине своих пролетов. И в мире нет ни одного городского моста, который был бы шире любого московского.

Подобно станциям метро, подобно шлюзам канала Москва — Волга, каждый из шести новых мостов прекрасен по-своему.

Краснохолмский мост, длиною в семьсот пятьдесят пять метров, — самый крупный из всех мостов Москвы. Семь стальных

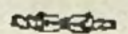
арок повисли над рекой. Двадцать восемь массивных колонн, облицованных снизу полированным гранитом и увенчанных бронзовыми капителями, поддерживают железобетонные балки, перекрывающие набережные.

Крымский мост — самый красивый мост столицы. Он висит над рекой на гигантских цепях, перекинутых через четыре высокие башни, отделанные нержавеющей сталью. Мост весит десять тысяч тонн, но ажурное плетение цепей делает его издали прозрачным и легким.

...Теплоход плывет по широкой реке. На берегах скрежещут экскаваторы, приготовляя фундаменты для новых домов, гигантские краны подают на леса строительные материалы, и глухой гул слышится там, где недавно стоял храм Христа-спасителя и где скоро вырастет гигантский Дворец Советов.

Водный стадион «Динамо» на Химкинском водохранилище. Впереди — уголок мужского солярия. Вдали — вышка для прыжков

Тому, кто просматривал тысячи чертежей, собранных в московских планировочных мастерских, кому посчастливилось побывать в научных институтах, кто беседовал с архитекторами, строителями, учеными, тому из груды ватманов и кáлек, из длинных таблиц и толстых докладных записок вырисовывается облик будущей Москвы.

Новая Москва, конечно, будет не совсем такой, какой мы ее представляем. Она, несомненно, будет ярче, прекраснее, величественнее, потому что в нашей Советской стране самые богатые фантазии обычно отстают от жизни.

Но все-таки давайте фантазировать.

Это будет через несколько лет...

• •

Восточный экспресс миновал станцию Голутвин. Промелькнули гигантские корпуса Коломенского завода, залитая светом трансформаторная станция и высокие ажурные мачты электропередачи «Куйбышев — Москва». На запасных путях теснились десятки только что выпущенных советских электровозов «ВМ» — «Вячеслав Молотов».

Иван Артемьевич Герасимов, председатель колхоза «Красная поляна», ехал в Москву на съезд партии. Несколько лет он прожил в деревне. Последний раз он был в столице в 1939 году.

В купе все располагало к покою, но Ивану Артемьевичу не сиделось. Накинув на плечи шубу, он вышел на площадку, приоткрыл дверь и, взявшись за холодные поручни, выглянул наружу.

Ветер сердито рвал с него шубу. В мелькающей тьме косились клочья снежной замети. Где-то вдали мелькнул и исчез огонек.

Экспресс, громыхая на рельсовых стыках, легко взял небольшой подъем, и вдруг за поворотом возникло бесконечное море огней. В самом центре этого мерцающего огненного половодья, далеко в высоте, над миллионами светящихся точек, рядом с тучами, вырисовывался туманный силуэт колоссальной человеческой фигуры. Гигантская рука статуи была простерта над мировым городом...

— Ленин... — прошептал Иван Артемьевич. — Дворец Советов...

В шесть часов вечера экспресс подошел к перрону Казанского вокзала.

Иван Артемьевич вышел на хорошо знакомую ему Комсомольскую площадь и... не узнал ее.

Не было больше нависшей над площадью старой, безобразной эстакады. Близ вокзала высился грандиозный монумент. На пьедестале его горели слова: «Ленинскому комсомолу». По обеим сторонам площади, вдоль широких тротуаров, серебрились покрытые инеем ели.

Площадь была заполнена автомобилями. Два потока их, поблескивая лаком и никелем, безостановочно неслись вдоль площади, уходя на продолжающие ее просторные прямые магистрали.

«Туговато здесь приходится пешеходу», сокрушенно подумал Иван Артемьевич.

Впрочем, на площади не было видно ни единого пешехода. Иван Артемьевич заметил под небольшим навесом два бесшумно движущихся широких эскалатора. Один из них беспрерывно выбрасывал пешеходов на тротуар, другой уносил их под землю, чтобы доставить на противоположную сторону площади.

На темном фоне зимнего неба ярко горели бесчисленные световые рекламы:

«Лучший подарок — двухместный спортивный самолет «Воздушная блоха».

«Управление гражданского воздушного флота сообщает: с 1 марта воздушные экспрессы Москва — Лондон — Нью-Йорк и Москва — Сан-Франциско отправляются два раза в сутки: в 10 часов 15 минут и в 23 часа 30 минут».

Слева забавно гримасничала веселая физиономия клоуна. Из широко открытого рта его струилась по небу надпись:

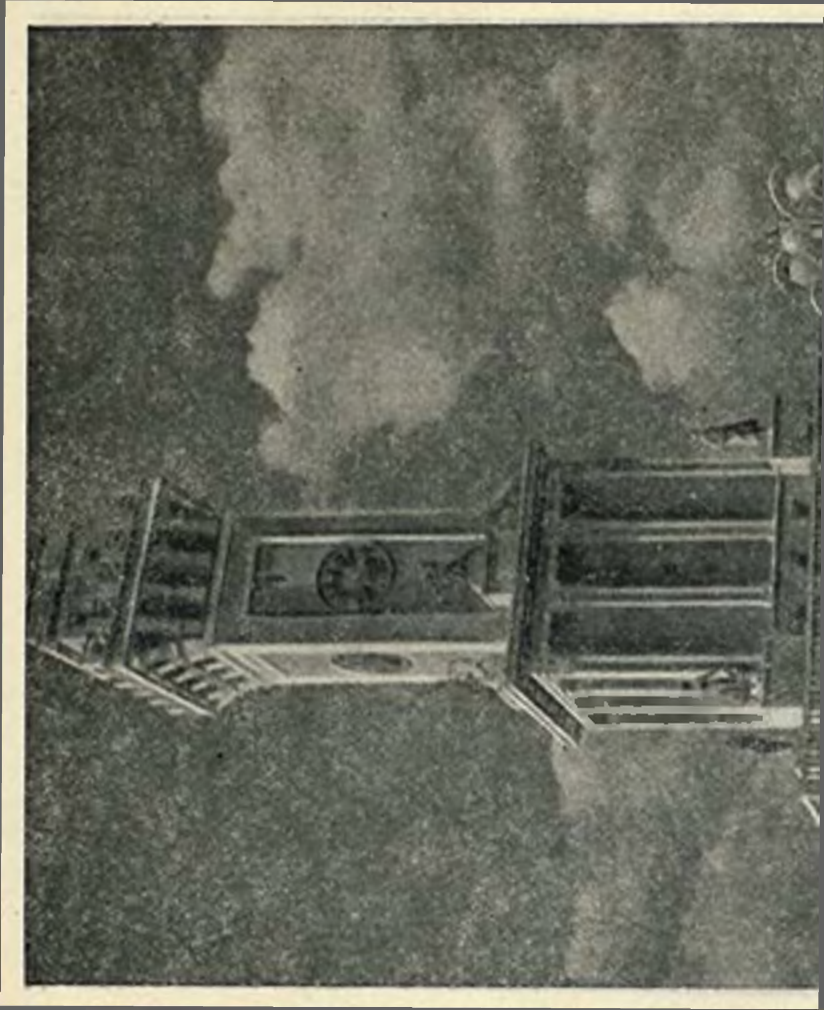
«Иван Иванович Неунывающий приглашает всех московских ребят на детский карнавал на льду Химкинского водоема».

Следуя указанию светящейся стрелки, Иван Артемьевич направился к стоянке такси и уселся рядом с шофером в новенькой машине «ЗИС-117»:

— Магистраль Север — Юг, угол Добрынинской и Люсиновской.

Иван Артемьевич скоро заметил, что шофер везет его не по улице Кирова, как он ожидал, а по какой-то новой, значительно более широкой улице. Над воротами одного из домов Иван Артемьевич прочел: «Новокировская». Это была новая улица, прорубленная сквозь сутолоку старых домов.

Машина подошла к Садовой-Спасской. По ней в несколько рядов нескончаемым потоком неслись машины. Но «ЗИС-117» не остановился у светофора, потому что светофора не было.

На крыше Химкинского вокзала канала Москва — Волга.

Новый Москворецкий мост через Москва-реку. Вдали видны храм Василия Блаженного, въезд на Красную площадь и кремлевские стены.

За несколько десятков метров до Садовой «ЗИС-117» немного замедлил ход и очутился в открытой пологой выемке. Опустившись метров на шесть, машина нырнула в ярко освещенный тоннель и, проехав под Садовой-Спасской, вышла на такую же плавно подымающуюся открытую выемку по другую сторону Садовой: в новой Москве оживленные магистрали пересекались в разных уровнях...

«ЗИС-117» несся по площади Дзержинского, и первое, что броси-

Новый Крымский мост через Москва-реку. Слева — гранитная лестница на мост со стороны набережной.

лось в глаза, — это ее небесно-голубой цвет: площадь была залита цветным асфальтом.

Перед зданием Народного комиссариата внутренних дел стоял гигантский памятник, поднятый на высоту пятиэтажного дома. В тонкой лепке лица сразу узнавался Феликс Эдмундович Дзержинский.

Справа от памятника стояло величественное четырнадцатиэтажное здание. Высоко поднятая арка соединяла его с таким же громадным

Новый кинотеатр «Родина».

соседним зданием. А по другую сторону площади начиналась новая, широкая, прямая, как стрела, улица, прорубленная сквозь Китай-город. В конце ее виднелись мавзолей, зубчатые стены древнего Кремля и полощущийся по ветру красный флаг над зданием правительства.

Спускаясь по Театральному проезду, «ЗИС-117» свернул налево и неожиданно опять нырнул в тоннель, ловко обогнав перед въездом в него огромный двухэтажный автобус.

Тоннель казался бесконечным: он шел под всем Китай-городом, и длина его превышала километр.

Через полторы минуты машина вышла на Красную площадь, позади храма Василия Блаженного. Вдаль тянулась дуга Москворецкого моста, залитого ярким светом молочно-белых фонарей. У въезда на мост, по сторонам, стояли две громадные скульптурные группы из нержавеющей стали. В одной из них во главе бешено мчащейся лавины конников несся Чапаев. В другой — окруженный своими боевыми товарищами, на приступ вражеских окопов шел Щорс. А позади все огромное пространство Красной площади было залито бледнорозовым асфальтом, и на месте тяжеловесного здания Верхних торговых рядов раскинулись высокие, обрамленные колоннадой трибуны, растянувшиеся во всю длину площади...

Машина шла по Москворецкому мосту. Навстречу ей бесшумно пронесся двухэтажный трамвай. В большом зеркальном окне вагона мелькнули двое военных, склонившихся над шахматной доской...

Проехали Чугунный мост. Машина остановилась у подъезда десятиэтажного здания на углу Люсиновской и Добрынинской площади.

Оранжевая площадь была обрамлена темносиними тротуарами. В морозном воздухе мелькали хлопья пушистого снега. Но на площади не было заметно ни единой снежинки: при первом же прикосновении к асфальту они мгновенно таяли.

Расплачиваясь с шофером, Иван Артемьевич почувствовал под ногой тепло тротуара: под асфальтом была скрыта густая сеть теплофикационных труб.

Иван Артемьевич вошел в просторный вестибюль. Но не успел он сделать и двух-трех шагов, как неожиданное прикосновение заставило его опустить глаза: выскочившие неведомо откуда две пушистые щетки быстро проехались по его сапогам и исчезли так же внезапно, как появились.

Мягкий отраженный свет лился с потолка. Широкая пологая лестница была покрыта ковровой дорожкой. На мраморной стене сияла неоновая надпись: «Лифт».

На площадке шестого этажа лифт остановился. Из двери Иван Артемьевич увидал эмалированную дощечку: «Доктор медицинских наук С. И. Герасимов».

Сына дома не оказалось. Ивана Артемьевича встретил внук Юрий, десятилетний пионер. Он усадил деда в мягкое кресло у письменного стола и предупредительно осведомился, не курит ли дедушка.

Потянувшись за папиросой, Иван Артемьевич отодвинул маленький черный ящик. Но как только он коснулся его полированной крышки, из глубины ящика раздался укоризненный женский голос:

— Сережа, опять подвел! А я ждала... Разве можно так обманывать жену!

Три глухих гудка, и из ящика загрохотал веселый баритон:

— Сергей, говорит Михаил! Всякой волоките есть предел! Твой буер беру я. Идем с Павлом в Каширу.

Снова три гудка, и ящик официальным тоном сообщил:

— Товарищ Герасимов, ваш доклад «Итоги десятилетней работы над продлением человеческой жизни» назначается на двадцать пятое марта, в конференц-зале университета.

Говорящий ящик не на шутку смутил Ивана Артемьевича. Но Юрий обстоятельно разъяснил, что это не ящик, а телеграфон, что папе звонили, но его не было дома, и телеграфон записал, а дедушка неловко нажал кнопку, и телеграфон передал ему свои звуковые записи.

Потом Юрий серьезно спросил, какой климат предпочитает де-

Комбинат «Правды». В этом здании помещаются редакции «Правды», «Комсомольской правды», «Пионерской правды» и ряда журналов.

Новое здание Всесоюзной библиотеки имени Ленина ночью. Впереди — наземный вестибюль станции метро «Улица Коминтерна».

душка. Иван Артемьевич, думая о другом, опрометчиво ответил, что, мол, почти всю свою жизнь он прожил на Урале и потому предпочитает северный климат.

Юрий бросился в угол и с полминуты возился у какого-то аппарата, вделанного в стену.

Через некоторое время в комнате стало холодновато. Иван Артемьевич ежился, потирал руки и наконец осведомился, не открыто ли окошко в соседней комнате. И снова мальчик обстоятельно объяснил дедушке, что у них в квартире, как и почти во всех новых московских домах, работает кондиционная установка, что он, Юрий, заведует погодой и, желая удружить деду, устроил ему уральский климат. Но если дедушка недоволен, он тотчас же переведет стрелку на более умеренный...

В половине восьмого Иван Артемьевич заторопился. Вместе с внуком он спустился в вестибюль.

На голубом мраморе стены было расположено несколько кнопок. Над каждой кнопкой — две крошечные, величиной с горошину, электрические лампочки. Выше — матовый экран. И лампочки и экран были темны.

Юрий нажал одну из кнопок — и тотчас же вспыхнула зеленая лампочка, и на темном экране быстро пронесся яркий силуэт автомобиля.

— Все в порядке, — сказал Юрий. — Через минуту такси будет у подъезда.

Подъехав к Дворцу Советов, Иван Артемьевич убедился, что в его распоряжении еще добрых полчаса. И он решил обойти вокруг дворца.

Перед главным входом на небольшой высоте неподвижно покачивались в воздухе два серебристых привязных аэростата. Между ними, подвешенный на толстых тросах, спускался громадный экран телевизора. Перед ним уже собралась многотысячная толпа москвичей.

Дворец Советов

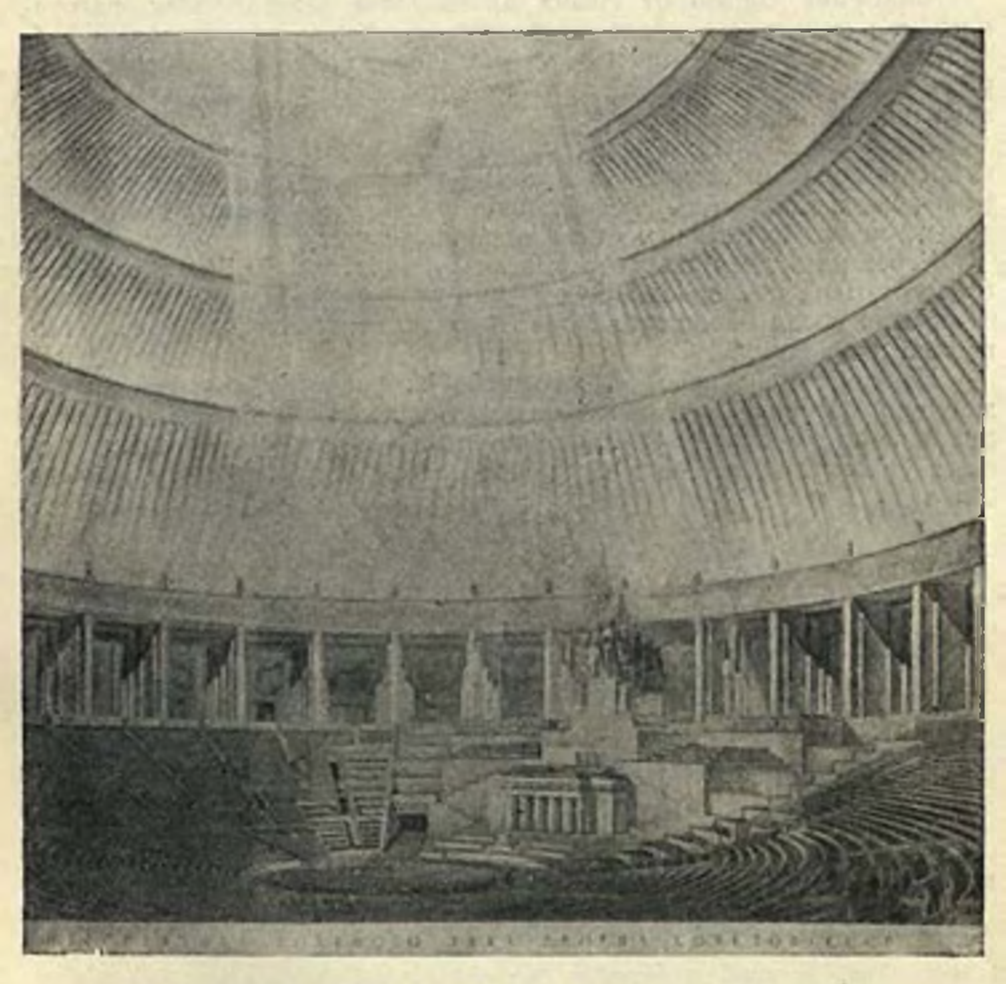
Они ждали. Скоро на белом фоне экрана возникнет трибуна Большого зала, появятся знакомые лица вождей, и радиорупоры разнесут над Москвой речи ораторов.

Иван Артемьевич шел дальше...

На фасаде дворца, окружая его со всех сторон, на три километра в длину растянулась высеченная из гранита лента барельефа. Перед Иваном Артемьевичем проходила история героической борьбы угнетенных всего мира за лучшее будущее, за счастье человечества. Он видел колонны рабов, восставших против гордого Рима, предводительствуемые мужественным Спартаком; толпы немецких крестьян, штурмующих мрачные замки феодалов под знаменем истоптанного башмака; русокудрого великана Ивана Болотникова, ведущего свою сермяжную рать на боярскую Москву; провозглашение Парижской коммуны и взятие Зимнего дворца...

За четверть часа до открытия съезда Иван Артемьевич через 38-й подъезд вошел во дворец и поднялся на лифт-экспрессе.

Перед ним раскрылась бесконечная анфилада огромных фойе: мрамор, цветы, картины, скульптура. В одном из фойе Иван Артемьевич долго стоял перед бронзовым бюстом своего старого друга, Героя социалистического труда агронома Митрофана Федоровича Завьяло-

Большой зал Дворца Советов.

ва. И снова шел дальше. И не было конца нарядным, торжественным залам.

В фойе царил свой особенный, присущий только ему климат. Знойный, сухой воздух казахских степей, аромат цветущих вишневых садов Украины, смоляной запах хвойного вологодского леса и теплый воздух залитого солнцем Черноморского побережья. И Ивану Артемьевичу чудилось, будто он совершает сказочное путешествие по необъятным просторам своей страны.

За несколько минут до начала заседания Иван Артемьевич занял свое депутатское место.

Много раз видел он фотографии Дворца Советов, но только сейчас по-настоящему ощутил, как грандиозен Большой зал. Казалось, он может вместить в себя добрую половину обитателей его старой родной Уфы.

Зал шумел, как морской прибой. Друзья обменивались веселыми приветствиями. Пневматическая почта принесла Ивану Артемьевичу записку от его друга из ложи Героев Советского Союза...

В девять часов из-за стола президиума поднялся человек, имя которого знали все без исключения люди на земле.

Товарищ Сталин начал свой доклад.

Сидевший справа от Ивана Артемьевича делегат-узбек, нагнувшись к ручке своего кресла, передвинул стрелку маленького циферблата на деление с надписью «узбекский» и приложил к уху трубку радиотелефона. На циферблате у соседа слева стрелка была установлена на делении «казахский».

В изолированных кабинах, скрытые от глаз присутствующих, десятки опытных переводчиков мгновенно переводили и транслировали речь вождя. Слова товарища Сталина, родные и понятные всему трудящемуся человечеству, неслись над миром...

Через пять дней Иван Артемьевич уезжал домой. Восточный экспресс отходил поздно ночью.

Когда поезд отошел уже довольно далеко, Иван Артемьевич вышел на площадку.

На фоне морозного темного неба он различил смутный силуэт знакомой фигуры Ленина. Неожиданно вспыхнувшие лучи прожекторов зажгли благородную сталь памятника ярким серебристым блеском. И над Москвой, над Страной Советов засиял образ великого Ленина.

ХРОНИКА ОСНОВНЫХ МОСКОВСКИХ СОБЫТИЙ

1147 год. Первое летописное упоминание о Москве.

1156 год. Основание города Москвы: вокруг княжеской усадьбы построена деревянная крепостная стена.

1238 год. Нашествие Батыя, пожар Москвы и разграбление города татаро-монголами.

1326 год. Закладка в Кремле первого каменного Успенского собора.

1339 год. Вокруг Кремля при Иване Калите возводятся новые крепостные стены из дубовых бревен.

1352 год. Моровая язва в Москве.

1367—1368 годы. Постройка при Дмитрии Донском первых каменных — из белого камня — кремлевских стен.

1368—1370 годы. Набеги на Москву литовского князя Ольгерда.

1380 год. На Куликовом поле русские войска под водительством московского князя Дмитрия Донского громят татаро-монгольскую рать хана Мамая.

1382 год. Нашествие хана Тохтамыша, героическая народная оборона Кремля, измена князей, пожар и разграбление Москвы.

1450 год. В Кремле строится первый в Москве каменный жилой дом.

1475—1478 годы. Постройка нового каменного Успенского собора в Кремле.

1480 год. Свержение татаро-монгольского ига.

1485—1495 годы. Сооружение при Иване III новых, кирпичных, стен и башен Кремля, существующих и доныне.

1487—1491 годы. Сооружение Грановитой палаты в Кремле.

1508 год. Вырыт глубокий крепостной ров вдоль восточной Кремлевской стены, со стороны Красной площади.

1534—1538 годы. Возводится каменная стена вокруг Китай-города.

1547 год. Пожар Москвы и народное восстание против боярских своеволий.

1551 год. Созыв «Стоглавого собора» и составление «Домостроя».

1552 год. Московские войска завоевывают Казань.

1554—1560 годы. Постройка Покровского собора (храма Василия Блаженного) при Иване Грозном.

1564 год. Первопечатник Иван Федоров печатает в Москве первую книгу.

1571 год. Пожар и разграбление Москвы крымским ханом Девлет-Гиреем.

1586—1593 годы. Постройка стен Белого города по линии теперешнего бульварного кольца.

1591—1592 годы. Сооружение деревянных стен и земляного вала вокруг Скородома по линии теперешних Садовых улиц.

1601—1603 годы. Голод в Москве.

1605 год. В Москву въезжает Лжедмитрий — ставленник польских панов.

1606 год. Народ поднимается против польских интервентов.

Свержение Лжедмитрия.

У подмосковной деревни Котлы благодаря измене дворянских отрядов царские войска разбивают отряды крестьян, восставших под водительством Ивана Исаевича Болотникова.

1610 год. Бояре-изменники тайком впускают в Кремль польские и немецкие отряды.

1611 год. Народ поднимается на борьбу против польских интервентов. Уличные бои. Поляки поджигают Москву. Под натиском москвичей польские паны отступают в Кремль.

1612 год. Народное ополчение под водительством Минина и Пожарского освобождает Москву от поляков.

1633 год. Сооружен первый кремлевский водопровод. Вода из Москва-реки поднимается на Свиблову (Водовзводную) башню и оттуда отводится в Кремль.

1637—1640 годы. Восстановление земляного вала вокруг Земляного города на месте сгоревшей стены Скородома.
1648 год. «Соляной бунт» в Москве.
1654 год. Эпидемия чумы.
1662 год. «Медный бунт» в Москве.
1671 год. Казнь Степана Тимофеевича Разина.
1672 год. Первое театральное представление в Москве.
1686 год. Основание Славяно-греко-латинской академии.
1687—1692 годы. Сооружение Большого Каменного моста через Москва-реку.
1693 год. В Москве построена первая каменная мостовая.
1703 год. В Москве выходит первый номер первой русской газеты «Ведомости о военных и иных делах».
1713 год. У Спасских ворот Кремля открывается «кофейный дом» — первая в Москве кофейня-читальня.
Столица Российского государства при Петре Первом переносится из Москвы в Петербург.
1714 год. Царским указом запрещено возводить в Москве новые дома и ремонтировать старые: все мастера должны быть в Петербурге.
1730 год. На московских улицах установлены первые фонари.
1731 год. В Москву приходит М. В. Ломоносов и поступает в Славяно-греко-латинскую академию.
1737 год. Так называемый «троицкий» пожар Москвы.
1755 год. Основание Московского университета — первого университета в России.
1771 год. Эпидемия чумы и «чумный бунт» в Москве.
1775 год. Казнь Емельяна Ивановича Пугачева.
1784 год. Открытие в Москве первой общественной библиотеки для чтения, основанной Н. И. Новиковым.
1792 год. Окончание сноса стены Белого города. Устройство первого московского бульвара. Река Неглинка заключена в открытый канал.
1795 год. Рождение А. С. Грибоедова.
1799 год. Рождение А. С. Пушкина.
1805 год. Открытие первого Мытищинского городского водопровода.
1812 год. 26 августа (по ст. ст.) — бой под Бородином.
1 сентября французы занимают Москву.
2 сентября начинается великий московский пожар.
11 октября французская армия начинает отступление из Москвы.
1816 год. Н. М. Карамзин заканчивает под Москвой первые восемь томов «Истории государства Российского».
1817—1830 годы. Засыпан ров вокруг Земляного города. Река Неглинка заключена в подземную трубу.
1824 год. Открытие Большого театра.
1828 год. Клятва А. И. Герцена и Н. П. Огарева на Воробьевых горах.
1851 год. В Москву приходит первый поезд по только что открытой Николаевской (теперь Октябрьской) железной дороге.
1864 год. Открыт Зоологический сад.
1865 год. В Москве открыта Сельскохозяйственная выставка.
1866 год. Открытие Московской консерватории.
1872 год. На московских улицах появляется первая конка.
1880 год. В Москве открыт памятник А. С. Пушкину.
1883 год. На московских улицах загораются первые электрические дуговые фонари.
1894 год. В Москву приезжает В. И. Ленин и в том же году пишет в Москве книгу «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?»
Организован «Московский рабочий союз».
1895 год. Московские рабочие проводят свою первую маевку.
1896 год. Трагедия на Ходынке.
1897 год. В Москве возникает «Московский союз борьбы за освобождение рабочего класса».
1898 год. Первый спектакль Московского Художественного театра.
На московских улицах появляется первый электрический трамвай.
1905 год. Январская стачка: в Москве бастует свыше сорока тысяч рабочих.
Сентябрьская стачка и первые столкновения рабочих с полицией и жандармами.
Октябрьская стачка. В Москве получен царский манифест. Истомленные борьбой, сбитые с толку манифестом, под нажимом полиции и черной сотни московские предприятия возобновляют работу.
Предательское убийство Н. Э. Баумана и его похороны 20 октября.

21 ноября организован Московский совет рабочих депутатов. Рядом с Советом рабочих депутатов в Москве возникает Совет солдатских депутатов.
7 декабря выходит в свет первый номер «Известий Московского совета рабочих депутатов».
Декабрьское восстание московского пролетариата. Героическая оборона восставшей Пресни. 19 декабря царские войска занимают Пресню, разгромленную артиллерией.
Карательная экспедиция на Казанской железной дороге.

1912 год. В январе в Москве бастует пятьдесят четыре тысячи рабочих.
В августе Московский комитет большевиков в течение восемнадцати дней выпускает свою легальную газету «Наш путь».
В сентябре в ответ на закрытие большевистской газеты в Москве бастует девяносто тысяч рабочих.

1917 год. Январская забастовка.
Апрельская демонстрация. Вооружение рабочих.
Июльская демонстрация.
2 августа в Большом театре открывается Государственное совещание для мобилизации сил буржуазии и помещиков и их борьбе с нарастающей революцией. Всеобщая забастовка в Москве в день открытия Государственного совещания.
19 сентября перевыборы в Московский совет впервые дают перевес большевикам. Московские большевики энергично ведут организацию Красной гвардии.
25 октября в Москве получена телеграмма из Петрограда: «Временное правительство низложено...» Московский комитет партии мобилизует боевые отряды.
27 октября штаб восставших белогвардейцев ультимативно требует ликвидации всех действий Военно-революционного комитета. Большевики отвечают на ультиматум отказом. На улицах Москвы начинается вооруженная борьба.
29 октября белые предательски расстреливают в Кремле солдат 56-го полка и рабочих арсенала.
31 октября в Москву прибывает подкрепление, высланное из Петрограда Лениным и Сталиным.
2 ноября вооруженный народ занимает Кремль.

1918 год. 12 марта В. И. Ленин переезжает из Петрограда в Москву. Москва становится столицей Советской России.
Против здания Московского совета воздвигнут обелиск Революции.
Первый выпуск красных командиров.
Злодейское покушение на жизнь В. И. Ленина на заводе б. Михельсона.

1919 год. 18 марта в Москве открывается VIII съезд РКП(б), принявший новую программу большевистской партии.
Взрыв бомбы, брошенной эсерами в помещение Московского комитета большевиков в Леонтьевском переулке.
Первый коммунистический субботник в Москве.
Основание Коминтерна. Москва становится центром мирового коммунистического движения.

1920 год. В Москве работает IX съезд РКП(б). Съезд обсуждает вопрос о едином хозяйственном плане и электрификации страны.
VIII Всероссийский Съезд Советов утверждает ленинский план электрификации России — ГОЭЛРО.

1921 год. В Москве работает X съезд РКП(б). Съезд уделяет особое внимание единству большевистской партии и принимает решение о переходе к новой экономической политике.

1922 год. На Первом Всесоюзном Съезде Советов в Москве утверждено образование Союза Советских Социалистических Республик.
В Москве работает XI съезд большевистской партии — последний съезд с участием В. И. Ленина. Съезд подводит итоги первого года новой экономической политики. «Мы год отступали. Мы должны теперь сказать от имени партии: — достаточно! Та цель, которая отступлением преследовалась, достигнута. Этот период кончается или кончился. Теперь цель выдвигается другая — перегруппировка сил», заявляет на съезде товарищ Ленин.
В Москве выпущен первый советский автомобиль.
Каширская ГЭС дает свой первый ток Москве.
Открытие Музея Революции.
В Москве открыт Дом крестьянина.

1923 год. В Москве заседает XII съезд РКП(б). Съезд подытоживает результаты новой экономической политики за два года. «Наша партия осталась сплоченной, сплоченной, выдержавшей величайший переворот, идущей вперед с широко развернутым знаменем», заявляет на съезде товарищ Сталин.
В Москве открывается Всероссийская сельскохозяйственная выставка.
Первая московская конференция юных пионеров.
В Москве построены первые после Октябрьской революции тридцать семь километров трамвайных линий, соединяющих центр города с окраинами.
1924 год. Смерть и похороны В. И. Ленина.
В Москве работает XIII съезд большевистской партии, посвященный главным образом вопросу смычки города с деревней.
На московских улицах появляются первые автобусы и таксомоторы.
1925 год. Восстановление московского металлургического завода «Серп и молот» (б. «Гужон»).
Открыта Шатурская электростанция, дающая ток Москве.
В Москве заседает XIV съезд большевистской партии — съезд индустриализации страны. «Съезд считает, что борьба за победу социалистического строительства в СССР является основной задачей нашей партии» — записано в решениях съезда. Съезд разоблачает троцкистско-меньшевистскую сущность «новой оппозиции» Зиновьева и Каменева, утверждает новый устав партии. С XIV съезда большевистская партия начинает называться Всесоюзной коммунистической партией (большевиков) — ВКП(б).
1926 год. В Москве открывается Институт Ленина.
1927 год. В Москве работает XV съезд ВКП(б). Съезд выносит решение о всемерном развертывании коллективизации сельского хозяйства. Съезд постановляет: «Развивать дальше наступление на кулачество и принять ряд новых мер, ограничивающих развитие капитализма в деревне и ведущих крестьянское хозяйство по направлению к социализму». Съезд дает директиву о составлении первого пятилетнего плана народного хозяйства и громит троцкистско-зиновьевский блок.
1928 год. В Москве на VI конгрессе Коминтерна принята новая программа Коминтерна.
Открытие Центрального дома Красной армии.
Открыт Центральный парк культуры и отдыха имени Горького.
1929 год. V Всесоюзный Съезд Советов принимает план первой пятилетки.
Открыта Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина.
В Москву приходят первые электрические поезда Ярославской железной дороги.
Постройка первого хлебозавода в Москве.
Открыт Московский планетарий.
1930 год. В Москве работает XVI съезд большевистской партии — съезд развернутого наступления социализма по всему фронту. «Мы находимся накануне превращения из страны а г р а р н о й в страну и н д у с т р и а л ь н у ю», заявляет на съезде товарищ Сталин.
Смерть В. В. Маяковского.
Первый советский дирижабль «Комсомольская правда» совершает полет над Москвой.
1931 год. Июньский пленум Центрального комитета ВКП(б) принимает резолюцию о московском городском хозяйстве и о развитии городского хозяйства СССР.
Вступает в строй Московский автомобильный завод имени Сталина.
Первый советский тепловоз прибывает в Москву.
1932 год. Вступает в строй величайший в мире Московский шарикоподшипниковый завод имени Л. М. Кагановича.
Пущен первый в СССР завод-гигант режущих инструментов «Фрезер».
Вступает в строй завод контрольно-измерительных приборов «Калибр».
1933 год. Первый советский стратостат «СССР» поднимается на высоту 19 километров.
В Москве начинает работать Мясокомбинат.
На московских улицах появляются первые троллейбусы.
1934 год. В Москве заседает XVII съезд большевистской партии — «съезд победителей». «СССР за этот период преобразился в корне, сбросив с себя обличие отсталости и средневековья. Из страны аграрной он стал страной индустриальной. Из страны мелкого единоличного сельского хозяйства он стал страной коллективного крупного механизированного сельского хозяйства. Из страны темной, неграмотной и некультурной он

стая — вернее, становится — страной грамотной и культурной, покрытой громадной сетью высших, средних и низших школ, действующих на языках национальностей СССР» (Сталин).
Переезд в Москву Академии наук СССР.

1935 год. Центральный комитет ВКП(б) и Совет народных комиссаров СССР принимают Генеральный план реконструкции Москвы.
Открыта первая очередь московского метрополитена имени Л. М. Кагановича.

1936 год. Чрезвычайный VIII Съезд Советов в Москве утверждает Сталинскую Конституцию СССР.
Смерть А. М. Горького.
В Москве открывается Музей В. И. Ленина.

1937 год. Героический перелет В. П. Чкалова через Северный полюс в США.
Впервые флотилия теплоходов, пройдя по каналу Москва — Волга, останавливается у стен древнего Кремля.

1937—1938 годы. В Москве сооружено девять мостов-гигантов через Москва-реку и Водоотводный канал.

1938 год. Москва торжественно встречает героев-папанинцев.
В «Правде» начинает печататься «Краткий курс истории ВКП(б)».
В Москве открывается Международный геологический конгресс.

1939 год. XVIII съезд большевистской партии утверждает план третьей пятилетки и намечает пути постепенного перехода от социализма к коммунизму.

ОПИСЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

дожника в рукописи 1672 года. Литография из изданной в Москве в 1856 году рукописи 1672 года «Книга об избрании Михаила Федоровича на царство». Московский коммунальный музей.

45 ... *Так называемый Сигизмундов план Москвы.* Рисунок художника Иоганна-Готфрида-Абеляна Филиппа. Гравюра Луки Килиана. 1610. Государственный Исторический музей.

51 ... *Осада Троице-Сергиевской лавры.* Картина художника К. В. Лебедева (масло). 1898. Государственная Третьяковская галлерея.

53 ... *Сражение Козьмы Минина-Сухорука с поляками у Крымского брода.* Картина художника Р. Штейна. Цинкография из журнала «Искры» за 1912 год.

55 ... *Вступление князя Д. М. Пожарского в Кремль 25 октября 1612 года.* Картина художника Р. Штейна. Гравюра на дереве из журнала «Нива» № 36 за 1885 год.

62 ... *Подмосковные крестьяне приносят жалобу на притеснения бояр царю Алексею Михайловичу при возвращении его с богомолья от Троицы.* Рисунок художника К. Лебедева. 1894. Гравюра на дереве из журнала «Нива» № 1 за 1895 год.

63 ... *«Соляной бунт» 1648 года в Москве.* Акварель художника Э. Лисснера. 1938. Московский коммунальный музей.

65 ... *«Медный бунт» 1662 года.* Макет археолога М. В. Городцова «Медный бунт» в селе Коломенском 25 июля 1662 г.». 1937. Государственный Исторический музей.

67 ... *Степана Разина везут на казнь.* Рисунок художника Г. Ньюкомба. Английская гравюра из книги «Реляция о подробностях восстания, недавно поднятого Степаном Разиным в Московии...» Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина.

71 ... *«Царь едет!»* Гуашь художника С. В. Иванова. 1902. Государственная Третьяковская галлерея.

73 ... *Красная площадь второй половины XVII века.* Картина академика живописи А. М. Васнецова (масло). 1925. Московский коммунальный музей.

75 ... *Обучение грамоте в середине XVII века.* Рисунок неизвестного художника. Гравюра из книги «Азбуковник» (букварь) В. Бурцева. Москва, 1637. Государственный Исторический музей.

76 ... *Внутренность посольского двора в Китай-городе.* Рисунок художников Шюмана и Шторна, состоявших в свите австрийского посла Августина Мейерберга в 1661—1662 годах. Гравюра из «Альбома Мейерберга. Виды и бытовые картины России XVII века. Рисунки Дрезденского альбома, воспроизведенные с подлинника в натуральную величину». СПБ, 1903. Московский коммунальный музей.

77 ... *Крестец в Китай-городе.* Автолитография академика живописи А. М. Васнецова. 1922. Альбом «Древняя Москва», издательство «Берендей».

78 ... *Лавка московского ремесленника.* Рисунок из книги Адама Олеария «Описание путешествия в Московию», изданной в 1647 году. Подлинный рисунок принадлежит, вероятно, ему же, Олеарию. Государственный Исторический музей.

79 ... *Свадебный пир.* Картина художника К. Маковского (масло). Государственная Третьяковская галлерея.

80 ... *Старое устье реки Неглинки.* Акварель академика живописи А. М. Васнецова. 1924. Московский коммунальный музей.

81 ... *Мясницкие ворота Белого города.* Акварель академика живописи А. М. Васнецова. 1926. Московский коммунальный музей.

83 ... *Московская улица в первой половине XVII века.* Рисунок из книги Адама Олеария «Описание путешествия в Московию», изданной в 1647 году. Подлинный рисунок принадлежит, вероятно, ему же, Олеарию. Государственный Исторический музей.

84 ... *Стрелецкий голова.* Рисунок из дневника шведского офицера Эрика Пальмквиста «Несколько замечаний о России, о ее дорогах, укреплениях, крепостях и границах во время последнего королевского посольства к московскому царю». Дневник составлен в 1674 году. Впервые издан в Стокгольме в 1898 году в виде факсимиле. Государственный Исторический музей.

85 ... *Лубяной торг на Трубе.* Акварель академика живописи А. М. Васнецова. 1926. Московский коммунальный музей.

87 ... *Городской сторож.* Рисунок художника Панова. Из книги М. И. Пыляева «Старая Москва». С.-Петербург, 1891.

93 ... *Всехсвятский каменный мост и вид на Кремль в конце XVII века.* Автолитография академика живописи А. М. Васнецова. 1922. Альбом «Древняя Москва», издательство «Берендей».

95 ... *Сухарева башня.* Гравюра с рисунка художника Аркадьева. Первая половина XIX века. Московский коммунальный музей.
96 ... *Головинский дворец.* Гравюра Генриха де-Вита. Начало XVIII века. Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина.
97 ... *Ботик Петра I.* Гравюра А. Зубова. Начало XVIII века. Собрание Д. А. Ровинского. Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина.
99 ... *Утро стрелецкой казни.* Картина В. И. Сурикова (масло). 1881. Государственная Третьяковская галлерея.
101 ... *Царевна Софья.* Картина И. Е. Репина (масло). 1879. Государственная Третьяковская галлерея.
102 ... *Преследование старорусской одежды при Петре I.* Картина и гравюра голландского художника Т. К. Филипса. 1742. Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина.
103 ... *Бородовой знак.* Рисунок из книги В. Н. «Из истории Москвы 1147—1703». Москва, 1896, стр. 250.
104 ... *Школа петровского времени.* Рисунок неизвестного художника. Гравюра из «Букваря» Федора Поликарпова. Москва, 1701. Государственный Исторический музей.
105 ... *Вид на Кремль в начале XVIII века.* Рисунок и гравюра амстердамского гравера и мастера рисовального и гравировального дела Петра Пикара. Москва, 1710—1711. Часть панорамы Москвы. Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина.
107 ... *Вид на Кремль в начале XVIII века.* Рисунок и гравюра амстердамского гравера и мастера рисовального дела Петра Пикара. Москва, 1710—1711. Часть панорамы Москвы. Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина.
108 ... *Триумфальный въезд Петра I в Москву после Полтавской победы 21 декабря 1709 года.* Рисунок и гравюра Алексея Зубова. С.-Петербург, 1711. Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина.
109 ... *Границы Российского государства в 1689 году.* Карта работы С. В. Прохорова.
115 ... *М. В. Ломоносов.* Рисунок художника Морица Шрейера. Середина XVIII века. Гравюра И. Ф. Дейнингера. Собрание Д. А. Ровинского. Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина.
119 ... *Воскресенский мост в конце XVIII века.* Акварель академика живописи А. М. Васнецова. 1926. Московский коммунальный музей.
120 ... *Ф. Г. Волков, основатель русского театра.* Рисунок неизвестного художника конца XVIII века. Гравюра из собрания Д. А. Ровинского. Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина.
121 ... *Красная площадь в конце XVIII века (южная часть).* Акварель художника Н. Мартынова конца XIX века с картины Ф. Гильфердинга. 1781. Государственный Исторический музей.
123 ... *Вид Театральной площади в начале XIX столетия.* Акварель неизвестного художника. Фото-типо-гравюра из книги «Старая Москва». Издание Комиссии по изучению старой Москвы при Московском археологическом обществе. Москва, 1912.
125 ... *Вид Яузского моста и дома Шапкина в конце XVIII века.* Рисунок художника Герарда Делабарта. 1797. Гравюра Ф. Лорье. 1799. Государственный Исторический музей.
127 ... *Игры простолюдинов на улицах Москвы.* Рисунок и гравюра художника Ф. Дюрфельда. Цветная гравюра конца XVIII века. Государственный Исторический музей.
129 ... *Большой Каменный мост в начале XVIII века.* Рисунок и гравюра амстердамского гравера и мастера рисовального и гравировального дела Петра Пикара. Москва, 1710—1711. Часть панорамы Москвы. Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина.
131 ... *Вид Подновинского предместья в Москве.* Рисунок художника Герарда Делабарта. Москва, 1795. Гравюра Г. Гутенберга. Московский коммунальный музей.
132 ... *Казнь Е. И. Пугачева.* Рисунок художника А. Шарлеманя. Гравюра из журнала «Северное сияние», т. III, СПБ, 1864.
133 ... *Н. И. Новиков.* Портрет работы неизвестного художника конца XVIII века (масло). Гравюра из собрания Д. А. Ровинского. Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина.
135 ... *Н. М. Карамзин.* Портрет работы неизвестного художника. Литография К. Эрготa. Москва. Собрание Д. А. Ровинского. Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина.
136 ... *В. И. Баженов, архитектор.* Рисунок неизвестного художника середины

XVIII века. Гравюра из собрания Д. А. Ровинского. Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина.

137 — *М. Ф. Казаков, архитектор.* Портрет работы неизвестного художника (масло). Конец XVIII века. Гравюра из собрания Д. А. Ровинского. Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина.

139 — *Вид Моховой и дома г-на Пашкова в Москве.* Рисунок художника Герарда Делабарта. Конец XVIII века. Гравюра Ф. Б. Лорье. Московский коммунальный музей.

141 — *Вид Старой (Красной) площади в Москве конца XVIII века.* Рисунок художника Герарда Делабарта. 1795. Гравюра Г. Гутенберга. 1799. Государственный Исторический музей.

143 — *Вид ледяных гор в Москве на масленой неделе.* Рисунок художника Герарда Делабарта. 1794. Гравюра Обфиоттера. Московский коммунальный музей.

144 — *Российская империя в 1796 году.* Карта работы С. В. Прохорова.

145 — *А. В. Суворов.* Писал с натуры художник Шмидт в 1800 году в Праге, гравировал И. Уткин в 1818 году в С.-Петербурге. Собрание Д. А. Ровинского. Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина.

147 — *Вид Каменного моста и его окрестностей в Москве с деревянного мостика, что у Наугольной башни.* Рисунок художника Герарда Делабарта. Москва, 1796. Гравюра М. Г. Эйхлера. Московский коммунальный музей.

150 — *М. И. Голенищев-Кутузов.* Рисунок художника Карделли. гравировал Е. И. В. 1812. Собрание Д. А. Ровинского. Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина.

151 — *Бородинская битва. Атака кавалерией большого редута.* С картины неизвестного художника. Литография Белланже. Государственный Исторический музей.

153 — *Сражение при Бородине 26 августа 1812 года.* Рисунок художника Д. Скотти. Гравюра С. Карделли. 1814. Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина.

155 — *Военный совет в Филях в 1812 году.* Картина художника А. Кившенко (масло). 1882. Государственная Третьяковская галлерея.

156 — *1812 год. Москвичи покидают город.* Рисунок художника Н. Е. Сверчкова. Начало XIX века. Цинкография 1912 года. Государственный Исторический музей.

157 — *Вид Кремля или цитадели Москвы с частью горящего города в 1812 году.* Рисунок неизвестного художника. Цветная гравюра, печатано в начале XIX века у Кармина в Аугсбурге. Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина.

158 — *Пожар Москвы в сентябре 1812 года.* Гравюра С. Карделли. 1848. Копия с гравюры Л. Ругендаса. 1813. Государственный Исторический музей.

159 — *Расстрел русских пленных французскими солдатами у Кремлевской стены.* Гравюра с рисунка неизвестного художника начала XIX века. Государственный Исторический музей.

162 — *Французский вороний суп. Карикатура.* Рисунок художника Ивана Теребенева. Крашеная гравюра. 1813. Государственный Исторический музей.

163 — *Пленные французы.* Картина художника И. М. Прянишникова (масло). 1874. Государственная Третьяковская галлерея.

166 — *Тверской бульвар в Москве.* Рисунок художника Львова. 1839. Литография Чишкова. Государственный Исторический музей.

167 — *Рождественский бульвар.* Акварель художника Кадоля. 1824. Государственный Исторический музей.

168 — *Вид Москвы с птичьего полета.* Акварель художника А. Шарлеманя. 50-е годы XIX века. Государственный Исторический музей.

169 — *Монумент Минина и Пожарского в Москве.* Рисунок художника П. Бенуа. Литография из альбома Дациаро. 50-е годы XIX века. Московский коммунальный музей.

170 — *Театральная площадь в начале XIX века.* Акварель художника Бронина. 30-е годы XIX века. Государственный Исторический музей.

170 — *Александровский сад в 1824 году.* Гравюра художника А. Курятникова. 1824. Государственный Исторический музей.

171 — *Театральная площадь в Москве.* Рисунок художника Кадоля. 1825. Литография. Государственный Исторический музей.

171 — *Фонтан и водоразборный бассейн на Сухаревской площади.* Акварель академика живописи А. М. Васнецова. 1926. Московский коммунальный музей.

172 — *«Гитара» — летний экипаж середины XIX века.* Рисунок неизвестного художника. Середина XIX века. Государственный Исторический музей.

173 — *Сани, запряженные по-московски.* Рисунок неизвестного художника. Литография Беггрова. Середина XIX века. Из частного собрания.

174 ... *Толкучка (у Проломных ворот Китай-города). Обед.* Картина художника В. Маковского (масло). 1875. Государственная Третьяковская галлерея.
176 ... *Закладка каменного Москворецкого моста в 1832 году.* Акварель художника Гампельна. 30-е годы XIX века. Московский коммунальный музей.
177 ... *Вид Почтамта на углу Мясницкой улицы.* Акварель художника А. Шарлемани. 60-е годы XIX века. Государственный Исторический музей.
178 ... *Булочная 30-40-х годов XIX века.* Рисунок художника Гагена. Начало XIX века. Литография 30-40-х годов XIX века. Государственный Исторический музей.
178 ... *Кузнецкий мост в Москве.* Рисунок художника Кадоля. Литография. 1825. Государственный Исторический музей.
179 ... *Выезд пожарных Пречистенской части в Москве.* Неизвестный художник (масло). Середина XIX века. Государственный Исторический музей.
180 ... *Московские моды в начале XIX века. Мужской костюм.* Гравюра из модного журнала конца 20-х годов XIX века. Государственный Исторический музей.
180 ... *Московские моды в начале XIX века. Женский костюм.* Гравюра из модного журнала конца 20-х годов XIX века. Там же.
181 ... *Дом Благородного собрания в Охотный ряд в Москве начала XIX столетия.* Рисунок художника Дина. Начало XIX века. Литография Г. Гесляна. 50-е годы XIX века. Московский коммунальный музей.
181 ... *Гулянье в Марьиной роще.* Картина художника А. Страхова (масло). 1852. Государственный Исторический музей.
182 ... *Вид на Кремль из Замоскворечья, от Большого Каменного моста.* Картина художника Голицына (масло). 60-е годы XIX века. Государственный Исторический музей.
183 ... *Тверская застава в Москве.* Акварель художника Соколова. 1840. Государственный Исторический музей.
184 ... *А. И. Герцен.* Рисунок художника-архитектора А. Витберга. Вятка, 1830. Литография. Государственный Исторический музей.
185 ... *В. Г. Белинский.* Рисунок с натуры академика живописи К. А. Горбунова. 1843. Литография. Собрание Д. А. Ровинского. Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина.
186 ... *М. Ю. Лермонтов.* Миниатюра на дереве маслом художника П. Заболотского. 1831. Институт литературы Академии наук СССР в Ленинграде.
187 ... *А. С. Грибоедов.* Портрет работы неизвестного художника начала XIX века (масло). Гравюра из собрания Д. А. Ровинского. Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина.
188 ... *Катание на Красной площади в Москве.* Рисунок неизвестного художника 40-х годов XIX века. Литография. Государственный Исторический музей.
189 ... *А. С. Пушкин.* Портрет работы Тропинина (масло). 1827. Москва. Государственный Пушкинский музей.
190 ... *Вид Кремля из-за Москва-реки, от Каменного моста.* Рисунок неизвестного художника. Литография Андрэ Дюран. 1843. Московский коммунальный музей.
191 ... *М. С. Щепкин.* Рисунок Тараса Григорьевича Шевченко. Москва, 1858. Литография. Из частного собрания.
194 ... *Москва. Старые Торговые ряды после обновления фасада (после пожара 1812 года).* Фототипия Шерера и Набгольца. 1886. Московский коммунальный музей.
195 ... *Москва. Часть фасада Старого Гостиного двора (после обновления фасада после пожара 1812 года).* Фототипия Шерера и Набгольца. 1886. Московский коммунальный музей.
196 ... *Большой суконный ряд в Старых Торговых рядах на Красной площади.* Фототипия Шерера и Набгольца из альбома Н. А. Найденова «Москва. Снимки с видов местностей, храмов, зданий и других сооружений». Москва, 1888. Из частного собрания.
197 ... *Шутники.* Картина художника И. М. Прянишникова (масло). 1865. Государственная Третьяковская галлерея.
198 ... *У Ильинских ворот в Москве.* Картина художника П. И. Моисеева (масло). Без даты. Государственная Третьяковская галлерея.
199 ... *Зоологический сад в Москве.* Рисунок неизвестного художника. Цинкография из иллюстрированного журнала начала 70-х годов XIX века. Государственный Исторический музей.
200 ... *Собачий рынок на Трубе в Москве.* Рисунок художницы Елизаветы Краснушкиной. Гравюра на дереве. Конец XIX века. Московский коммунальный музей.

200 ... *Собиратель картин.* Акварель художника В. Маковского. 1869. Государственная Третьяковская галлерея.
201 ... *Купеческое семейство в театре (типы Москвы).* Рисунок неизвестного художника середины XIX века. Гравюра на дереве.
201 ... *Петушиный бой.* Рисунок неизвестного художника начала XIX века. Из книги М. И. Пыляева «Старая Москва». С.-Петербург, 1890.
203 ... *Прием приданого по описи.* Картина художника В. В. Пукирева (масло). 1873. Государственная Третьяковская галлерея.
204 ... *Яуза у Тессинского моста.* Фототипия Шерера и Набгольца. Из альбома Н. А. Найденова «Москва. Снимки с видов местностей, храмов, зданий и других сооружений». Москва. 1886. Из частного собрания.
205 ... *Московский дворик.* Картина В. Д. Поленова (масло). 1874. Государственная Третьяковская галлерея.
206 ... *К сыну.* Картина художника К. Лебедева (масло). 1894. Государственная Третьяковская галлерея.
207 ... *Ночлежники.* Акварель художника В. Маковского. 1860. Государственная Третьяковская галлерея.
208 ... *Уличный адвокат.* Рисунок неизвестного художника середины XIX века. Гравюра на дереве, из иллюстрированного журнала.
209 ... *Московские типы.* Акварель художника В. Маковского. 1879. Государственная Третьяковская галлерея.
210 ... *Дом генерал-губернатора на Тверской в Москве.* Рисунок неизвестного художника середины XIX века. Литография Арну-отца, издание 50-х годов XIX века. Государственный Исторический музей.
211 ... *Летний вагон конки в Москве.* Фотография. Начало XX века. Московский коммунальный музей.
212 ... *Лубянская площадь.* Фототипия Шерера и Набгольца из альбома Н. А. Найденова «Москва. Снимки с видов местностей, храмов, зданий и других сооружений». Москва. 1886. Из частного собрания.
213 ... *На Пятницкой улице в наводнение в апреле 1908 года.* Фотография. Открытое письмо. Московский коммунальный музей.
214 ... *Постоялый двор в Москве.* Картина художника С. И. Светославского (масло). 1892. Государственная Третьяковская галлерея.
215 ... *Извозчик.* Рисунок неизвестного художника середины XIX века. Гравюра на дереве из иллюстрированного журнала. Из частного собрания.
216 ... *Арбатская площадь в Москве.* Фототипия П. П. Павлова. 1901. Московский коммунальный музей.
217 ... *Газовый уличный фонарь.* Фотография.
218 ... *Старый университет.* Фототипия Шерера и Набгольца из альбома Н. А. Найденова «Москва. Снимки с видов местностей, храмов, зданий и других сооружений». Москва, 1886. Из частного собрания.
218 ... *«Хомяковская роща» на Кузнецком мосту в Москве.* Фотография Отдела планировки Моссовета. Московский коммунальный музей.
219 ... *П. И. Чайковский.* Фотография. 1885. Государственный театральный музей имени Бахрушина в Москве.
220 ... *Приезд гувернантки в купеческий дом.* Картина художника Перова (масло). 1866. Государственная Третьяковская галлерея.
221 ... *Ходынка (катастрофа на коронационных торжествах).* Рисунок с натуры художника Кортес-Скотта. Репродукция из французского журнала «Illustration» за 1896 год.
222 ... *Профессор Н. Е. Жуковский.* Фотография. 1918.
223 ... *Профессор К. А. Тимирязев.* Фотография. 1918.
224 ... *А. П. Чехов.* Фотография. 1899. Музей Государственного Московского Художественного Академического театра имени А. М. Горького.
225 ... *К. С. Станиславский.* Фотография. 1900. Музей Государственного Московского Художественного Академического театра имени А. М. Горького.
231 ... *Н. Э. Бауман.* Фотография. 1904. Музей Революции СССР.
235 ... *На баррикадах 1905 года.* Картина художника И. А. Владимирова (масло). 1925. Центральный музей В. И. Ленина.
236 ... *Боевик (дружинник).* Картина художника Н. А. Касаткина (масло). 1905. Музей Революции СССР.
237 ... *«Порядок восстановлен» (1905 год).* Картина художника И. Я. Белянина (масло). 1925. Музей Революции СССР.
238 ... *На усмиренной Пресне в 1905 году.* Акварель художника И. А. Владимирова. 1936. Центральный музей В. И. Ленина.
239 ... *Семеновцы в Люберцах. Декабрь 1905 года.* Картина художника В. Лещинского (масло). 1906. Музей Революции СССР.
251 ... *Расстрел войсками Временного правительства солдат в Кремле.* Рисунок художника Острова. 1934. Музей Революции СССР.

255 — *Бой на Кудринской площади.* Картина художника Г. К. Савицкого (масло). 1931. Музей Революции СССР.

257 — *Бой под Кремлем (Октябрьские бои у Кремля).* Картина художника В. В. Мешкова (масло). Без даты. Музей Революции СССР.

259 — *Перед взятием Кремля.* Картина художника К. Ф. Юона (масло). 1920. Музей Революции СССР.

261 — *Взятие Кремля.* Картина художника В. В. Мешкова (масло). Без даты. Музей Революции СССР.

267 — *Выступление В. И. Ленина на заводе б. Михельсона.* Картина художника Б. Владимирского (масло). 1935. Центральный музей В. И. Ленина.

268 — *Покушение на В. И. Ленина в 1918 году.* Картина художника М. Соколова (масло). 1930. Центральный музей В. И. Ленина.

269 — *1919 год.* Картина художника Э. Лисснера (масло). Без даты. Музей Революции СССР.

271 — *В. И. Ленин на субботнике.* Картина художника М. Соколова (масло). 1927. Центральный музей В. И. Ленина.

273 — *В. В. Маяковский.* Фотография. 1920. Музей В. В. Маяковского. Москва.

277 — *Торг на Сухаревке.* Фотография Н. Н. Лебедева. 1923. Московский коммунальный музей.

279 — *Дом в Горках, в котором умер В. И. Ленин.* Фотография.

280—281 — *У Дома союзов.* Картина художника С. С. Бейм (масло). 1938. Центральный музей В. И. Ленина.

283 — *Товарищ Сталин выступает на заводе «Динамо» в 1924 году.* Художник Морозов (масло). 1938. Выставка «Индустрия социализма». Москва.

285 — *А. М. Горький.* Фотография. 1934. Государственный музей А. М. Горького. Москва.

286 — *Новая Усачевка с самолета.* Фотография. 1932. Из частного собрания.

290—291 — *Товарищи Сталин и Ворошилов в Кремле.* Картина художника А. М. Герасимова (масло). 1937. Выставка «Индустрия социализма». Москва.

297 — *Товарищи Сталин и Каганович в Кремле.* Фотография. 1937. Музей Революции СССР.

299 — *Комсомольцы-метростроевцы.* Фотография. 1934.

300 — *Наземный вестибюль станции метро «Дворец Советов».* Фотография. 1936.

303 — *Эскалатор (ночью).* Фотография. 1936.

305 — *Станция метро «Киевский вокзал».* Фотография А. Тартаковского. 1938.

307 — *Станция метро «Площадь Маяковского».* Фотография А. Тартаковского. 1938.

309 — *Станция метро «Аэропорт».* Фотография А. Тартаковского. 1938.

311 — *Экскаваторы на канале Москва — Волга.* Фотография Болдырева. 1937. Фотохроника ТАСС.

312 — *Бетонировка шлюза на канале Москва — Волга.* Фотография. 1937. Фотохроника ТАСС.

313 — *Волжская бетонная плотина на канале Москва — Волга.* Фотография Болдырева. 1937. Фотохроника ТАСС.

314 — *Шлюз № 2. Канал Москва — Волга.* Фотография. 1937. Фотохроника ТАСС.

315 — *Теплоход «Иосиф Сталин» у стен Кремля.* Фотография. 1937. Фотохроника ТАСС.

316 — *Охотный ряд после реконструкции.* Фотография Соколова. 1936. Фотохроника ТАСС.

317 — *Военная ордена Ленина академия имени Фрунзе.* Фотография А. Тартаковского. 1937.

321 — *Колонны демонстрантов на Красной площади в Москве.* Фотография. 1938. Фотохроника ТАСС.

323 — *Части артиллерии во время парада войск на Красной площади в Москве в празднование 21-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции 7 ноября 1938 года.* Фотография Н. Кубеева. 1938. Союзфото.

324—325 — *Всесоюзный физкультурный парад на Красной площади в Москве.* Картина художника С. В. Глаголева (масло). Москва. 1938.

326 — *Физкультурницы в «римском колесе» на Всесоюзном физкультурном параде на Красной площади в Москве 24 июля 1938 года.* Фотография Л. Великжанина. 1938. Союзфото.

327 — *Колонна физкультурников спортивного ордена Ленина общества «Динамо» на Всесоюзном физкультурном параде на Красной площади в Москве 24 июля 1938 года.* Фотография С. Лоскутова. 1938. Союзфото.

329 — *На празднике авиации.* Картина художника Евстигнеева (масло). 1938. Выставка «Индустрия социализма». Москва.

331 — *На съезде колхозников-ударников в московском Кремле.* Художник Васильев (масло). 1938. Выставка «Индустрия социализма». Москва.

332 — *Ложа ударников Большого театра.* Картина художника Яновской (масло). 1937. Выставка «Индустрия социализма». Москва.
333 — *Новая Москва.* Картина художника Ю. Пименова (масло). 1937. Выставка «Индустрия социализма». Москва.
334 … *Общий вид супового и соусного цеха комбината питания при заводе имени Фрунзе в Москве.* Фотография О. Игнатовича. 1939. Фотохроника ТАСС.
335 … *Уголок кафетерия комбината питания при заводе имени Фрунзе в Москве.* Фотография О. Игнатович. 1939. Фотохроника ТАСС.
336 … *На маневрах Красной армии. Танк ломает дерево.* Фотография И. Шагина. 1938. Фотохроника ТАСС.
337 — *Подготовка стратостата к полету.* Фотография И. Шагина. 1938. Фотохроника ТАСС.
338 … *Атака на маневрах.* Фотография И. Шагина. 1938. Фотохроника ТАСС.
339 … *Парашютистка.* Картина художника К. Ф. Юона (масло). 1938. Выставка «Индустрия социализма». Москва.
340 … *Экскурсия школьников в музее Ленина у скульптуры «Ленин четырех лет».* Фотография. 1939. Фотохроника ТАСС.
341 … *Школьники в новой школе.* Фотография. 1938. Фотохроника ТАСС.
342 … *Экскурсия на выставку Е. И. Репина в Третьяковской галлерее.* Художник Горелов (масло). 1938. Выставка «Индустрия социализма». Москва.
342 … *Здание Музея Революции на улице Горького.* Фотография Лоскутова и Грибовского. 1937. Фотохроника ТАСС.
343 — *В главном читальном зале библиотеки имени Ленина.* Фотография О. Лоскутова. 1939. Фотохроника ТАСС.
344 … *Московский центральный дом пионеров и октябрят.* Фотография М. Маркова. 1936. Союзфото.
345 — *В «комнате путешествий» Московского центрального дома пионеров и октябрят.* Фотография Великжанина. 1936. Союзфото.
346 — *Московские школьники-конькобежцы в Центральном парке культуры и отдыха имени Горького в Москве.* Фотография Н. Кубеева. 1938. Фотохроника ТАСС.
347 — *Герой Советского Союза комбриг В. П. Чкалов среди испанских пионеров.* Фотография Доренского. 1938. Фотохроника ТАСС.
348 — *В Художественном театре («Горе от ума»).* Фотография. 1938. Фотохроника ТАСС.
349 … *Пьерро на карнавальном гулянье молодежи в Центральном парке культуры и отдыха имени Горького в Москве.* Фотография А. Грибовского и Э. Евзерихина. 1938. Союзфото.
350 … *Иллюминация над Москва-рекой.* Фотография. 1938.
351 — *Красная площадь ночью.* Фотография Э. Евзерихина. 1938. Фотохроника ТАСС.
352 — *Новогодняя елка на площади Свердлова в Москве.* Фотография Э. Евзерихина. 1937. Фотохроника ТАСС.
353 … *В Центральном парке культуры и отдыха имени Горького.* Фотография А. Тартаковского. 1937.
353 — *Зимний сад в детском городке Московского Сокольнического парка.* Фотография Маркова. 1937. Фотохроника ТАСС.
357 — *Новые дома на шоссе Энтузиастов.* Фотография А. Тартаковского. 1938.
359 — *Реконструированная Кремлевская набережная.* Фотография И. Ганюшина. 1938. Фотохроника ТАСС.
360 — *Шлюз № 3 на канале Москва — Волга.* Фотография Болдырева. 1937. Фотохроника ТАСС.
361 — *Водная станция на Химкинском водохранилище канала Москва — Волга.* Фотография. 1938. Фотохроника ТАСС.
363 … *На крыше Химкинского вокзала канала Москва — Волга.* Фотография Болдырева. 1937. Фотохроника ТАСС.
364 — *Новый Москворецкий мост.* Фотография А. Тартаковского. 1938.
365 — *Новый Крымский мост.* Фотография А. Тартаковского. 1938.
366 — *Кино «Родина».* Фотография А. Тартаковского. 1938.
367 — *Комбинат «Правды».* Фотография. 1938. Фотохроника ТАСС.
368 — *Новое здание библиотеки имени В. И. Ленина.* Фотография Н. Кубеева. 1937. Фотохроника ТАСС.
368—369 — *Дворец Советов.* Картина художника С. В. Глаголева (масло). 1938. Москва.
369 — *Большой зал Дворца Советов (перспектива).* Чертеж архитекторов Иофана и Гельфрейха. 1935. Постоянная Всесоюзная строительная выставка в Москве.

СОДЕРЖАНИЕ

